

В. Голобуцкий



**1** ДИПЛОМАТИЧЕСКАЯ  
**ИСТОРИЯ**  
ОСВОБОДИТЕЛЬНОЙ  
ВОЙНЫ  
УКРАИНСКОГО  
НАРОДА  
1648-1654 гг.



В. Голобуцкий

**Д**ИПЛОМАТИЧЕСКАЯ  
**И**СТОРИЯ  
**О**СВОБОДИТЕЛЬНОЙ  
**В**ОЙНЫ  
**У**КРАИНСКОГО  
**Н**АРОДА  
**1648 - 1654** гг.

Государственное издательство  
ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ УССР  
Киев 1962

Настоящая книга, написанная доктором исторических наук, профессором В. А. Голобуцким, посвящена одному из самых выдающихся событий далекого прошлого украинского народа—освободительной войне под руководством Богдана Хмельницкого. Основываясь в значительной мере на новых материалах, автор последовательно развертывает перед читателем яркую картину дипломатической истории освободительной войны. В этой войне украинский народ боролся за освобождение своих земель из-под власти панской Польши и воссоединение их с Россией. Однако польская дипломатия, поддерживаемая Ватиканом и другими странами, делала все возможное для того, чтобы помешать этому. Читатель знакомится со сложным переплетением интересов разных стран—Польши, Австрии, Венеции, Ватикана, Турции, Крыма, а также Швеции, Франции и др.—с целями, которые они преследовали. Вместе с тем, перед ним раскрывается та поистине огромная роль, которая принадлежала украинской и русской дипломатии в ходе освободительной войны, завершившейся воссоединением Украины с Россией. Живое и увлекательное изложение делает книгу доступной для самого широкого круга читателей.



## ИСТОРИОГРАФИЧЕСКОЕ ВСТУПЛЕНИЕ

История дипломатических отношений времен освободительной войны украинского народа 1648—1654 гг. и воссоединения Украины с Россией — тема, к которой было приковано уже внимание современников. Интерес к этой важной проблеме не ослабел и в последующие столетия.

Среди первых работ, посвященных освободительной войне и дипломатии этого периода, важное место занимают сочинения украинских казацких, точнее старшинских, летописцев XVII—XVIII вв. После воссоединения Украины с Россией, в 1654 г., казацкая старшина и украинская шляхта заняли положение господствующего класса в крае. С начала XVIII в., по мере того как царское правительство стало резко ограничивать автономию Украины, старшина и шляхетство настойчиво добиваются полного уравнивания их в правах с русским дворянством. Свои сословные притязания они пытаются обосновать ссылками на историю.

Самым ранним памятником украинской старшинской историографии является летопись Самовидца. Идеолог казацкой старшины и украинского шляхетства, Самовидец старался описать освободительную войну применительно к их классовым интересам. Главной причиной войны он объявил притеснения польскими паннами верхов казачества и национально-религиозное угнетение на Украине. «Початок и причина войны Хмельницкого, — заявляет Самовидец, — есть едино от ляхов на православие гонение и козаком отягощение»<sup>1</sup>. Что же касается крестьян, то они, по словам Самовидца, хотя «во всем жили обфито [в достатке] (sic!), тоже подвергались немалым притеснениям, при этом не столько от панов, сколько от их управляющих и арендаторов. Сочувствуя борьбе старшины и реестрового казачества против польского владычества на Украине, Самовидец вместе с тем крайне враждебно относится к антифеодальному движению народных масс, направленному как против польских, так и украинских панов. Отме-

---

<sup>1</sup> Летопись Самовидца, К., 1878, стр. 3, 4—5, 11.

чая, что на Украине в ходе войны «усе що живо поднялось в козацтво», т. е., что крестьяне повсеместно объявляли себя вольными людьми — казаками, Самовидец одновременно стремится уверить, что единственной целью восставших было посягательство на панское добро и жизнь. «И на тот час, — пишет он, — туга великая людем всякого стану значним била и поругання от посполитых людей», ибо редкий крестьянин в шляхетской крови «на тот час рук своих не умочил и грабленія тих добр не чинил»<sup>1</sup>.

Антифеодальная борьба народных масс, особенно в первый год войны, казалась Самовидцу столь опасной для господствующего класса, что он даже упрекает Богдана Хмельницкого за нежелание пойти на мир, на соглашение с Польшей. Но чем дальше, тем больше Самовидец, принадлежавший к самым умеренным слоям старшины и шляхетства, убеждался, что ни о каком компромиссе с Польшей речи быть не может. Поэтому он приветствует успехи украинского войска, которые привели к росту международного авторитета и значения Украины, и не без гордости пишет, что после первых побед казацкого оружия «зараз по усех землях слава козацкая и Хмельницкого пойшла, же монархи разные отзивалися з приязню и подарки прислали»<sup>2</sup>.

Самовидец высоко ценил личные качества Хмельницкого как дипломата, сумевшего в тяжелых условиях добиться помощи у крымского хана «войска лядские зносити», но вместе с тем отмечает, что союз с ханом был непрочным и измена последнего под Берестечком привела к поражению украинского войска. Самовидец уделяет значительное внимание дипломатическим соглашениям, указывает, например, на менее выгодные условия Белоцерковского договора 1651 г. сравнительно с Зборовским 1649 г.<sup>3</sup> и т. д.

На дипломатических отношениях Украины с Польшей Самовидец останавливается гораздо подробнее, чем на отношениях с Россией. Из его рассказа следует, будто Хмельницкий впервые обратился к царю с просьбой о воссоединении Украины с Россией только после «Жванецкого мира» 1653 г., когда он «вислал своих послов ку его царскому величеству к Москви, дже щире поддаючися». В ответ на это русское правительство отправило на Украину своего великого посла В. В. Бутурлина для переговоров с Хмельницким, «як мають зоставати под високодержавною его царского величества рукою»<sup>4</sup>. Таким образом, Самовидец дает понять, что основная цель переговоров заключалась в признании за старшиной и шляхетством их сословных привилегий.

Правда, Самовидец, в отличие от позднейших летописцев, не говорит ничего о том, чего именно добилась старшина в результате

<sup>1</sup> Летопись Самовидца, стр. 13, 20.

<sup>2</sup> Там же, стр. 18.

<sup>3</sup> Там же, стр. 7, 22—28.

<sup>4</sup> Там же, стр. 34, 35. — *Курсив наш.*

этих переговоров. Он лишь замечает, что на раде 1654 г., созванной Хмельницким в Переяславе, «уси полковники и сотники с товариством, при них будучих, позволилися зоставати под високодержавною его царского величества рукою, не хотячи юже болш жадним способом быти поданными королю полскому и давним паном»<sup>1</sup>. Воссоединение Украины с Россией, говорит Самовидец, было с большой радостью встречено всем украинским народом («немалая радость межи народом стала»).

Следующим по времени произведением, принадлежащим представителю казацкой старшины, является летопись Григория Грабянки. Как и Самовидец, Грабянка считает главной причиной войны национально-религиозные преследования казачества, украинского шляхетства и народа. «И что есть мучительство Фараоне противу Поляков тиранства?» — вопрошает Грабянка, описывая издевательства польских панов над украинским народом<sup>2</sup>.

Подобно Самовидцу, Грабянка отмечает участие в освободительной войне широких народных масс. Говоря о массовом показачении крестьянства и мещанства, Грабянка пишет: «Колико у малой Россіи людей, толико и Козаков; их не треби нуждою собирати... не треби найму обищевати: рече старийшій слово... на охотника, и абіе сколко треба воинства аки трава соберется». Поэтому и в войско Хмельницкого людей отовсюду «ежедень прибывало без личби»<sup>3</sup>.

Грабянка первый из украинских старшинских летописцев стремился представить дело таким образом, будто восстание на Украине под руководством Хмельницкого — легальный акт; оно началось якобы по призыву самого польского короля, недовольного своеволием магнатов. Так как магнаты не только противились королевской власти, но и угнетали казаков, то Владислав IV, пишет Грабянка, обратился к последним с тайным призывом: «аще есте Козаки воины храбріе, мечь и силу имате и что вам по себи стати возбраняет?»<sup>4</sup>. Богдан Хмельницкий, которого король знал лично и в прежние годы «мимо своих сенаторов з ним радился и великий regiment морской всей арматі ему вручал»<sup>5</sup>, вопреки другим старшинам, не желавшим портить отношений с магнатами, умело воспользовался королевским призывом для сбора казаков. Первые успехи казацкого войска в борьбе с польскими панами были столь обнадеживающими, что Хмельницкий стал думать об окончательном разрыве с Польшей — о том, «яким концем ляхом писнь початую кончити»<sup>6</sup>, но сложная международная обстановка мешала этому. Как и Самовидец,

<sup>1</sup> Летопись Самовидца, стр. 35—36.

<sup>2</sup> Летопись Г. Грабянки, К., 1854, стр. 34.

<sup>3</sup> Там же, стр. 20, 48.

<sup>4</sup> Там же, стр. 39.

<sup>5</sup> Там же, стр. 33.

<sup>6</sup> Там же, стр. 48.

Грабянка отмечает рост международного авторитета Украины, свидетельством чего служит то, что к Хмельницкому приезжали «послове от многих Королевств, ибо тими звитяжства (за поворотом в Украину) обратил очи всех на себи народов, теж часу чрез свои послы розных привитствій щастливой фортуни нанесли и даров наслали»<sup>1</sup>.

Внешнеполитические успехи Украины объясняются Грабянкой в значительной мере дипломатическими дарованиями самого Хмельницкого, который всегда «мыслил... глибо, имеючи очи навсюду»<sup>2</sup>. Так, Хмельницкий обратился за помощью к России, рассчитывая на давние противоречия между ею и Польшей, захватившей во время интервенции русские земли: «понеже и Царское Величество много имел на Ляхов причин для розирваня нещасливого Смоленского миру». Хмельницкий искусно пользовался также противоречиями между Турцией и ее вассалом Крымским ханством и «упережая Ханское хитроковарное умышление [отправил] посланника своего и до Турского Цара». С третьей стороны, «аби для намиренной з Ляхами далшой войны от Дуная обезпечитись», Хмельницкий вступил в связи с Молдавией<sup>3</sup>.

Внешнеполитические события Грабянка обычно не отрывает от внутривосточных, указывая на их взаимосвязь. Рассказывая о переговорах в 1651 г. в Белой Церкви, предвещавших тяжелые последствия для Украины, он пишет, что крестьяне и казаки «обступивши замок Белоцерковский всим воинством, хотяще всим там Комиссаров [польских], яко и Хмельницкого побити»<sup>4</sup>. Чтобы усилить бдительность польских панов и выиграть время для подготовки к продолжению войны, Хмельницкий «многих Козаков... за шеи... ковати.. казал» и выдавал полякам, а сам между тем ожидал, «абы той ему час трудный як перебувши, Ляхов фортельне уловити». Но в народе, в связи с возвращением панов после Белоцерковского мира, на Украине не прекращались «воздыхание и горе, а роптание на Хмельницкого», и последний, слыша об этом, «молчаше, донелиже угодное ему ко отмщению биди людской прииде время» и разрешил всем желающим переселяться «за границу у Великую Россію»<sup>5</sup>.

У Грабянки впервые встречаем версию, кстати, ничем решительно не обоснованную, будто Хмельницкий, очутившись в чрезвычайно тяжелом положении — в тисках между Крымом и Польшей, согласился принять предложение турецкого султана о переходе под его власть. Однако переход этот Хмельницкому представлялся как временная мера — «наджидаше, что будущее принесет»<sup>6</sup>. В 1653 г. Хмельницкий будто бы снова согласился при-

<sup>1</sup> Летопись Г. Грабянки, стр. 62—63.

<sup>2</sup> Там же, стр. 82.

<sup>3</sup> Там же, стр. 84, 85.

<sup>4</sup> Там же, стр. 108.

<sup>5</sup> Там же, стр. 111—112.

<sup>6</sup> Там же, стр. 95.



нять турецкое подданство при условии, что султан окажет Украине помощь в войне против Польши<sup>1</sup>, но до этого дело не дошло.

Подобно Самовидцу, Грабянка тоже приветствовал воссоединение Украины с Россией, отметив, что при этом «во всей Украини... била радость великая во всем народе, ибо все были благодарны под единовѣрным себе Монархою тихо-мирного во всем пожитія». При этом, однако, Грабянка, как и Самовидец, стремится подчеркнуть, что царское правительство отправило на Украину Бутурлина договориться с представителями казачьей старшины и шляхетства, «на яких волностях мають zostавати под високодержавною Его Царского Величества рукою»<sup>2</sup>.

Почти одновременно с Грабянкой историю освободительной войны 1648—1654 г. изложил третий представитель казачьей старшины — Самуил Величко. У Величко более отчетливо, чем у его предшественников, выступает мысль, будто главной силой в войне были украинская шляхта и реестровые казаки, выступавшие против национально-религиозного гнета, и что Хмельницкий поэтому всегда обращался с призывами к «шляхетне урожоним Козакам»<sup>3</sup>. Величко также разделяет тезис о «законном» характере восстания 1648 г. на Украине, якобы начатого Хмельницким по негласному указанию короля<sup>4</sup>, и даже уверяет, будто Владислав IV был несказанно рад, узнав о разгроме под Корсунем своевольных магнатов: «же гордим и Его Королевского Величества неслушающим Поляком притерл роги»<sup>5</sup>.

Историю украинско-русских отношений в ходе войны Величко представляет так, будто Хмельницкий вплоть до 1653 г. лишь просил Россию об оказании ему военной помощи, взамен чего «обещал подати... Великому Государу Московскому Север и Смоленск, килкокротне чрез Поляки отриваній у него»<sup>6</sup>. Но впоследствии, в особенности после событий под Жванцем в 1653 г., очутившись в «крайней потребе», Хмельницкий решил отдать Украину под покровительство царя, если тот признает права и привилегии украинского панства: «удался зараз чрез послов своих до... Самодержца Всероссийского, желаяючи со всею

---

<sup>1</sup> Летопись Г. Грабянки, стр. 117.

<sup>2</sup> Там же, стр. 122, 123.

<sup>3</sup> Летопись С. Величко, К., 1848, стр. 80.

<sup>4</sup> Величко приводит следующие слова, принадлежащие якобы Владиславу IV: «А претож, еслиби Поляки на Украине господствующие, своим ходячи упором, неслухали нашего Королевского заказу, и неповстягнулися от чиненія Малороссіяном и вам Козакам кривд и прикростей, то яко военные есте люди, так маючи шаблю при боку своем и в руках самопал, можете своих древних волностей тим оружіем у Поляков доходити» (Летопись С. Величко, стр. 26).

<sup>5</sup> Там же, стр. 91. Величко упрекал в этой связи шляхетского писателя С. Твардовского, по которому «всчалася оная война и пожар страшный з самой едной Козачьей и Хмельницкого ку Поляком злости, за жартости и натуре всегда до отмены склонной» (там же, стр. 103).

<sup>6</sup> Там же, стр. 127—128.

Украиную Малороссійскою... под его силною зоставати протекцією, при своих древних правах и волностех»<sup>1</sup>. Царь, обрадованный тем, «же так значная часть земли Малороссійской... без жадной войны... добровольне приклоняется», поспешил согласиться подтвердить права старшины и шляхетства и отправил на Украину своих полномочных послов.

На Переяславской Раде, где, как утверждает Величко, присутствовали только казаки и старшины, Хмельницкий произнес речь, объясняя, «для яких мер... желает бити в союзе и протекції сильного... всея Россіи Самодержца»<sup>2</sup>. После речи гетмана «читани там же в раде прежде зпораженые и наготовленіе того союзу пакта; а по вычитаню оних, выконана от Хмельницкого за всею старшиною и товариством на верность новому государеву своему присяга»<sup>3</sup>. Вслед за этим царский посол Бутурлин вручил гетману знаки власти «с таким Монаршим под клятвою словом и увеннем [уверением], же держати он Пресветлейший Монарх Російскій Малую Росію, за всем Войском Запорожским в своей протекції при ненарушимом захованю [сохранении] старовечних ее прав и волностей [и] меет»<sup>4</sup>. Таким образом, царь, принимая Украину, клятвенно обязался будто бы хранить в неприкосновенности все прежние права привилегированных слоев украинского общества, хотя, как будет показано ниже, на Переяславской Раде представители царя отказались взять на себя какие-либо обязательства.

Чаяния казацкой старшины и шляхетства выступают с еще большей определенностью в произведениях второй половины XVIII в., в особенности в известной «Истории русов». Прежде всего, ссылаясь на мнимое заявление Владислава IV, анонимный автор «Истории русов» подчеркивает, что Украина соединилась в прошлом с Польшей добровольно и как равная сторона, поэтому была вправе и расторгнуть союз с ней<sup>5</sup>. В «Истории русов» доведена до логического завершения идея «легальности» восстания на Украине, так как оно началось будто бы с соизволения Владислава IV — известного русского [украинского] патриота», как именует его автор. У Владислава IV и казаков были общие враги — магнаты и католическая церковь, до крайности ограничившие королевскую власть. После неоднократных попыток образумить магнатов, захвативших почти все украинские земли, король оказался вынужденным предоставить каза-

<sup>1</sup> Летопись С. Величко, стр. 171, 159.

<sup>2</sup> Там же, стр. 172. — *Курсив наш.*

<sup>3</sup> Там же, стр. 172.

<sup>4</sup> Там же, стр. 172—173.

<sup>5</sup> Владислав IV якобы упрекал магнатов в преследованиях украинского народа, который будто бы с «землями своими соединялся с Польшей добровольно на одинаковые и равные с нею права и преимущества». Он добавил при этом, что подтверждающие это документы хранятся в королевских архивах (История русов или Малой России, М., 1846, стр. 59).

кам самим, собственными средствами вернуть утраченные права<sup>1</sup>.

Исходя из таких посылок, автор «Истории русов» стремится изобразить войну 1648—1654 гг. как своеобразную феодальную фронду, в которой угнетаемое «шляхетно-урожаемое» казачество боролось против магнатов за свои права и вольности. О роли народных масс в этой войне автор «Истории русов», в отличие от Самовидца и даже Грабянки, совершенно умалчивает, как будто они и вовсе не принимали участия в ней.

С целью убедить читателя в «благородном» происхождении «малороссийского шляхетства» автор «Истории русов» заявляет, что уже в 1650 г., т. е. в разгар войны, Хмельницкий провел строжайшую проверку казацких [чит. шляхетских] прав реестровцев и тем самым произвел как бы повторную нобилитацию последних, строго отделив их от посполства — крестьян<sup>2</sup>. Поэтому он с негодованием отвергает утверждение, прежде всего Самовидца (притом вполне правильное), что во время освободительной войны 1648—1654 гг. происходило массовое показаченье крестьянства и вступление его в казацкое войско, основную часть которого оно и составляло. «Итак, пишет автор, — несправедливо иные заключают, что в Малороссии якобы свободно было переходить из Козаков в мужики, а из мужиков в Козаки по прозволу каждого»<sup>3</sup>.

В противоположность своим предшественникам, вынужденным признать, что гнев восставшего народа, прежде всего крестьянства, был обращен не только против польских, но и украинских панов, автор «Истории русов» спешит заверить, будто о социальных противоречиях в украинском лагере не может быть и речи. Даже таким магнатам, пишет он, как А. Кисель, Яблонский, И. Вишневецкий и многие другие только потому, что они были «русской породы» и «управляли народом с благоразумием и кротостью... *никакого озлобления не сделано*»<sup>4</sup>.

---

<sup>1</sup> «И Король, по многих словопреніях и уговорах, видячи, что он ни в чем не успевае, нашелся принужденным выговорить послам Малоросійским и написать к Наказному Гетману их и войску ... сіи достопамятне слова: «Поневаж вы воины есте и имае у себе мушкеты и сабли, то что вам возвращает стать за себя и за свою свободу? Ибо видно жребий ваш таков, чтобы иметь все от меча, и даже самую свободу; а я помогать вам не в силах, обучаеае будучи партизанством [вельмож] и их факціями» (История русов, стр. 59).

<sup>2</sup> «По сему Гетман велел произвести во всей Малороссии нобилитацию или производство в Казаки, и учинено оное из свободных войсковых и городских жителей, служивших в прежние войны волонтирами запорожцами и в охочекомонных полках и представивших на то достаточные свидетельства; а других никаких жителей в сие производство не допущено, и производство в Козаки строго разбиралось, и надобно было к тому иметь природное происхождение или доказательство на заслуги, ибо состояние и породе Козацкая признаваемы были достоинством Шляхетским» (История русов, стр. 104—105).

<sup>3</sup> Там же, стр. 105.

<sup>4</sup> Там же, стр. 65. — *Курсив наш.*

В результате возросшего во время войны политического престижа Украины, говорит далее автор «Истории русов», многие государства стали стремиться привлечь ее под свою протекцию, обещая обеспечить определенные ей преимущества. Турецкий султан, например, «описавши хану великие успехи Гетмана [Хмельницкого]... велел ему стараться всемерно преклонить Гетмана отдать себя с народом Руским в протекцию Турецкую на правах и свободах Молдавии, Валахии и 'самого Крыма»<sup>1</sup>. Но Хмельницкий, несмотря на существование среди старшины протурецких настроений<sup>2</sup>, предпочитал союз с Россией. Он предложил ей воспользоваться ослаблением Польши и вернуть с помощью украинских казаков «Смоленск с его уездами и всю Белорусию, захваченные поляками в смутные времена»<sup>3</sup>. Но так как Россия сильно пострадала от интервенции в начале XVII в., то царь ответил Хмельницкому весьма уклончиво, давая, впрочем, понять, что Россия решилась бы на войну с Польшей лишь в том случае, если бы она имела «надежных союзников и друзей» и «ежели бы он, Хмельницкий, с народом малороссийским соединился навсегда с Царством его Московским». При этом царь обещал «честью и совестью христианскою и Царскою принять их [казачков], яко своих кровных и установить все по договору и обычаю народа и думных людей»<sup>4</sup>. Таким образом, в представлении автора «Истории русов» инициатива в вопросе воссоединения исходила не от Украины, как оно было в действительности, а от России, соглашавшейся даже якобы удовлетворить любые условия Хмельницкого. В 1653 г. царь будто бы вновь просил Хмельницкого объединиться с Россией: «А когда бы ты, Гетманушка, изволил с нами соединиться, то бы все сумнительства на сторону, и мы поручили б вам всю свою армию... а что ты пишешь про договоры и обвязки, то мы готовы все исполнить верою и правдою, как закон христианский и совесть повелевают»<sup>5</sup>.

Убежденный подобными заверениями, рассуждает он далее, Хмельницкий тотчас после приезда В. Бутурлина созвал старшинскую раду в Чигирине и объявил, что при создавшемся положении Украине «надобно быть... непременно на чьей ни есть стороне», дабы не остаться «как обломанное судно в пространном море, обуреваемом со всех сторон»<sup>6</sup>. Большинство присутствующих высказалось за соединение с Россией, и Хмельницкий приказал судье подготовить «договорные статьи с Царем Московским и представить их на рассмотрение его и всего совета Малороссийского». Статьи были написаны «и по апробации Гетмана с советом объявлены послам Московским, которые, согласясь на все,

<sup>1</sup> История русов, стр. 89.

<sup>2</sup> Там же, стр. 96—99.

<sup>3</sup> Там же, стр. 85.

<sup>4</sup> Там же, стр. 85.

<sup>5</sup> Там же, стр. 117.

<sup>6</sup> Там же, стр. 118—119.



в них уложенное, *подтвердили присягою от Царя и Царства Московского о вечном и ненарушимом хранении условленных договоров*». Затем была созвана рада в Переяславе, на которой принесли присягу старшины и казаки, но отнюдь не крестьяне<sup>1</sup>.

После возвращения Бутурлина в Москву Хмельницкий отправил к царю своих послов, прося «о ратификации и подтверждении договорных статей особыми своими грамотами, которые от Царя в неукоснительном времени Гетману через его посланников и присланы». При этом, как замечает автор «Истории русов», царь не только подтвердил договорные статьи Хмельницкого, но, проявляя «открытую благодарность свою к Малоросийским чинам и народу [подразумевается господствующий класс.— В. Г.], сравнил их в правах с боярами, дворянами и всеми степенями Московскими или Великоросийскими».

Автор «Истории русов», таким образом, весьма своеобразно трактовал события освободительной войны. В его «Истории» очень ясно выступают те сословные мотивы, которыми руководствовался этот идеолог казацкой старшины и украинского шляхетства второй половины XVIII в. Несмотря, однако, на всю свою сословную ограниченность и крайнюю тенденциозность, на многочисленные грубые ошибки «История русов» содержит и ряд верных положений. Автор ее правильно отметил противоречия между королевской властью и магнатами в Польше, что весьма важно иметь в виду при изучении освободительной войны 1648—1654 гг., оценил воссоединение Украины с Россией как акт выдающегося международного значения<sup>2</sup> и т. д. «История русов» оказала громадное влияние на всю позднейшую украинскую дворянскую и буржуазную историографию.

Последняя четверть XVIII и первая половина XIX вв. ознаменовались дальнейшим ростом крепостнического гнета, в особенности после подавления крестьянской войны под руководством Е. Пугачева, и вместе с тем углублением разложения, а затем и кризисом феодально-крепостнической системы в России и на Украине. Это привело к резкому обострению социальных противоречий и усилению классовой борьбы в стране. Господствующий класс империи (в том числе и украинское шляхетство, которое еще в 1783 г. было уравнено царизмом в правах с русским дворянством, хотя и ценой потери остатков политической автономии Украины), напуганный массовыми крестьянскими выступлениями, восстанием декабристов в 1825 г., ростом демократического и либерального движения, а также революционным движением на Западе, сплотил свои силы под знаменем самодержавия.

В это время появился ряд сочинений по истории освободительной войны 1648—1654 гг., в которых нашли выражение верноподданнические взгляды уже более или менее удовлетворен-

<sup>1</sup> История русов, стр. 119.

<sup>2</sup> Там же, стр. 58, 86, 122 и др.

ного в своих сословных требованиях украинского шляхетства. Примером этого могут служить сочинения Д. Бантыш-Каменского (1788—1850). В изображении освободительной войны Д. Бантыш-Каменский сильно зависит от старшинских летописцев, в особенности от «Истории русов». Он повторяет версию о вражде Богдана Хмельницкого с Д. Чаплинским как о причине войны и развивает положение о «легальном» характере восстания на Украине, поднятого якобы с санкции короля<sup>1</sup>. Д. Бантыш-Каменский так изображает дело, будто, борясь с магнатами, Хмельницкий в то же время сохранял верность королю и стремился к примирению с Польшей. Даже после разгрома польского войска под Батогом Хмельницкий готов был примириться с Польшей и приносил королю свои извинения за этот «инцидент». Вместе с тем Бантыш-Каменский изобразил Хмельницкого мало устойчивым политиком, колебавшимся, в зависимости от обстоятельств, между Польшей, Россией и Турцией. Только неудачи в войне с Польшей и безвыходность положения заставили Хмельницкого решительно «переменить образ мыслей» и просить царя «принять в подданство казаков запорожских»<sup>2</sup>. Эти рассуждения Бантыш-Каменского, как будет показано ниже, лишены всяких реальных оснований.

Представитель украинского дворянства, Бантыш-Каменский с ненавистью относился к антифеодальной борьбе народных масс. «При сем возраставшем остервенении,— пишет он,— Хмельницкий не мог воспрепятствовать толпе вооруженных крестьян... чинить разные ужасные опустошения». Казаков он нередко изображает кровожадными варварами. Ненависть Бантыш-Каменского к повстанцам доходит до того, что он с восторгом пишет о «храбрости» таких палачей, как И. Вишневецкий и Я. Радзивилл, и их «победах» над восставшим за свою свободу украинским народом.

И все же произведение Бантыш-Каменского в украинской дворянской историографии является известным шагом вперед. Бантыш-Каменский первый предпринял попытку воссоздать цельную картину истории Украины. Для своего сочинения он привлек сравнительно широкий круг источников, впервые ввел в научный оборот материалы из архивов Коллегии иностранных дел, Малороссийского приказа, использовал один из списков «Истории русов», работы иностранных авторов — П. Шевалье, Г. Боплана, И. Пастория, П. Линажа, И. Энгеля и др. В отличие от автора «Истории русов», Бантыш-Каменский не отрицал того факта, что антифеодальное движение во время освободительной войны было направлено не только против польских панов, но и украинских феодалов. Он учитывал также противоречия в среде

---

<sup>1</sup> Д. Бантыш-Каменский, История Малой России, ч. I, СПб, 1903, изд. 4-е, стр. 208, 131—133.

<sup>2</sup> Там же, стр. 159—160, 162, 181—185.

господствующего класса Польши. Бантыш-Каменский правильно замечает, что польское правительство было очень встревожено переговорами Хмельницкого с Россией и поэтому всячески старалось «прервать всякое сообщение казаков с россиянами», но безуспешно. Вопрос о принятии Украины, пишет Бантыш-Каменский, обсуждался уже на Земском Соборе 1651 г., а затем на Соборе 1653 г.

Пользуясь статейным списком В. В. Бутурлина, Бантыш-Каменский показал, что тот никакой присяги, тем более от имени царя, хранить вольности казацкой старшины и шляхетства не приносил и что Богдан Хмельницкий отправил свои «пункты» царю с просьбой утвердить их лишь после Переяславской Рады. Воссоединением Украины с Россией, заключает Бантыш-Каменский, «исполнилось желание Хмельницкого и малороссиян»<sup>1</sup>.

В 1842 г., почти одновременно с книгой Д. Бантыш-Каменского, появилось сочинение Н. А. Маркевича (1804—1860) «История Малороссии». Основным источником при описании освободительной войны 1648—1654 гг. для автора этого сочинения служила «История русов». Так же как и автор «Истории русов», Н. А. Маркевич считает, что Украину освободили от польского господства реестровые казаки, что представитель России, которому в Чигирине были предъявлены т. н. статьи Хмельницкого, «присягнул от имени царя в их сохранении и ненарушимости». Правда, вместо Бутурлина у Маркевича фигурирует какой-то безымянный посол, но это не меняет дела. Социальная сущность воззрений Маркевича явствует из следующих его рассуждений. Если бы старшина и украинская шляхта, говорит он, могли предвидеть во время освободительной войны, какие блага ожидают их под царским скипетром, то, конечно, никаких колебаний в вопросе о присоединении к России в их среде не было бы.

В книге Маркевича есть и ряд верных соображений, касающихся освободительной войны, например, о патриотических настроениях Хмельницкого еще до войны<sup>2</sup>. Правильно в основных чертах описана им и Переяславская Рада. В целом, однако, сочинение Маркевича являлось шагом назад даже по сравнению с книгой Бантыш-Каменского и свидетельствовало о кризисе дворянской историографии<sup>3</sup>.

Дальнейшее разложение феодально-крепостнической системы обусловило появление новых, революционных взглядов на историю общества. Крупное значение для развития передовой общественной мысли в России и на Украине имели произведения

<sup>1</sup> Д. Бантыш-Каменский, История Малой России, стр. 138, 143—146, 160—166, 191, 202—208.

<sup>2</sup> Н. А. Маркевич, История Малороссии, т. I. М., 1842, стр. 171, 334, 256, 153, 156, 336—340 и др.

<sup>3</sup> Украинской историографии до середины XIX в. посвящена недавно вышедшая в свет работа М. И. Марченко «Українська історіографія», К., 1959.

А. Н. Радищева (1749—1802), его оценка роли народных масс в истории, борьбы крестьянства против феодально-крепостнического гнета<sup>1</sup>. Революционные идеи А. Н. Радищева оказали большое влияние на формирование мировоззрения декабристов, и прежде всего К. Ф. Рылеева (1795—1826). Героика освободительной борьбы украинского народа служила Рылееву средством для воспитания чувства ненависти к крепостничеству и всякому угнетению. Этой тематике Рылеев посвятил несколько своих произведений — поэмы «Наливайко», «Палей», «Гайдамаки», а также драму «Богдан Хмельницкий». Примечательно, что над «Богданом Хмельницким» Рылеев усиленно работал именно накануне восстания декабристов<sup>2</sup>.

Важным этапом в развитии отечественной историографии было творчество русских и украинских революционных демократов, идеологов крестьянской революции, выступавших за свержение крепостничества и самодержавия. Освободительному движению украинского народа революционные демократы также уделили большое внимание<sup>3</sup>. А. И. Герцен, например, с восхищением писал о борьбе запорожских казаков, этих, по его выражению, «плебеев-витязей», «рыцарей-мужиков». Он указал на разные цели, которые преследовали украинское шляхетство и народные массы в освободительной борьбе: «два стремления, говорит Герцен, — два противоположных потока обозначаются в Южной Руси» — украинская шляхта, сотрудничавшая с польской аристократией, и народные низы, боровшиеся против шляхетства и аристократии<sup>4</sup>.

В. Г. Белинский в своей рецензии на книгу Н. А. Маркевича подчеркнул моральное превосходство украинского крестьянства над его угнетателями: «Эти мужики и холопы, — писал он, — поступали с большею честностью, благородством, рыцарственностью и великодушием, чем благородные магнаты польские, хваставшие перед малороссами своим «гонором» и своею «эдукациею». В. Г. Белинский дал очень высокую оценку историческим заслугам Богдана Хмельницкого. «Много в истории Малороссии характеров сильных и могучих, — писал он, — но один только Богдан Хмельницкий был вместе с тем и государственный ум». Этот «великий человек в полном смысле этого слова... воин и великий политик», как называет Белинский Богдана Хмельницкого, понял, что в тех конкретных исторических условиях «Малороссия не могла существовать независимым и самостоятельным государством. Это сознание дорого стоило сердцу благород-

<sup>1</sup> См.: В. С. Покровский, *Общественно-политические и правовые взгляды А. Н. Радищева*, К., 1952.

<sup>2</sup> А. Г. Цейтлин, *Творчество Рылеева*, М., 1955, стр. 154—170.

<sup>3</sup> См.: А. И. Клевцов, «Великі російські революціонери-демократи про возз'єднання України з Росією, Доповіді ювілейної наукової сесії Київського педінституту, К., 1954, стр. 77—93.

<sup>4</sup> А. И. Герцен, *Полное собрание сочинений под ред. М. Лемке*, т. IX, П.-д, 1919, стр. 459, 465.



ного сына Малороссии»<sup>1</sup>. Хотя наряду с этими в упомянутой рецензии В. Г. Белинского мы находим и ряд неверных положений, вместе с тем нужно сказать, что он правильно подчеркнул прогрессивное значение воссоединения Украины с Россией. «Соединившись навеки с единокровной ей Россиею, — писал Белинский, — Малороссия отворила к себе дверь цивилизации, просвещению, искусству, науке... Вместе с Россией ей предстоит теперь великая будущность»<sup>2</sup>.

Большой интерес к истории освободительной войны проявил Н. Г. Чернышевский. Выступая против тенденциозного освещения войны 1648—1654 гг., Чернышевский в своей рецензии на книгу Н. И. Костомарова «Богдан Хмельницкий» писал, что проблема воссоединения Украины с Россией представляет «великий интерес по важности предмета, с тем вместе требует и большого критического таланта, потому что ее события дошли до нас в виде, искаженном пристрастием поляков, малоруссов и великоруссов»<sup>3</sup>. Чернышевский подчеркнул, что ведущая роль в освободительной войне принадлежала народным массам Украины, которые встречали горячую поддержку среди угнетенного польского народа. Критикуя тех, кто видел в казацких войнах только национальные мотивы, Чернышевский замечает: «Козацкие войны не были в сущности борьбою одной национальности против другой. Если иметь в виду это обстоятельство, то легко понять, почему казаки, с одной стороны, часто рассчитывали на сочувствие польского населения к своему делу, с другой стороны, встречали себе многих врагов между своими единоплеменниками и единоверцами». В виде примера Чернышевский ссылается на то, что «Адам Кисель, хотя был малоросс и православный, смотрел на Богдана и его воинов точно такими же глазами, как польские пань»<sup>4</sup>. Наконец, Чернышевский полагал, что уничтожение в то время крепостнических порядков на Украине было бы благом для самой Польши, так как привело бы к ниспровержению крепостничества и там<sup>5</sup>. Освободительной войной интересовался и А. Н. Добролюбов. Он обратил внимание на то важное обстоятельство, что господство Польши угрожало самому существованию украинского народа и поэтому последний вел смертельную борьбу «за свою народность»<sup>6</sup>.

Взгляды русских революционных демократов оказали большое влияние на формирование мировоззрения великого украинского

<sup>1</sup> В. Г. Белинский, Полное собрание сочинений, М., 1955, стр. 63.

<sup>2</sup> Там же, стр. 64—65.

<sup>3</sup> Н. Г. Чернышевский, Полное собрание сочинений, т. IV, М., 1948, стр. 702.

<sup>4</sup> Там же, стр. 821—822.

<sup>5</sup> Н. Г. Чернышевский писал: «Полное торжество казаков, для самой Польши, было бы облегченьем, потому что казаки хотели и в самой Польше искоренить те гражданские бедствия, против распространения которых на Украину вооружились» (там же, т. IV, стр. 822).

<sup>6</sup> Н. А. Добролюбов, Собрание сочинений в трех томах, М., 1952, стр. 94.

поэта и революционера-демократа Т. Г. Шевченко. Все произведения Т. Г. Шевченко — выразителя интересов угнетенного крестьянства, проникнуты чувством горячей любви к трудовому народу — подлинному творцу истории. В противовес дворянским и буржуазным авторам Т. Г. Шевченко указал, что украинское крестьянство и казачество боролось не только против иноземных поработителей, но также против украинских панов. Гениальные произведения Т. Г. Шевченко вдохновляли народные массы на революционную борьбу за уничтожение социального и национального гнета <sup>1</sup>.

Освободительной войне 1648—1654 гг. и ее руководителю — Богдану Хмельницкому посвящен ряд произведений выдающегося писателя революционера-демократа Ивана Франко <sup>2</sup>. Величие Богдана Хмельницкого, выдающегося государственного деятеля и полководца, Франко усматривал в том, что он выражал стремление народных масс к освобождению от чужеземного гнета. Появление Богдана Хмельницкого на политической арене, заявляет Франко, было обусловлено «историческим ходом народного развития» <sup>3</sup>. Выступая против проповедников социального мира, Франко в поэме «Великі роковини» (1898 г.) на примере освободительной войны под руководством Богдана Хмельницкого показал, что в революции угнетенным нечего терять, кроме своих целей. Вместе с тем, надо сказать, Франко был далек от идеализации Богдана Хмельницкого. В рассказе «Хмельницький і ворожбій» (1901 г.) он показал классовую ограниченность гетмана, выражавшего интересы господствующих слоев украинского народа.

Важный шаг в освещении освободительной войны 1648—1654 гг. сделал украинский писатель, революционный демократ П. А. Грабовский. Возражая тем, кто защищал идею бесклассовости и единства целей украинского народа, Грабовский писал: «Крупнейшей из нелепостей является то, будто Украина была когда-то единым нераздельным телом с точки зрения национальных интересов и стремлений, как хотят уверить наши патриоты, — такой Украины никогда не существовало и не существует». Развивая эту мысль, Грабовский писал: «Украинское шляхетство ближе стояло по своим стремлениям, материальным и духовным нуждам к польскому шляхетству, было больше связано с ним, чем с украинским посольством (народом)» <sup>4</sup>.

<sup>1</sup> См.: М. И. Марченко, *Історичне минуле українського народу в творчості Т. Г. Шевченка*, К., 1957.

<sup>2</sup> См.: В. Е. Спицький, *Визвольна війна українського народу 1648—1654 рр. у висвітленні І. Франка*. Сб. «Історичне значення воз'єднання України з Росією», К., 1954, стр. 117—138. Тут мы находим подробный анализ взглядов Франка на освободительную войну.

<sup>3</sup> М. І. Походзіло, *Іван Франко — поборник дружби українського і російського народів*. Доповіді ювілейної наукової сесії Київського пединституту, К., 1954, стр. 165.

<sup>4</sup> О. К. Касименко, *Російські — українські взаємовідносини 1648 — початку 1651 р.*, К., 1955, стр. 15—16.

Реакцией на углубление кризиса феодально-крепостнической системы и назревание революционной ситуации в империи в XIX в. явилась активизация либеральных, реформистских взглядов на историю общества. Отражая стремление русской и украинской буржуазии, напуганной ростом народного движения, к компромиссу с монархией, либералы были решительными противниками освобождения крестьян посредством революции и радикального уничтожения феодальных отношений. Они выступали за освобождение крестьян «сверху», руками самих помещиков.

Взгляды либералов на освободительную войну 1648—1654 гг. нашли свое яркое выражение в сочинениях Н. И. Костомарова (1817—1885), в особенности в его работе «Богдан Хмельницкий». Богдан Хмельницкий, по мнению Костомарова, начав восстание с одобрения Владислава IV и преследуя при этом исключительно интересы реестрового казачества, а также свои личные, оказался затем, помимо своей воли, во главе грозного народного движения, которое он не мог уже остановить<sup>1</sup>. Очутившись в таком положении, Хмельницкий в дальнейшем, особенно после смерти Владислава IV, стремится воспользоваться этим движением, чтобы вырвать уступки у польских панов в пользу реестра. При этом Хмельницкий боролся главным образом с магнатами, сохраняя, однако, лояльность по отношению к королю. Гетман, который больше боялся народных масс, чем польских панов, говорит Костомаров, стремился при каждом удобном случае заключить мир с Польшей, выговорив у нее известные уступки в пользу реестрового казачества и старшины. Так было якобы вплоть до 1653 г.<sup>2</sup>

Костомаров более подробно, чем его предшественники, на основе значительного количества новых материалов, рассмотрел дипломатические отношения Украины в годы освободительной войны. Он первый ввел в научный оборот знаменитое обращение Богдана Хмельницкого к царю от 8 июня 1648 г. и верно оценил его. Но в целом Костомаров неправильно объясняет отношение Хмельницкого к вопросу о воссоединении с Россией. По его словам, будто только крайне безвыходное положение, в котором очутился Хмельницкий под Жванцем в результате сговора польского короля с крымским ханом, заставило его отдаться под власть царя. При этом Костомаров умалчивает, что само соглашение короля с ханом явилось реакцией на решение Земского Собора I октября 1653 г. о принятии Украины.

В отличие от большинства дворянских историков, Костомаров признавал, что с первых дней освободительной войны крестьянство принимало в ней весьма деятельное участие. Однако на крестьянское движение Костомаров смотрел глазами либерала:

<sup>1</sup> Н. И. Костомаров, Богдан Хмельницкий, Собрание сочинений, кн. 4, т. 9, СПб, 1904, стр. 141, 174 и др.

<sup>2</sup> См. там же, стр. 175, 177, 200, 246, 251, 267, 321, 455, 461, 467, 505, 514,

он оценивал его как чисто отрицательную, разрушительную силу, писал о «свирепстве народа», который хотел «истребить все панское», уничтожить «панское сословие»<sup>1</sup> и т. д. Не скупясь на краски при изображении «расправы» крестьян с панами, Костомаров стремился образумить помещиков, призвать их к уступкам. Нельзя забывать, что эти строки писались им в период крестьянских восстаний 1850-х гг., накануне крестьянской реформы.

Костомарова можно считать родоначальником «теории бесклассовости» украинской нации. Последней якобы, в отличие от других наций, были присущи демократические начала в общественной жизни. Однако, эти «начала», не умеряемые «организующей силой», привели к отрицательным последствиям — своеобразию народных масс, бесконечным восстаниям и т. д. Под этим углом зрения Костомаров оценивал и воссоединение Украины с Россией. Положительная сторона воссоединения, по его мнению, заключалась в том, что именно русская монархия обладала наибольшей способностью к обузданию «демократических начал». Что же касается самого акта воссоединения, Костомаров, вопреки исторической действительности, считал, что это был *договор*. Для подтверждения своей мысли он ссылался на вымышленную С. Величко и автором «Истории русов» версию о «присяге» русских послов в Переяславе. Костомаров даже перечислял «условия», принятые будто бы послами, и делал вывод, что присутствовавший на раде «народ был доволен такими лестными условиями».

Несмотря на всю тенденциозность Костомарова и несостоятельность его общей концепции, он, тем не менее, правильно поставил и решил отдельные вопросы. Костомаров описал освободительную войну на основе большого количества самых разнообразных источников, в том числе украинских, русских, польских и т. д. Он сделал многое для выяснения роли Богдана Хмельницкого в подготовке восстания, его многосторонней деятельности, в том числе дипломатической. Костомаров показал, что Хмельницкий искусно отвел удар, который Крым и Польша готовились нанести России в 1650 г., и заручился ее поддержкой: Россия стала оказывать дипломатическое давление на Польшу. В тех же целях Хмельницкий стремился получить поддержку и от Турции. Костомаров отметил враждебную роль Ватикана, подстрекавшего Польшу против Украины, показал военные подвиги и героизм казаков, обратил внимание на противоречия между верхами реестрового казачества и посполством в ходе войны и т. д.

По поводу книги Костомарова завязалась оживленная полемика в кругу либерально настроенной интеллигенции. Прежде всего обращает на себя внимание работа известного естествоиспы-

<sup>1</sup> Н. И. Костомаров, Богдан Хмельницкий, стр. 494, 174, 449, 183.



тателя и историка М. А. Максимовича (1804—1873). Одобрительно встретив книгу Костомарова, Максимович вместе с тем подверг ее справедливой критике за поверхностный анализ исторических событий, за отступление от реальной действительности при изображении ряда событий освободительной войны.

Свои собственные взгляды на освободительную войну Максимович высказал в ряде работ, в которых подверг серьезной критике положения польской шляхетской историографии о запустении Украины в связи с нашествием монголов, о цивилизаторской роли панской Польши. Он показал, что на Украине и после нашествия Батя продолжалась хозяйственная деятельность местного населения и, таким образом, не польской шляхте, насильственно захватившей украинские земли, принадлежала здесь роль «цивилизатора»<sup>1</sup>. Максимович подчеркнул, что в XVI—XVII вв. народные массы Украины испытывали не только национальный, но и социальный, крепостнический гнет. Он впервые, по существу, высказал мысль, что Богдан Хмельницкий с самого начала войны стремился к разрыву с Польшей и к воссоединению Украины с Россией. Как известно, весной 1649 г. в Переяслав к Хмельницкому с целью добиться прекращения войны прибыли польские комиссары во главе с А. Киселем и от имени короля поднесли ему гетманские знаки власти. Но Хмельницкому, говорит Максимович, «были не по мысли ни та булава, осыпанная бирюзою, ни королевское знамя с белым орлом. У него на мысли тогда было другое, начатое им дело: освободить малороссийский народ из польской неволи и привести его под державу Русскую»<sup>2</sup>. Таким образом, Максимович смотрел на Богдана Хмельницкого, как на последовательного борца за воссоединение с Россией.

После крестьянской реформы 1861 г. развитие капитализма в России и на Украине пошло ускоренными темпами, несмотря на многочисленные остатки крепостничества во всех областях жизни. Развитие капитализма привело к росту пролетариата, самого революционного класса общества. В лице русского пролетариата трудящиеся всех национальностей страны обрели надежного руководителя в борьбе против социального и национального гнета.

В 40-х гг. XIX в. происходит зарождение марксизма в Западной Европе. Теория научного социализма, созданная К. Марксом и Ф. Энгельсом, являлась величайшей революцией в идеологии, во взглядах на развитие общества. С появлением марксизма рабочий класс всего мира получил могучее духовное оружие в своей борьбе за свержение власти буржуазии и уничтожение эксплуатации человека человеком. С 70-х гг. XIX в. начинается распространение идей марксизма в России, появляются первые рабочие организации. Народные массы страны все решительнее

<sup>1</sup> М. А. Максимович, Собрание сочинений, т. I, К., 1876, стр. 256—262.

<sup>2</sup> Там же, стр. 263, 477.

встают на путь политической борьбы. Рост рабочего и крестьянского движения пугал помещиков и буржуазию. С открытым призывом к сплочению сил господствующих классов для борьбы с растущим революционным движением выступил в это время П. А. Кулиш (1819—1897). Обращаясь к истории, Кулиш хотел показать, какую громадную опасность для господствующих классов таит в себе революционный протест народных масс. В 1890 г. появилась работа Кулиша «Отпадение Малороссии от Польши», посвященная освободительной войне 1648—1654 гг. Не скрывая своей ненависти к трудовому народу, Кулиш изобразил освободительную войну как борьбу темной народной стихии против «строительных», «цивилизаторских» элементов общества — польских и украинских панов. Так, говоря об осаде повстанцами во главе с Богданом Хмельницким Львова в 1648 г., он, со смешанным чувством презрения и страха, замечает: «Многочисленные сермяжные и кожушные полчища их в сопровождении потомков Батыевой Орды, появились под стенами Львова на смену блестящих культурников. Теперь им не было преграды в стремлении за Белую реку (Вислу), теперь нашему Хмелю оставалось только возвеселить завзятые души Криштофа Косинского и царя Наливая <sup>1</sup> разрушением Кракова, который пощадил как-то и Батый» <sup>2</sup>.

С ненавистью относится Кулиш к руководителю освободительной войны Богдану Хмельницкому, осыпая его самыми бранными словами. Он стремился представить Хмельницкого коварным политиком, движимым эгоистическими побуждениями <sup>3</sup>. По словам Кулиша, Хмельницкий пошел на воссоединение с Россией лишь под влиянием крайней необходимости, ибо он, как и «представители произвола, буйства и кочевого быта на Украине понимали, что Москва должна будет подчинить их беспорядочную жизнь своим строгим порядкам» <sup>4</sup>.

Понимая огромное воспитательное значение исторических примеров героической борьбы народных масс против угнетателей, Кулиш обрушивался на представителей передовой общественной мысли за показ революционных выступлений низов <sup>5</sup>. Книгу Кулиша, как видим, нельзя назвать историческим сочинением. Она, по существу, является политическим памфлетом, призванным укрепить позиции реакции.

---

<sup>1</sup> Криштоф Косинский и Северин Наливайко — руководители крестьянско-казацких восстаний на Украине в конце XVI в. Схватив Наливайка, паны, гласит предание, надели ему на голову раскаленную железную корону как «хлопскому царю».

<sup>2</sup> П. А. Кулиш, *Отпадение Малороссии от Польши*, т. II, М., 1890, стр. 273.

<sup>3</sup> Хмельницкий, уверял, например, Кулиш, «до конца не знал, что делает и что ему делать, чтобы выбраться из омата торжественных присяг» (П. А. Кулиш, *Отпадение Малороссии от Польши*, т. II, М., 1890, стр. 286, 284—285).

<sup>4</sup> П. А. Кулиш, *Отпадение Малороссии от Польши*, т. III, М., 1890, стр. 390.

<sup>5</sup> Там же, стр. 398.

Развитие борьбы рабочего класса России, куда с конца XIX в. стал перемещаться центр мирового революционного движения, настоятельно требовало организации боевой марксистской партии, партии нового типа. И такая партия была создана. Ее организатор В. И. Ленин выдвинул и обосновал идею революционного союза рабочих и крестьян под руководством рабочего класса как главного средства свержения царизма, помещиков, буржуазии и строительства бесклассового общества. Марксистская партия в России появилась в начале новой исторической эпохи — эпохи империализма, когда пролетариат стоял на пороге революционных битв.

Крупнейшим событием начала XX в. была первая буржуазно-демократическая революция в России, во время которой вместе с русскими рабочими и крестьянами против царизма и помещиков боролись рабочие и крестьяне Украины, Белоруссии и т. д. Революция 1905—1907 гг., несмотря на свое поражение, имела громадное историческое значение. Она убедительно показала, что только революционная борьба масс, совместная борьба угнетенных народов России может привести к свержению самодержавия, а затем капитализма. Буржуазия во время революции показала себя как контрреволюционная сила, искавшая соглашения с царизмом.

Напуганная размахом революционной борьбы и поставленная самим ходом исторического развития в положение обреченного класса, буржуазия как до, так и в особенности после революции стала настойчиво стремиться отвлечь трудящиеся массы от насущных социальных и политических задач современности и подчинить их своему влиянию. В это время на Украине появляется ряд сочинений по истории освободительной войны 1648—1654 гг., авторы которых старались противопоставить украинский народ русскому, разрушить тесный боевой союз, сложившийся между ними в течение веков.

Политические устремления украинской буржуазии нашли отчетливое отражение у В. Б. Антоновича [1834—1909]. Вслед за Костомаровым Антонович утверждал, что история каждого народа является ни чем иным, как осуществлением ему одному присущей «руководящей идеи». Русский народ, например, по Антоновичу, руководствуется идеей сильной государственной власти. При помощи абсолютизма русский народ организовал сильное государство и подчинил другие нации<sup>1</sup>. Украинскому народу, наоборот, присущ принцип «широкого демократизма» — вечевого строя, гарантирующий равные права каждой личности. Однако,

---

<sup>1</sup> Антонович изображает русский народ как единое целое и представляет Русское государство не как орудие господствующего класса для подавления сопротивления народных масс, а как «общенациональный» орган. Вместе с тем Антонович возлагает ответственность за угнетение других народов не на русских помещиков и буржуазию, а на русский народ, который героически боролся с последними.

рассуждает далее Антонович, осуществить этот принцип возможно лишь при высокой степени культуры народа.

Для доказательства своего тезиса Антонович ссылался на освободительную войну 1648—1654 гг. Казалось, что условия в это время как нельзя более благоприятствовали осуществлению указанного принципа. Однако для этого не хватало «культурного развития, убеждений и выдержки». Возводя клевету на народ и на руководителя освободительной войны, Антонович заявляет, что украинский народ «никогда не мог создать ни настоящей цивилизации, ни мощной собственной дисциплины, ибо те, кто становились во главе его... обладали весьма недостаточным запасом культуры»<sup>1</sup>.

Только с появлением «просвещенного класса» — (чит. украинской буржуазии), заключает Антонович, стало возможным осуществление идеи «широкого демократизма». Таким образом, историческая концепция Антоновича служила классовым интересам украинской националистической буржуазии, стремившейся подчинить своим политическим целям трудящиеся массы украинского народа.

В наиболее законченном виде устремления украинской буржуазии выражены в работах ученика Антоновича М. С. Грушевского (1866—1935). Воззрения Грушевского — этого столпа украинского буржуазного национализма на освободительную войну 1648—1654 гг. представляют собой своеобразную амальгаму концепций его предшественников — украинских буржуазных и дворянских историков. Грушевский отрицательно относился к участию народных масс, крестьянства прежде всего, в освободительной войне, считая, что оно таило в себе большую опасность для «общенациональных интересов»<sup>2</sup>. Сам Богдан Хмельницкий, уверяет Грушевский, боялся развития крестьянского движения, делал все возможное, чтобы умерить его и тем не раздражать Польшу, с которой он не думал разрывать, и поэтому якобы «не принимал в свой лагерь крестьянские толпы»<sup>3</sup>.

Однако стремлению Хмельницкого не порывать с Польшей, а добиться лишь от нее известных уступок в пользу казацкого реестра, противодействовали, как утверждает Грушевский, два обстоятельства: нежелание польских панов идти на уступки, с одной стороны, и нежелание народных низов вернуться под

---

<sup>1</sup> В. Антонович, *Бесіди про часи козацькі на Україні*, Чернівці, 1897, стр. 23. Богдану Хмельницкому, которого Антонович называет ограниченным человеком и «неспособным политиком, он противопоставляет изменника Мазепу, объявляя его «настоящим политиком ... очень искренним и горячим патриотом» (там же).

<sup>2</sup> О восстаниях под руководством Нечая и Худолея Грушевский, например, пишет, что они «предвещали очень мало хорошего и ... правлению [Хмельницкого] и украинской жизни в целом» (*М. Грушевський, Історія України-Руси*, т. VIII, ч. III, Київ-Відень, 1922, стр. 269).

<sup>3</sup> *М. Грушевський, Історія України-Русі*, т. VIII, ч. II, стр. 195.

власть панов, с друго́й <sup>1</sup>. Попав в такое положение, Хмельницкий, по Грушевскому, начал искать внешней опоры и стал метаться в поисках ее между Россией и Турцией. С начала 1649 г., говорит Грушевский, у Хмельницкого «видим колебания теперь и позднее на протяжении долгих лет — наклон то в сторону московской, то турецкой ориентации» <sup>2</sup>. В конце концов, рассуждает Грушевский, верх взяла ориентация на Россию, но Хмельницкий вел двойную игру, ибо, прося царя о принятии Украины, он в то же время отдался под верховенство султана <sup>3</sup>.

Воссоединение Украины с Россией Грушевский стремился представить делом случайным, вынужденным обстоятельствами, и поэтому бесперспективным, временным. Ход его рассуждений таков: в конце 1653 г. в связи с польско-крымским сближением перед Хмельницким встала дилемма: «капитуляция перед польским магнатством — или подчинение Москве... Капитуляция была невозможна, ее не допустило бы войско,— значит нужно было идти на все требования Москвы, чтоб обеспечить себе ее военную помощь». Русское правительство, со своей стороны, «обеспокоенное возможностью польско-татарского наступления на ее владения, а еще больше возможностью фактического превращения этого наступления в татарско-козацкое», поспешило удовлетворить просьбу Хмельницкого <sup>4</sup>.

При этом, извращая действительный характер исторического акта, о котором идет речь, Грушевский называет воссоединение Украины с Россией то «объединением», то «соглашением», то «подданством», то «протекторатом» и т. д.

Как видим, описание освободительной войны у М. Грушевского от начала и до конца тенденциозно. Выдвинутая им концепция является лишь модификацией уже ранее высказанных в украинской дворянской и буржуазной историографии неверных положений. Последние объединяются у Грушевского ложной идеей «единого потока», под которой понималось несуществовавшее в действительности единство интересов и целей всех слоев украинского общества.

---

<sup>1</sup> После перемирия под Замостьем (конец 1648 г.), пишет Грушевский, «Хмельницкий возвращался в Киев в радостной надежде на скорое и счастливое решение казацкого дела и на конец войны; он все еще имел перед глазами одни казацкие интересы, за которые и восстал». Что же касается Зборовского трактата 1649 г., то Хмельницкий хотел сохранить верность и ему, но «вынужден был скоро убедиться, что народ и украинская общественность не дадут ему выполнить этот договор. Он, с другой стороны, видел, что и с польской стороны нет искреннего желания соблюдать этот договор» (*М. Грушевський, Ілюстрована історія України, К., 1912, стр. 331, 335.*

<sup>2</sup> *М. Грушевський, Історія України-Русі, т. VIII, ч. III, стр. 133.*

<sup>3</sup> *М. Грушевський, Ілюстрована історія, стр. 340.*

<sup>4</sup> *М. Грушевський, Історія України-Русі, т. IX, 2 пол., К., 1931, стр. 610 (ср.: стр. 723), 751—760, 765, 609, 727, 757 и др.*

Немалое внимание проблеме освободительной войны уделили польские дворянские и буржуазные историки. Как для первых, так и для вторых, невзирая на частные расхождения во взглядах, характерно стремление любой ценой оправдать захват феодальной Польшей украинских земель. Освободительная война украинского народа рассматривалась ими обычно как проявление «дикости» и «варварства», направленных против «цивилизаторской миссии» панской Польши. При этом всякая попытка со стороны прогрессивных польских историков опровергнуть указанные измышления объявлялась «изменой» польским «национальным интересам»<sup>1</sup>.

Уже шляхетские хронисты XVII в. — Л. Рудавский<sup>2</sup>, В. Коховский<sup>3</sup>, С. Твардовский<sup>4</sup> — современники освободительной войны 1648—1654 гг., идеологи магнатов и шляхты, потерявших свои владения на Украине, с нескрываемой ненавистью писали о борьбе украинского народа за свою свободу и о воссоединении с Россией, которая нанесла сильнейший удар панской Польше и положила конец ее продвижению на восток. Руководителя освободительной войны Богдана Хмельницкого они наделяли самыми оскорбительными эпитетами, стараясь дискредитировать его, как и освободительную борьбу украинского народа в целом, в глазах читателей.

Та же идея господствовала в польской шляхетской и буржуазной историографии последующего времени. Апологет феодальной Польши Карл Шайноха (1818—1868), например, выдвинул тезис о продвижении польского оружия и плуга в украинскую «пустыню» с целью «расширить царство Христово»<sup>5</sup>. Клерикально-националистические воззрения Шайнохи разделяли в той или иной степени другие польские историки, как, например, А. Ролле, А. Яблоновский и т. д. Так, Яблоновский (1829—1911) объявил украинский народ отсталым, неспособным к самостоятельному культурному развитию и поэтому нуждающимся в «опеке» польских помещиков<sup>6</sup>.

<sup>1</sup> Разбору польской историографии освободительной войны посвящена интересная работа современных польских историков Б. Барановского и С. Либишовской, *Problem narodowo-wyzwoleńczej walki ludu ukraińskiego XVII w. w historiografii polskiej*, *Kwartalnik historyczny*, № 2, 1954, стр. 197—217.

<sup>2</sup> *L. Rudawski*, *Historiarum Poloniae ab excessu Wladisłai IV*, Lipsk, 1755.

<sup>3</sup> *W. Kochowski*, *Annalium Poloniae ab obitu Wladisłai*, Cracoviae, 1683.

<sup>4</sup> *S. Twardowski*, *Wojna domowa z Kozaki i Tatary*, Moskwa, potem szwedami, Kalisz, 1681.

<sup>5</sup> *K. Szajnocha*, *Szkice historyczne*, Lwów, т. I—III, 1854—1861; (его же), *Dwa lata dziejow naszych (1646—1648)*, Lwów, 1869.

<sup>6</sup> *A. Jablonowski*, *Historia Rusi południowej do upadku Rzeczy Pospolitej Polskiej*, Kraków, 1912.

Наиболее яркое выражение захватнические устремления польских помещиков и буржуазии в начале XX в. нашли у Ф. Равиты-Гавронского (род. 1846 г.)<sup>1</sup>. Последний пытался утвердить миф о культурной миссии Польши, которой, по его словам, приходилось преодолевать «татарский анархизм» украинского народа. Переяславскую Раду 1654 г. Равита-Гавронский оценивал отрицательно, как акт, который привел будто бы к экономическому и культурному регрессу Украины. Ультранационалистические концепции Равиты-Гавронского, нужно заметить, выражали претензии реакционных польских буржуазно-помещичьих кругов, мечтавших о возвращении Украины под власть панеконной Польши.

Реакционных воззрений на освободительную борьбу украинского народа придерживался и Л. Кубаля (1838—1918)<sup>2</sup>. В монографии о Ю. Оссолинском и в своих «Исторических очерках» Кубаля предпринял попытку рассмотреть освободительную войну в свете внутренних польских противоречий и международных отношений. Картина, однако, получилась явно тенденциозной, тем более, что Кубаля опирался почти исключительно на польские шляхетские источники<sup>3</sup>. Реакционные взгляды Кубали, получившие, в частности, преломление в известной повести Г. Сенкевича «Огнем и мечом», способствовали распространению националистических настроений и идей<sup>4</sup>.

Социально-экономические и политические сдвиги в жизни Польши, особенно со второй половины XIX в., обусловили появление прогрессивных взглядов на крестьянско-казацкие восстания в польской историографии. И. Лелевель, например, рассматривал освободительную войну 1648—1654 гг. как восстание народных масс против гнета магнатов, за свои права. «Казацкий бунт, — писал он, — есть восстание народа. Уже шесть веков Польша не видела ничего подобного»<sup>5</sup>. Вместе с тем, однако, Лелевель склонен был отрицать национальное угнетение украинского народа и поэтому неверно рассматривал освободительную войну как внутреннее «польское» дело.

<sup>1</sup> *F. Rawita-Gawronski*, Bohdan Chmielnicki, т. 1—2, Lwow, 1906—1909.

<sup>2</sup> *L. Kubala*, *Przysięga w Perejaslawiu*, *Kwartalnik historyczny*, т. XVIII, 1904. Правда, Л. Кубаля, выражавший вначале интересы прогрессивных слоев польской мелкой буржуазии, утверждал, что причиной «хлопских бунтов» на Украине явился чрезмерный гнет со стороны польских магнатов и шляхты. Его взгляды казались, как правильно замечают Б. Барановский и С. Либишовская, довольно передовыми на фоне консерватизма, господствовавшего в современной ему польской историографии. Но чем дальше, тем больше Кубаля склонялся к оправданию гнета магнатов и шляхты во имя «высших идеалов», поэтому в целом его концепция также является реакционной, националистической. Это отчетливо проявилось, в частности, в его статье о Переяславской Раде.

<sup>3</sup> *L. Kubala*, *Jerzy Ossolinski*, т. I—II, Lwow, 1885.

<sup>4</sup> См.: *B. Baranowski*, *Z. Libiszowska*, *Problem*, стр. 209—210 и др.

<sup>5</sup> Там же, стр. 199—200.

Более правильных взглядов придерживался другой представитель польской демократической эмиграции Т. Кремповецкий, решительно осудивший как социальный, так и национальный гнет на Украине. Этот гнет, писал он, «натолкнулся на реакцию со стороны мужественного украинского народа и дал знать угнетателям, что такое народная месть. Тогда родились новые Спартаки: Павлюк, Наливайко... За их смерть отомстил вскоре грозный Богдан Хмельницкий»<sup>1</sup>.

После Великой Октябрьской революции, в 1920—1930 гг., среди польских буржуазных историков возникло стремление, впрочем, довольно умеренное, пересмотреть ультрашовинистические оценки польско-шляхетской экспансии на Украине. Против господствовавших в польской буржуазной историографии взглядов на этот предмет выступили, в частности, О. Гурка и А. Свентоховский. В их работах, которые в целом также не выходили за рамки принятых в буржуазной историографии шаблонов, встречались нотки сочувствия угнетенному украинскому народу. Это вызвало ожесточенные нападки по их адресу со стороны польской реакции<sup>2</sup>.

\* \* \*

Русская буржуазная историография конца XIX—начала XX в., взятая в целом, рассматривала освободительную войну украинского народа с великодержавных позиций и в воссоединении Украины с Россией видела не что иное, как возвращение России некогда отпавших от нее земель. С таких позиций подходил к решению этой проблемы крупнейший русский буржуазный историк С. М. Соловьев (1820—1879). Сторонник либеральных реформ, Соловьев отрицательно относился к революционным выступлениям народных масс, в том числе к антифеодальному движению, видел в них проявление антигосударственной, «анархической» силы<sup>3</sup>. Вместе с тем Соловьев правильно объяснил ряд важных вопросов. Он отметил участие крестьянства в освободительной войне, массовое показаченье народных масс, а также тот факт, что крестьяне выступали не только против польских, но и украинских панов<sup>4</sup>. За четыре года освободительной войны, говорит Соловьев, положение на Украине существенно измени-

---

<sup>1</sup> В. Baranowski, Z. Libiszowska, Problem, стр. 200.

<sup>2</sup> Там же, стр. 215—216.

<sup>3</sup> Повстанческие крестьянские отряды времен освободительной войны, например, Соловьев называл «шайками», а о предводителях их писал, что они оставили «по себе кровавую память в летописях и преданиях народных» (С. М. Соловьев, История России с древнейших времен, т. X, изд. «Общественная польза», стр. 1567).

<sup>4</sup> Так, Соловьев пишет: «украинская шляхта... бежала или гибла под ножами восставших хлопков» (С. М. Соловьев, История Украины, стр. 1572; ср.: стр. 1559, 1563, 1566).



лось, так как во многих местах крестьяне и казаки сбросили гнет панов, и поэтому все попытки Польши вернуть старые порядки были обречены на полный провал<sup>1</sup>. Соловьев обратил внимание на то, как высоко Хмельницкий оценивал значение русской экономической и дипломатической помощи Украине и подчеркнул, что просьба гетмана принять Украину выражала стремление всего украинского народа<sup>2</sup>. Наконец, говоря о Переяславской Раде как о выдающемся акте, Соловьев считает, что русское правительство не связало себя перед Хмельницким и старшиной, несмотря на просьбу последних, никакими официальными обязательствами<sup>3</sup>.

Несколько иную точку зрения по последнему вопросу высказал современник Соловьева Геннадий Карпов (1839—1890), выступивший с рядом работ, известных под общим названием «В защиту Богдана Хмельницкого». Карпов полностью отрицал всякое стремление Хмельницкого и старшины добиться накануне Переяславской Рады от представителей царского правительства определенных гарантий, касающихся будущего статуса Украины. Для Богдана Хмельницкого, говорит Карпов, «московское подданство... было конечной целью его личных и политических планов», ибо ни о какой «самобытности Украины» (имеется в виду, надо полагать, политическая автономия ее) он не думал. Хмельницкий, продолжает Карпов, не рассчитывал ни на что иное, как лишь на то, чтобы после воссоединения занять положение почетного подданного царя<sup>4</sup>. Утверждая, что царь принял Украину «в подданство» из «милости», ратуя о гонимой поляками православной вере, Карпов стремился отрицать всякие национальные права за украинским народом. Вместе с тем работы Карпова имели и определенное положительное значение, так как содержали критику неправильных концепций П. Кулиша и Н. Костомарова. Карпов, например, показал полную несостоятельность заявления Костомарова о том, что Богдан Хмельницкий стал в 1650 г. данником Оттоманской Порты. Правильна также критика Карповым взгляда Костомарова, изображавшего Переяславскую Раду как «договор двух равных сторон». Карпов показал, что данное утверждение Костомарова есть не что иное, как попытка возродить вымышленную украинскими старшинскими летописцами версию о каких-то «обязательствах», якобы взятых на себя царским правительством накануне Переяславской Рады.

<sup>1</sup> Соловьев замечает: «и для казаков, и для черни, освободившейся от панов, и ... привыкшей к воле... четыре года гетманства Хмельницкого прошли не даром; эти четыре года отрезали совершенно Малороссию от прошедшего, возврат к которому был невозможен, и поляки, стремившиеся возвратить Малороссию к этому прошедшему, прали против рожна» (там же)

<sup>2</sup> С. М. Соловьев, История Украины, стр. 1591.

<sup>3</sup> С. М. Соловьев, История России с древнейших времен, стр. 1637.

<sup>4</sup> Г. Карпов, В защиту Богдана Хмельницкого, М. 1890, стр. 56—57. Если Хмельницкий и рассчитывал на что-либо, то только на то, чтобы после воссоединения «разобраться в старых внутренних делах Малороссии», т. е., намекает Карпов, воспользоваться поддержкой самодержавия для подавления крестьянского движения на Украине.

С довольно близких Соловьеву и Карпову позиций рассматривал освободительную войну украинского народа и В. О. Ключевский (1841—1911). Ключевский резко отрицательно относился к украинскому казачеству, особенно к его борьбе против социального гнета, и называл его выступления против феодалов грабежом и разбоем<sup>1</sup>. Приписывая казакам самые низменные чувства — своекорыстие, отсутствие всякой привязанности к родине и т. д., он осуждал крестьянско-казацкие восстания конца XVI в. за их социальную направленность. Ключевский, как и многие украинские буржуазные историки, полагал, что украинский гетман на первых порах «вовсе не думал разрываться с Речью Посполитой, хотел только припугнуть зазнавшихся панов» с целью удовлетворить претензии реестрового казачества. Ошибкой Ключевского нужно также считать его утверждение, будто в Москве «плохо понимали внутренние общественные отношения Украины да и мало занимались ими, как делом неважным» и что воссоединение не имело положительных результатов для России, а лишь осложнило ее международное положение.

Наряду со сказанным необходимо отметить, что у Ключевского встречаем и правильные, заслуживающие внимания положения. Ключевский отчетливо понимал суть «показаченья», различные интересы привилегированного реестрового казачества и показавшихся крестьян. «Но истинная сила казачества, — писал Ключевский о крестьянско-казацких восстаниях, — заключалась не в реестровых. Реестр даже в составе 6.000 вбирал в себя не более десятой доли того люда, который причислял себя к казачеству и присвоил казацкие права». Ключевский приблизился к правильному пониманию противоречий в социальной политике Хмельницкого, который, выражая интересы старшины, «не устранил и даже не ослабил той роковой социальной розни... которая таилась в самой казацкой среде... это — вражда казацкой старшины с рядовым казачеством, городской и запорожской чернью».

Иначе оценивал роль казачества в освободительной войне И. М. Каманин (1859—1921), пытавшийся провести резкую грань между крестьянством и казачеством. Считая основной причиной освободительной войны национально-религиозный гнет, он утверждал, что главную роль в ней играло «казачество (чит. реестровое), т. е. сословие, успевшее развить до известной степени общественное, военное и гражданское устройство, казачество, которое устами своего вождя высказало определенно и ясно, что заставило его взяться за оружие»<sup>2</sup>. Исходя из этого, он считал крестьянство массой, неспособной к организации и на этом основании отрицал первенствующую роль его в освободительной войне.

<sup>1</sup> В. О. Ключевский, Сочинения, т. 3, М., 1957, стр. 111 и др.

<sup>2</sup> И. М. Каманин. Участие южно-русского населения в восстании Богдана Хмельницкого, Архив Юго-Западной России, ч. III, т. IV, К., 1914, стр. XX.

Каманин высказал, однако, и ряд интересных соображений. Он обратил внимание на общенародный характер освободительной войны, которая увлекла «в свой водоворот все сословия, населявшие города и села Южной Руси», а также на то, что каждое из сословий преследовало «свои собственные цели и выгоды». Что же касается крупной украинской шляхты, то она, по словам Каманина, тянула «в сторону польского лагеря ради политических и личных прав и преимуществ». Каманин отметил также различие интересов верхушки реестрового казачества и рядовой массы его и отсюда различное отношение их к Польше, со всеми вытекающими из этого положения последствиями.

\* \* \*

По пути, проторенному дворянскими и буржуазными авторами, идет в основном и современная зарубежная буржуазная историография. Украинские буржуазные националисты, выброшенные Великой Октябрьской Социалистической революцией за пределы нашей родины и находящиеся на службе у империалистических держав, прилагали и продолжают прилагать все усилия, чтобы возродить самые реакционные концепции освободительной войны 1648—1654 гг.

Стремясь противопоставить украинский народ русскому, украинские буржуазные националисты тщетно пытаются извратить сущность Переяславской Рады. Они уверяют, что рада ознаменовала собой шаг назад в истории Украины, что это был случайный, но роковой акт, вынужденный тяжелыми обстоятельствами. Переяславскую Раду объявляют актом, приведшим к временному объединению двух держав. Этот акт якобы гарантировал Украине самостоятельное государственное существование и обеспечивал ей право в любой момент отделиться от России. Возьмем для примера Д. Дорошенко. Последний уверяет, что «гетман и старшина действительно смотрели на протекцию московского царя как на определенную, возможно даже временную комбинацию»<sup>1</sup>. С. Дорошенко перекликается А. Яковлев, который также утверждает, что хотя царь после Переяславской Рады и именовал себя сувереном Украины, «но это была только буква без реального содержания, так как на самом деле

---

<sup>1</sup> Д. Дорошенко, Нариси історії України, т. II, Варшава, 1933, стр. 42. В то же время Дорошенко изображает Хмельницкого едва ли не другом польских панов, утверждая, будто «во время первых своих успехов он еще далеко не был принципиальным врагом польского государства, не хотел его разрушать и навсегда отделить от него Украину». Вслед за Грушевским, Дорошенко утверждал, что Хмельницкий пошел на сближение с Россией лишь под влиянием патриарха Паисия, «который... развивал перед ним планы союза православных держав: Москвы, Украины, Молдавии и Валахии»; но Хмельницкий и после этого еще долго испытывал колебания и лишь «в 1653 г. обратился с предложением тесного союза Украины с Москвой против Польши» (там же, стр. 15, 21, 36).

Украина являлась совершенно независимым от Москвы государством»<sup>1</sup>.

Примечательно, что этой ложной концепции придерживается и современная американская реакционная историография. Джордж Вернадский, например, пишет, что Украина и после Переяславской Рады оставалась независимой от России<sup>2</sup>. Другой американский буржуазный историк, К. Меннинг, уверяет, что, идя на соединение с Россией, Хмельницкий совершил «роковой шаг», хотя для него лично это был лишь прием «в сложной сети дипломатических интриг»<sup>3</sup>. Наконец, С. Хэркейв заявляет, будто еще до Переяславской Рады царь взял на себя обязательство «помочь казацкой старшине освободиться от власти поляков и признать автономию казацкого правительства свободной Украины»<sup>4</sup>.

Параллельно с этим в современной зарубежной литературе существует и другое направление, находящееся под влиянием старой русской шовинистической историографии. Представители этого направления отрицают признание царизмом какой бы то ни было автономии за Украиной после воссоединения с Россией. Они заявляют, что после Переяславской Рады Украина превратилась в простую провинцию России, без всяких прав на самоуправление, и что именно к этому и стремилась казацкая старшина во главе с Хмельницким. Д. М. Одинец, например, пишет: «Политическое положение Украины в составе Московского государства по актам 1654 г. ... оказалось в основе своей таким, каким оно было в составе Речи Посполитой... акты 1654 г. не только не создают из Украины особой политической единицы, а напротив... отрицают за нею такое значение»<sup>5</sup>.

<sup>1</sup> А. Яковлів, Українсько-московські договори в XVII—XVIII віках, Варшава, 1934, стр. 52. Отношения между Украиной и Россией по Яковлеву базировались будто бы на «взаимных услугах»: Украина обязывалась платить царю дань, а последний оказывать ей военную помощь против Польши. Еще до Яковлева эту неверную мысль о «военном союзе» между Украиной и Россией распространяли В. Липинский и Р. Лашенко. Последний, например, утверждал, что Хмельницкий согласился признать «моральное верховенство» царя только для «закрепления международных позиций» Украины, для демонстрации связи с «организованной политической и военной силой» (Р. Лашенко, Переяславский договір між Україною і царем, Прага, 1923, стр. 58—68).

<sup>2</sup> George Vernadsky, Bohdan, Hetman of the Ukraine, New Haven, 1941, стр. 105—110.

<sup>3</sup> С. А. Manning, The story of the Ukraine, New York, 1947, стр. 78—79, 82.

<sup>4</sup> Sidney Harcaze, Russia. A history, New York, 1959, стр. 58.

<sup>5</sup> Д. М. Одинец, Присоединение Украины к Московскому государству, Париж, 1936, стр. 56—57. В других вопросах Одинец находится под сильным влиянием Грушевского. Так, он считает, что, поднимая в 1648 г. восстание; «Богдан Хмельницкий менее всего мечтал о полном разрыве с прошлым. Верный традиционной политике казацких вождей, он выступил [лишь] в защиту прав и привилегий «Войска Запорожского»... Все претензии Б. Хмельницкого к польской власти... носят по существу личный характер». И только «невозможность установить сколько-нибудь прочные договорные отношения с Польшей заставили гетмана [летом 1652 г. — В. Г.] прийти... к убеждению о необходимости прибегнуть к московской протекции (там же, стр. 17—22).

Приблизительно на такой же точке зрения стоит английский историк Н. Е. Андреев. «В 1654 г., — пишет он, — произошло на самом деле лишь включение Малой Руси, инкорпорирование Украины в общерусское государство», и сам Хмельницкий не добивался автономии для Украины, «ибо не было у Хмельницкого ни «державы», ни государственных претензий... Он искал «царского подданства» и сохранения интересов казачества. Москва честно дала ему и то и другое»<sup>1</sup>. Идеализируя политику царизма и отрицая стремление Б. Хмельницкого и старшины к автономии Украины в составе России, Н. Е. Андреев вместе с тем признает, что царское правительство предоставило известные права гетману и в этом случае оно «пошло на сочетание централистического принципа с краевой традицией»<sup>2</sup>. Близкую к этой мысль высказал еще раньше другой английский историк В. Аллен: «конституционное положение Украины в отношении к Московскому государству, — говорит он, — было таково, что область являлась частью государства, но в виду характера украинской территории, как пограничья, обладала своей военной организацией и, поэтому, некоторыми привилегиями областного и социального порядка»<sup>3</sup>.

Наконец, в зарубежной буржуазной историографии существует и третье направление, которое может быть определено как промежуточное между двумя указанными. Представителем его является, в частности, западногерманский историк Г. фон Раух. Последний выражает свое несогласие с теми, кто склонен изображать воссоединение Украины с Россией как военный союз двух государств. Сам Раух считает, что это «объединение привело к установлению над автономной Украиной протектората Москвы, подобного тому, который существовал между Турцией и дунайскими княжествами»<sup>4</sup>.

Как видим, современная зарубежная историография, несмотря на пестроту концепций, не представляет собой ничего оригинального и находится в полной зависимости от старой, показавшей свою несостоятельность, буржуазной историографии.

Только советская историческая наука, опирающаяся на марксистско-ленинскую теорию, оказалась в состоянии правильно поставить и решить основные проблемы освободительной войны 1648—1654 гг. и воссоединения Украины с Россией\* (Разбору советской историографии проблемы освободительной войны мы намерены посвятить специальную работу). Среди многочисленных работ советских историков видное место занимают труды

<sup>1</sup> Н. Е. Андреев, Переяславский договор, Франкфурт, 1953, стр. 100—101.

<sup>2</sup> Н. Е. Андреев, Переяславский договор, стр. 100—101.

<sup>3</sup> W. E. D. Allen, The Ukraine, Cambridge, 1940, стр. 135.

<sup>4</sup> Georg von Rauch, Russland: Staatliche Einheit und nationale Vielfalt, München, 1953, стр. 25—26.

Н. Петровского<sup>1</sup>, И. Крипякевича<sup>2</sup>, А. Козаченко<sup>3</sup>. Отметим также работы И. Бойко<sup>4</sup>, А. Қасименко<sup>5</sup>, В. Легкого<sup>6</sup>, Е. Компан<sup>7</sup>, А. Барановича<sup>8</sup>, Б. Поршнева<sup>9</sup>, О. Вайнштейна<sup>10</sup> и др.

Важный вклад в марксистскую историографию освободительной войны внесли работы историков стран народной демократии, прежде всего Польши — Ст. Арнольда, С. Либишовской, О. Гурки<sup>11</sup>, Б. Барановского, С. Щотки, Ю. Бардаха, В. Чаплинского, И. Вислоцкого, Г. Лабуды, И. Лещинского, Э. Войчицкого и др.<sup>12</sup>, а также Чехословакии — А. Павлика, Л. Гараксима, М. Пауловой, Й. Мацурека, Ф. Гейля, Е. Ставровского<sup>13</sup>, ГДР — Э. Винтера<sup>14</sup> и др.

\* \* \*

За последние годы советскими историками и архивистами была проведена огромная работа по выявлению документов, касающихся истории освободительной войны. Результатом ее явилось издание монументального сборника документов и материалов в трех томах — «Воссоединение Украины с Россией»<sup>15</sup>. Это издание можно по праву считать самым ценным и самым полным из имеющихся собраний документов, открывающим возможность

<sup>1</sup> М. Н. Петровський, Визвольна війна українського народу проти гніту шляхетської Польщі і приєднання України до Росії, К., 1940.

<sup>2</sup> І. П. Крип'якевич, Богдан Хмельницький, К., 1954.

<sup>3</sup> А. И. Козаченко, Борьба украинского народа за воссоединение Украины с Россией, М., 1954.

<sup>4</sup> И. Д. Бойко, Освободительная война украинского народа (Раздел в «Истории Украинской ССР», т. 1, К., 1954).

<sup>5</sup> О. К. Касименко, Російсько-українські взаємовідносини 1648—початку 1651 р., К., 1955.

<sup>6</sup> В. И. Легкий, Крестьянство Украины в начальный период освободительной войны 1648—1654 гг., Л., 1959.

<sup>7</sup> О. Компан, Участь міського населення у визвольній війні 1648—1654 рр., К., 1954.

<sup>8</sup> А. И. Баранович, Украина накануне освободительной войны середины XVII в., М., 1959.

<sup>9</sup> См. работы Б. Ф. Поршнева по вопросу о международном положении Украины и России в XVII в. в журн. «Вопросы истории» № 3, 1945 г., № 5, 1954 г., № 10, 1960 г.

<sup>10</sup> О. Л. Вайнштейн, Россия и Тридцатилетняя война, М., 1947.

<sup>11</sup> См. их работы в сборнике «Sesja naukowa w trzechsetna rocznica zjednoczenia Ukrainy z Rosią 1654—1954, Materiały, W., 1956.

<sup>12</sup> Перечень и критические оценки работ этих авторов см. И. С. Язборская, Обзор исторической литературы Польской Народной Республики, журн. «История СССР», № 3, 1959 г., а также Г. Ловмянский и Л. Житкович, История СССР в историографии Народной Польши, «История СССР» № 1, 1960 г.

<sup>13</sup> Работы названных авторов помещены в сборнике «Věsná družba», Praha, 1955.

<sup>14</sup> Eduard Winter, Russland und das Papsttum, т. I, Berlin, 1960.

<sup>15</sup> Воссоединение Украины с Россией. Документы и материалы в трех томах, М.,

для всестороннего изучения освободительной войны, в том числе и дипломатических отношений.

При этом, однако, большое количество важнейших документов, выявленных советскими специалистами в архивах СССР, еще не опубликовано. Особый интерес представляют документы Центрального государственного архива древних актов СССР — фонды Посольского приказа («Малороссийские дела», «Крымские дела», «Турецкие дела», «Греческие дела», «Сношения России с Польшей»), Разрядного («Московский стол», «Белгородский стол» и др.), Малороссийского приказа и др.

Множество ценных документов выявлено также архивистами Польской Народной Республики. Важнейшие материалы по истории дипломатических отношений сосредотачиваются в Главном архиве древних актов в Варшаве (фонды: Коронного архива—Казацкий, Венгерский и др. Отделы Потоцких, Замойских и др.), в Государственных воеводских архивах в Кракове и Гданске, в Библиотеке им. Оссолинских во Вроцлаве (Теки Лукаша и др.) и т. д. Значительная часть копий документов из советских и польских архивов переданы Институту истории АН УССР и хранятся в его рукописном отделе<sup>1</sup>.

Наличие обширной литературы, многочисленных печатных и рукописных источников позволяет более полно и всесторонне изучить дипломатическую историю освободительной войны 1648—1654 гг. и воссоединения Украины с Россией.

---

<sup>1</sup> Копиями этих документов мы пользовались в настоящей работе.





# Глава I



ВНУТРЕННЕЕ  
И МЕЖДУНАРОДНОЕ  
ПОЛОЖЕНИЕ УКРАИНЫ  
НАКАНУНЕ  
ОСВОБОДИТЕЛЬНОЙ ВОЙНЫ  
1648—1654 гг.





В XV и первой половине XVI в. феодальный строй еще безраздельно господствовал во всей Европе. Вместе с тем в результате развития производительных сил — углубления общественного разделения труда, роста товарно-денежных отношений — в недрах феодально-крепостнической системы стали зарождаться новые, более передовые по сравнению с феодальными, капиталистические отношения. Появившись еще в XIV—XV вв. в торгово-промышленных городах Италии, буржуазные отношения стали возникать затем и в других западноевропейских странах. XVI в. явился уже началом новой, капиталистической эры.

Важнейшим следствием разложения феодально-крепостнической системы и роста буржуазных отношений было зарождение новых общественных классов — буржуазии и пролетариата, а также складывание буржуазных наций. Появление на исторической арене новых классов привело, в свою очередь, к возникновению новых форм идеологии, отражавших социально-политические интересы этих классов. Больших успехов достигают в это время наука и искусство, все большее распространение получают реформационные вероучения, направленные против господствующей католической церкви, и гуманизм.

Новые общественные явления привели к серьезным изменениям и в сфере политической жизни — к преодолению прежней феодальной раздробленности и образованию централизованных государств, в частности в виде абсолютных монархий. Хотя королевская власть, опиравшаяся на дворянство и города, продолжала и в новых условиях оставаться орудием в руках класса феодалов для подавления сопротивления угнетенных масс, она играла прогрессивную роль<sup>1</sup>. Без сильной центральной власти, без ликвидации феодальной раздробленности ни одна страна не могла рассчитывать на сохранение своей национальной независимости, на успешное хозяйственное и культурное развитие.

Все более углубляющееся несоответствие между развиваю-

---

<sup>1</sup> Ф. Энгельс, О разложении феодализма и развитии буржуазии, К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч. т. XVI, ч. I, стр. 440—450.

щимися производительными силами и старыми производственными отношениями находило выражение в усилении борьбы народных масс против крепостничества и чужеземного угнетения, а затем в первых актах буржуазной революции. Конец XV и XVI в. является временем бурных потрясений, почти непрерывных антифеодальных восстаний, охватывавших отдельные области и даже целые страны.

Одним из первых против крепостнического и чужеземного гнета, а также католической церкви, являвшейся высшим обобщением и санкцией феодализма, выступил чешский народ. Гуситское движение, развернувшееся в XV в. в Чехии, несмотря на то, что оно потерпело поражение, нанесло сильный удар по феодализму. Именно в Чехии появилась первая своеобразная антифеодальная республика с центром в г. Таборе<sup>1</sup>. Отмечая стремление радикальных слоев чешского общества — крестьян и городских низов — к ниспровержению феодализма, уничтожению сословных привилегий и установлению гражданского равенства, что нашло впоследствии еще более отчетливое выражение в реформационном движении в Германии, Ф. Энгельс подчеркивал: «У таборитов уже тогда под теократической оболочкой выступает даже республиканская тенденция, получившая дальнейшее развитие в конце XV и в начале XVI в. у представителей плебеев в Германии»<sup>2</sup>.

Гуситские войны дали толчок развитию антифеодального, протестантского и национально-освободительного движения в Европе в XVI в.<sup>3</sup> В 20-х гг. XVI в. вспыхнуло восстание городских «коммун» в Кастилии, а в 1548 г. во французских городах. Волна крестьянских восстаний прокатилась по Англии, Франции, Австрии, Венгрии, Молдавии, Валахии, Сербии, Болгарии, Польше и т. д. Но особенно грозным предзнаменованием для феодалов являлась Великая крестьянская война в Германии (1524—1525 гг.) и Реформация, которые объективно были самой ранней, хотя и неудавшейся, попыткой буржуазной революции в Европе. Крестьянская война убедительно показала, что главной силой в борьбе с феодализмом являются крестьянско-плебейские массы.

Первую победу над феодализмом одержала буржуазная революция 1566—1609 гг. в Нидерландах, которая приняла форму борьбы за независимость против владычества испанских Габ-

<sup>1</sup> *И. Мацек*, Табор в гуситском революционном движении, т. 1, М., 1956.

<sup>2</sup> *Ф. Энгельс*, Крестьянская война в Германии, М., 1952, стр. 36—37. Тут же Энгельс заметил, что неопределенное христианское равенство, которое проповедывалось среди таборитов, немецких крестьян и ремесленников, могло в действительности привести лишь к установлению буржуазного по своей природе принципа «равенства перед законом», но отнюдь, разумеется, не имущественного равенства. «Предвосхищение коммунизма в фантазии, — заключает Ф. Энгельс, — становилось в действительности предвосхищением современных буржуазных отношений» (там же, стр. 38).

<sup>3</sup> См. сб. *Ruch husycki w Polsce* (do r. 1457), Wrocław, 1953.

сбургов. Она привела к образованию первой буржуазной республики — Соединённых провинций (Голландии).

Больших успехов достигла в XVI в. Реформация, направленная против феодализма и католической церкви и охватившая в большей или меньшей степени Германию, Нидерланды, Францию, Швейцарию, Данию, Англию, Швецию, Австрию, Польшу.

Однако старое общество не желало добровольно сойти с исторической арены. Напуганные усиливающейся борьбой народных масс, феодалы рука об руку с католической церковью стали сплачивать свои силы с целью уничтожения всего нового, повсеместного восстановления и укрепления старых порядков. В Европе, в особенности после поражения Крестьянской войны в Германии, наступила черная полоса феодальной реакции и контрреформации. Тысячи горожан были замучены или сожжены на кострах инквизиции, сотни тысяч крестьян возвращены в крепостническую неволю. Торжество реакции ослабило новые, буржуазные отношения, причинило огромный ущерб хозяйственному и культурному развитию народов, задержало рост прогрессивных сил общества и привело в ряде стран, особенно Восточной Европы, к усилению крепостнического гнета, к так называемому «второму изданию крепостничества». Крестьянская война в Германии явилась ярким примером того, насколько сильными были еще устои старого общества и с каким огромным трудом — с временными поражениями и отступлениями — пробивали себе путь новые отношения.

Общеввропейский лагерь феодально-крепостнической реакции возглавляли Испания, Австрия и Ватикан. Победа испанских и австрийских Габсбургов и папской курии, стремившихся навязать всему миру свою гегемонию и всюду восстановить старые порядки, представляла большую угрозу для других государств. Это привело к образованию в Европе двух враждебных коалиций — Габсбургской, или Католической, и Антигабсбургской, или Протестантской лиги. Первая объединяла Испанию, Австрию, Польшу и Ватикан, вторая — Англию, Нидерланды, Данию, Францию, Швецию, протестантские немецкие княжества. Антигабсбургская коалиция пользовалась отчасти поддержкой России.

В 1618 г. в связи с восстанием против Габсбургов в Чехии между обеими коалициями вспыхнула война, известная под названием Тридцатилетней. Отношения среди членов коалиций осложнялись тем, что каждая страна преследовала в войне свои цели, а также вследствие того, что в каждой из них были силы, тяготевшие к противнику. Так, например, французское правительство под впечатлением начавшейся буржуазной революции в Англии поспешило заключить мир с Габсбургами и тем самым ослабило протестантский лагерь. Тридцатилетняя война, сопровождавшаяся опустошением целых стран и причинившая народам огромные страдания, закончилась поражением Габсбургов

(1648 г.). Она имела своим следствием установление политической гегемонии Франции в Европе, возвышение Швеции, сохранение и укрепление Нидерландов, а также консервацию раздробленности Германии. Поражение Габсбургской коалиции имело положительное значение. Оно ослабляло силы феодальной реакции и содействовало дальнейшему разложению феодально-крепостнического строя в Европе, вызреванию новых, буржуазных отношений.

В ходе Тридцатилетней войны усилился натиск народных масс на феодализм. Волна антифеодальных и национально-освободительных движений прокатилась по всей Европе, достигнув глубин Азии. В 1640 г., например, в результате длительной и упорной борьбы произошло отделение Португалии от Испании. Широкое антииспанское и антифеодальное движение развернулось в 1647—1648 гг. в Южной Италии и Сицилии. В Неаполе была провозглашена республика. Мощные крестьянские и национально-освободительные движения имели место в Польше, Турции, а также в России, Китае и т. д. «Представляется каким-то великим чудом,— писал в 1648 г. шведский дипломат Сальвиус,— что во всем мире слышно о восстаниях народа против государей, как-то во Франции, Англии, Германии, Польше, Московии, Турции, Великой Татарии, Китае». «Является ли причиной тому некое общее расположение звезд на небе,— заключает Сальвиус,— или что-то вроде всеобщего сговора народов в отношении дурных правителей,— один бог может знать»<sup>1</sup>.

В 1642 г. началась революция в Англии, провозгласившая принципы буржуазного общества и государства и приведшая к установлению буржуазного строя в одной из крупнейших европейских стран. Подчеркивая ту мысль, что значение английской революции отнюдь не ограничивалось пределами самой Англии, что она отражала насущные потребности других стран, Ф. Энгельс писал: «Революции 1648 и 1789 гг. не были английской и французской революцией: это были революции европейского масштаба... Эти революции выражали еще больше потребности тогдашнего мира, чем потребности тех частей мира, где они происходили, т. е. Англии и Франции»<sup>2</sup>.

Такова в самых общих чертах картина социально-политического развития Западной Европы с конца XV до середины XVII в.

Значительные изменения, хотя далеко не такие по своим масштабам, происходили в это время и в странах Восточной Европы — Восточной Пруссии, Польше, Прибалтике, России и т. д. Восточноевропейские страны находились в менее благоприятных условиях, нежели западноевропейские. Процесс общественного разделения труда, отделение ремесла от сельского хозяйства,

<sup>1</sup> См. Б. Ф. Поршнев, К характеристике международной обстановки освободительной войны украинского народа 1648—1654 гг., ж. «Вопросы истории» № 5, 1954 г., стр. 50—51.

<sup>2</sup> К. Маркс и Ф. Энгельс Соч., т. VII, стр. 54—55.

развитие товарно-денежных отношений и т. д. в странах Западной Европы, расположенных на мировых торговых путях и относительно плотно заселенных к концу XV и в XVI в., протекал быстрее. Большое значение для более быстрого экономического развития этих стран имели также великие географические открытия, сопровождавшиеся колониальными войнами, ограблением целых народов и притоком несметных богатств.

В восточноевропейских странах, в том числе России, недавне освободившейся от тяжелого татарского ига, приблизительно с конца XV в. также заметно усилился процесс общественного разделения труда со всеми вытекающими отсюда последствиями. Однако экономическое развитие здесь в силу ряда причин протекало значительно медленнее. Страны Восточной Европы, и без того сравнительно слабо заселенные, обладали еще громадными свободными пространствами на своих окраинах. Втягивание феодального хозяйства в развивающиеся товарно-денежные отношения и связанное с этим усиление эксплуатации крестьян, рост их личной зависимости привели к отливу части населения на окраины, к колонизации последних. Это тормозило экономическое развитие центральных областей, притупляло остроту классовых противоречий и отдаляло переход от феодализма к капитализму. Немалое значение имели также и другие факторы: оторванность от морей, что в особенности характерно для России, борьба с кочевниками и ряд других причин.

Более замедленные темпы хозяйственного развития и связанная с этим слабость буржуазных отношений способствовали поражению ряда крупных антифеодальных восстаний в Восточной Европе в XVI—XVII вв., содействовали укреплению феодального землевладения, феодально-сословного строя и привели к юридическому оформлению крепостничества в его наиболее тяжелых формах, к торжеству феодальной реакции<sup>1</sup>. Другим важным следствием этого было превращение восточноевропейских стран в своеобразный сырьевой придаток более быстро развивающегося Запада.

Таким образом, замедленное экономическое развитие Восточной Европы привело к тому, что зарождение и развитие тут новых отношений, приспособление феодального хозяйства к ним, повлекло за собой усиление крепостнического гнета, в отличие от Западной Европы, где развитие буржуазных отношений привело к ослаблению, а потом и ликвидации крепостничества. Рост крепостничества в странах Восточной Европы свидетельствовал однако не об укреплении феодальной системы, а о начавшемся ее разложении. Он отнюдь не приостановил, а лишь затормозил это разложение, развитие в недрах феодализма

<sup>1</sup> Ценные соображения об особенностях развития Западной и Восточной Европы высказал Н. М. Дружинин (см. его работу Социально-экономические условия образования русской буржуазной нации. Сб. статей «Вопросы формирования русской народности и нации», М., 1958, стр. 192—231).

товарно-денежных, а затем и буржуазных отношений. В таких условиях антифеодальные движения XVI—XVII вв. в восточноевропейских странах, борьба крестьян и горожан за уничтожение феодально-крепостнического строя и утверждение себя в положении свободных производителей объективно имела характер борьбы за установление нового, буржуазного строя.

При этом следует иметь в виду, что не только Восточная Европа в целом, но и каждая восточноевропейская страна в отдельности имела свои определенные, отличительные особенности в своем развитии. Остановимся прежде всего на Польше. Вторая половина XV и XVI в. являлись периодом сравнительно успешного экономического развития Польского государства, подъема городской жизни<sup>1</sup>, расцвета ремесла, зарождения мануфактуры. Значительные сдвиги произошли в области культуры. Это было время так называемого польского Возрождения, распространения реформационных и гуманистических учений, появления национальной литературы и т. д. Крупных успехов достигла польская наука, давшая миру такого титана мысли, как Н. Коперник.

К этому же времени относятся и первые попытки королевской власти, искавшей опоры среди шляхетства и горожан, сломить сопротивление крупных привилегированных землевладельцев-магнатов и добиться централизации Польского государства<sup>2</sup>. Однако попытки эти не увенчались успехом. Силы феодальной реакции — магнатов, выступавших в союзе с Ватиканом и австрийскими Габсбургами, которые боялись усиления Польши, оказались слишком значительными. Это явственно обнаружилось уже в самом начале XVI в. Король Александр под давлением польских и литовских магнатов вынужден был издать хартию, согласно которой выбор короля зависел отныне исключительно от воли крупных землевладельцев — магнатов. Королевская власть оказалась сильно ограниченной, а магнаты приобрели решающее влияние на государственные дела.

Еще большее ограничение королевской власти и усиление роли магнатов повлекла за собой Люблинская уния 1569 г. между Польшей и Литвой, приведшая к созданию Речи Посполитой. Так называемые Статуты Генриха III от 1573 г. уже лишали короля права издания законов, сношений с иностранными державами, объявления и заключения мира, вступления в брак и даже выезда за пределы страны без разрешения сенаторов, т. е. магнатов. Статуты санкционировали право рокоша — вооруженного

---

<sup>1</sup> К 1578 г. в Польше насчитывалось уже более тысячи городов, причем восемь из них имели свыше 10 000 жителей, Познань и Варшава насчитывали по 20 000 жителей, Краков 28 000, Гданск 75 000. Мещане составляли 23 процента населения Центральной Польши, где один город приходился в среднем на 230 кв. км. (Historia Polski, т. 1, ч. 2, Варшава, 1953 г., стр. 369—370).

<sup>2</sup> Достаточно указать на Казимира IV и канцлера Яна Остроорога, стремившихся обуздать своеволие магнатов, покончить с вмешательством Ватикана во внутренние дела Польши и т. д.



выступления магнатов и шляхты против короля в случае нарушения им указанных постановлений. При короле учреждался совет из сенаторов, который должен был контролировать всю его деятельность<sup>1</sup>.

Люблинская уния имела и другие пагубные для Польши последствия. Наряду с ростом могущества магнатов она привела к разгулу феодальной и католической реакции в стране. Особенно усилились феодальная реакция и католическая контрреформация при Сигизмунде III (1587—1632), который фактически был орудием в руках магнатов, а также Габсбургов и Ватикана. Значительно ухудшилось положение крестьян и городского населения. Жестоким преследованиям подвергались все, кто выступал против католической церкви. Начались погромы протестантов, гонения ученых, в частности профессоров Краковского университета. Была введена суровая цензура. Поход против всех прогрессивных элементов возглавляли иезуиты и папский нунций в Польше<sup>2</sup>.

Не отвечала национальным интересам и внешняя политика Сигизмунда III. Подстрекаемый магнатами, Габсбургами и Ватиканом, король в 1598 г. начал интервенцию против протестантской Швеции, пытаясь вернуть себе шведскую корону, но потерпел поражение и вынужден был отказаться от нее. В начале XVII в., воспользовавшись сложным внутренним положением в Русском государстве, Сигизмунд III начал интервенцию против России с целью ее территориального расчленения и политического подчинения<sup>3</sup>. В 1618 г. Сигизмунд и магнаты помогли австрийским Габсбургам задушить восстание чешского народа.

После Люблинской унии 1569 г. под властью Польши оказалась большая часть Украины<sup>4</sup>. Захват украинских земель имел для Польши серьезные последствия. Земли эти сделались добычей прежде всего магнатов, что содействовало усилению экономической мощи и политического влияния последних, а вместе с тем консервации остатков феодальной раздробленности, ослаблению королевской власти и децентрализации Польского государства.

Владения магнатов на Украине достигали огромных размеров и являлись своеобразными государствами в государстве. Имена князя Константина Острожского, например, к началу

---

<sup>1</sup> *Ги де Боплан*, Описание Украины, Мемуары, относящиеся к истории Южной Руси, вып. II, К., 1896, стр. 373—374.

<sup>2</sup> *Historia Polski*, т. 1, ч. 2, стр. 408—414. См. мою работу «Освободительная война украинского народа под руководством Хмельницкого (1648—1654)», М., 1954, стр. 9.

<sup>3</sup> Роль Ватикана и австрийских Габсбургов в организации интервенции против России убедительно показана Вайнштейном (см.: *О. Л. Вайнштейн*, Россия и Тридцатилетняя война, стр. 23—27).

<sup>4</sup> Еще в середине XIV в. Польша захватила Галицкую землю и часть Подолии, а после 1569 г. Восточную Волинь, Брацлавщину, Киевщину и часть Левобережной Украины. Буковина находилась в составе Молдавии, а Закарпатье было захвачено Венгрией.

XVII в. включали 100 городов и 1300 сел и приносили ему ежегодный доход в 1 200 000 злотых, что превышало даже доходы государственной казны<sup>1</sup>. Князю Доминику Заславскому в первой половине XVII в. принадлежало 80 городов и местечек и 2 760 сел, магнату Потоцкому — целое Нежинское староство и г. Кременчуг, не говоря уже о владениях на Правобережье. Громадная часть Левобережной Украины с центром в г. Лубнах стала собственностью магната И. Вишневецкого, владевшего большими имениями также на Волыни<sup>2</sup>. Не менее богатыми и могущественными были также Конецпольские, Жолкевские, а также литовские магнаты Радзивиллы, Сапеги и др.

Кроме своих собственных земель, магнаты фактически владели крулевщидами (королевскими имениями), или староствами, которые жаловались королем на время службы лицам «благородного» происхождения. Часто крулевщины также закладывались королевской казной, которая испытывала постоянную нужду в деньгах. Но попав так или иначе в руки магнатов, крулевщины, как правило, уже не возвращались королю. Магнаты продолжали владеть ими даже в том случае, если они выкупались казной<sup>3</sup>. Короли вынуждены были иногда тайком собирать налоги со своих крулевщин. Так, Владислав IV приказал крестьянам королевских имений вносить налоги не местной, старостинской администрации, а особым королевским сборщикам, при этом так, «чтобы староста и его урядники ничего об этом не знали»<sup>4</sup>.

Магнаты занимали все высшие государственные должности. Их монополией, в частности, было командование коронным войском, которое в первой половине XVII в. находилось попеременно то в руках Жолкевского, то Конецпольского, то Потоцкого. В руках магнатов находилась также местная администрация. Без поддержки кого-либо из вельмож шляхтичам трудно было и рассчитывать занять сколько-нибудь влиятельную должность, особенно на Украине и в Литве. Король Владислав IV, например, вскоре после коронации отдал Виленское воеводство Тышкевичу, но под давлением Радзивилла вынужден был отобрать у него и отдать последнему<sup>5</sup>.

Восточноукраинские магнаты имели собственные войска<sup>6</sup> — пехоту, конницу, артиллерию — и собственные крепости. Маг-

<sup>1</sup> Historia Polski, т. 1, ч. 2, стр. 361.

<sup>2</sup> Летописец Самовидец прямо заявляет, что «Вишневецкий... немал усе Заднепра [Левобережье. — В. Г.] мел в своем подданстве» (Летопись Самовида, К., 1878, стр. 12).

<sup>3</sup> В сеймовой конституции 1590 г., например, значилось: «уже много... есть свободных [выкупленных королевской казной. — В. Г.] держав, но кварталы своей не дают» (Akta grodzkie i ziemskie, т. 24, стр. 7); т. е. не дают дохода казне. Крулевщины часто передавались магнатами по наследству.

<sup>4</sup> Księgi referendarskie, т. 1, Варшава, 1910, стр. 109—110.

<sup>5</sup> Pamiętnik A. Radziwiłła, т. II, Poznań, 1839, стр. 164.

<sup>6</sup> Коронное войско на Украине в первой половине XVII в. насчитывало в обычное время 4 000 жолнеров. Такое же примерно войско держали магнаты И. Вишневецкий и Д. Заславский (Historia Polski, т. 1, ч. II, стр. 414).

наты раздавали земли в «державу» средней и мелкой шляхте, которая тем самым оказывалась в полной от них зависимости. Немало шляхтичей служило при дворах магнатов в качестве разного рода «официалистов», а также в надворных войсках. Все эти «панские хлебоеды», как их презрительно называли современники, составляли опору магнатов, их клиентуру. Интересную характеристику нравов шляхты дал Г. Боплан. «Польское дворянство, — замечает он, — отличается услужливостью и униженностью перед высшими... любезно и предупредительно с равными себе... но нестерпимо дерзко по отношению к низшим»<sup>1</sup>.

Клиенты должны были принимать участие в военных предприятиях своих патронов, защищать интересы последних на поветовых сеймиках и в сейме, выступая часто против интересов мелкого и среднего шляхетства в целом. Польский современник XVI в. Петр Скарга с полным основанием писал, что шляхетские сеймовые послы, хотя действовали «будто по приказанию всей братии [своих шляхетских выборщиков — В. Г.]», в самом деле корольки наши [магнаты — В. Г.] делают и творят от имени братии то, о чем братия никогда не думала; братия бессмысленным криком на все соглашается, сама не замечая своего вреда»<sup>2</sup>. В результате всего этого польский сейм целиком зависел от воли магнатов.

Властные и своевольные магнаты со своими отрядами вооруженной челяди совершали наезды на чужие владения — захватывали земли и крестьян, грабили и убивали. 6 мая 1633 г. коронный гетман Ст. Конецпольский напал на м. Вырву, «бючи, мордуючи его жителей»<sup>3</sup>. 20 июня 1641 г. шляхтянка И. Семашко подала жалобу на магната Доминика Заславского, напавшего «арматне в стрельбу размаитую и оружје» на ее села Полонное, Бронное и Горловку и ограбившего крестьян<sup>4</sup>. В 1644 г. И. Вишневецкий совершил нападение на г. Ромны, незадолго до того отданный Владиславом IV своему приближенному, надворному маршалку А. Казановскому, «яко на неприятеля коронного, арматне и збройне, в личбе великой людей... с драганами и хорогвами и бубнами (что и самой Москве, яко в пограничному тамошним, не без подвения и подоизрения зостало)»<sup>5</sup>. Король издал декрет, осуждавший Вишневецкого на банницию [лишение прав], но на сейме не нашлось охотников выступить против всемогущего магната, и Владислав вынужден был уступить: снять с Вишневецкого банницию и признать за ним Ромны, захваченные путем открытого насилия<sup>6</sup>. Через три года Вишневецкий снова обвинялся на сейме в нападении на

<sup>1</sup> *Ги де Боплан*, Описание Украины, Мемуары, относящиеся к истории Южной Руси, вып. II, К., 1896 г., стр. 379.

<sup>2</sup> *Wł. Słarczynski*, *Образы wieku panowania Zygmunta III*, т. II, стр. 263.

<sup>3</sup> *Воссоединение Украины с Россией*, т. I, док. 79, стр. 136

<sup>4</sup> Там же, док. 204, стр. 330.

<sup>5</sup> Там же, док. 248, стр. 412.

<sup>6</sup> *Pamiętniki A. Radziwiłła*, т. II, стр. 134.

гадячское имение Александра Конецпольского. Прибыв на сейм в сопровождении четырехтысячного войска, Вишневецкий торжественно заявил, что он «тотчас намерен рубить хорунжия [Конецпольского. — В. Г.] и всех, кто стал бы поддерживать его... хотя бы и самого короля». «А вы, — приказал он своим жолнерам, — все до одного... ворвитесь в палату сенаторов и поддержите меня»<sup>1</sup>.

Феодальная анархия, приобретшая в Польше размеры и формы, уже немислимые в других европейских странах, наносила огромный ущерб хозяйственному, культурному и политическому развитию страны. Предвидя неизбежные последствия такого положения вещей, известный проповедник П. Скарга обратился к господствующему классу страны со следующим предостережением: «Вы не понимаете, что нельзя Польше держаться безначалием... раздоры заведут вас в плен, в котором все вольности ваши утонут и в смех обратятся». Но ничто не могло унять своевольных панов.

XVI и первая половина XVII в. были временем резкого усиления феодально-крепостнического и национального гнета в Речи Посполитой. Развитие городской жизни и появление на рынке невиданных ранее местных и привозных, часто из далеких стран, товаров привели к большим переменам в быту феодалов. Стремление к роскоши стало всеобщим. «Боже мой, какая роскошь проникла в это царство! — с сокрушением восклицал Скарга. — От мала до велика все отвергли святую умеренность... редкий пан без шелку, без шестерки лошадей, без ливреи». Боплан также отметил, что шляхтичи «как богатейшие из них, так и менее зажиточные принимают гостей слишком роскошно, не по своим средствам». По его словам, их званые обеды обилием и богатством значительно превосходили даже торжественные пиры французских дворян<sup>2</sup>. Огромные средства тратились также на одежду: «мне случалось видеть, — передает Боплан, — собольи костюмы стоимостью больше 2 000 талеров, украшенные крупными пуговицами из золота и рубинов, изумрудов, алмазов и других драгоценных камней»<sup>3</sup>. С большим блеском обставлялись панские дома и дворцы.

---

<sup>1</sup> Дневник Богуслава Машкевича (1643—1649), Мемуары, относ. к истории Ю. Руси, вып. II, стр. 409.

<sup>2</sup> Мемуары, относ. к истории Ю. Руси, вып. II, стр. 382. «Столы, продолжает свое описание Боплан, — накрываются обыкновенно тремя прекрасными тонкими скатертями, а вся столовая сервировка бывает из позолоченного серебра... Столы расставляются обыкновенно в обширной зале, в конце которой находится обычно буфет... На буфете нередко возвышаются восемь или десять столбцов серебряных блюд и такое множество тарелок, что кипы их нередко достигают человеческого роста... Против буфета... расположены хоры, на которых помещаются музыканты, играющие на различных инструментах, и певцы» (там же, стр. 383—384).

<sup>3</sup> Там же, стр. 379—380.

В погоне за деньгами, необходимыми для удовлетворения всех этих новых, ранее неведомых потребностей, феодалы резко увеличивали эксплуатацию своих крестьян. Все большее распространение начало получать собственно барское хозяйство — фольварк, под который отводились лучшие угодья, отнимаемые у подданных. «Паны,— писал польский публицист XVI в. Ст. Ожеховский,— забирают у своих крестьян землю, имущество». Другой современник, Христофор Опалинский, в связи с захватом у крестьян их наделов замечает: «Об ином [крестьянине.— В. Г.] скажут: у него слишком много земли, и хорошей, пригодится для имения, взять ее у него,— да и всех остальных лишают земли, а имения закладывают»<sup>1</sup>. Посредством фольварков, в которых наряду с земледелием и скотоводством немалую роль играли промыслы, феодалы надеялись увеличить количество продуктов, предназначенных для продажи.

Осуждая расточительство шляхты, ее стремление к наживе, польский писатель С. Старовольский (1588—1656) заметил: «В прежние годы... благородный предавался рыцарскому делу и непрерывно воевал. Теперь у нас нет воинов... зато есть корчмари, торгаши и посредники... Самым большим подвигом у них считается знать дорогу, по которой гонят быков из поместья в Гданск, ибо все, кто побогаче, торгуют волами, лошадьми, вином, медом, водкой, перцем, сельдями, рыбой, дичью и всяким хлебом»<sup>2</sup>.

Усиление связей феодального хозяйства с рынком привело к распространению барщины (панщины), т. е. самой жестокой формы эксплуатации крестьян. При барщинной системе крестьянин все более терял свою хозяйственную самостоятельность, так как обязан был определенное количество дней в году трудиться с принадлежащим ему живым и мертвым инвентарем в хозяйстве пана под надзором последнего или его слуг. Яркое представление о тяжести барщинного труда дают нам многочисленные документы. В жалобе от 18 августа 1631 г. говорится, что арендатор имения шляхтянки Е. Курцевич Я. Муринович принуждал крестьян «каждого дня, в каждом тыжню... всех на голову до работ розмаитых и барзо тяжких...

<sup>1</sup> В декрете Владислава IV от 4 марта 1644 г. говорится, что яворский староста и его наместник «поля и луга подданных позабирали на фольварки» (Воссоединение Украины с Россией, т. 1, док. 229, стр. 375)

<sup>2</sup> S. Gargas, Geschichte der Nationalökonomie in alten Polen, Berlin, 1925, стр. 87—88. Действительно, шляхетские хозяйства, особенно крупные, стали в довольно значительном количестве сбывать свою продукцию на рынок. Приказчик А. Конецпольского Э. Шелейко заявил, например, 9 июля 1646 г. в Львовском городском суде, что он гонит 1 000 волов своего пана, полученных им «из его украинских имений от поволовщины», на «Ярославскую ярмарку или туда, где их можно будет лучше всего продать» (Филиал ЦГИА УССР во Львове, ф. 9, Львовский городской суд, т. 396, л. 1362). 9 июля 1638 г. М. Калиновский дал расписку гданскому купцу Дементсу в получении от него 108 000 злотых за поташ высшего качества из его уманских и др. украинских имений (там же, л. 23).

таким способом: же скоро только почнет днити, теде заразом до роботы выходити кажут, а з роботы аж година альбо 2 в ночь пускают, а коли орут, теде жебы у кожного тройчу челяди было расказуют для того, жебы оден з них только сивши ел, а другие робили, а коли се оден наест, зараз идет до плуга, а доперс другий од плуга ести, потом зась знову... завше за плугом идут». За не-выход на работу взимали штраф в размере 15 грошей с человека, заставляя, кроме того, отбывать ее в другое время<sup>1</sup>.

Нередко барщина достигала шести дней в неделю, так что крестьянину совсем не оставалось времени для обработки своего поля. Крестьяне Яворского староства, например, подали в начале 1644 г. жалобу на старосту Я. Собеского и его наместника, которые «их принуждают к незаконным работам в течение целой недели как с лана и поллана, так и с четверти лана, вымеряя им на каждый день для пахоты по тридцать загонов поля»<sup>2</sup>. По поводу этих невиданных размеров барщины польский писатель Х. Опалинский говорит, что там, где раньше «два или три дня работали в неделю, теперь временами крестьяне не имеют ни одного свободного дня»<sup>3</sup>. Рост барщины приводил к упадку, к деградации крестьянского хозяйства. Шляхтянка Е. Курцевич, например, заявила, что ее подданные так обременены арендатором барщиной, что «намней ничего... себе свое домовое работы и поля не робят, не орут, сеножатеи не косят и збожа... не маючи часу на тую свою работу вольного, не починали и не жнут»<sup>4</sup>.

Кроме барщины, крестьяне принуждались к отбыванию многочисленных других натуральных и денежных повинностей — подымщины (налог со двора), поволовщины (налог со скота), поголовщины (подушное) и т. д. Крестьяне, сообщает Боплан, помимо панщины, дают пану, «сообразно количеству получаемой от него земли, много мер хлеба, множество каплунов, кур, гусей и цыплят к Пасхе, Троице и Рождеству... десятины от баранов, поросят, меда, всех плодов и третьего быка через каждые три года. Одним словом,— заключает он,— они принуждены отдавать своему господину все, что тому вздумается потребовать»<sup>5</sup>.

Крестьяне отбывали также повинности и уплачивали налоги в пользу церкви и государства. «Сто ртов и языков... нехватило бы, — говорит Х. Опалинский, — чтобы описать притеснения крестьян», с которых немилосердно «дерут шкуру в городе, в харчевне, в усадьбе и в церкви». Опалинскому вторил писатель Ст. Старовольский: «Велико в Польше живодерство старост и арендаторов казенных поместий, которые возлагают на убогих королевских крестьян всякие повинности, работу и подати, а иные и у своих собственных чуть ли не кожу сдирают». «Кре-

<sup>1</sup> Воссоединение Украины с Россией, т. 1, док. 66, стр. 115.

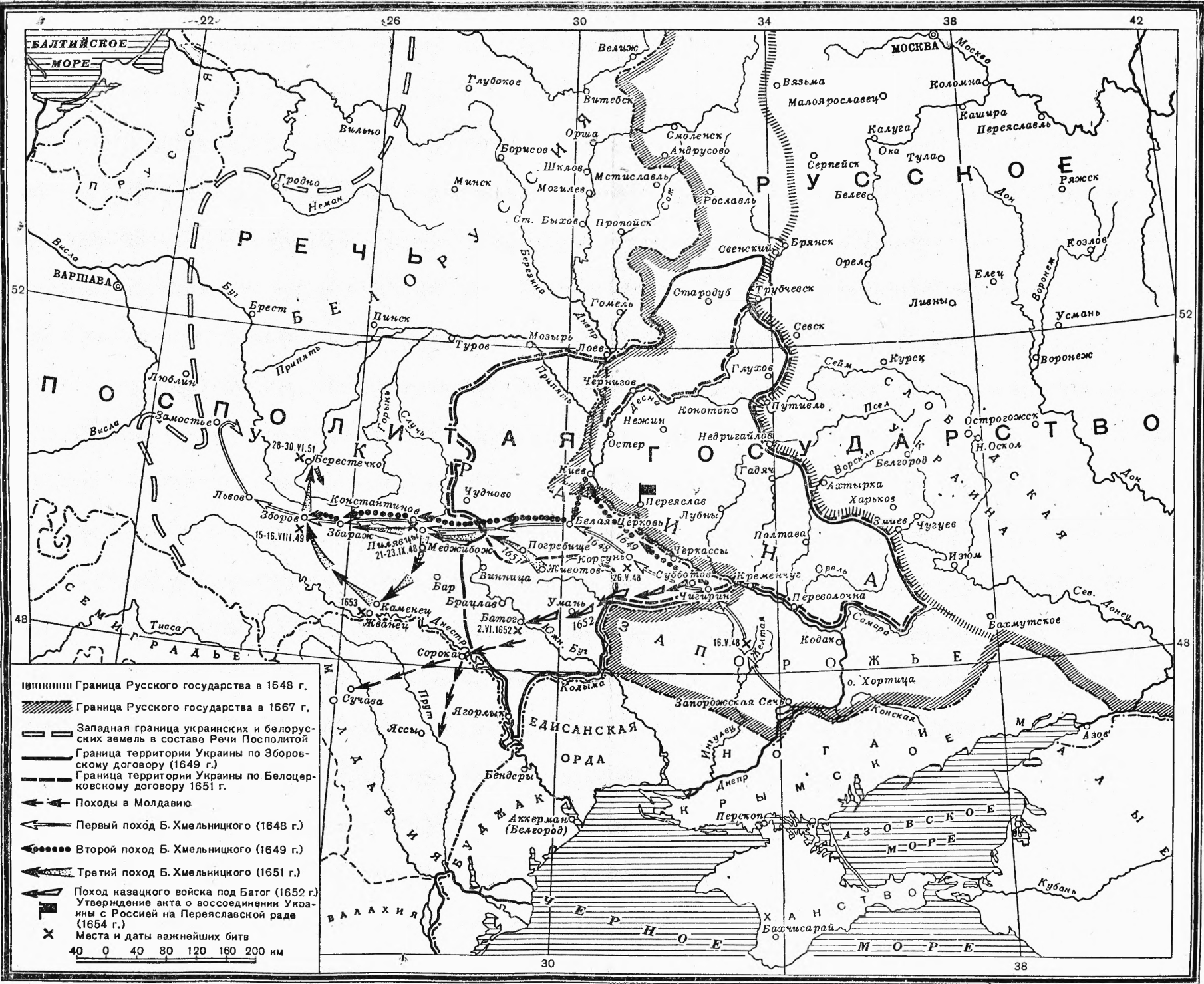
<sup>2</sup> Там же, док. 229, стр. 374.

<sup>3</sup> Хрестоматия по истории средних веков, т. III, стр. 280.

<sup>4</sup> Воссоединение Украины с Россией, т. 1, док. 66, стр. 115.

<sup>5</sup> *Ги де Боплан*, Описание Украины, стр. 304.





- Граница Русского государства в 1648 г.
- Граница Русского государства в 1667 г.
- Западная граница украинских и белорусских земель в составе Речи Посполитой
- Граница территории Украины по Зборовскому договору (1649 г.)
- Граница территории Украины по Белоцерковскому договору 1651 г.
- Походы в Молдавию
- Первый поход Б. Хмельницкого (1648 г.)
- Второй поход Б. Хмельницкого (1649 г.)
- Третий поход Б. Хмельницкого (1651 г.)
- Поход казацкого войска под Батогом (1652 г.)
- Утверждение акта о воссоединении Украины с Россией на Переяславской раде (1654 г.)
- Места и даты важнейших битв

0 40 80 120 160 200 км





стьян, — писал в 1606 г. неизвестный сандомирский шляхтич, — у нас не считают людьми, хорошо еще что в плуг не запрягают»<sup>1</sup>. Поистине потрясающую картину бесправия и угнетения крестьян в Польше нарисовал анонимный автор XVII в. Каждый шляхтич, по его словам, «безжалостно обходится с подданными, отбирает у них поля... обременяет непосильными работами, взимает огромные штрафы, подвергает тяжкому заключению, избивает, истязает, подрезывает жилы, клеймит, обходится с ними хуже, чем татары, пьет их пот и кровь»<sup>2</sup>.

Вместе с тем следует сказать, что положение крестьян в разных районах Речи Посполитой было далеко не одинаковым. В наиболее тяжелом положении находились крестьяне западных украинских земель. В восточной и юго-восточной части Украины было еще немало слабо заселенных местностей. С целью привлечения сюда поселенцев паны обещали им разные льготы, прежде всего освобождение от повинностей в течение 10—20 и более лет. Крестьяне, желая хоть на время избавиться от непосильного гнета, массами переселялись на новые места, основывая тут слободы и слободки. Однако, как правило, еще задолго до истечения льготного срока феодалы принуждали слобожан к разного рода повинностям и постепенно превращали их в крепостных.

Рост крепостнической эксплуатации в Польше нашел свое юридическое оформление в законодательстве. С конца XV в. правительством было издано множество законов, расширявших власть шляхты над крестьянами и сделавших ее почти неограниченной. «Власть над крепостными, — писал публицист Ст. Ожеховский (1513—1583), — у нас очень суровая, ибо крестьянину нельзя жаловаться на своего господина даже при самых невероятных притеснениях». Г. Боплан в той же связи заметил, что «владельцы пользуются безграничной властью не только над имуществом, но и над жизнью своих подданных; вот как велики, — говорит он, — привилегии польского дворянства, которое живет словно в раю, между тем крестьяне пребывают как бы в чистилище»<sup>3</sup>.

Развитие товарно-денежных отношений, втягивавших в свою орбиту и крестьянское хозяйство, наряду с усилением крепостнической эксплуатации, увеличением налогового бремени и т. д. привело к углублению имущественного неравенства среди крестьян, их социальной дифференциации. В XVI—XVII вв. на Украине появились уже целые категории крестьян, частично или полностью лишившихся своих наделов — загородники, коморники, халупники, наконец гультаи<sup>4</sup>. Известное представление

<sup>1</sup> Historia Polski, т. I, ч. II, стр. 356.

<sup>2</sup> J. Bardach, W 300-па госпнице powstania Kostki Napierskiego, Nowe drogi, № 3, Warszawa, 1951, стр. 98.

<sup>3</sup> Ги де Боплан, Описание Украины, стр. 304.

<sup>4</sup> Загородники — крестьяне, не имеющие своей пахотной земли; коморники — утратившие свое хозяйство и жившие в домах других крестьян;

о степени расслоения крестьянства в отдельных районах Польши и Украины в указанное время дают следующие цифры. В поветах Сандомирском, Вислицком и Пильзенском во второй половине XVI в. количество малоземельных крестьян составляло от 36,5 до 44,7% общего количества крестьянских хозяйств<sup>1</sup>. На Волини в 60 гг. XVI в. коморники и загородники составляли 23 процента общего числа крестьянских хозяйств, а в Подолии — 20 процентов<sup>2</sup>. К первой половине XVII в. обезземеливание крестьянства заметно возросло. Так, с середины XVI до 40 гг. XVII ст. количество малоземельных и безземельных крестьян увеличилось в Перемышльской земле с 28,5 до 38,7 процентов, а в Саночкой с 47,6 до 50 процентов<sup>3</sup>. Тоже нужно сказать о гультях. Уже так наз. Петроковские статуты 1496 г. отмечали существование в Польше «такого количества нищих, что трудно найти другое [государство. — В. Г.], в котором их было бы такое же множество».

С другой стороны, в селе стала появляться и немногочисленная прослойка богатых крестьян, эксплуатировавших в своем хозяйстве труд разорившихся односельчан. Инвентарь сел Житомирского повета от 1635 г., например, делит крестьян на тех, кто «побогаче» [chłopi bogatsze], «победнее» [uboższe] и «еще более убогих огородников» [jeszcze uboższe ogrodnicy]. Богатые крестьяне арендовали землю у менее состоятельных, откупались от несения панщины и в редких случаях даже выкупали себя на волю<sup>4</sup>.

Разбогатевшие крестьяне занимались торговлей продуктами сельского хозяйства и промыслов, иногда в значительных размерах, выступая посредниками в обмене между селом и городом. Приведем несколько примеров, относящиеся к первой половине XVII века. Крестьянин с. Саночек Саночкого повета Н. Пих, торговавший домашней птицей, отпустил в кредит купцу г. Новый Санч В. Зараховичу товар на сумму в 157 злотых<sup>5</sup>. Крепост-

гультян — пауперизованные крестьяне, бродившие с места на место в поисках заработка.

<sup>1</sup> Y. Bardach, W 300-ną rocznicę, стр. 98.

<sup>2</sup> Zródła dziejowe, wyd. A. Jabłonowski, т. XIX, W, 1889, стр. 56.

<sup>3</sup> W. Kramarz, Stosunki gospodarcze w Przemyślu w 1 pol. XVII st., Rocznik Tow. przyjaciół nauk, т. VI, Przemyśl, 1925, стр. 91.

<sup>4</sup> Воссоединение Украины с Россией, т. 1, док. 100, стр. 168—171. В жалобе жителей Львовского староства от 1647 г. говорилось, например, что некоторые из них «издавна держат земли для использования их по погодному найму» (там же, док. 278, стр. 472). В жалобе шляхтича с. Баля от 1639 г. упоминается крестьянин И. Лиговят, который, «чтобы панщины не обрабатывать, дал 8 зл.» (там же, док. 176, стр. 290). Нунций Ф. Ругиери во 2 пол. XVI в. писал о крестьянах, которые подчас выкупаются на свободу, уплачивая своему пану по 8 скудий с души. (Relacye nuncyuszów apostołskich o Polsce od 1548 do 1690 г., т. I, Berlin — Poznań, 1864, стр. 128—129).

<sup>5</sup> Филиал ЦГИА УССР во Львове, ф. Саночкий гродский суд, д. 159, л. 273б; там же, д. 160, лл. 261—262; там же, ф. Львовский гродский суд, д. 389, л. 1141. См. диссертацию М. В. Горна, Классовая борьба крестьян Русского воеводства в XVII в., Львов, 1948, стр. 107.

ные крестьяне того же повета Н. Данилович, И. Качмаш и Г. Половецкий, торговавшие волами, взяли в кредит у таких же крепостных торговцев Ф. Шестерняка и С. Заневят 1000 злотых. Крестьяне Львовского повета Игнат Павлишин из с. Мышковиц, принадлежавших Конецпольскому, и Г. Шкута из с. Денисова, принадлежавшего хорунжему Дзику, также торговали волами. В г. Львове они продали мещанину Ю. Дзюрдию: первый 48 откормленных волов по 22 злотых за голову, второй—70 волов по 27 злотых. Имеются интересные данные о существовании в первой половине XVII в. своеобразной торговой компании, состоявшей из крестьян сел Торки и Коровники Медынского староства. В компанию входил, кроме крестьян Д. Гаречкова и Г. Поповича, местный священник. Торговый оборот этой компании, надо полагать, был очень значительный, так как в 1620 г. компаньоны взяли займы у мещанина г. Переворска Я. Глитча 10 000 злотых<sup>1</sup>. Чтобы составить более точное представление о значительности этой суммы, достаточно сказать, что арендная плата со среднего поместья не превышала 3—3,5 тыс. злотых.

В руках отдельных разбогатевших крестьян, таким образом, накапливались довольно крупные по тому времени денежные суммы. Трембовельский староста Г. Балабан, например, конфисковал в 1640 г. у крестьян д. Перегинск: у Ф. Смуховича и И. Кропивича по 140, у Ф. Сенковича 150, у П. Дзяйка 168, у О. Мельницковича 200, у Г. Гадынка и атамана Мича по 400 злотых<sup>2</sup>. Бывали даже случаи, когда крестьяне ссужали деньгами своих господ. Подданный шляхтича М. Мокрского из Саноцкого повета Ф. Голуб одолжил своему пану 200 злотых, а Степан Струц из с. Вильшаница дал в долг шляхтичу Домбровскому 1500 злотых<sup>3</sup>.

Богатые крестьяне применяли в своих хозяйствах труд наймитов, а также загородников, халупников и т. д. Как видно из документов, в 1563 г. у шляхтича Войцеховского сбегали крестьяне «Васечко з наймитом, Прись из сыни и наймитами». В 1582 г. шляхтич М. Хорьковский жаловался в Луцкий градский суд на то, что от него бежало десять его подданных с семьями и с наймитами [«с паробки своими»]<sup>4</sup>. 23 октября 1632 г. трое украинцев, перешедших в Россию, рассказали путивльскому воеводе, что они «рабочие люди, опричь работы ничего не знали и нигде не бывали». Один из них, Р. Потапов, показал: «жил в деревни Козлиничи у крестьянина у Бориска из найму пол 2 года, да в деревни Сахачи у крестьянина у Ивашки жил пол 2-ж

<sup>1</sup> Starodawne prawa polskiego pomniki, т. II, с. 484—485.

<sup>2</sup> Воссоединение Украины с Россией, т. I, док. 185, стр. 307—308.

<sup>3</sup> Филиал ЦГИА УССР во Львове, ф. Саноцкий градский суд, д. 157, л. л. 296—298; там же, д. 157, л. л. 891—893. См. диссертацию Ю. М. Гроссмана, Экономическое положение королевских крестьян Червоной Руси в I пол. XVII в., Львов, 1949, стр. 285.

<sup>4</sup> Архив ЮЗР, ч. VI, т. 1, стр. 45, 129—131.

года..., а товарищи ево... у иных крестьян». Шляхтянка Е. Курцевич писала в своей протестации от 1631 г., что у отдельных ее «подданных в дому челяди [работники.— В. Г.] есть»<sup>1</sup>.

То, что наемный труд к середине XVII в. стал уже довольно распространенным явлением в сельском хозяйстве, подтверждает украинский летописец Самовидец. Описывая войну 1648—1654 гг., Самовидец сетует на то, что в то время «трудно было о наймита»<sup>2</sup>. Особенно широко труд наемников использовался на промыслах — поташных, селитренных и прочих. В арендном контракте от ноября 1643 г. гетман С. Конецпольский даже специально предостерегал будников, чтобы они «один у друго будную челядь не переманывали»<sup>3</sup>.

Положение наймитов, труд которых зачастую носил кабальный характер, было чрезвычайно тяжелым. Они подвергались жестокой, никем и ничем, кроме голого произвола работодателей, не ограничиваемой эксплуатации. О нищенской заработной плате наемного работника в конце XVI—нач. XVII вв. можно судить хотя бы по следующим данным. Поденщик в 1580 г. получал  $1\frac{1}{3}$  гроша, в то время как четверть пшеницы в те времена стоила 0,54 злота<sup>4</sup>. Если принять злот за 30 грошей, то поденная плата наймита равнялась приблизительно одной одиннадцатой части четверти пшеницы. Иными словами, за четверть пшеницы наймит должен был работать почти полмесяца. Столь же мизерной была зарплата работников на промыслах. Нунций И. Липпомано, посетивший в 1575 г. Величские соляные копи, говорил об ужасных условиях труда в шахтах, в результате чего очень много работников оказывались жертвами несчастных случаев. «Удивительно, что на место погибших всегда находится много других, которые за очень низкую плату — несколько грошей в день, нанимаются на работу, явно связанную с опасностью для жизни. В древности,— заключает он,— разве только преступников могли принуждать к подобным подземным работам»<sup>5</sup>.

Тем не менее, расширение применения наемного труда в условиях развития товарно-денежного хозяйства служит ярким свидетельством зарождения, пусть еще весьма слабых, буржуазных отношений в сельском хозяйстве и промыслах Украины XVI—XVII вв.<sup>6</sup> Вместе с тем надо иметь в виду, что условия

<sup>1</sup> Воссоединение Украины с Россией, т. I, док. 73, стр. 126, док. 66; стр. 115.

<sup>2</sup> Летопись Самовидца, стр. 20. Величко отмечает, что в связи с бегством Хмельницкого в Сечь был издан указ, повелевавший, «жеби не тилко сами господари для своих промислов до Сечи... не важилися, але и челяди своєї туда посилати або конечно не дерзали» (Летопись С. Величко, стр. 30).

<sup>3</sup> Воссоединение Украины с Россией, т. I, док. 224, стр. 363.

<sup>4</sup> A. Szełagowski, Pieniądz i przewrót cen w XVI i XVII w. w Polsce, Lwów, 1902, стр. 155, 237.

<sup>5</sup> Relacye papięczyków, т. 1, стр. 241.

<sup>6</sup> К этому можно добавить, что многие обедневшие крестьяне и батраки искали работу как в городах, так и в соседних землях, в частности в России,

для развития новых отношений были чрезвычайно неблагоприятными. Даже положение богатых крестьян было крайне неустойчивым, поскольку они целиком зависели от произвола и капризов панов или государственных властей. «Если и найдутся среди них богатые, — писал польский публицист Ф. Моджевский, — то они вынуждены претерпевать много зла от своих дурных господ, которые всячески притесняют и грабят их»<sup>1</sup>. Понятно, что хотя имущие крестьяне находились в лучшем положении сравнительно с беднотой, но для нормального развития их хозяйств тоже существовал лишь один общий для всего крестьянства путь — освобождение от крепостничества.

Спасаясь от растущего феодального гнета, крестьяне бежали на восток — в привольные украинские степи. На новых местах беглецы считали себя вольными людьми — казаками. Возникновение казачества — свободного от крепостничества слоя населения — имело большое значение. Казацкие слободы в Южном Поднепровьи с начала XVI в. становились все более многочисленными. Главное место в хозяйственной жизни казаков занимали земледелие и скотоводство, а также промыслы. Казацкие общины существовали на началах самоуправления. На сходках (радах) казаки решали свои общественные дела, выбирали старшин — атаманов, сотников и т. д.

Польские и литовские феодалы не могли, естественно, мириться с бегством их крестьян, становившихся вольными — казаками. Они с вождедением смотрели на освоенные казаками новые земли, предпринимали все, чтобы захватить их и вернуть своих бывших крепостных в прежнее состояние. Немалую роль при этом играл и страх панов перед революционизирующим влиянием казачества на крепостных крестьян.

Необходимость защищать себя от нападений феодалов, а также от набегов соседних кочевников — прежде всего крымских татар, которые причиняли тяжкие страдания украинскому народу<sup>2</sup>, способствовала зарождению своеобразной военно-политической организации казачества, основанной на выборности должностных лиц — старшин и самоуправлении.

Однако, несмотря на героический отпор казаков, панам на протяжении XVI в. удалось все же захватить значительную часть казацких земель. Все более теснимые панами, многие казаки

---

о чем будет речь ниже. В люстрации г. Ярослава от 1629 г., например, значится: «гультяи, которые домов своих не имеют и нанимаются на работу» (Starożytna Polska, т. II, Warszawa, 1885, стр. 800).

<sup>1</sup> S. Gargas, *Poglądy ekonomiczne w Polsce XVII w.*, Lwów, 1903, стр. 106.

<sup>2</sup> Татары проникали в самые глубинные места Украины, грабили, убивали людей, сжигали поселения, захватывали и уводили в неволю людей. Один из свидетелей такого набега писал: «мы видели, как их [людей, — В. Г.] убивали, обезглавливали, разбрасывали их отрубленные члены и головы, жестокий враг бросал в огонь их трепещущие сердца, вырывал их легкие и обнажал внутренности» (Мемуары, относящиеся к истории Южной Руси вып. 1, К., 1890, стр. 22).

стали отступать еще далее на юг, на Запорожье. Тут в первой половине XVI в. возникла Запорожская Сечь, ставшая центром борьбы украинского казачества против крепостнического и национального гнета и сыгравшая видную роль в истории украинского народа. К. Маркс высоко оценил значение Запорожской Сечи, общественно-политическому устройству которой, особенно в первое время, были присущи определенные черты демократизма (формальное равенство прав казаков, право выбора старшин, участия в радах и т. д.). Называя Сечь «казацкой республикой», К. Маркс подчеркнул одновременно, что с ее возникновением «дух казачества разлился по всей Украине»<sup>1</sup>.

Вместе с тем надо иметь в виду, что казачество, в том числе запорожское, никогда не представляло собой однообразной в социальном отношении массы, так как от крепостничества в казаки бежали различные по своему имущественному положению элементы, начиная от имущих и кончая самыми бедными-гультаями. На новых местах имущественное неравенство еще больше углублялось. Это приводило к тому, что в среде казачества не прекращалась острая классовая борьба.

Правительство панской Польши, чтобы подорвать силу сопротивления казачества, а значит, и украинского народа в целом, решило использовать социальные противоречия в его среде и набрать из богатых казаков особое войско — реестровое<sup>2</sup>. Первоначально, в 70-х годах XVI в., реестровое казачье войско насчитывало всего ок. 300 чел., но впоследствии, в первой половине XVII в., оно было увеличено до 6 000 человек. Образование реестра привело, в частности, к тому, что отныне официальное признание получили лишь зачисленные в него казаки — реестровцы. Все же остальное казачество, т. е. громадное его большинство, очутилось перед угрозой неминуемого возвращения в крепостничество.

За службу в войске, отбываемую «по очереди», реестровцы пользовались некоторыми льготами: они считались лично свободными, были избавлены от повинностей в пользу панов, от некоторых государственных податей, получали небольшое жалованье из казны и т. д. Первое время за реестровцами были сохранены и некоторые атрибуты их традиционной общественной организации — право созыва рад, выбора старшин и др.

Основная масса реестровцев проживала в южном Приднестровье, где она и отбывала главным образом службу. Реестровое войско было официально названо «Низовым», или «Запорожским казацким войском», хотя в действительности не имело ничего общего с Запорожьем, за исключением разве того, что было обя-

<sup>1</sup> См. подробнее об этом нашу работу «Запорожское казачество», К., 1957, стр. 69, 119 и др.

<sup>2</sup> Каждый зачисленный в войско казак записывался в особый, утвержденный правительством список (реестр). Отсюда и войско это стало называться реестровым.

зано содержать там (севернее днепровских порогов) постоянную залогу (гарнизон) в несколько сот человек. Центром реестрового войска, делившегося в военном и административно-территориальном отношении на полки и сотни, стал г. Терехтемиров (на правом берегу Днепра, против Переяслава). Тут было постоянное местопребывание старшего — гетмана реестра (сначала избравшегося казацкой старшиной, а впоследствии назначавшегося правительством) и его помощников — войскового писаря, судьи, обозного и др. В Терехтемировском арсенале хранилась войсковая артиллерия, знамена, бунчуки, литавры. В Терехтемирове же, в котором сосредотачивалось все управление реестровым войском, находился и госпиталь для больных и раненых казаков.

Реестровое казачество, однако, также не было однородным в имущественном отношении. Верхушку его составляли богатые реестровцы — владельцы хуторов, мельниц, рыболовных, поташных и селитренных промыслов, чумацких обозов и т. д. Богатые реестровцы, как и реестровая старшина, которая выходила из их среды, эксплуатировали в своих хозяйствах труд зависимых крестьян, а также наймитов. Поскольку, однако, реестровцы жили в Южном Приднепровье, т. е. на окраине страны, где крепостнические отношения не могли быть столь прочными, как в центре, в хозяйстве богатых казаков и старшин, особенно в промысловом, довольно широкое распространение получил наемный труд.

Известное представление о степени внедрения наемного труда в старшинское и богатое казачье хозяйство в первой половине XVII в. дают следующие данные. Весной 1652 г., во время освободительной войны украинского народа против панской Польши, с Украины в Россию переселился Черниговский казачий полк во главе с полковником И. Дзиковским. В этом полку насчитывалось 19 старшинских, 845 казачьих и 20 хозяйств «пашенных мужиков». Русские пограничные власти составили подробное описание хозяйств переселенцев, выделив, в частности, наемных работников — «челядников, кто у кого прислуживает». Из 19 старшинских хозяйств наемный труд применяло 12 (63 процента), а из 845 казачьих — 75 (9 процентов)<sup>1</sup>. При этом 8 старшинских хозяйств имело по одному, 2 хозяйства — по три, одно — четыре, а одно (полковника И. Дзиковского) даже более восьми работников. Что же касается казачьих, то тут 65 хозяйств имело по одному, 8 — по два, одно — трех и одно четырех работников<sup>2</sup>. В отдельных крупных старшинских хозяйствах наймиты насчитывались

<sup>1</sup> И М. Миклашевский, К истории хозяйственного быта Московского государства, ч. 1, М., 1894, стр. 249. То обстоятельство, что «челядник» и «наймит» — два названия одной и той же социальной категории не может вызывать сомнения. Во-первых, челядники служили не только у старшины, но и у рядовых казаков, во-вторых, мы встречаем их у купцов. Так, например, у украинского купца из м. Веприка Павлика в 1664 г. имелось «челядников... два человека» (Акты ЮЗР, т. X, СПб, 1878, стр. 272—273).

<sup>2</sup> Там же, стр. 249—259.



десятками. Так, в 1650 г., т. е. тоже во время освободительной войны, белгородский воевода Репнин сообщил, что на р. Мерле, «против Грушков», находится селитренная варница, «А варит на варнице гетманский крамор (эконом. — В. Г.) Миско Миргородский, а работников на варнице сто человек литвы»<sup>1</sup>. Приведенные данные о применении наемного труда свидетельствуют о проникновении элементов буржуазных отношений также в богатое казачье и старшинское хозяйство, хотя основу последнего составлял труд зависимых крестьян.

подавляющая масса реестровцев — это средние и отчасти бедные казаки — «сиромахи». Последние нанимались не только к старшинам и богатым казакам, но продавали свой труд там, где только это было возможно. 13 июля 1652 г. путивльский помещик Л. Волынцев жаловался, что от него ушло 6 семей украинских казаков, которые «жили у Волынцева в деревне из найму»<sup>2</sup>. Часто обедневшие казаки нанимались даже к богатым крестьянам. 2 октября 1632 г. работник Роман Потапов показал на допросе, что он «казачий сын» и жил у крестьян разных левобережных сел «из найму»<sup>3</sup>.

Следует подчеркнуть, что положение рядовой массы реестровцев и отчасти даже низшей старшины в условиях панской Польши было весьма неустойчивым. В вопросе о реестре в самих правящих польских кругах не было единства. Во время как королевская власть пыталась в интересах всего господствующего класса увеличить численность реестра (смотря по обстоятельствам) до необходимых ей размеров, восточноукраинские магнаты стремились к его всемерному сокращению и превращению реестровцев в своих крепостных. Не без оснований А. Ригельман (XVIII в.) писал, что магнаты «вознамеревались их [реестровцев. — В. Г.] совсем уничтожить, о чем хотя и приносимы на то от них [реестровцев — В. Г.] королю жалобы, но вельможи в том перемогали»<sup>4</sup>. Постепенно реестровцы, особенно беднота, оказались в положении, мало чем отличавшемся от положения зависимых крестьян. «Бысть... Козакам войска Запорожского от панов польских [чит. магнатов. — В. Г.] и их дозорцев, мимо волю Королевскую и Речи Посполитой, утеснение, озлобление, всеконечное знищене и разорение», — писал по этому поводу летописец С. Величко<sup>5</sup>. Эта картина дополняет

<sup>1</sup> ЦГАДА СССР, ф. Сношения России с Польшей, 1650 г., д. 1а, л. 656. *Курсив наш*. О наймитах в хозяйстве Богдана Хмельницкого и других старшин говорит и русский гонец И. Фомин. 13 августа 1653 г. он сообщил в Москву о челядниках Хмельницкого и Выговского, присланных пригласить его из Чигирина в Субботов. (Акты ЮЗР, т. III, стр. 498).

<sup>2</sup> ЦГАДА СССР, ф. Сношения Украины с Россией, 1652, д. 1а, лл. 184—186.

<sup>3</sup> Воссоединение Украины с Россией, т. 1, док. 73, стр. 126.

<sup>4</sup> Летописное повествование о Малой России А. Ригельмана, М., 1847, стр. 42.

<sup>5</sup> Летописец С. Величко, т. I, стр. 19—20.

ся Г. Грабянкой. Польские паны, пишет он, «людям Украинским и Козакам налагаху насилия... от чести и власти изгоняху, суду не даяху, Козаков всячески озлобляху, от всякого быдла и пчел десятое взимаху. Имет ли кто зверя, кожу дай пану, имет ли рибу, дай урочную... от военных корыстей... дай хлопе на пана... Аще же когда случится на Козака вина и малая, то таковыми муками их казняху, яко ниже погане таковых смишляху мучений»<sup>1</sup>.

Утеснения местными панами и польскими властями рядовых реестровцев возрастали с каждым десятилетием, в особенности же после подавления восстания 1637—1638 гг., когда численность реестровцев, принимавших участие в восстании, была резко сокращена. После этого, как отмечает Самовидец, казаков даже заставляли «панщины робити, на службу замковую обернено... до хандоження коней старостове держали, в дворах... печи палити, псов хандожити, двор заметати и до инших незносных дел приставляли»<sup>2</sup>. Дело дошло до того, что, например, черкасский подстароста Я. Смяровский за «ослушание» приказывал выкалывать казакам глаза.

Реестровая старшина, в том числе та ее часть, которая принадлежала к украинской шляхте, также подвергалась нередко разным ограничениям и стеснениям. С течением времени правительство стало назначать не только на высшие, но и на низшие старшинские должности польских шляхтичей: «сотников, — пишет, например, Самовидец, — не козаки [уже. — В. Г.] оббырала и настановляли але полковники кого хотели с своей руки»<sup>3</sup>. Это еще больше увеличивало недовольство реестровой старшины.

XVI и первая половина XVII в. были временем довольно значительного развития городской жизни на Украине, появления новых и расширения старых городов и местечек. Показателем этого могут служить прежде всего данные о расширении городов. В Киеве, например, за три четверти века, с 1552 по 1622 г., по подсчетам А. Яблоновского, количество домов увеличилось с 487 до 1750, т. е. без малого в 3,6 раза, Житомир с 224 до 578, т. е. почти в 2,5 раза, Виннице с 249 по 787, т. е. более чем в 3 раза, Остроге с 120 до 291, т. е. в 2,5 раза, Каневе с 226 до 1500, т. е. больше чем в 6,5 раза, Черкассах с 257 до 1000, т. е. в 4 раза и т. д.<sup>4</sup> В XVI в. в Холмской земле появилось 4, Перемышльской 5, Белзской 8, Львовской 11, Галицкой 13 новых городов и местечек.

<sup>1</sup> Летопись Г. Грабянки, стр. 31—32.

<sup>2</sup> Летопись Самовидца, стр. 3.

<sup>3</sup> Летопись Самовидца, стр. 4. Сыновья реестровцев уже не признавались казаками и должны были отбывать повинность наряду с крепостными: «хочай и сын козацкий, тую же панщину мусел робити и плату давати» (там же, стр. 5).

<sup>4</sup> *Zródła dziejowe*, wyd. A. Jablonowski, т. XXII, Warszawa, 1897, стр. 251. А. Яблоновский отмечает при этом, что приведенные данные о росте городов очень неполны: в них не включены те категории хозяйств, которые не подлежали обложению.

На Подолии в конце XVI в. насчитывалось 37, а на Волини 68 городов. К середине XVI в. один город приходился в Холмской земле на 9 кв. миль, в Перемышльской на 8,1, в Белзской на 9,2, Львовской 7,1, Галицкой 5,5 кв. миль<sup>1</sup>.

Несмотря на то, что значительная часть городского населения особенно в местечках, продолжала заниматься земледелием, новые города в целом являлись средоточием ремесла и торговли. В городах Саноцкой земли в конце XVI—начале XVII в., по весьма неполным данным, насчитывалось 279, Галицкой 239, Холмской 510, Львовской (без Львова) 242, Белзской 588, Перемышльской 980 ремесленников разных специальностей. В одном м. Сатанове, на Подолии, согласно люстрации 1578 г., было 57, а в Каменец-Подольском 130 ремесленников. На ремесленно-торговый облик городов западноукраинских земель в XVI в. указывали королевские люстраторы, которые отметили, что «хлеб, хотя и не спускают его отсюда до Гданска, он и здесь, в этом краю, находит ежегодно хороший сбыт, потому что городов много, людей в них достаточно, и купцы приезжают со всех сторон»<sup>2</sup>.

Углубление общественного разделения труда и рост рыночных связей привел к известной специализации ремесла, к переходу ремесленников от работы на заказ к работе на рынок. «Не могли себя обеспечить только работой на заказ все 145 сапожников г. Острога, 42 сапожника г. Кременца, 42 — Полонского, 27 — Бережницы, 22 токаря Барановки и т. д.», справедливо замечает А. И. Баранович<sup>3</sup>.

Среди украинских городов своими размерами и значением выделялись Киев, Каменец-Подольск, Луцк, Львов, Перемышль. О Киеве, например, итальянец А. Кампензе в 1523 г. писал, что это «один из красивейших и богатейших городов, несмотря на то, что был разграблен и разорен вконец жестокостью и неистовством татар»<sup>4</sup>. Наряду с Львовом Киев играл крупную роль не только во внутренней, но и международной торговле. К середине XVI в. в Киеве было около 20, а во Львове 26 различных ремесленных специальностей. Во всей Польше и даже за границей Львов приобрел славу «школы ремесленников» (*seminarium mechanicorum*). Высокое развитие получило во Львове литейное дело. В 1549 г. один из львовских мастеров обязался отлить колокол весом в 54 пуда. Он же отливал пушки для Львова, Житомира и Кременца<sup>5</sup>. Львов был крупнейшим на Украине

<sup>1</sup> *Zródła dziejowe*, т. XVIII, ч. II, Warszawa, 1903, стр. 69—70; т. XIX, Warszawa, 1889, стр. 15; т. XVIII, ч. II, стр. 71—73, 150.

<sup>2</sup> *Е Дракохруст*, Галицкое Прикарпатье в XVI в., «Вопросы истории», № 1, 1948, стр. 42.

<sup>3</sup> *А. И. Баранович*, Украина накануне освободительной войны, стр. 144.

<sup>4</sup> Библиотека иностранных писателей о России, т. I, отд. 1, СПб, 1836, стр. 19—20.

<sup>5</sup> *В. Модзалевський*, До історії українського лярництва, Збірник секції мистецтва, т. I., К., 1921, стр. 4.

центром пушечного и оружейного производства. Гетман Ян Тарновский, например, закупил в 1547 г. у трех львовских купцов 21 воз холодного оружия, 115 ружей, а также 17 возов железа<sup>1</sup>. Во Львов для закупки оружия накануне освободительной войны отправил своих доверенных и Б. Хмельницкий. Вообще произведения ремесленников Львова, Киева, Брод, Каменца и др. городов — оружие, ювелирные изделия, сукна, полотна, пояса, шапки, рукавицы и др. находили сбыт не только на Украине, но вывозились за ее пределы, главным образом в Россию и Молдавию.

Ремесленники почти всех украинских городов были объединены по профессиональному признаку в средневековые корпорации — цехи. Рост рыночных связей, увеличение спроса на ремесленные изделия содействовали появлению первых признаков разложения цехов. В ремесле стала зарождаться т. н. капиталистическая работа на дому<sup>2</sup>. Но условия для развития этих зачаточных форм капиталистического производства на Украине также были очень неблагоприятными.

В целом мещанство украинских городов распадалось на антагонистические социальные слои: верхушку его составлял городской патрициат, цепко державшийся за свои сословные привилегии. Не представляла собой единого целого и основная масса городского населения. Кучке богатых мещан противостоял слой среднего и бедного мещанства — мелких торговцев, мастеров, подмастерьев и т. д. Между эксплуатируемыми и господствующими группами населения города шла жестокая, никогда не прекращавшаяся классовая борьба.

Политический строй Речи Посполитой, отличавшийся слабостью центральной власти, тормозил социально-экономическое развитие городов — ремесла и торговли. Магнаты и богатая шляхта всячески препятствовали выходу городов из под их власти и превращению в магдебургии. В результате этого в XVI—XVII вв. в Речи Посполитой имелось такое большое количество частновладельческих городов, какое в это время уже не бывало ни в одной европейской стране. Так, в Киевском и Брацлавском воеводствах в 1625 г. из общего числа 323 городов и местечек частновладельческих было 261, т. е. около 81 процента, королевских — всего 52, т. е. 16 процентов, остальные 10 городов (3 процента) принадлежали церкви<sup>3</sup>.

Владельцы городов или их управляющие заставляли мещан платить многочисленные поборы и отбывать тяжелые повинности, связанные с сооружением и ремонтом городских укреплений,

<sup>1</sup> В. Січинський, Нариси з історії української промисловості, Львів, 1938, стр. 206.

<sup>2</sup> См.: нашу работу «О цеховом ремесле и зарождении капиталистического производства на Украине в XVI — первой пол. XVII вв.», Ученые записки Киевского финансово-экономического института I, № 7, К., 1959, стр. 208 и др.

<sup>3</sup> Zródła dziejowe, т. XXII, стр. 241.

стесняли торговлю горожан и т. д. Так было не только в частновладельческих, но даже в королевских городах. 12 февраля 1622 г. житомирские мещане жаловались на подстаросту и арендатора, которые не соблюдают привилеев, не допускают ярмарок и торгов, взимают повышенные пошлины, выгоняют на починку моста и т. д.<sup>1</sup> Владимирские мещане (на Волыни) подали 2 ноября 1644 г. жалобу на старосту Ив. Стемпковского, который «яко хочет платити собе и пинязи давати з великим утяженем и плачем убогих людей кажет... также на ринку у резников — мяса, у пекарев — хлебы, у рибаков — риби... и иншие всякие розмаитные ярины... и у обчих людей... на торги и ярмарки приезжающих [текст док. попорчен.— В. Г.]... уставлене берет и николи за жадную реч никоmu ничего не платит»<sup>2</sup>. «Городская торговля, — писали в июне 1647 г. львовские мещане в своей жалобе сейму, — ныне из-за больших, непосильных поборов оказалась совсем нарушенной»<sup>3</sup>.

Города Речи Посполитой, за единичными исключениями, не пользовались правом представительства в сейме и, таким образом, не могли законодательным путем защищать свои интересы. Из-за сопротивления магнатов и шляхты правительство не могло проводить политику покровительства отечественному ремеслу и торговле в их борьбе с иностранной конкуренцией. Более того, шляхта пользовалась множеством льгот на ввоз иностранных товаров, и это серьезно подрывало экономику городов государства. Неудивительно поэтому, что уже к середине XVI в. пассивный баланс внешней торговли Польши составлял ежегодно 10 млн. польских злотых.

Положение украинского мещанства отягощалось еще целым рядом дополнительных стеснений. Украинским мещанам даже во Львове был закрыт доступ в отдельные цехи. Их ограничивали также в торговле<sup>4</sup>, в праве участия в городском самоуправлении, принуждали жить в отдельных кварталах, обычно на окраине городов (во Львове, например, они могли жить на одной Русской улице).

Феодално-крепостнический гнет, тяготевший над украинскими народными массами, усугублялся и отягощался национальным угнетением и религиозными преследованиями. Проводя политику насильственного ополячивания украинского народа, польские паны вытесняли из употребления украинский язык, грубо попирали традиционные местные обычаи, подвергали унижению и поруганию украинскую национальную культуру.

<sup>1</sup> Воссоединение Украины с Россией, т. 1, док 13, стр. 26.

<sup>2</sup> Там же, док. 234, стр. 391.

<sup>3</sup> Там же, док. 277, стр. 471.

<sup>4</sup> 16 января 1578 г. львовские мещане украинской национальности подали жалобу на членов магистрата, которые «не позволяют купцам продавать локтевое сукно и заниматься другой торговлей, покупать дома в пределах города» и т. д. (Филиал ЦГИА УССР во Львове, ф. 9, т. 338, л. 210).

Национально-религиозные преследования особенно возросли после т. н. Брестской унии 1596 г. Уния, проводимая при участии небольшой кучки высших православных церковных деятелей и приведшая к подчинению части православной церкви Ватикану, рассматривалась польскими панамы как наиболее удобное средство постепенного ополячивания украинского народа, а также искусственного отделения его от братского русского народа. Польское правительство совершенно открыто насаждало унию и католицизм на Украине. 4 января 1593 г. львовские мещане — украинцы подали жалобу на архиепископа Яна Суликовского, который «принуждал с большим насилием мещан оседлых и детей наших и челядь нашу к повинновению костелу папешскому... муча заключением и карая штрафами». Правительство передавало католикам и униатам украинские церкви, монастыри, школы и пр. 18 февраля 1635 г., например, был издан королевский указ о передаче православного Новгород-Северского Спаского монастыря иезуитам, об учреждении в Новгород-Северске иезуитского коллегияума и школы. Вместе с тем указ запрещал православным иметь свои школы, дабы последние не чинили «помеху отцам иезуитам и школам их»<sup>1</sup>.

Поддерживаемые правительством и панамы, иезуиты организовывали погромы православных, нападения на их больницы, школы и т. д. В августе 1634 г. учителя и студенты Луцкого иезуитского коллегияума напали «з шаблями, кордами, рушницами» на православную церковь и находящиеся при ней больницу и школу, причем одни «до церкви... и до шпиталя впадши... друками бити и штурмовати почали», а другие «оружем увияючисе, хлопят з школы... битем розогнавши.. уломных людей шпиталевых... били и мордовали... небожат павперов школьных... абы только был русин [украинец.— В. Г.), без вшелякого политованя шаблями, киями и цеглами, альбо рачей каменями побили, потовкли и помордовали»<sup>2</sup>. В инструкции волынской шляхты сеймовым послан от 1645 г., например, говорилось, что такого национального и религиозного гнета, который терпел в Польше украинский народ, «не терпят и греки в турецкой неволе»<sup>3</sup>.

Украина превратилась как бы в колонию панской Польши. Тяжелый многосторонний гнет, которому подвергался украинский народ под ее властью, задерживал его экономическое, политическое и культурное развитие. В таких условиях осво-

<sup>1</sup> Филиал ЦГИА УССР во Львове, ф. 9, т. 206, лл. 1715—1716.

<sup>2</sup> Воссоединение Украины с Россией, т. 1, док. 85, стр. 150. Иезуитская коллегия в 1636 г. была уже и в Переяславе (там же, док. 104, стр. 175).

<sup>3</sup> Воссоединение Украины с Россией, т. 1, док. 80, стр. 138—140. Подобных примеров можно привести множество. 28 февраля 1646 г. викарий доминиканского Соколовского монастыря с «братею своею... ктвалтом нашедши на рудню Коновскую», принадлежавшую Тышкевичам, «рудников всех поразгоняли... огнем все будуване попалили» (Воссоединение Украины с Россией, т. 1, док. 251, стр. 420).

бождение украинского народа от чужеземного ига становилось исторической необходимостью.

Ответом на беспощадное угнетение была героическая борьба народных масс Украины против польских и украинских феодалов за свое социальное и национальное освобождение. В конце XVI и первой половине XVII в. Украина стала ареной бурных крестьянско-казацких восстаний. Уже в 1591—1593 гг. значительная часть Киевщины и Волыни была охвачена восстанием под руководством Крыштофа Косинского. В 1594 г. на Правобережье вспыхнуло еще более мощное народное движение, возглавленное Северином Наливайко. На этот раз оно распространилось на Левобережье и перекинулось в Белоруссию. В 1625 г. началось восстание под руководством Жмайла. В 1630 г. повстанческое движение крестьян и казаков под предводительством Тараса Федоровича (Трясило) охватило уже оба берега Днепра. В 1637—1638 гг. восстание вначале во главе с Павлюком, а затем с Гуней и Острянином явилось новой попыткой свергнуть крепостнический гнет и господство шляхетской Польши на Украине. Крестьяне и казаки уничтожали помещиков и польскую администрацию. Считая себя свободными от крепостнических пут, крестьяне почти поголовно объявили себя казаками. Так, например, 4 апреля 1596 г., во время восстания Наливайко, коронный гетман Ст. Жолкевский доносил канцлеру Я. Замбйскому: «Трудно справиться [с восставшими.— В. Г.]... *вся Украина показачилась*»<sup>1</sup>.

Главной и решающей силой в этих антифеодальных восстаниях, расшатывавших, несмотря на их локальность, стихийность, слабую организованность, феодальный строй, являлось закрепощенное украинское крестьянство. В союзе с крестьянством выступали массы рядового казачества и мещанства. К ним примыкала и часть казацкой старшины. Однако в то время, как крестьяне, казаки и мещане боролись за полное уничтожение крепостнических порядков, старшина, ради защиты своих узкоклассовых интересов, стремилась к сговору, компромиссу с польскими панями во имя сохранения и укрепления феодальной системы на Украине.

Крестьянско-казацкие восстания XVI—XVII вв. шли в общем русле борьбы против феодального и национально-религиозного гнета. Но, вместе с тем, эти восстания имели одну характерную особенность. Последняя выражалась в стремлении народных масс вырвать Украину из-под владычества Речи Посполитой и добиться воссоединения ее с Россией. Это тяготение народных масс к России с каждым новым восстанием на Украине выступало все более явственно. Уже Крыштоф Косинский, по словам Александра Вишневецкого, присягнул «великому князю Московскому

<sup>1</sup> Listy Stanisława Żolkiewskiego (1584—1620), Lwów, 1868, стр. 80,—*Курсив наш.*

со всем своим войском и уже подчинил было ему (podał już był) все пограничье больше, чем на 100 миль»<sup>1</sup>. То же стремление отметил коронный гетман Ст. Жолкевский. 4 апреля 1596 г. он писал в Варшаву, что Польше грозит большая опасность, т. к. восставшие стремятся «переехать в Московию»<sup>2</sup>. Через 12 дней после этого Жолкевский вновь сообщил, что на раде в Переяславе повстанцы в значительной части своей высказались за то, чтобы поддаться русскому царю: «В Переяславе, — писал Жолкевский, — собралось много (w niemałym zgrupowaniu) своевольников, они часто устраивают рады и ныне должна была состояться там рада... Немало таких, которые хотят идти к царю, поддаться ему (żeby do cara iszcz dacz się na łaską jego)»<sup>3</sup>. Переяславская рада 1596 г. явилась в известном смысле прообразом знаменитой Переяславской Рады 1654 г.

26 февраля 1620 г. в Москву прибыли посланцы гетмана П. Сагайдачного Петр Одинец «с товарищи». Принятые боярами Посольского приказа, они заявили: «прислали их все Запорожское Войско, гетман Саадачной с товарищи, бити челом государю, объявляя свою службу, что оне все хотят ему, великому государю, служить головами своими попрежнему, как оне служили великим прежним российским государям, и в их государских повелениях были»<sup>4</sup>.

Через 5 лет, в начале 1625 г., во время восстания под предводительством Жмайла, в Москву было отправлено посольство из восьми человек во главе с полковником И. Гирей «з грамотами» на имя царя<sup>5</sup>. Некоторый свет на содержание этих грамот, которые не сохранились, проливают показания священника Филиппа в Посольском приказе. По его словам, восставшие намеревались просить, чтобы царь «пожаловал их всех, велел им помочь учинить своими государевыми людьми на поляков. И они де козаки станут служить тебе, государю, и города литовские станут очищать в твое государево имя»<sup>6</sup>.

Почти одновременно с казацкими послами в Москву прибыл посланец киевского митрополита Иова Борецкого, известного борца против католицизма и польского господства на Украине, луцкий епископ Исаакий Борисович. В письме царю, подчеркивая важность и конфиденциальный характер миссии последнего,

---

<sup>1</sup> Listy St. Żółkiewskiego, стр. 27. Письмо А. Вишневецкого канцлеру Замойскому от 23 мая 1593 г.

<sup>2</sup> Там же, стр. 80. Письмо Ст. Жолкевского Я. Замойскому от 4 апреля 1596 г.

<sup>3</sup> Там же, стр. 81.

<sup>4</sup> Воссоединение Украины с Россией, т. 1, док. 1, стр. 3.

<sup>5</sup> Там же, док. 24, стр. 50.

<sup>6</sup> Материалы для истории воссоединения Руси, т. 1, М., 1874, стр. 182—183. Севские воеводы в июле 1625 г. также сообщили правительству, что по полученным с Украины данным, восставшие в случае поражения «все хотят переехать на... государево имя» (Воссоединение Украины с Россией, т. 1, док. 26, стр. 55).



Борецкий рекомендовал его «яко мужа во всем верна и тайну царскую могуща сохранить». Как видно из записи беседы боярина Черкасского и дьяка Грамотина с Борисковичем в Москве от 14 января 1625 г., последний приехал «с представлением государю царю Михаилу Федоровичу и патриарху Филарету... о принятии Малороссии и запорожских казаков в покровительство»<sup>1</sup>.

Вопрос о воссоединении Украины с Россией был снова поставлен во время восстания 1630 г. Украинец Иван Павлов, например, сообщил в Посольском приказе о том, что в случае поражения восставшие намерены «перейти в подданство Москвы»<sup>2</sup>. Еще более определенно говорили об этом русским воеводам 9 августа 1630 г. новые посланцы митрополита Иова Борецкого, на этот раз его сын Андрей и племянник Павел Путивльский: «будет... их де мочи не будет против поляков стоять, и оне де хотят бить челом... государю царю... всеа Русии, чтобы... пожаловал их велел им быть в своем государове повеленье»<sup>3</sup>.

Это были, можно сказать, первые политические сношения Украины с Россией по вопросу о воссоединении. Стремление украинского народа к воссоединению с Россией, как это уже раньше отмечалось в литературе, поддерживалось общностью происхождения, близостью языка и культуры, единством религии. Но существовали еще и другие факторы, на которые следует обратить внимание, и которые станут более понятными после краткого ознакомления с социально-экономическим и политическим строем Русского государства в первой половине XVII в.

Россия являлась крупнейшим и вместе с тем единственным, по существу, централизованным государством Восточной Европы, где уже давно было покончено с феодальной анархией и в силу этого созданы сравнительно благоприятные условия для нормального хозяйственного и культурного роста. В экономическом развитии России к середине XVII в., несмотря на господство крепостничества, произошли значительные сдвиги. В результате углубления общественного разделения труда довольно успешно развивались ремесло, города<sup>4</sup>. С другой стороны, это привело к известной хозяйственной специализации, к выделению отдельных районов — железоделательного, медеплавиль-

<sup>1</sup> Материалы для истории воссоединения Руси, т. I, стр. 134—136.

<sup>2</sup> ЦГАДА СССР, ф. Московский стол, слб. 79, лл. 287—291, 362—372.

<sup>3</sup> Это же подтвердил на допросе в Москве 31 июня выходец из Украины Павел Худый (там же, ф. Приказной стол, слб. 40, лл. 227—243). В следующем 1632 г. путивльские воеводы Литвинов-Масальский и Игнат Уваров дважды доносили в Разрядный приказ о намерении «запорожских черкас перейти в русское подданство» (там же, Московский стол, слб. 79, лл. 287—291, 358—361; Воссоединение Украины с Россией, т. 1, док. 49, стр. 87).

<sup>4</sup> По подсчетам П. П. Смирнова, из 113 городов, известных в XVI в., 45, т. е. около 40 процентов, возникли в течение этого столетия. А. А. Зимин, пересмотревший подобный вывод, считает, что уже в первой пол. XVI в. городов было значительно больше — до 160, а во второй половине века их появилось еще 70 (см.: нашу работу «О начале «нисходящей» стадии феодальной формации», Вопросы истории, № 9, 1959, стр. 129—130).

ного, суконного, полотняного, кожевенного, мыловаренного, деревообделочного и др. производств<sup>1</sup>, к возникновению мануфактуры, складыванию всероссийского рынка. В недрах господствующей феодальной системы стали зарождаться новые, буржуазные отношения.

Вместе с тем приспособление помещичьего хозяйства к растущим рыночным связям сопровождалось, как и в других восточноевропейских странах, дальнейшим ростом крепостничества. Правда, в России право перехода крестьян было окончательно отменено в 1649 г., т. е. гораздо позже, чем в Польше.

Усиление крепостничества, особенно в центральных, более заселенных районах страны, привело к активизации антифеодальной борьбы масс<sup>2</sup>, а также к бегству крестьян, к отливу части населения на окраины государства. Тут, на окраинах, на протяжении XVI в. появились целые области, такие как Сибирь, Поморье, в которых крепостнические отношения или вовсе отсутствовали, или были очень слабы. Но наиболее характерными в этом отношении являются казачьи области — Дон, Терек, Яик с их самобытной общественно-политической организацией, близкой к устройству Запорожской Сечи. Уже одним фактом своего существования без феодалов свободное казачье население воодушевляло на борьбу против крепостничества угнетенные массы.

Возникновение новоколонизованных, прежде всего казачьих областей, явилось своеобразной брешью в феодально-крепостнической системе, дополнительным свидетельством начала ее упадка, разложения. Царское правительство, защищавшее интересы господствующего класса феодалов, стремилось к уничтожению казачества, к распространению крепостничества и на казачьи области. Однако до поры до времени оно не имело ни достаточных сил, ни средств для осуществления своих замыслов. Попытки покончить с казачеством вооруженной силой ни к чему не привели. Наоборот, казачество все более увеличивалось численно и вместе с тем возросла его роль. Поэтому правительство оказалось вынужденным пойти на известный компромисс с казачеством, точнее с его верхушкой. Так, оно молчаливо признало за всеми казачьими областями право на определенную территориальную автономию, на самоуправление, на невыдачу беглых и прием их в казаки и т. д. Разумеется, положение вольных казаков, несмотря на опасность, которой они подвергались со стороны соседних кочевников, было в целом значительно легче, чем крепостных крестьян, и служило в известном смысле идеалом для последних.

<sup>1</sup> См.: С. В. Бахрушин, Научные труды, т. 1, М., 1952, стр. 55—106.

<sup>2</sup> В 1603 г. в России началось крупное крестьянское восстание под руководством Хлопка, а в 1606—1607 гг. развернулась крестьянская война под предводительством И. Болотникова (см.: И. И. Смирнов, Восстание Болотникова 1606—1607 гг., М., 1951).

Положение свободных от личной зависимости людей занимали в России и различные категории поселенцев, которые верстались правительством для охраны преимущественно южных окраин государства (например, Слободская Украина), хотя они и были обязаны отбывать различные повинности в пользу государства—пахать «государеву десятинную пашню», нести воинскую службу и т. д.

Среди этих поселенцев, как и среди донских казаков, было множество выходцев с Украины. В наказе русского правительства своему гонцу В. Зюзину от 1578 г., например, прямо говорилось, что «живут на Дону всяких земель беглые люди нашего государства и Литовские земли»<sup>1</sup>. Между донскими и запорожскими казаками издавна существовало нечто вроде союза против общих врагов. Когда в 1632 г. разнесся слух, будто царь намерен казаков «всех з Дону збити», донцы отправили своих послов в Москву с предупреждением, что «тотчас з Дону отпишем в Запороги к запорожским черкасам, и к нам де придут на помощь запорожские черкасы — многие люди, тысяч 10 и больше. А у нас де, у донских казаков, з запорожскими черкасы приговор учинен таков: как приходу откуды чаят... на Дон или в Запороги, и запорожским черкасам на Дону нам, казакам, помогать, а нам, донским казаком, помогать запорожским черкасам»<sup>2</sup>. Запорожские и донские казаки, как известно, вели совместную героическую борьбу против турецких и татарских завоевателей, которые своими грабительскими набегами опустошали южные окраины России и Украины и уводили население в неволю. Запорожцы совместно с русскими казаками участвовали в восстаниях под руководством Хлопка, И. Болотникова и т. д.

С XVI в. началось интенсивное заселение украинскими переселенцами южных окраин Русского государства — Слободской Украины. Число переселенцев возрастало с каждым десятилетием. Особенно больших размеров переселение достигло после подавления восстания 1637—1638 г. Объясняя причины массового перехода украинцев в Россию, белгородский воевода в 1638 г. писал, что «Польские и литовские люди их крестьянскую веру нарушают и церкви божии разрушают, и их побивают и жен их и детей, забирая в хоромы, пожигают и пищальное зелье, насыпав им в пазуху, зажигают, и сосцы у жен их резали, и дворы их и всякое строение разоряли и пограбили»<sup>3</sup>.

Заинтересованное в укреплении южных границ и освоении новых земель, русское правительство оказывало переселенцам

<sup>1</sup> См.: И. И. Смирнов, Восстание Болотникова 1606—1607 гг., стр. 124.

<sup>2</sup> Воссоединение Украины с Россией, т. I, док. 71, стр. 123. Довольно прочными были и торговые связи Украины с Доном. Царская грамота от 15 мая 1646 г. лутыльскому воеводе предписывала «литовских торговых людей с хлебными и со всякими запасы, и с зельем, и с свинцом с продажным на Дон пропускать... без всякого задержания» (там же, док. 254, стр. 423).

<sup>3</sup> А. Г. Слюсарский, Слобідська Україна, Х., 1954, стр. 24 и др.

покровительство и материальную поддержку. Оно наделяло их землями, выдавало денежное пособие, семена и т. д. В 1640 г., например, было предписано выдать переселенцам «за выход... и для новые селитьбы на дворовое строенье атаману семь рублей, черкасам всем по пяти рублей годового... жалованья»<sup>1</sup>. В 1647 г. в связи с переходом 34 переселенцев во главе с атаманом Л. Степановым, правительство предписало козловскому воеводе «черкас в Козлове всяким строеньем устроить вскоре... и ласку б, и привет, и поисканье доброе к ним держал»<sup>2</sup>. Благожелательное отношение русского правительства и, главное, надежда обрести свободу от крепостничества, несомненно стимулировали переселение украинских крестьян, мещан, и казаков в Россию.

На протяжении XVI—XVII вв. неуклонно развивались также экономические и культурные связи Украины с Россией, вопреки политике панской Польши, всеми силами препятствовавшей этому. С Украины в Россию вывозились в первую очередь продукты сельского хозяйства, скот, соль, селитра, стекло, предметы ювелирного производства и пр.<sup>3</sup>. Среди русских товаров, привозимых на Украину, преобладали меха, сукно, полотно, металлические, деревянные, кожевенные и ювелирные изделия. Свидетельством прочности экономических связей является наличие в указанное время торговых дворов для украинских купцов в Москве, Севске, Брянске, Белгороде и для русских — в Киеве и Кременце. Торговые связи с Россией имели огромное значение для Украины и Белоруссии. Так, например, когда польские власти в 1621 г. стали чинить препятствия торговле с Россией, виленские купцы подали жалобу, в которой указывали, что «в мирное время вся Русь [т. е. Украина и Белоруссия.— В. Г.] снабжается Москвой».

Не менее прочными были и культурные связи. Так, начало книгопечатания на Украине связано с именем знаменитого русского первопечатника Ивана Федорова, основавшего в 1573 г. типографию во Львове. С XVI в. в украинских городах — Киеве, Львове и др. начинают возникать т. н. братства. Выступая официально как церковные и просветительные организации, объеди-

---

<sup>1</sup> Казаки, перешедшие с Я. Остринином, были наделены землей следующим образом: атаман получил 120 четей (одна четь равнялась полдесятине), есаул 50, писарь 40, 10 сотников — по 35, 102 десятника по 25, 887 рядовых казаков — по 20 четей (А. Г. Слюсарский, Слобідська Україна, стр. 25).

<sup>2</sup> Интересно, что переселением в Россию надеялись избавиться от крепостничества не только украинцы, но и карелы. 9 марта 1649 г. шведский резидент К. Поммеренинг сообщил королеве Христине, что русское правительство приняло на службу в качестве военных поселенцев карелов «перебежчиков и сельских жителей, которые пожелали этого сами». (Чтения в Имп. об-ве, ист.-и др., кн. 1, М., 1898, док. 22, стр. 444; док. 24, стр. 447).

<sup>3</sup> Один привоз украинского стекла в Россию по некоторым данным составлял в сер. XVII в. 80—90 тысяч листов.

нявшие ремесленников, торговцев, а в отдельных случаях даже крестьян и шляхтичей, братства представляли преимущественно интересы украинского мещанства, боролись против национально-религиозного гнета. Братства были тесно связаны с Россией, которая оказывала им значительную помощь и в которой они усматривали «благонадежное пристанище» для украинского народа. Так, например, при материальной поддержке русского правительства Львовское братство построило знаменитую Успенскую церковь. Свои библиотеки братства также пополняли книгами, полученными из России. В России находили убежище многие церковные деятели, подвергавшиеся преследованию со стороны польских властей, а также другие лица<sup>1</sup>.

Все это никак нельзя забывать при объяснении стремления народных масс Украины к воссоединению с Россией. Конечно, различные слои украинского общества преследовали при этом далеко не одинаковые цели, хотя общим для всех было желание освободиться от национального и религиозного гнета.

Самый многочисленный класс, закрепощенные крестьяне во всех восстаниях XVI—XVII вв., объявлявшие себя вольными — казаками, надеялись, что в результате воссоединения с Россией им удастся занять положение близкое к тому, которое занимало население казачьих областей — Дона, Яика, Терека, свободное от крепостнической зависимости, или хотя бы положение населения соседней Слободской Украины. Массы реестрового казачества, над которыми постоянно довлела угроза возвращения в крепостническое ярмо, также надеялись значительно улучшить свое положение. Украинское мещанство связывало с воссоединением коренное улучшение своего положения, ликвидацию экономических, национальных и других ограничений. Православное духовенство руководствовалось стремлением получить весьма существенные для себя выгоды, так как православная церковь превратилась бы из гонимой в господствующую, со всеми вытекающими отсюда последствиями. Наконец, казацкая старшина и мелкая украинская шляхта рассчитывали добиться в составе России политической автономии Украины и занять тут положение правящего класса. Это обеспечило бы им главное, к чему они стремились, — монопольное право на эксплуатацию трудящихся масс — крестьянства, казачества и т. д.

Русское правительство, со своей стороны, также было заинтересовано в воссоединении Украины с Россией. При этом оно руководствовалось целым рядом важных соображений, прежде всего стремлением расширить территорию страны и укрепить феодальное государство. Однако на пути решения этого вопроса стояли громадные трудности и внутреннего и внешнеполитического характера.

<sup>1</sup> В начале XVII в., например, в Москве работал «печатный мастер» О. Радышевский, уроженец Волини, переводчик Федор Касьянов, также родом с Украины, и т. д.

В 1604 г. началась польская интервенция в Россию. Огромную роль в ее организации сыграли восточнорусские магнаты, поддержанные папской курией и австрийскими Габсбургами. Своими обещаниями предоставить в распоряжение польского короля и магнатов 20—50 тысяч наемников австрийское правительство помогло им преодолеть сопротивление тех польских кругов, которые выступали против войны с Россией. Кроме того, австрийские земли служили главным источником пополнения военных сил интервентов. Первый этап интервенции кончился, как известно, в 1606 г. поражением Польши. Магнаты, однако, и после этого не отказались от своих авантюристических планов завоевания России и в сентябре 1607 г. начали новую интервенцию. В 1609 г. в поход против России во главе огромного войска отправился сам Сигизмунд III<sup>1</sup>. Одновременно с этим против России выступила и Швеция, оккупировавшая северо-западные районы страны. В 1612 г. в результате героической борьбы русского народа была освобождена Москва и началось изгнание интервентов из России.

Во время борьбы с Польшей, за спиной которой стояли Австрия и Ватикан, русское правительство, после изучения политической обстановки в Европе, обратилось за помощью к протестантским государствам, членам складывающейся антигабсбургской коалиции, — к Голландии и Англии. При посредничестве последних в феврале 1617 г. Россия заключила Столбовский мир со Швецией. Несмотря на невыгодные для русской стороны условия — потерю выхода в Балтику, — мир этот был все же несомненным успехом как для нее, так и для всего будущего антигабсбургского лагеря.

В этот период политическая атмосфера в Европе в связи с углублением противоречий между двумя основными группировками государств — габсбургской и антигабсбургской — быстро накалялась. Войны можно было ожидать со дня на день<sup>2</sup>. В таких условиях Польша, поддерживаемая Австрией, решила предпринять еще одну попытку покорить Россию. После усиленной подготовки, в 1617 г., на Россию были брошены большие силы во главе с королевичем Владиславом.

Но в мае 1618 г. вспыхнуло восстание чешского народа против австрийского господства, послужившее сигналом к началу Тридцатилетней войны в Европе. В то время как русское войско успешно боролось с иностранным нашествием, чешские и венгерские повстанцы подошли к столице Австрии — Вене. Польша

<sup>1</sup> О Сигизмунде III, который слыл в шляхетских кругах за горячего приверженца и даже агента Габсбургов, ходили слухи, будто он стремится полностью подчинить Польшу Австрии (см.: *О. Л. Вайнштейн*, Россия и Тридцатилетняя война, стр. 13—14).

<sup>2</sup> Предвестником всеобщего вооруженного конфликта явилась неофициальная война между Испанией и Голландией на территории Германии, приобретающая все более ожесточенные формы (см.: *О. Л. Вайнштейн*, Россия и Тридцатилетняя война, стр. 36—39).

поспешила заключить перемирие с Россией. Согласно условиям перемирия, подписанного 1 декабря 1618 г. в Деулине на четырнадцать с половиной лет, Россия уступала Польше Смоленскую и Чернигово-Северскую земли, а Польша возвращала России Вязьму, Козельск, Мосальск и др. города.

Тридцатилетняя война, начавшаяся в 1618 г., вскоре охватила в той или иной мере почти все европейские государства и стала, по существу, всеевропейской. Страны антигабсбургской коалиции старались втянуть в войну и Россию. Однако Русское государство, понесшее громадные потери во время интервенции, не могло до поры до времени связать себя определенными обязательствами, хотя и сочувствовало борьбе антигабсбургской коалиции.

Более определенную позицию русское правительство стало занимать спустя несколько лет, с начала 20-х годов<sup>1</sup>. 16 июня 1623 г., например, между Россией и Англией был подписан «вечный» оборонительный и наступательный союз, обязывавший обе стороны оказывать друг другу помощь войсками и снаряжением. Ратификация договора из-за ряда причин не состоялась. Тем не менее он, как увидим ниже, сыграл определенную роль. Русское правительство поддерживало также тесные связи с таким решительным врагом Габсбургов и Ватикана, как известный константинопольский патриарх Кирилл Лукарис, видный политический деятель, который стремился побудить Турцию к выступлению против стран Католической лиги и в конце концов поплатился за это жизнью. Как установлено совсем недавно, Лукарис и его единомышленники искали сближения с протестантизмом для совместной борьбы против католической агрессии и в этом встречали даже негласную поддержку со стороны фактического главы Московского государства, отца царя Михаила Федоровича, патриарха Филарета<sup>2</sup>.

Однако гораздо большее значение по сравнению с дипломатической имела экономическая поддержка, которую Россия оказывала странам антигабсбургской коалиции. Последние получали из России по льготным ценам, часто беспошлинно, значительные партии хлеба и стратегического сырья — селитры<sup>3</sup>. Вывоз се-

<sup>1</sup> В это время намечается известный поворот в политике самих антигабсбургских держав, связанный отчасти с приходом к власти во Франции такого решительного врага Габсбургов, как Ришелье. В апреле 1624 г. резкое изменение внешнеполитического курса Франции сказалось прежде всего в её разрыве с Испанией, сближении с Англией, возобновлении союза с Голландией, соглашения с Савойей. Англия в том же 1624 г., несмотря на свои торговые противоречия с Голландией, также заключила с ней соглашение против Испании. К англо-французскому союзу присоединились Венеция, Савойя и Дания, которая объявила себя защитницей немецких протестантских княжеств и готовилась нанести удар Габсбургам в самой Германии.

<sup>2</sup> См. Б. Ф. Поршнев, Политические отношения Западной и Восточной Европы в эпоху Тридцатилетней войны, Вопросы истории, № 10, 1960, стр. 56—75.

<sup>3</sup> В 1622—1625 гг., когда наиболее активную роль в борьбе с Габсбур

литры сыграл тем большую роль, что Польша, один из крупных поставщиков этого сырья, закрыла доступ к нему странам анти-габсбургской коалиции<sup>1</sup>.

Связи с антигабсбургским блоком русское правительство решило в то же время использовать для возобновления войны против Польши с целью возвращения отторгнутых русских земель<sup>2</sup>. Казалось, этому благоприятствовала и внутренняя обстановка в Польше. Весной 1630 г. началось крупное крестьянско-казацкое восстание на Украине под руководством Тараса Федоровича. Повстанцы овладели Черкассами, Каневом, Корсунем и Переяславом. В бою под Переяславом, по словам польского хрониста П. Пясецкого, погибло жолнеров и шляхты больше, чем «за всю последнюю прусскую войну»<sup>3</sup>. Русское правительство приказало своим пограничным воеводам внимательно изучать положение на Украине и последние регулярно посылали подробные донесения в Москву<sup>4</sup>.

Первоначально восстание развивалось успешно, но предательство части реестровой старшины ускорило поражение восставших. 8 июня старшина подписала договор с коронным гетманом Ст. Копецпольским. Последний согласился на некоторые уступки, в частности на увеличение реестра с 6 до 8 тысяч казаков. В июне следующего 1631 года восстание на Украине вспыхнуло вновь<sup>5</sup>, но на этот раз оно не приняло таких размеров, как в предыдущем году.

Считая положение, создавшееся в Польше, благоприятным для себя, русское правительство готовилось весной 1631 г. начать войну против нее. В этом решении его поддерживали донесения пограничных властей, которые сообщали о стремлении украинского народа к воссоединению с Россией. «А будет де, государь,— писали, например, севские воеводы в июне 1631 г.,— их сила не возьмет против ляхов стоять, и козаки... хотят... посылати к Москве бити челом..., чтоб ты, государь, пожаловал их велел им быти под своєю государскою державою»<sup>6</sup>. Но восстание 1631 г. на Украине потерпело поражение; это, надо

гаи играли Англия и Голландия, купцам этих стран было предоставлено монопольное право вывоза хлеба из России. В 1629 г., когда ведущая роль в войне с Габсбургами перешла к Швеции, это право было передано последней.

<sup>1</sup> Одна Голландия, например, получила в подарок от России в 1627 г. 3 000 пудов селитры; Дании приблизительно в это же время было отпущено по льготным ценам и беспошлинно 109 000 четвертей хлеба (см.: *О. Л. Вайнштейн*, Россия и Тридцатилетняя война, стр. 79, 66).

<sup>2</sup> Польша, связанная с Габсбургами, оказывала им экономическую и дипломатическую помощь.

<sup>3</sup> *Kronika Pawła Piaseckiego*, Kraków, 1870, стр. 346.

<sup>4</sup> См.: Воссоединение Украины с Россией, т. I, док. 62—63, стр. 108—109.

<sup>5</sup> В начале июня 1631 г. севские воеводы сообщили, что «козаки... запорожские и черкасы сошлись и стали в Черкасах да в Переясловле, да в Каневе... а гетман... у козаков Торас» (Воссоединение Украины с Россией, т. I, док. 63, стр. 109).

<sup>6</sup> Воссоединение Украины с Россией, т. 1, док. 103, стр. 110.



полагать, было одной из главных причин, заставивших Россию несколько отсрочить свое выступление против Польши.

Подготовка к войне, однако, шла довольно интенсивно. Летом 1632 г. между Россией и Швецией был разработан проект договора о совместных действиях против Польши и о незаключении мира с последней «без опчева совета». Россия, что особенно интересно, потребовала часть Белоруссии с г. Полоцком, всю Левобережную Украину, часть Правобережья с г. Киевом и территорию по Днепру «до Черного моря»<sup>1</sup>.

В апреле 1632 г. в связи со смертью Сигизмунда III в Польше началось бескорольевье. Русское правительство немедленно отправило 40-тысячное войско под начальством воеводы М. Б. Шенина под Смоленск и начало военные действия. Выступление против Польши русская дипломатия объявила акцией, направленной на поддержку антигабсбургской коалиции, и добивалась помощи у последней. Еще в письме от 26 января 1631 г. датскому королю царь так характеризовал планы Австрии, Ватикана и Польши и вытекающую отсюда опасность для других государств: «Да и то нам ведомо, что королевич Владислав хочет достигати Московского государства, и разорить наше государство и веру нашу христианскую, а свою еретическую, папешскую проклятую веру ввести и утвердить по умыслению папы рымского и по совету цесареву, и короля шпанского и короля литовского», и далее, «что они злым своим советом и умыслом хотя Датцкое и Свейское [Шведское.— В. Г.] королевства и иных государей евангельские веры государства их разорить и в свою папешскую проклятую веру привести, а потом над нашим Московским государством тоже учинить»<sup>2</sup>.

Но международная обстановка не благоприятствовала России. Швеция, военно-политическое положение которой летом 1632 г. заметно ухудшилось, хотя и толкала Россию к войне с Польшей, тайно начала переговоры с ней. Дания, боявшаяся усиления Швеции, выступала за компромиссный мир с Габсбургами и даже угрожала войной России, если она заключит союз с шведским королем. Англия, стоявшая на пороге революции, хотя и оказывала России помощь оружием и деньгами, на более активную поддержку пойти не могла. Голландия еще меньше, чем Англия, была способна влиять на ход русско-польской войны. Более решительную позицию заняла только Турция, которая усиленно добивалась заключения союза с Россией; но русское правительство, имея в виду территориальные притязания Турции на юг России, Украину и т. д., не могло пойти на такой шаг. К тому же, в середине 1632 г. в Стамбуле вспыхнуло восстание янычар, лишний раз продемонстрировавшее внутреннюю слабость Османской Порты.

<sup>1</sup> О. Л. Вайнштейн, Россия и Тридцатилетняя война, стр. 137—138.

<sup>2</sup> Русская историческая библиотека, т. XVI, док. 127, стр. 634; док. 125, стр. 628; О. Л. Вайнштейн, Россия и Тридцатилетняя война, стр. 89—90.

Оставшись без союзников<sup>1</sup>, Россия начала военные действия довольно вяло, нерешительно. Причину этого следует искать также в подрывных действиях части бояр, сидевших в правительстве и боявшихся, что успех в войне приведет к еще большему усилению царской власти и ограничению их влияния. План кампании, разработанный при участии бояр, не предусматривал никаких крупных наступательных операций, а только оборону очищенной от врага территории и, таким образом, с самого начала передавал инициативу в руки противника. Вследствие этого воевода Шеин с войском двигался к Смоленску, главному опорному пункту поляков, крайне медленно, несмотря на призывы жителей взять город еще до подхода основных вражеских сил.

Большую помощь русскому войску могло оказать широкое крестьянское партизанское движение, направленное против польско-шляхетских оккупантов, но царское правительство, всегда боявшееся роста антифеодальной борьбы, приказало Шеину выступить против партизан<sup>2</sup>. Не использовало русское правительство и борьбу украинских народных масс, вспыхнувшую с новой силой в 1632 г.<sup>3</sup> Наоборот, оно приказало воеводам «на черкасские городки не ходить», хотя знало, что «черкасы стоят за веру... и за то у них с польскими людьми... бои были великие, да и ныне есть»<sup>4</sup>.

Между тем польские паны, оказавшиеся перед угрозой потери захваченных русских земель, быстро сплотили свои силы и, забыв на время прежние распри, в начале 1633 г. единодушно избрали королем сына Сигизмунда III Владислава IV, который во главе большого войска поспешил отправиться к Смоленску. Войско Шеина попало в окружение и вынуждено было капитулировать. Немалую роль в этом сыграло вторжение в южные пределы России крымских татар, подкупленных поляками. Русское правительство вынуждено было пойти на мир. По Поляновскому «вечному докончанью» 1634 г. Польша сохранила за собой Чернигово-Северскую и Смоленскую земли, за исключением г. Серпейска с уездом; Владислав IV, со своей стороны, отказывался от всяких притязаний на русский престол и обязался вернуть оригинал крестоцеловальной записи бояр о его «избрании» в 1610 г. Таким образом, Поляновский договор восстанавливал, по существу, *status quo ante bellum* (довоенное положение).

Немалое влияние на исход Смоленской войны оказала позиция стран антигабсбургского блока. Швеция, опасавшаяся

<sup>1</sup> Военные действия стран антигабсбургской коалиции прекратились в 1633 г. почти повсеместно, открыв дорогу для переговоров.

<sup>2</sup> «В Московском государстве, — мотивировало оно свою позицию по отношению к партизанскому движению, — николи не повелось без нашего царского указа собираться и в войну ходить» (Акты Московского государства, т. 1, док. 486, стр. 488).

<sup>3</sup> См.: нашу работу «Запорожское казачество», К., 1957, стр. 212—215.

<sup>4</sup> См.: О. Л. Вайнштейн, Россия и Тридцатилетняя война, стр. 179.

усиления России, не хотела оказать ей помощь и отказалась подтвердить известный нам проект договора 1632 г. Франция оказывала поддержку не России, а Польше, стремясь добиться для нее некоторых территориальных уступок со стороны Швеции и тем самым отколоть ее от Австрии, хотя эти планы и строились на песке. Сближения с Польшей искала и Дания, рассчитывавшая на польскую помощь в случае войны со Швецией<sup>1</sup>.

Русское правительство, так жестоко обманутое в своих надеждах на помощь со стороны антигабсбургских держав, стало проявлять после Смоленской войны большую осторожность в своей внешней политике. Основными задачами этой политики оставались возвращение Смоленской земли и воссоединение Украины и Белоруссии, выход в Балтику, продвижение к берегам Черного и Азовского морей.

Теперь, наученная горьким опытом, Россия уже не давала втягивать себя в разные политические комбинации, как бы соблазнительны последние не были. Так, она отказалась заключить союз с Данией и Польшей против Швеции, вернула в 1642 г. туркам Азов, взятый донскими и запорожскими казаками в 1637 г. Все это свидетельствует о том, что русское правительство, готовясь к решению стоявших перед ним внешнеполитических задач, тщательно избегало всяких осложнений.

Это, однако, отнюдь не означало, что Россия отказалась от активной внешней политики. Интересно в этом смысле ее отношение к Украине. Россия с напряженным вниманием следила за событиями, которые происходили тут и оказывала поддержку украинскому народу в его борьбе против Польши. Достаточно сказать, что во время известного крестьянско-казацкого восстания 1637—1638 гг. русское правительство приказало воеводе И. Бутурлину разрешить украинцам в Курске «хлебные всякие запасы, и всякое съестное, и животину, и на одежду, платье... *покупати повольною ценою безошлинно*»<sup>2</sup>. Украинские беженцы по-прежнему находили убежище на территории Русского государства. Поддержка, оказываемая Россией украинскому народу, немало содействовала развертыванию его борьбы против господства панской Польши.

Характеристика политических отношений в Восточной Европе, прежде всего между Россией и Польшей, будет далеко неполной, если мы не обратим внимания еще на одно важное

---

<sup>1</sup> См.: О. Л. Вайнштейн, Россия и Тридцатилетняя война, стр. 202—209. В 40-х годах стремление антигабсбургских держав, прежде всего Франции, к миру, ввиду усилившегося в этих странах антифеодального движения, все более возрастало. Ради подавления антифеодального протеста масс Франция готова была пойти на мир с Габсбургами даже ценою отказа от многих завоеваний в Германии и от заманчивой перспективы дальнейших захватов (см.: Б. Ф. Поршнев, Характеристика международной обстановки, стр. 45).

<sup>2</sup> Воссоединение Украины с Россией, т. 1, док. 148, стр. 254—255.— *Курсив наш.*

обстоятельство. Усиление зависимости Польши от Габсбургов и Ватикана в XVI—XVII вв., разгул католической реакции и феодальной анархии в стране вызывали явное недовольство среди передовых слоев польского общества, в том числе части шляхетства. В таких условиях, в противовес пагубной ориентации на Австрию и Ватикан, в Польше, несмотря на все противодействие со стороны католической церкви и магнатов, стала зарождаться известная тенденция к союзу и даже объединению с централизованным Русским государством<sup>1</sup>.

\* \* \*

Тридцатилетняя война, втянувшая в той или иной степени в свою орбиту все европейские государства, с новой силой оживила противоречия не только на международной арене, но и внутри каждой страны. Так было и в Речи Посполитой. Новоизбранный польский король Владислав IV не хотел больше мириться с тем поистине унижительным положением, в которое была поставлена королевская власть в Польше, не желал, подобно своему отцу, быть пешкой в руках некоронованных «корольков» — магнатов и стоявших за их спиной Габсбургов. Пользуясь энергичной поддержкой коронного канцлера Юрия Оссолинского, решительного противника магнатской олигархии, и рассчитывая перетянуть на свою сторону средние и низшие слои шляхетства, страдавшие от произвола магнатов, король пытался возобновить борьбу за централизацию Польского государства.

Однако решить этот вопрос без ослабления зависимости Польши от Ватикана, Австрии, Испании и вообще от стран Габсбургской коалиции, поддерживавших магнатскую олигархию в Польше, было невозможно. Это хорошо понимал и король и канцлер Оссолинский. В Тридцатилетней войне, как сказано выше, Польша примыкала к этой коалиции. Но уже к концу войны, точнее вскоре после избрания Владислава IV, довольно отчетливо наметилось сближение ее с антигабсбургской коалицией, в первую очередь с Францией<sup>2</sup>.

При посредничестве Франции Польша продлила в 1635 г. на 26 лет Альтмарское перемирие со Швецией, за что последняя соглашалась вернуть ей на определенных условиях Восточную Пруссию и пойти на некоторые другие уступки<sup>3</sup>. В то же время Владислав IV предоставил Франции право набирать солдат в Польше и на Украине для борьбы с испанскими Габсбургами. Сближение Польши со странами антигабсбургской коа-

<sup>1</sup> См.: подробнее нашу работу «Россия и освободительная война украинского народа 1648—1654 гг.» К., 1954, стр. 12—19.

<sup>2</sup> См.: Б. Ф. Поршнев, К характеристике международной обстановки освободительной войны, стр. 44.

<sup>3</sup> О. Л. Вайнштейн, Россия и Тридцатилетняя война, стр. 200.

лиции привело даже к временному разрыву (с 1642 по 1645 гг.) дипломатических отношений с Ватиканом, привыкшим бесцеремонно вмешиваться в её внутренние дела. Отношения Польши с Австрией нормализовались лишь после того, как последняя, вероятно по настоянию Ватикана, не желавшего допустить отпадения Польши от Габсбургского блока, вернула ей два силезских княжества — Ратибор и Ополе. Однако Польша добивалась теперь возвращения и всей остальной Силезии, а также Восточной Померании, исконных польских земель на Западе до р. Одера.

Одновременно правительство Владислава IV стремилось к известной нормализации отношений со своим восточным соседом — Россией. В 1645 году Русскому государству были возвращены город Трубчевск с уездом и Вязовская волость, захваченные Польшей во время интервенции. Обеспечение мира на восточных границах было абсолютно необходимо Польше для проведения активной политики на Западе, возвращения утраченных земель, укрепления централизации страны. С той же целью в 1646 г. Владислав IV заключил соглашение с Россией против Крымского ханства — вассала Турции, наносившего своими грабительскими набегами страшный ущерб обеим странам.

Однако деятельность короля и его сторонников встречала упорное сопротивление со стороны польских магнатов, опиравшихся на поддержку австрийских Габсбургов и Ватикана. Поэтому Польша так и не смогла до конца Тридцатилетней войны порвать с Габсбургами, оказываясь как бы прикованной к австрийской колеснице. Нелегким было и внутреннее положение в стране. Польша переживала тяжелые финансовые затруднения. Королевская казна была пуста, а без денег нельзя было и думать о продолжении успешной борьбы с магнатами и усилении королевской власти.

В 40-х годах Владислав IV обратился за денежной субсидией (в размере 50 тысяч скудий) к папе. Однако святой отец, по вполне понятным мотивам, не обнаружил ни малейшего желания развязать свой кошелек. Король получил категорический отказ, мотивированный ссылкой на оскудение папской казны. Тем не менее, желая сохранить свое влияние в Польше, папская курия нашла для короля другой источник денежных средств. Весной 1645 г., как известно, вспыхнула война Венеции с Турцией<sup>1</sup>. Турецкий флот, состоявший из 348 судов, занял Кандию, овладев тем самым подступами к Италии. Стремясь отвести угрозу, нависшую над Аппенинами, Ватикан стал всячески добиваться заключения союза Венеции с Польшей. Участие Польши в войне против Турции должно было, с одной стороны, помочь Венеции, с другой, — доставить польскому королю средства, в которых он так нуждался.

<sup>1</sup> *L. Kubala, Jerzy Ossoliński, т. I, Warszawa, 1924, стр. 178, 180.*

В конце 1645 г. венецианское правительство направило в Варшаву своего посла Джованно Батиста Тьеполо. Последний при поддержке папского нунция в Польшу должен был добиться заключения венециано-польского союза с целью немедленной переброски польского войска на театр военных действий<sup>1</sup>. Современник, молдавский летописец Мирон Костин, проживавший в это время в Баре (Украина), заметил: «польского короля... подстрекали римский папа и венецианцы..., которые задумали поссорить Польшу с турками»<sup>2</sup>.

Вступив в переговоры с Тьеполо, Владислав IV старался разрешить одновременно ряд задач, на первый взгляд вполне самостоятельных, но в действительности тесно связанных между собой. Во-первых, нанести удар Крыму, вассалу Турции, уменьшить опасность агрессии с его стороны и навсегда освободить Польшу от тяжелой и унижительной обязанности платить хану дань. Во-вторых, так как войну с Крымом король предполагал вести силами украинского казачества, то вовлечение казаков в войну с татарами должно было, по его мнению, разрядить ту напряженную обстановку, которая сложилась на Украине в годы так называемого «золотого покоя» (после ординации 1638 г.), иными словами, лишить освободительное движение украинского народа грозной для шляхетской Польши силы. В-третьих, крупное казачье войско, а также войско, которое король предлагал наберечь на средства, полученные от Венеции, могли быть использованы против враждебной королевской власти магнатской олигархии, тем более, что главарями магнатской оппозиции в Польше были именно польские магнаты Восточной Украины<sup>3</sup>.

Подготавливая поход казаков на Крым, король, видимо, вовсе не опасался того, что Польше придется на самом деле воевать с Турцией. С XVI в. походы казаков на Крым и Турцию, в ответ на хищнические набеги татар и турок, стали обычным делом. Однако Польше всегда удавалось объяснять эти выступления проявлением «своеволья» казаков, отречься от них и, таким образом, уклониться от всякой ответственности. Так, когда турецкое правительство предъявило Польше протест в связи со взятием казаками Кафы в 1616 г., польский посол Андрей Горский ответил: «Эти казаки — разбойническое скопище,

<sup>1</sup> Zbiór pamiętników o dawnej Polsce, wyd. Niemcewicz, t. V, Lwów, стр. 1—51.

<sup>2</sup> Miron Costin Letopisetul tarii Moldovei dela Aron Voda încoace, Висцурести, 1944, стр. 117.

<sup>3</sup> Это, надо заметить, далеко не первый случай, когда польские короли пытались опереться на украинских казаков в своей борьбе с магнатами и их сторонниками. На сейме 1592 г., например, как видно из сеймового протокола, можновладцы обвиняли Сигизмунда III в том, что он «тайно послал к низовым казакам, дал им деньги с тем, чтобы они прибыли на сейм в Варшаву и помогли королю против тех, кто хотел остаться в дружбе с Ракушским домом [т. е. семиградской династией Ракочи. — В. Г.] (Dyaryusze i akta sejmowe, г. 1591—1592, wyd. L. Barwiński, Lwów, 1911, стр. 367).

составленное из разных народов, никто не разберет, како-го они племени — кто русин, кто москвитин, кто волошин, а кто и поляк; они привыкли бесчинствовать... и не слушают ни короля, ни Речи Посполитой. Если Вы их истребите, с нашей стороны не будет никакого неудовольствия»<sup>1</sup>.

За поход казаков против Крыма — вассала Турции Владислав IV рассчитывал добиться от Венеции тех денег, в которых он нуждался для осуществления своих прежде всего внутривосточных планов. Вот почему Владислав IV и канцлер Юрий Оссолинский, его правая рука, в переговорах с Тьеполо ставили непременным условием выступления Польши против Турции предоставление Венецией субсидии в размере 1 млн. скудий (по 500 тыс. скудий ежегодно в течение двух лет). Эти условия не были, однако, приняты венецианским правительством. Пользуясь поддержкой папы, оно старалось купить помощь Польши возможно меньшей ценой. 3 февраля 1646 г. Тьеполо был уполномочен предложить Польше вместо 1 млн. скудий лишь 600 тыс. талеров (по 300 тыс. ежегодно). Ловкий венецианец уже от себя, но опять-таки при содействии папского нунция, уменьшил размер субсидии до 400 тыс. талеров (по 200 тыс. в год)<sup>2</sup>. При этом Тьеполо подчеркнул, что выдачей этой суммы Венеция освобождает себя от всяких обязательств в отношении Польши.

Ведя переговоры с Тьеполо, король одновременно послал с секретной миссией на Украину одного из своих приближенных — Иеронима Радзеевского. Радзеевский встретился тут с некоторыми влиятельными казацкими старшинами, в первую очередь со своим старым знакомым войсковым есаулом Иваном Барабашем, и предложил им тайное свидание с королем<sup>3</sup>. Старшины согласились с этим предложением и весной 1646 г. поехали в Варшаву.

Свидание Владислава IV с казацкими старшинами нашло отражение в ряде источников. По словам современника Станислава Освенцима, — клиента чигиринского старосты Ст. Коцеульского — тайное свидание короля с войсковыми есаулами Иваном Барабашем и Ильешом Караимовичем, а также представителями низшей старшины — Нестеренко и Богданом Хмельницким состоялось где-то около 20 апреля 1646 г. Предметом переговоров была организация военной экспедиции казаков на Крым. Старшины изъявили свое согласие выполнить план короля или, как говорит Освенцим, «охотно дали королю уговорить себя»<sup>4</sup>. Сообщение Освенцима подтверждается показа-

<sup>1</sup> См.: Н. И. Костомаров, Богдан Хмельницкий, т. 1, СПб, 1870, стр. XVI.

<sup>2</sup> Zbiór pamiętników o dawnej Polsce, т. V, стр. 1—51.

<sup>3</sup> L. Kubala, J. Ossolinski т. 1, стр. 187, 426 Кубаля считает, что поездка Радзеевского на Украину имела место до мая 1646 г., т. к. в мае 1646 г. этот авантюрист успел уже примкнуть к магнатской группировке.

<sup>4</sup> Stanisława Oswiecyma Dyaryusz (1643—1651), wyd. Czermak, стр. 134.

ниями пленного казака Михаила Друшенко, данными 6 ноября 1648 г. Друшенко, человек близкий к войсковой старшине, также рассказал о том, что король принял четырех вышеназванных старшин<sup>1</sup>.

Другие источники говорят даже о том, что король вручил старшинам какую-то личную грамоту-привилей. Литовский канцлер Я. Радзивилл, например, в мемориале сейму от 6 ноября 1648 г. сообщил: «Покойный король (Владислав IV) вместе с семью сенаторами совещался с казаками и выдал им привилей, согласно которому польское войско не должно было стоять дальше Белой Церкви<sup>2</sup>. Брацлавский воевода Адам Кисель 17 июля 1648 г.; во время конвокационного сейма, передавал, что, как он слышал от Николая Потоцкого, Владислав IV, проектируя войну против Крыма, «дал казакам привилей»<sup>3</sup>.

Наконец, имеются сведения о том, что король отпустил старшинам определенную сумму денег. Небезынтересен в этом отношении памфлет под названием «Обзор советов канцлера», изданный во время освободительной войны (в 1649 г.) По словам автора памфлета, канцлер Оссолинский «пригласил в Варшаву казаков, среди которых был и Хмельницкий; им было вручено 18 тыс. злотых для (постройки) чаек, дан привилей за личной печатью короля и подсказано (*poszeptano*), чтобы, сбросивши ярмо (*excitiant jugum*), пошли на Черное море»<sup>4</sup>. Примерно то же читаем в мемуарах другого современника, близко стоявшего к магнатам, который утверждает, что, кроме привилея, король вручил Барабашу и Ильяшу «16 тысяч злотых из своей собственной казны для строительства лодок»<sup>5</sup>.

О встрече Владислава IV с казацкими старшинами писал и молдавский летописец Мирон Костин, живший в это время на Украине. «Владислав, — сообщает Костин, — послал к казакам и пригласил к себе старого казака по имени Барабаша и Хмеля [Хмельницкого. — *B. Г.*], который в то время был войсковым старшиной, или, как они называют, писарем»<sup>6</sup>. В казацкой петиции, посланной Б. Хмельницким на конвокационный сейм летом 1648 г., также сообщается о переговорах Владислава IV с казаками в связи с проектом похода на Крым<sup>7</sup>.

Передавая содержание переговоров Владислава IV со старшинами, польский историк Л. Кубаля говорит, что король предложил им нанять для похода на Крым 50 тыс. казаков,

<sup>1</sup> Jakuba Michalowskiego Księga Pamiętnicza, Kraków, 1864. док. 97, стр. 299.

<sup>2</sup> *L. Kubala*, J. Ossoliński, стр. 427.

<sup>3</sup> J. Michalowskiego Księga, док. 54, стр. 105.

<sup>4</sup> *L. Kubala*, J. Ossoliński, стр. 427.

<sup>5</sup> *J. Chrzaszcz*, Pierwszy okres buntu Chmielnickiego w oświetleniu uczestnika wyprawy Zoltowodzkiej, Pracy historyczne w 30-lecie działalności prof. St. Zakrzewskiego, Lwow, 1834, стр. 250—251.

<sup>6</sup> M. Costin Letopisetul, стр. 117—118.

<sup>7</sup> J. Michalowskiego, Księga, док. 40, стр. 74—75.



Королевское предложение было сделано вопреки так называемой Ординации 1638 г., установившей шеститысячный реестр. Казацкие старшины ответили, якобы, что на зов короля «станет нас и 100 тысяч»<sup>1</sup>. Вербовка этих казаков, разумеется, должна была происходить тайно, ибо ими могли быть лишь подданные магнатов и шляхты, что неминуемо вызвало бы бурю негодования среди панов.

О том, что король вручил казацким старшинам свой привилей, говорит и украинский летописец Самовидец. Готовя морской поход, король, по его словам, дал этим старшинам «привилей на робления челнов на море, мимо ведомость гетманов коронных [магнатов.— В. Г.], что одержавши, тое скрито держали от полковников [магнатской администрации на Украине.— В. Г.] в Переяславлю»<sup>2</sup>. Вполне вероятно, что этот привилей подтвердил от имени короля право на набор казацкого войска для похода на Крым. Что касается денег, выданных казакам, то, кроме «Обзора», мы находим упоминание о них у молдавского летописца Мирона Костина<sup>3</sup> и в вышеназванной казацкой петиции сейму 1648 г.

За участие казаков в походе на Крым король обещал восстановить давние вольности реестровцев, увеличить реестр, по одним данным до 12 тыс.<sup>4</sup>, по другим — до 20 тыс.<sup>5</sup> человек, и не допускать размещения польских войск на Украине дальше Белой Церкви.

Обращает на себя внимание последнее обещание короля. Трудно сказать, кто именно из четырех казацких старшин, ведших переговоры с королем, мог настаивать на определении района дислокации польского войска. Однако весьма вероятно, что этот вопрос был поставлен Богданом Хмельницким. Как увидим ниже, именно Хмельницкий был тем политиком, который в ходе освободительной войны 1648—1654 гг. при переговорах с польской стороной постоянно выдвигал в качестве неперемennого условия ограничение территории размещения польского войска на Украине. К тому же, другие участники переговоров, как, например, Барабаш и Ильяш, отказались впоследствии от плана набора казаков, о чем будет сказано ниже.

Договариваясь с казацкими старшинами, Владислав IV поспешно готовил и свое войско. Его вербовщики нанимали солдат как в Польше, так и за границей. «Воинственный король,— писал в своих мемуарах польский шляхтич, сторонник магнатов,— где только услышит, что есть хорошие солдаты или искусные генералы — в Германии, Швеции, Голландии, всех

<sup>1</sup> L. Kubala, J. Ossoliński, стр. 187.

<sup>2</sup> Летопись Самовидца, стр. 6. — *Курсив наш.*

<sup>3</sup> Miron Costin Letopisetul, стр. 121.

<sup>4</sup> J. Michalowskiego Księga, док. 40, стр. 75, док. 41, стр. 77.

<sup>5</sup> L. Kubala, J. Ossoliński, стр. 188; Н. И. Костомаров, Б. Хмельницкий, т. 1, стр. 32.

приглашает к себе и уже нанял несколько тысяч шведов<sup>1</sup>. Варшава стала наполняться жолнерами, а королевский дворец в Уяздове напоминал вооруженный лагерь. Владислав IV часто посещал арсенал и лично следил за изготовлением оружия. Работа тут кипела днем и ночью. В короткое время было изготовлено 36 пушек, большое количество пороха, ядер и проч. Все это отправлялось подо Львов, к месту сбора войска. Уже к 19 мая 1646 г. в Люблин было отправлено 40 пушек, а 20 других ждали своей очереди в арсенале. Король самолично формировал части, назначал офицеров и т. д.<sup>2</sup>.

7 мая 1646 г. австрийский посол в Польше Адерсбах доносил своему правительству, что польский король решил в течение года довести количество войска до 50 тыс. человек (20 тыс. казачьей пехоты и 30 тыс. регулярного войска), вербовать которое намечалось в немецких краях. В донесении от 21 мая Адерсбах подтвердил эти данные<sup>3</sup>. Анонимный польский хронист отметил в 1647 г., что король «собирал войска на турецкую войну и одной иностранной пехоты собралось под Львовом около 46 000 человек»<sup>4</sup>.

Приготовления короля к войне и концентрация войск подо Львовом не могли, конечно, остаться тайной для магнатов. Современник М. Емеловский писал: «те, которым это было не по вкусу (*nie do smaku bylo*), скоро узнали, что делается на Украине»<sup>5</sup>. Магнатская оппозиция стала распространять слухи о том, что Владислав IV готовит государственный переворот. 17 июля 1646 г. в Кракове заседал сенат. Подчиняясь воле магнатов Восточной Украины, сенат категорически потребовал от короля немедленно прекратить всякие военные приготовления и отказаться от поездки в лагерь под Львов. Сенат решил также обсудить вопрос о незаконных действиях короля на ближайшем сейме.

Однако король не был обескуражен оппозицией сейма, от которого, впрочем, он ничего иного и не ждал. Вскоре после заседания, в беседе с Тьеполо, он заявил: «Не покидаем наших намерений; если нам дадут помощь, дело еще поправится». При этом Владислав IV добавил, что едет во Львов и что королевское войско стоит уже вблизи границы, но все будет потеряно, если венецианцы запоздадут с присылкой денег<sup>6</sup>.

---

<sup>1</sup> J. Chrząszcz, стр. 250—251. Интересно, что король обратился за содействием не только к христианским государствам, но и к таким давним врагам Турции, как Персия и Марокко. Тайные переговоры велись также с предстателями угнетенных Турцией балканских народов (*Historia Polski*, т. 1, ч. II, стр. 444).

<sup>2</sup> L. Kubala, J. Ossoliński, стр. 199, 202, 207.

<sup>3</sup> *Urkunden und Aktenstücke*, т. I, Berlin, 1864, стр. 179, 190.

<sup>4</sup> Государственный воеводский архив в Кракове, Архив Потоцких, Теки Подгорецкие, коробка III, 1/37, л. 456.

<sup>5</sup> *Pamiętnik M. Jemiołowskiego*, стр. 2.

<sup>6</sup> L. Kubala, J. Ossolinski, стр. 209, 210.

Действительно, 5 августа 1646 г. Владислав IV, вопреки запрету сената, был уже во Львове.

Появление короля во Львове усилило тревогу среди магнатов. Автор анонимной брошюры, ходившей в это время по рукам, обвинял короля и канцлера Оссолинского в подготовке государственного переворота под видом войны с Турцией. «Давно уж канцлер замыслил, — писал этот сторонник магнатской оппозиции, — уничтожить шляхту и установить власть оптиматов [сторонников абсолютизма. — В. Г.]». Весьма характерно при этом, что аноним, ссылаясь на мнение других, назвал коронного канцлера Ю. Оссолинского польским Ришелье<sup>1</sup>.

Еще до выезда короля во Львов сенаторы предписали вновь назначенному польскому гетману, командующему коронным войском под Львовом Мартину Калиновскому, не выполнять королевских распоряжений, а ожидать решения сейма. Калиновский подчинился этому приказу. Поставленный в столь затруднительное положение, Владислав IV вынужден был вернуться из Львова в столицу.

Окончательно сломить короля магнаты решили на сейме. Как на сеймиках, выбиравших послов, так и на сейме, открывшемся 25 ноября 1646 г., царила атмосфера вражды к королю и его сторонникам. Сеймики, действовавшие по указке магнатов, выбирали самых яростных противников Владислава IV. Распространялись слухи (о которых писал, между прочим, Радзивилл), что король, собравший будто бы под Варшавой десяти-тысячное войско, готовит Варфоломеевскую ночь для своих противников<sup>2</sup>.

Наибольшую активность на сейме<sup>3</sup> проявляли польские магнаты Восточной Украины, а также Смоленской земли. Их креатура — послы черниговские, брацлавские и смоленские — требовали немедленного роспуска королевского войска, сокращения королевской гвардии и проведения заседания сейма и сената без участия короля<sup>4</sup>. Страх перед стремлением короля к «самовладству» был, по словам современника Обуховича, так велик, что «ни о чем другом на сейме трактовать не хотели, как только о роспуске иностранного войска и королевской гвардии, возросшей до 5 тыс. человек» [вместо установленных 600 чел.]<sup>5</sup>. Раздавались также голоса, требовавшие предания суду автора проекта об увеличении армии.

Свои требования магнатская оппозиция готова была подержать оружием. Варшаву заполнила вооруженная шляхта,

<sup>1</sup> *L. Kubala, J. Ossolinski*, стр. 212, 213.

<sup>2</sup> Там же, стр. 217.

<sup>3</sup> *Miron Costin Letopisetul*, стр. 118. «На сейме поднялись поляки против [своего] короля... кричали все в один голос.. что выберут себе нового монарха», — пишет М. Костин.

<sup>4</sup> *Pamiętnik M. Jemiołowskiego*, стр. 2; *L. Kubala, J. Ossoliński*, стр. 229.

<sup>5</sup> *L. Kubala, J. Ossoliński*, стр. 216.

готовая выполнить любой приказ своих хозяев<sup>1</sup>. Надежды Владислава IV оторвать от магнатов шляхетских сеймовых послов и тем самым сломить оппозицию не оправдались. Поэтому король резко изменил свою тактику, заявив, что он всецело отдает себя в руки своих подданных и готов выполнить все их требования<sup>2</sup>. Вынужденный внешне отступить перед требованиями сильных противников, Владислав IV решил действовать через голову сейма. Характеризуя тактику короля в этот период, Радзивилл, например, недвусмысленно говорит, что тот «положил надежду на казаков»<sup>3</sup>.

Между тем в среде тех казацких старшин, с которыми король вел переговоры в Варшаве, произошел раскол. Видя поражение короля на сейме, Барабаш и Ильяш решили окончательно порвать с ним и отказались пользоваться привилеем для набора казацкого войска<sup>4</sup>. Совершенно иную позицию занял чигиринский сотник Богдан Хмельницкий, будущий руководитель освободительной войны украинского народа.

Богдан Хмельницкий родился около 1595 г. в Чигирине в семье мелкого украинского шляхтича.

Несмотря на высокую должность, которую он занимал<sup>5</sup>, Богдан Хмельницкий принадлежал к довольно радикально настроенной части реестровой казацкой старшины, не желавшей мириться с польским владычеством, теми ограничениями и притеснениями, которым подвергалось реестровое казачество, с национальным угнетением украинского народа. Опыт недавних крестьянско-казацких восстаний, нанесших сильный удар господству польских панов на Украине, многому научили Б. Хмельницкого. Ему становилось все более ясным, что свержение чужеземного гнета, расширение прав реестра, а также облегчение положения мещанства и крестьянства возможно лишь в результате общенародного восстания, в результате союза с русским народом, воссоединения Украины с Россией.

Б. Хмельницкий, есть основание предполагать, принимал участие в крупнейшем из крестьянско-казацких восстаний до освободительной войны — в восстании 1637—1638 гг. После поражения повстанческого войска под Боровицею в декабре 1637 г.

---

<sup>1</sup> S. Grondski, *Historia belli cosacco-polonici*, Pestini, 1789 г., стр. 36, изд. проф. Копии. Другой современник, очевидец событий, польский шляхтич также замечает, что на сейме имели место крупные разногласия и королю «угрожали даже, рокошем». J. Chrzaszcz, стр. 250.

<sup>2</sup> L. Kubala, J. Ossoliński, стр. 232.

<sup>3</sup> Н. И. Костомаров, Богдан Хмельницкий, т. 1, стр. 56—57.

<sup>4</sup> Молдавский летописец Мирон Костин упоминает даже о каком-то письме магната Потоцкого к Барабашу. В этом письме Потоцкий, по словам Костина, советовал Барабашу оставить план организации казацкого войска, напоминая ему печальную участь Павлюка и Сулимы. После этого будто Барабаш перестал заниматься делом, порученным ему королем. (M. Costin *Letopisetul*, стр. 119).

<sup>5</sup> Некоторое время Б. Хмельницкий был войсковым писарем реестра.

Б. Хмельницкий вместе с другими старшинами был отправлен для переговоров с польскими комиссарами. Условия подписанного у Курукова озера договора были исключительно тяжелыми для украинского народа. Казацкий реестр был сокращен до 6 000 чел., показавшиеся в ходе восстания крестьяне обязаны были вернуться к своим господам. На Украине резко усилился феодально-крепостнический и национально-религиозный гнет. Однако все это не могло сломить волю украинского народа к борьбе за свое освобождение.

После поражения восстания 1637—1638 гг. должность войскового писаря была упразднена, и Б. Хмельницкий стал чигиринским сотником. В сентябре 1638 г. в составе делегации казацких старшин Хмельницкий ездил в Варшаву для предъявления королю петиции с требованием облегчения положения реестровых казаков, возвращения их прежних прав, имущества и т. д.

В марте 1645 г. по приглашению французского правительства вместе с старшинами Сирко и Солтенко Б. Хмельницкий ездил во Францию. Возможно, что осенью 1645 г. вместе с 2 000 казаков, поступивших на французскую службу, он принимал участие в сражении с войсками испанских Габсбургов под Дюнкерком. Во всяком случае Хмельницкий, по его собственным словам, был лично знаком с знаменитым французским полководцем князем Конде<sup>1</sup>. Пребывание во Франции, несомненно, помогло ему ознакомиться с состоянием тогдашнего военного дела в Западной Европе, что имело немалое значение для него в будущем<sup>2</sup>.

Жизнь Б. Хмельницкого после его возвращения на родину мало известна. Бесспорно, однако, что, как и весь украинский народ, он продолжал лелеять мысль об освобождении Украины от польского владычества. Временами он даже довольно откровенно высказывал это. В 1639 г., например, во время осмотра восставленной Кодацкой крепости — этого грозного бастиона польского господства в Восточной Украине, на вопрос магната Конецпольского, как он находит твердыню, Б. Хмельницкий недвусмысленно ответил: «Что создано рукой, рукою и разрушается!»<sup>3</sup>

К середине 40-х годов недовольство польским господством на Украине значительно возросло. Позиции восточнукраинских магнатов, нанесших поражение королю на сейме 1646 г., упрочились, но вместе с тем углубились и противоречия в среде господствующего класса Речи Посполитой. Б. Хмельницкий и его

<sup>1</sup> П. Шевалье, французский офицер, побывавший в середине XVII в. на Украине, пишет, что Хмельницкий «прибыл из глубин Руси во Францию» (П. Шевалье, *Исторія війни козаків проти Польщі*, К., 1960, стр. 27).

<sup>2</sup> Подробную биографию Б. Хмельницкого см. *І. П. Крип'якевич*, Богдан Хмельницький, К., 1954, стр. 60—80.

<sup>3</sup> *W. Kochowski*, *Annales*, т. 1, стр. 25.

сторонники считали, что именно теперь наступил благоприятный момент для организации казачьего войска под видом выполнения проекта Владислава IV. Это казачье войско должно было служить, разумеется, не интересам польских панов, а делу освобождения украинского народа из-под власти панской Польши. К выполнению этого плана Б. Хмельницкий старался привлечь Барабаша и Ильяша, но безуспешно: «На многократные мои советы и предложения,— писал впоследствии Хмельницкий Барабашу из Сечи,— не изволил<sup>1</sup> Ваша милость склониться»<sup>1</sup>.

Память о расхождении между Хмельницким и его прежними коллегами по переговорам с Владиславом IV в вопросе о наборе казачьего войска нашла свое отражение в произведениях народного творчества. В одной из распространенных народных дум рассказывается, например, как во время пира Барабаш, угадывая намерение Б. Хмельницкого воспользоваться королевским привилеем для набора казаков, говорит: «На что тебе, куманек, читать его [привилей. — В. Г.]... Мы податей не платим, в войске польском не служим. Лучше нам, начальникам, брать деньги без счету, а дорогие сукна без меры, чем, потакая черни, таскаться по лесам да бугеракам да своим же телом комаров, как медведей, кормить»<sup>2</sup>. Переход Барабаша на сторону магнатской оппозиции подтверждает и украинский летописец Грабянка. «Сию епистолюю,— пишет он, имея в виду королевский привилей,— Барабаш не яви никому о ней; або яко ляхом [читай магнатам.— В. Г.] прихилен бьяше ово яко своей корысти токмо иский [ищущий.— В. Г.], изволяше сам во благах жити, а о войску не радяще, ниже обид людской»<sup>3</sup>.

Не найдя поддержки у Барабаша и Ильяша, Б. Хмельницкий сам решил заняться набором казаков, воспользовавшись для этого королевским привилеем. Летописец Величко говорит в связи с этим, что Б. Хмельницкий, «на тот час сотник чигиринский», видя притеснения, которые терпел украинский народ, «на тое уболевал сердцем, и всегда мыслил о способе том, чрез который бы возмогл из рук Барабашевых привилея королевские... отобрати, а при оных полезнейшее що погибающей Украинне сотворити»<sup>4</sup>.

Естественно возникает вопрос: к какому времени нужно отнести переход Барабаша и Ильяша на сторону магнатской оппозиции и овладение Б. Хмельницким королевским привилеем? На это можно ответить следующим образом. Поражение короля и его партии на сейме 1646 г. явственно определилось еще 19 ноября н. ст. (сейм закончился 8 декабря н. ст.)<sup>5</sup>. Весть об этом,

<sup>1</sup> См.: Летопись С. Величко, стр. 32.

<sup>2</sup> См.: Н. И. Костомаров, Богдан Хмельницкий, т. 1, стр. 56—57.

<sup>3</sup> Летопись Г. Грабянки, стр. 39.

<sup>4</sup> Летопись С. Величко, стр. 27.

<sup>5</sup> L. Kubala, J. Ossoliński, стр. 232, 235. О разногласиях между королем и магнатами в казачьем вопросе знали и в России: хотмыжанин Ф. Осетров,

распространившаяся по всей Речи Посполитой, и определила переход Барабаша и Ильяша на сторону победившей магнатской группировки. Для выяснения их позиции Хмельницкий, как заявляют казацкие летописцы, пригласил Барабаша к себе. Встреча<sup>1</sup> состоялась, как об этом говорит Величко, 6 декабря ст. ст.<sup>2</sup> (16 дек. н. ст.) в день Николая<sup>3</sup>. По словам Величко, она происходила в Чигирине, Грабянка же называет Субботов<sup>4</sup>. Хмельницкий, как единогласно повествуют Самовидец, Грабянка<sup>4</sup>, известный нам казак Друшенко, а также народные думы, созвал к себе гостей на крестины. Разумеется, это был лишь предлог. «Хмель[ницкий] — показал Друшенко на допросе 6 ноября 1648 г., — подпоив Барабашенка, послал его пояс к жене. Та, на основании этого знака, выдала привилей; им [Хмельницкий. — В. Г.] подстрекал чернь [к восстанию. — В. Г.] и велел убить Ильяша и Барабашенка, которые этому препятствовали»<sup>5</sup>.

Таким образом, убедившись в том, что Барабаш не желает воспользоваться королевским разрешением для набора казаков, Б. Хмельницкий решил отныне взять дело в свои руки. Для этого он и порвал с Барабашем, и искусно овладел королевским привилеем<sup>6</sup>.

В исторической литературе неоднократно высказывалось сомнение в реальности указанного королевского привилея. В связи с этим заметим, что для нас вопрос о самом привилее не имеет принципиального значения. Важен тот бесспорный факт, что Б. Хмельницкий, в виду отказа Барабаша и Ильяша от участия в наборе казацкого войска, решил взять это на себя. Именно эта мысль и получила отражение в колоритных рассказах украинских летописцев и в народных думах о так называемом «похищении» Хмельницким «королевского листа» у Барабаша.

В это время слухи о разрешении короля набирать казацкое войско все больше распространялись по Украине. Л. Кубаля, ссылаясь на рукопись из библиотеки Оссолинских, утверждает, что до гетманов (Потоцкого и Калиновского) стала доходить

например, сообщил хотмыжскому воеводе, что между королем и магнатами из-за казаков ожидается «великий рокош» [Акты Московского государства, т. II, стр. 204].

<sup>1</sup> Летопись С. Величко, т. 1, стр. 28. У Самовидца встреча датируется 1647 г. Будто бы сразу после овладения привилеем Хмельницкий (в декабре) бежал на Запорожье. Это явная описка. После своего ареста, который непосредственно предшествовал бегству на Запорожье, Хмельницкий был на нелегальном положении и ни о какой дружеской встрече со своими противниками не могло быть и речи (Летопись Самовидца, стр. 219).

<sup>2</sup> Летопись С. Величко, стр. 27.

<sup>3</sup> Летопись Г. Грабянки, стр. 39, Летопись С. Величко, стр. 28.

<sup>4</sup> Летопись Самовидца, стр. 219, Летопись Г. Грабянки, стр. 39.

<sup>5</sup> J. Michałowskiego Księga, док. 97, стр. 299.

<sup>6</sup> Летопись Самовидца, стр. 219, Летопись Г. Грабянки, стр. 39, Летопись С. Величко, стр. 28—29.

молва, что Б. Хмельницкий втайне «бунтует» казаков<sup>1</sup>. Барабаш и Ильяш донесли на Хмельницкого польским властям на Украине. Польский историк Чарновский пишет, что Барабаш «уведомил сенаторов [магнатов.— В. Г.] об опасности всеобщего восстания<sup>2</sup>. При этом, естественно, Барабаш и Ильяш старательно замалчивали свои прежние связи с королем и Хмельницким.

Чигиринская старостинская администрация, являвшаяся по существу органом магнатов, а не королевской власти, решила покончить с Хмельницким. Русский гонец Гр. Кунаков, тонкий и наблюдательный дипломат, посетивший Польшу в 1648 и 1649 гг., оставил нам исключительной важности отчеты о своих поездках. В этих отчетах, которые по праву являются незаменимым источником при изучении начального периода освободительной войны на Украине, читаем в частности: «И после де того [переговоров Владислава IV с Хмельницким.— В. Г.] вскорее, сведав про то хоружей корунной Александро Станиславов сын Конец-Польского, и умысля... Богдана Хмельницкого убить»<sup>3</sup>. В 1647 г. некто Дашевский, участвовавший вместе с Хмельницким в стычке с татарами под Чигирином, «подъехавши к Хмельницкому сзади так ударил его по голове, что разможил бы ему череп, если бы не защищал его железный шлем»<sup>4</sup>.

Некоторые авторы, в частности Н. Н. Петровский, считают, что Дашевский был подослан Чаплинским<sup>5</sup>. С этим нельзя согласиться, так как сам Хмельницкий признавал в своем так называемом «реестре кривд», что Дашевский действовал «по наущению кого-то из старшин», т. е. лиц из магнатской администрации<sup>6</sup>. В то же время по приказанию А. Конецпольского на дорогах, где можно было ожидать проезда Хмельницкого, были устроены засады с целью убить его<sup>7</sup>.

Таким образом, к 1647 г. для Б. Хмельницкого и его сторонников создалось исключительно тяжелое положение. Хмель-

<sup>1</sup> L. Kubala, J. Ossolinski, стр. 444: «Na Ukrainie slychac, ze Bohdan Chmielnicki kozaków buntować nieznacznie poczynal przeciw hetmanom i szlachcie, o czym sluchy dochodzily hetmanów».

<sup>2</sup> J. Czarnowski, Historia, стр. 182: «Barabas uwiadomi senat...o niebezpieczeństwie powszechnego powstania».

<sup>3</sup> Акты ЮЗР, т. III, стр. 279. Еще отец Конецпольского, по словам С. Грондского, незадолго до смерти (ум. в марте 1646 г.) говорил: «Он боялся,—объясняет далее Грондский,— чтобы Речь Посполитая не узнала много лиха [от Хмельницкого.— В. Г.], ибо никогда еще не было среди казаков человека таких способностей и такого разума» (S. Grondski, Historia, стр. 41). По словам еврейского летописца Натана Гановера, Конецпольский перед смертью даже завещал своему сыну «найти какое-нибудь такое обвинение для него [Хмельницкого,— В. Г.], чтобы сжить его со света» (F. Rawita — Gawroúshi, Bohdan Chmielnicki, т. I, стр. 17).

<sup>4</sup> Памятники, изд. Врем. Комис. для разбора древних актов, т. I, изд. второе, К., 1848, отдел третий, стр. 4.

<sup>5</sup> М. Петровский, Визвольна війна, стр. 35

<sup>6</sup> Памятники, изд. Врем. Комис. для разбора древних актов, том I, стр. 4.

<sup>7</sup> Там же, стр. 3.



ницкий подвергался негласному преследованию со стороны чигиринской старостинской администрации, возглавляемой известным магнатом А. Конецпольским. Этими обстоятельствами поспешил воспользоваться подстароста Д. Чаплинский. При содействии, а возможно и по указанию своего патрона, А. Конецпольского, он совершил известный наезд на хутор Б. Хмельницкого Субботов<sup>1</sup>. Это обстоятельство отмечено и летописцем Величко. Последний писал, что Чаплинский «за позволением пана своего Конецпольского хорунжегѣ, мимо волю Королевскую, отнял у Хмельницкого слободу Субботовскую и иные угодыя»<sup>2</sup>. Наконец, сам Хмельницкий рассказывал впоследствии (15 окт. 1650 г.) русскому послу Гр. Унковскому, что его хутор «Конецпольский отнял и отдал будущому при себе Чепленскому»<sup>3</sup>.

Буржуазно-националистическая историография не была в состоянии определить то место, которое по праву принадлежит Богдану Хмельницкому в деле подготовки освободительной войны украинского народа, руководства ею и осуществления воссоединения Украины с Россией. При этом необходимо заметить, что если буржуазные историки по разному оценивали роль Б. Хмельницкого в отдельные периоды освободительной войны, то в оценке деятельности его до освободительной войны все они сходились в одном мнении. Сущность последнего сводилась к тому банальному положению, что событием, толкнувшим Б. Хмельницкого на путь борьбы против панской Польши и воссоединения Украины с Россией, было так называемое «дело Чаплинского». Такого взгляда, ставшего традиционным, придерживались все польские буржуазные историки (К. Шайноха, Ф. Равита-Гавронский, Л. Кубалья и др), представители русской буржуазной историографии (С. Соловьев, Карпов и др.), а также украинская дворянская и буржуазно-националистическая историография (Д. Бантыш-Каменский, П. Кулиш, Д. Эварницкий, М. Грушевский и др.). Им вторит и современная историография, в частности, американская<sup>4</sup>.

Это мнение о роли «дела Чаплинского» получило свое обобщение и наиболее яркое выражение у М. Грушевского. В его интерпретации Богдан Хмельницкий до «дела Чаплинского» и после него — два разных человека<sup>5</sup>. Геннадий Карпов, стремившийся, по его собственным словам, отвести от Б. Хмельницкого упреки современников XVII в. в организации восстания против Польши задолго до 1648 г., писал: «должно сказать

<sup>1</sup> S. Grondski, Historia, стр. 41.

<sup>2</sup> Летопись С. Величко, стр. 27.

<sup>3</sup> Акты ЮЗР, т. VIII, стр. 349.

<sup>4</sup> См.: George Vernadsky, Bohdan, hetman of the Ukraine, New Hawen, 1941, стр. 46, 58.

<sup>5</sup> М. Грушевський, Історія України-Руси, т. VII, ч. II, изд. 2, К., 1922, стр. 162.

с самого начала противоположное тому, что о нём [Б. Хмельником.— В. Г.] распустили паны. Богдан Хмельницкий никогда заранее, до своего бегства из Украины [бегство связывается с «делом Чаплинского». — В. Г.], не обдумывал плана восстания и положительно не составлял никакого заговора<sup>1</sup>. Эта ложная схема, искажавшая исторический облик великого сына украинского народа, подменявшая суровую историческую действительность выдумками о романтических столкновениях Д. Чаплинского с Б. Хмельником, была механически заимствована и некоторыми советскими авторами. Так, например, Н. Н. Петровский утверждает: «Эта вражда [между Чаплинским и Хмельником.— В. Г.]... была поводом к выступлению реестровых казаков и лучшей части старшины против шляхетской Польши»<sup>2</sup>. Другой советский автор, К. Осипов, удачно критикуя отдельные, частные положения Н. Петровского, тем не менее тоже следует этой традиции. К. Осипов считает, что со времени ординации 1638 г. и до «дела Чаплинского» Б. Хмельницкий «предпочитает сохранять роль зрителя, а не участника [борьбы против Польши.— В. Г.]»<sup>3</sup>. Лишь после столкновения с Чаплинским для Б. Хмельницкого будто «круг замкнулся. Хватаясь за последнюю соломинку...», он обращается с жалобой к Владиславу IV, но не встречает у него поддержки. Вот тогда-то, по мнению К. Осипова, у Хмельницкого и возникает спасительная мысль, «что не худо бы пощекотать чигиринскую шляхту саблями»<sup>4</sup>. Такая ограниченность в представлениях о политической деятельности Б. Хмельницкого до освободительной войны обусловлена прежде всего тем, что вышеназванные авторы отвлекались от сложного внутреннего и внешнего положения Польши в 40 гг. XVII в.

Теперь, после краткого рассмотрения этого вопроса, для нас становится очевидным, что не нападение Чаплинского на хутор Б. Хмельницкого толкнуло последнего на путь борьбы против панской Польши, а, наоборот, вступление Хмельницкого на этот путь навлекло на него месть магнатов, натравивших на него Чаплинского и т. д.

2 мая 1647 г. в Польше открылся очередной сейм, заправили которого высказывали намерение «навсегда покончить с мыслью [короля.— В. Г.] о войне»<sup>5</sup>. В конце мая или в начале июня в Варшаве в сопровождении десяти казаков появился Б. Хмельницкий<sup>6</sup>. Формально его приезд объяснялся желанием добиться правосудия в тяжбе с Чаплинским. Но действительная цель приезда была иной.

<sup>1</sup> Г. Карпов, Начало исторической деятельности Б. Хмельницкого, М., 1873, стр. 3.

<sup>2</sup> М. Петровський, Нариси з історії України, стр. 34.

<sup>3</sup> К. Осипов, Б. Хмельницкий, М., 1948, стр. 108.

<sup>4</sup> Там же, стр. 114—115.

<sup>5</sup> L. Kubala, J. Ossoliński, стр. 246.

<sup>6</sup> Там же, стр. 259.

Со времени сейма 1646 г. в политической жизни Речи Посполитой произошли, как мы видели, значительные перемены. Поэтому Хмельницкому необходимо было удостовериться, в первую очередь, не отказался ли Владислав IV от своих прежних планов после поражения, нанесенного ему на сейме. Во-вторых, в случае, если бы король остался верным этим своим планам, Хмельницкому нужно было, ввиду перехода Барабаша и Ильяша на сторону магнатской оппозиции, сосредоточить все «связи» с королем и его сторонниками в собственных руках, получить материальную поддержку, необходимую для набора казаков и их вооружения. Наконец, следовало установить, не внесет ли новый сейм изменений в отношения королевской группировки с ее противниками, столь резко определившиеся на прошлом сейме.

Б. Хмельницкий встретился с королем уже перед самым роспуском сейма. Впоследствии, в своем мемориале сейму от 18 июля 1648 г. Радзивилл, подчеркивая конфиденциальный характер этой встречи, писал, что «казаки и сам Хмельницкий были тайно введены в комнаты покойного короля»<sup>1</sup>. О том же говорит С. Грондский<sup>2</sup>. Гр. Кунаков также подтвердил факт встречи Владислава IV с Б. Хмельницким и сопровождавшими его казаками: «А Владислав де король, — писал он, — в те поры гнев держал на сенаторей и на всю Речь Псполитую за то, что ему не дали воли на Турского войны весть и собранное для тое войны Немецкое [иноземное. — В. Г.] войско приговорили на Сейме распустить... И призвав де Владислав король Богдана Хмельницкого и черкас челобитчиков в поко[е]вые хоромы»<sup>3</sup>.

Мы не располагаем источниками, на основании которых можно было бы с полной достоверностью определить действительное содержание беседы Владислава IV с Б. Хмельницким и сопровождавшими его лицами. Однако уже сами дебаты на сейме могли убедить Хмельницкого в том, что борьба короля с магнатской оппозицией продолжается с прежним упорством. При встрече с Владиславом IV Хмельницкий, надо полагать, сообщил о переходе Барабаша и Ильяша на сторону оппозиции и заверил его в своей готовности поддерживать намеченные ранее королем планы набора «охочего» казацкого войска.

Не знаем мы также точного ответа короля Б. Хмельницкому, хотя и имеем некоторые данные, позволяющие судить о нем. П. Шевалье, например, говорит, что «король Владислав, придававший большое значение казачеству в войне, которую он намеревался начать против турок и татар... пожелал увеличить число казацкого войска и назначил гетманом... Богдана

<sup>1</sup> L. Kubala, J. Ossoliński, стр. 259—442: «rex mortuus cosacos et ipsum Chmielniciam in Cameram secreto intromiserat».

<sup>2</sup> S. Grondski, Historia, стр. 46, 50.

<sup>3</sup> Акты ЮЗР, т. III, стр. 279.

Хмельницкого»<sup>1</sup>. Грондский также сообщает, что король настаивал на наборе казацкого войска и походе его против Крыма<sup>2</sup>. Шляхтич Новгород-Северского повета Криштоф Силич рассказывал 15 июня 1648 г., т. е. уже после начала восстания на Украине, брянскому воеводе Н. Мещерскому: «в прошлом де в 155-м году был у короля Владислава в Польше сойм, что иттить было войною на турка, советовав сыными землями христьянскими, и Речь Посполитая не позволила через вечное перемирье войною иттить не похотели. И король де Владислав дал пану Хмельницкому перед соймом лист, что ему иттить на море, сколько челнов на море оберетца». Затем Хмельницкий «с тем листом запал и молчал полгода», а потом «почал собирать войско за порогов и призвал к себе крымских людей»<sup>3</sup>. Эти любопытные данные дополняются не менее интересными известиями Гр. Кунакова. Король, по словам Кунакова, жаловался Хмельницкому и его товарищам на магнатов и говорил им, что «санатарии его вдались в свою волю, панство его пустошат, а его мало слушают»<sup>4</sup>.

При создавшихся условиях Владислав IV и его ближайший помощник, канцлер Ю. Оссолинский, нуждавшиеся в действенной опоре, придавали, естественно, большое значение связям с казаками. Современники, как мы видели, говорят об этом совершенно недвусмысленно. Тот же Гр. Кунаков, например, сообщает, что магнаты обвиняли коронного канцлера и его сторонников в том, что «Владислава короля злою своею радю прилели они на то, чтоб сенатарей [магнатов.— В. Г.]... всех выгубить... и для де того умышлена... и Хмельницкого война»<sup>5</sup>.

Вскоре после возвращения Б. Хмельницкого и его товарищей на Украину туда, в начале августа 1647 г., выехал канцлер Ю. Оссолинский<sup>6</sup>. Молдавский летописец М. Костин пишет в связи с этим: «Я посещал школу в Баре [в 1647 г.], когда через него проехал коронный канцлер Оссолинский, человек большого ума, близко стоявший к королю... [он] возвращался из Киева... после того, как побывал в разных казацких городах»<sup>7</sup>. С. Грондский утверждает, что хотя поездка и совершалась Оссолинским под видом осмотра пограничных крепостей, однако главной ее целью были сношения с казаками<sup>8</sup>.

Во время своего пребывания на Украине Оссолинский имел возможность убедиться в том, что Барабаш и Ильяш действительно перешли на сторону противников короля. В таких условиях единственным человеком, который мог бы, как казалось,

<sup>1</sup> П. Шевалье, *Исторія війни козаків*, стр. 38.

<sup>2</sup> S. Grondski, *Historia*, стр. 46—47.

<sup>3</sup> Воссоединение Украины с Россией, т. II, док. 17, стр. 43.

<sup>4</sup> Акты ЮЗР, т. III, Статейный список Гр. Кунакова.

<sup>5</sup> Воссоединение Украины с Россией, т. II, док. 133, стр. 310.

<sup>6</sup> L. Kubala, J. Ossoliński, стр. 253, 442.

<sup>7</sup> M. Costin *Letopisetul*, стр. 118—119, 171.

<sup>8</sup> S. Grondski, *Historia*, стр. 38—39, 50.

содействовать королю в осуществлении его планов оставался Богдан Хмельницкий. Упоминания о встрече Ю. Оссолинского с Б. Хмельницким сохранились в разных источниках. Самым авторитетным в данном случае нужно считать сообщение Самуила Грондского, который заимствовал сведения у Станислава Любовицкого, доверенного лица Оссолинского, сопровождавшего последнего во время поездки на Украину, а также у Ивана Выговского<sup>1</sup>. При встрече с Хмельницким (происходившей в присутствии казаков, вероятно тесной группы сторонников Хмельницкого), Оссолинский расспрашивал его о подготовке похода казаков на Крым. Хмельницкий, по словам Грондского, заверил, что сделает для осуществления королевского плана все от него зависящее, но добавил, что суровый режим, созданный старостинской администрацией на Украине, значительно затруднит и замедлит набор «охочего» казачьего войска. Оссолинский хотел передать ему от имени короля знаки гетманской власти — булаву, знамя и т. д., но Хмельницкий отказался принять их, заявив, что он еще не достоин такой высокой чести, хотя надеется заслужить ее в будущем<sup>2</sup>.

В цитированной выше записке Гр. Кунаков, имея в виду сношения короля с Хмельницким через посредство Ю. Оссолинского, писал, что Владислав IV, решив «войну вести на Турецкого салтана... пожаловал Богдана Хмельницкого гетманством запорожским и послал ему свое жалованье, а впредь обещал ему король прислать на жалованье черкасам и на чиновное дело 170 000 злотых польских»<sup>3</sup>. Шляхтич Собеский, находившийся в 1648 г. в течение пяти дней в плену у Хмельницкого, рассказывал на конвояционном сейме 1648 г., что в разговоре с Хмельницким на вопрос о том, кто дал казакам средства на постройку чаек, последний ответил, что деньги даны «королем, когда тот замышлял поход на турок»<sup>4</sup>. Современник шляхтич Коховский, известный историк XVII в., также сообщает, что в 1647 г. король выслал казакам деньги для организации морского похода<sup>5</sup>. Еще более определенно говорит другой современник — шляхтич Николай Емеловский. По его словам, канцлер передал Хмельницкому средства на постройку чаек для морского похода и одновременно от имени короля подтвердил его право набирать казачье войско. Емеловский сообщает по этому поводу: «король отправил коронного канцлера к некоторым казачьим полковникам, главным образом к некоему Богдану Хмельницкому... стремясь при этом и измышляя средства для постройки возможно большего коли-

<sup>1</sup> S. Grondski, Historia, стр. 39—40. Любовицкий сообщил об этом Грондскому в 1655 г., а И. Выговский годом позже.

<sup>2</sup> S. Grondski, Historia, стр. 39—50.

<sup>3</sup> Акты ЮЗР, т. III, стр. 279.

<sup>4</sup> L. Kubala, J. Ossoliński, стр. 288.

<sup>5</sup> W. Kochowski, Annales Poloniae ab habitu Vladislai IV, т. I, Cracoviae, 1682, стр. 22.

чества чаек, на которых, как только он прикажет, вышли бы [казаки. — В. Г.] в Черное море, опустошили бы Турецкое государство... тому же Хмельницкому с этой целью дозволено создавать отряды из казаков и вообще ему даны хоругви с польскими гербами и звание гетмана»<sup>1</sup>.

Наконец, о планах Владислава IV относительно турецкого похода, о присылке денег для его снаряжения и о противодействии магнатов королевским планам заявил впоследствии (в 1650 г.) польским посланцам сам Хмельницкий: «Когда польский король Владислав IV пожелал и решил выступить против турок вооруженной рукой и готовил к этому походу также наше Запорожское войско, он дал нам денег для снаряжения лодок... Но магнаты Республики... воспротивились этому»<sup>2</sup>. Еще за год до этого, в ноябре 1649 г., в беседе с русским послом Г. Нероновым Б. Хмельницкий заявил, что «И ныне де у него изготовлено на Днепре под Кодаком 300 стругов, а велел де ныне еще к тому в прибавку сделать 200 стругов для того, что ему в тех стругах посылать для войны на турецкого царя запорожских козаков водяным путем»<sup>3</sup>.

Встреча канцлера Ю. Оссолинского с Б. Хмельницким и передача последнему денег послужили впоследствии основанием для обвинений короля Владислава IV и Оссолинского их противниками-магнатами в том, что они будто бы помогли казаким подняться против Речи Посполитой. Иоахим Ерлич, живший на Украине и пристально следивший за политическими событиями, открыто обвиняет Оссолинского за его сношения с Хмельницким. Ерлич считает Оссолинского ответственным за все те бедствия, которые обрушились на шляхетскую Польшу с 1648 г.: «что произошло в Короне Польской от хлопства,— пишет он,— все это по вине короля и из-за измены канцлера, человека безбожного; смута и гибель Короны Польской, большое кровопролитие и позор, насмешки соседей за то, что мы оказались завоеванными и превращенными в ничто своими холопами и подданными»<sup>4</sup>. Современный памфлетист, также недоброльный поездкой Оссолинского на Украину, писал: «Задумал [канцлер] так: заставить нас меж собой воевать, сам же он поехал на Украину казаков бунтовать»<sup>5</sup>. С. Грондский сообщает,

<sup>1</sup> Pamiętnik Mikołaja Jemiołowskiego, Lwów, 1850, стр. 2.

<sup>2</sup> Записки Наукового товариства ім. Шевченка, Львів, т. IV, 1907, стр. 81. Władisław Quartus Rex Poloniae id constituit et habere voluit, ut tota manus militum contra Turcos ultius consurgat, et nostro exercitui Zaporoviensi pro expeditione eiusdem belli, pro classibusque marinis pecunias dedit, quas paratas hucusque super ripam Boristhenis habemus».

<sup>3</sup> Воссоединение Украины с Россией, т. II, док. 118, стр. 274.

<sup>4</sup> Latopisiec albo kroniczka Joachima Jerlicza, wyd. K. Wojcicki, т. I, Warszawa, 1853, стр. 53.

<sup>5</sup> J. L. Kubala, J. Ossoliński, стр. 327:

«Umyslił (kanclerz) tak uczynić:

Nas przez nas wojować.

Jechał na Ukrainę Kozaków buntować».

что впоследствии, на элекционном сейме 1648 г., оппозиция, душой которой был магнат Иеремия Вишневецкий, обвиняла канцлера Ю. Оссолинского в том, что он «вместе с покойным королем Владиславом IV замышлял совершить переворот в государстве и употребить казаков для уничтожения шляхетской нации [читай магнатов.— В. Г.]»<sup>1</sup>. На чрезвычайном сейме в ноябре 1649 г., созванном в связи с утверждением Зборовского договора (см. ниже), магнатская оппозиция представила записку, обвинявшую Оссолинского в измене. «Вся последняя междоусобная война,— говорилось в ней,— есть плод правления Оссолинского. Овладев умом жадного к славе и власти короля, он затеял войну с Турцией и когда представители Речи Посполитой не одобрили его замыслов [имеются в виду сеймы 1646 и 1647 гг.], вздумал начать ее с помощью казаков и уговорил короля раздать им приданое королевы: с этими-то деньгами казаки и поднялись»<sup>2</sup>.

Таким образом, есть основание думать, что, помимо разрешения набирать казацкое войско вопреки ординации 1638 г., Хмельницкий сумел обеспечить себе и материальную поддержку со стороны ничего не подозревавшего короля. Известно, что именно около этого времени (1647 г.) Хмельницкий приступил к закупке на значительную сумму оружия и его люди с деньгами, спрятанными в телегах под пшеном, отправились во Львов и другие ремесленные центры для закупки ружей, сабель, свинца, пороха и др.<sup>3</sup>.

Поездка Б. Хмельницкого и его товарищей в Варшаву была использована ими также для того, чтобы изучить положение в стране, настроение населения, получить данные о размещении польских войск, о состоянии крепостей и т. д. Об этом довольно обстоятельно говорит С. Грондский<sup>4</sup>. После возвращения Хмельницкого и казаков на Украину все шире распространяются слухи о разрешении короля набирать «охочее» казацкое войско. Среди крестьянства и казачества усиливалось брожение. Уже в конце сентября 1647 г. до польских властей на Украине стали доходить слухи о том, что Хмельницкий тайно набирает и организует казаков. Анонимный мемуарист писал, что Ал. Конецпольский, когда возвращался из Базавлука в Кодак, получил известие о том, что «Хмельницкий бунтует казаков»<sup>5</sup>. Офицер Радилинский, посланный Конецпольским для проверки этих слухов, подтвердил их достоверность<sup>6</sup>. Казаки сходились на тайные сборища, что-то оживленно обсуждали между собой.

<sup>1</sup> S. Grondski, Historia, стр. 175.

<sup>2</sup> Pamiętniki o Koniecpolskich, стр. 420, Н. И. Костомаров, Собр. соч., т. IV, стр. 333.

<sup>3</sup> M. Golinski Zapiski (Записки мещанина казимирского 1640—1665 гг.) Фотокопия хранится в Институте истории АН УССР, стр. 85.

<sup>4</sup> S. Grondski, Historia, стр. 47.

<sup>5</sup> Памятники, изд. Киевской комиссией, т. I, 1899, стр. 174.

<sup>6</sup> Там же.

Один из польских шляхтичей, живший в Южном Поднепровьи, писал в своем дневнике, что казаки «собираются на пасаках [пасеки на Украине стояли обычно в степи, в глухих рощах.— В. Г.], проводят там тайные сходки»<sup>1</sup>.

В это же примерно время где-то под Чигирином состоялась сходка, известная под названием «совещания в роще». На ней присутствовали, вероятно, казаки, приглашенные ближайшими помощниками Б. Хмельницкого. Это совещание во многом раскрывает нам подлинный смысл и направление политической деятельности Хмельницкого накануне освободительной войны. С. Грондский, занимавшийся сведениями о совещании у Ивана Выговского, так изображает дело Сначала Б. Хмельницкий напомнил присутствующим о невыносимом положении украинского народа, страдающего под игом польских панов. «Проезжая по Руси [Украине.— В. Г.],— сказал он,— я везде видел страшные утеснения, тиранства». Далее Б. Хмельницкий рассказал о внутреннем состоянии Речи Посполитой, о распрях между королем и магнатами, о планах короля и т. д. В данный момент Владислав IV, по его словам, подстрекает казаков к нападению на турок. В доказательство этих слов Хмельницкий показал присутствующим королевскую грамоту — привилей<sup>2</sup>: В заключение Хмельницкий заявил, что наступил самый благоприятный момент для восстания против панской Польши и освобождения украинского народа от многовекового ига. Успеху борьбы,— сказал он,— будут содействовать, с одной стороны, разлад в польских правящих кругах, с другой,— готовность украинского народа взяться за оружие (*arma esse arripienda jugum excutiendum*)<sup>3</sup>.

Доводы Хмельницкого и его призыв к борьбе, как говорит Грондский, не сразу встретили поддержку у присутствующих. Часть их выразила сомнение в успехе восстания, ссылаясь на отсутствие оружия у народа, на многочисленное польское войско, стоявшее на Украине и имевшее на вооружении те пушки, которые до ординации 1638 г. принадлежали реестру. «Татары разве,— иронически говорили скептики,— помогут нам теперь за то, что мы их прежде истребляли»<sup>4</sup>. Отвечая им, Богдан Хмельницкий, по словам того же Грондского, сказал: «Вы правы. Ясно, что против сильных неприятелей наших сами мы ничего не сделаем, тем более, что во всех крепостях сидят польские комиссары, которые пристально следят за каждым нашим шагом; большая часть польских войск расположена в наших местах (*inter nos*) на зимних квартирах. Как только они заметят наши приготовления, тотчас же нас и подавят, поэтому, во избежание

<sup>1</sup> J. Chrzanszcz, стр. 252.

<sup>2</sup> S. Grondski, Historia, стр. 50: «quatenus autem credatis rem ita se habere, cuhabetis litteras regis».

<sup>3</sup> Там же.

<sup>4</sup> Там же, стр. 48.



такой опасности, нам нельзя обойтись без помощи извне<sup>1</sup>. Как и многие из его предшественников — руководителей восстаний на Украине в XVI—XVII вв. — Хмельницкий обратил свои взоры к России. Определяя ту силу, на поддержку которой мог бы рассчитывать украинский народ, Богдан Хмельницкий указал на Россию. «Не вижу, — сказал он, — другого выхода, кроме Москвы [Наес autem non video unde petenda essent, nisiа Moscis]». «Я бы предложил, — продолжал он, — обратиться к Москве, так как она одной с нами веры и поэтому могла бы соединиться с нами [Opartem petere a Moscis, ut pote ab illis, quos respectos Religionis in id conducere posset]»<sup>2</sup>.

Однако, в данный момент, подчеркнул Хмельницкий, рассчитывать на помощь России вряд ли можно, так как она «опустошена в прежние годы [во время интервенции. — В. Г.] поляками, захватившими у нее ряд городов — Смоленск и другие, и еще не восстановила полностью свои силы; едва ли она сможет поэтому вступить за нас<sup>3</sup>». Остаются еще крымские татары. Хотя они являются истинными врагами украинского народа, тем не менее существует способ вырвать у них помощь. Для этого Хмельницкий предложил воспользоваться королевским привилеем и отправить в Бахчисарай посольство с доказательством намерений польского короля совершить нападение на Крым при помощи казачьего войска. Послы поставят хана перед альтернативой: или он окажет помощь казакам в их борьбе с Польшей, или, в противном случае, сам подвергнется нападению со стороны Польши и казаков. Хан волей-неволей вынужден будет принять первое предложение, тем более, что он и без того раздражен недавним походом А. Конецпольского на Крым и невыплатой (с 1642 г.) Польшей дани. Хан, заключил Хмельницкий, уже давно сам бы напал на Польшу, если бы его не удерживал страх перед казаками<sup>4</sup>. Присутствующие согласились с планом Хмельницкого, избрали его своим предводителем (гетманом) и высказали единодушную решимость следовать за ним. При этом собравшиеся просили Хмельницкого

<sup>1</sup> S. Grondski, Historia, стр. 48—49.

<sup>2</sup> См. S. Grondski, Historia, стр. 49. Тот факт, что Б. Хмельницкий еще до освободительной войны 1648—1654 гг. считал Россию единственной силой, при помощи которой Украина сможет навсегда освободиться от польско-шляхетского ига, подтверждается и другими источниками. Так, например, украинские послы М. Суличич «с товарищи» в конце января 1651 г. по поручению Хмельницкого заявили в Москве, что «гетман их Богдан Хмельницкой... коли был и не гетманом [т. е. еще до 1648 г. — В. Г.]... того искал, чтоб ему быть царского величества под высокою рукою... со всем войском Запорожским». Наконец, 13 января 1654 г. в своем письме царю по поводу Переяславской Рады Б. Хмельницкий писал, что воссоединением Украины с Россией осуществилось то, чего «от веку ждали есмо» (Акты ЮЗР, т. III, стр. 487; Воссоединение Украины с Россией, т. II, док. 212, стр. 492; Акты ЮЗР, т. X, стр. 249—250).

<sup>3</sup> См. S. Grondski, Historia, стр. 49.

<sup>4</sup> Там же, стр. 50—51.

взять на себя переговоры с татарами, уверяя, что «им не найти никого более способного для этого дела»<sup>1</sup>.

Так рассказывает о совещании в роше С. Грондский. Можно однако предположить, что тут обсуждались и другие важные вопросы — например о положении крестьянства и мещанства, без поддержки которых нечего было и рассчитывать на успех восстания. Необходимо было подать крестьянам надежду на облегчение их участи, на освобождение хотя бы части их от крепостнического гнета, наделение казачьими правами и тем самым поднять крестьянство на борьбу за освобождение страны от владычества панской Польши. Глухое упоминание о том, что на совещании в роше ставился и этот вопрос, сохранилось, как нам кажется, в старинной народной песне, рассказывающей в частности о том, что Б. Хмельницкий и его четыре ближайших помощника — Максим Кривонос, Мартин Пушкарь, Иван Богун и Матвей Борохович обещали вернуть казацкие права всем тем, кто лишился их:

«Оттоді-то припало йому [Хмельницькому] з правої руки  
Чотири полковники:  
Первий полковниче — Максиме Ольшанський,  
А другий полковниче — Мартине Полтавський,  
Третій полковниче — Іване Богуне,  
А четвертий — Матвій Бороховичу.  
Оттоді-то вони на славу Україну прибували,  
Королівські листи читали,  
Козакам козацькі порядки давали»<sup>2</sup>.

Совещание в роше явилось важным событием, предшествовавшим освободительной войне украинского народа против гнета панской Польши.

Таким, если говорить в самых общих чертах, было внутреннее и международное положение Украины к середине XVII в. Освобождение от власти панской Польши становилось для украинского народа коренным вопросом его национального существования.

<sup>1</sup> См. S. Grondski, *Historia*, стр. 51. Возможно, именно это «совещание в роше» имел в виду Грабянка, когда говорил, что «по вичитанию оних [королевских. — В. Г.] привилеев, ответ вси взявши козаки, согласен побегоша за пороги з Хмельницким» (Летопись Г. Грабянки, стр. 40).

<sup>2</sup> Українські народні думи та історичні пісні, К., 1955, стр. 97.



# Глава II



## НАЧАЛО ОСВОБОДИТЕЛЬНОЙ ВОЙНЫ УКРАИНСКОГО НАРОДА





К концу 1647 г. атмосфера в Восточной Украине очень накалилась. Чигиринскому старосте магнату А. Конецпольскому стало в это время известно, что «Хмельницкий бунтует казаков». Хмельницкий был немедленно арестован (в с. Бужине)<sup>1</sup> и отправлен в Крылов к Конецпольскому. Последний, однако, не отважился казнить Хмельницкого, так как не было достоверных улик его виновности. Конецпольский решил, вероятно, покончить с ним без лишней огласки. Хмельницкого выпустили «на поруки», но уже 7 декабря чигиринский полковник Кречовский дал ему знать, что его готовятся тайно «яти [схватить.— В. Г.]... и смерти предати». В тот же день Хмельницкий с сыном Тимофеем в сопровождении отряда казаков («полтретьяста человек») бежал на Запорожье.

Прибытие Хмельницкого в Сечь засвидетельствовано рядом современников. Так, сын боярский Никита Гридин, служивший в это время в Запорожском войске, в Сечи, рассказывал 5 июля 1648 г. хотмыжскому воеводе С. Болховскому: «А козацкой де... етман Богдан Хмельницкий пришел в Запороское войско с королевскими листами за 3 недели до масленицы»<sup>2</sup>. Обстановка на Запорожье в конце 1647 г. была очень сложной. В районе острова Хортицы стоял залогою Черкасский (по другим данным Корсунский) реестровый полк и отряд польских драгун под начальством полковника Гурского<sup>3</sup>. Следя за тем, чтобы никто не мог бежать с Украины в Сечь, Гурский выставил свои курени [сторожевые посты], как выражается современник, «до самой Войсковой Скарбницы»<sup>4</sup>.

После прибытия Хмельницкого и бежавших с ним казаков в Сечь подготовка к восстанию на Запорожье пошла полным

<sup>1</sup> Нынешнее село Бужин, Кировоградской области, расположено в 20 км. севернее Чигирина.

<sup>2</sup> Акты ЮЗР, т. VIII, док. 33, стр. 349. Воссоединение Украины с Россией, т. II, док. 28, стр. 28.

<sup>3</sup> Мемуары, относящиеся к истории Южной Руси, вып. II, стр. 414.

<sup>4</sup> *J. Chrzaszcz*, стр. 6—7.

ходом. Запорожцы заняли и укрепили ближайший к Хортице и, следовательно, к залогу Гурского остров — Томаковку<sup>1</sup>. К донским казакам с просьбой о помощи против поляков были отправлены гонцы: «А с весны де черкасы Запорожские,— рассказывал в Москве донской казак Т. Иванов,— как збиралися на ляхов, присылали на Дон в войско для людей»<sup>2</sup>.

Одновременно запорожцы приступили к осуществлению плана вовлечения крымских татар в войну против Польши. В 20-х числах января 1648 г. их посланцы явились в Бахчисарай. Однако на этот раз переговоры не дали положительных результатов. В Бахчисарае, надо думать, скептически отнеслись к намерению казаков, придавленных Ординацией 1638 г., начать войну с Польшей.

В конце января запорожцы во главе с Богданом Хмельницким неожиданно напали на правительственную залогу у острова Хортицы. 15 февраля шляхтич Машкевич записал в свой дневник: «Дано знать Е. М. [И. Вишневецкому.— В. Г.], что какой-то Хмельницкий... прогнал из Запорожья Корсунский полк, составлявший там гарнизон»<sup>3</sup>. Большая часть реестровцев перешла на сторону запорожцев. Полковник Гурский с драгунами, потеряв более 30 человек убитыми, бежал к А. Конецпольскому в Крылов.

Восстание на Запорожье было событием большого значения. Оно положило начало освободительной войне украинского народа против панской Польши. Из Сечи Богдан Хмельницкий обратился с универсалами к украинскому народу, призывая его восстать против чужеземных поработителей. «Не подчиняйтесь больше,— читаем в одном из универсалов,— своим урядникам, как невольники, вы, чьи отцы не признавали никаких [панских.— В. Г.] законов и не подчинялись никаким королям». «Против всех тех кривд,— говорилось далее,— нет другого способа, как только силой и страхом смерти сломить поляков!» Универсал призывал народ идти на Запорожье — «в неприступные места Днепровского низа» и заканчивался словами: «Было бы очень хорошо, если б на поляков ударили без всякого отлагательства казаки и крестьяне сразу и совместно»<sup>4</sup>.

Весть о событиях на Запорожье быстро разнеслась по Украине. Польские власти стали принимать срочные меры, чтобы

<sup>1</sup> «На Буцках, — доносил 21 марта 1648 г. Н. Потоцкий королю, — Хмельницкий строит и укрепляет для себя крепость, в которой он решил упорно защищаться» (Воссоединение Украины с Россией, док. 6, стр. 16). Г. Боплан писал в той же связи: «Хмельницкий избрал его [о. Буцкий. — В. Г.] местом убежища, когда ему угрожал плен; здесь начали собираться козаки, готовясь к восстанию в мае 1648 года, и отсюда выступили в поход, кончившийся одержанной ими 26 мая победой у Корсуня» (Мемуары, относящиеся к истории Южной Руси, вып. II, стр. 318).

<sup>2</sup> Доисские дела, кн. 4, СПб, 1913, стр. 17, док. 5, стр. 497—498.

<sup>3</sup> Мемуары, отн. к истории Южной Руси, вып. II, стр. 415.

<sup>4</sup> История Украины в документах і матеріалах, т. III, док. 96, стр. 121—122.

не пропускать никого на Запорожье. Брацлавский воевода Кисель предлагал даже «не выпускать за Днепр известия о дальнейших мятежах козаков»<sup>1</sup>. Хотмыжанин П. Дранников, побывавший в это время на Украине, по возвращении на родину в апреле 1648 г. рассказывал: «Во всей Украине заказ учинен и на поле Заворском никаких гулящих людей с ганицами [лошадьми.— В. Г.] и ватагами... не пускают же для того, чтоб... в Запороги к пану Хмельницкому и к казаком никто не ходил и заповедь... у них о том велика под смертною казною»<sup>2</sup>.

Одновременно польские власти старались выманить казаков с Запорожья. Универсал коронного гетмана Н. Потоцкого от 20 февраля 1648 г. заканчивался, например, такой угрозой: «Зпайте, что если вы не исполните моего приказа, я велю отнять все ваше имущество, которое вы имеете на волости, а жен и детей ваших вырезать»<sup>3</sup>. Несмотря, однако, на все старания и угрозы, бегство на Запорожье продолжалось. Группами и в одиночку сюда пробирались крестьяне, казаки и мещане. Уже к концу февраля, как это видно из слов пленного воронежского пушкаря Е. Прибыткова, в Сечи и ее окрестностях собралось около 5 тысяч человек.

Все это время на Запорожье шли усиленные военные приготовления. Кроме Сечи, были укреплены о. Томаковка и другие пункты, прикрывавшие подступы к Сечи с севера. «Хмельницкий,— писал неизвестный мемуарист,— лучше укрепился, овладев всеми скарбивницами на лугах и низу».

Теперь, после изгнания правительственного гарнизона с Запорожья, переговоры с Крымом об оказании помощи возобновились. На этот раз в Бахчисарай поехал сам Б. Хмельницкий с сыном Тимофеем и двумя другими казацкими посланцами<sup>4</sup>. О цели казацкого посольства в Крым упомянутый уже нами Ефим Прибытков говорил 5 марта 1648 г. русским послам следующее: «приехали де к царю [хану.— В. Г.] с Днепра запорожских черкас четыре человека; прислали их черкасы... и просили у крымского царя людей итти на ляхи за свою черкасскую обиду»<sup>5</sup>.

К этому времени хан имел уже возможность убедиться, что Хмельницкий представлял внушительную силу: за ним стояло грозное для татар Запорожье. Переговоры в Крыму очень слабо отражены в источниках, и это понятно, так как происходили

<sup>1</sup> ЦГАДА СССР, ф. Разрядный приказ, Московский стол, стлб. 169.

<sup>2</sup> Там же, стлб. 169 и 254. Ср.: Памятники, изданные Временной Комиссией для разбора древних актов, т. Т, I., 1848, отд. III, док. 7, стр. 32.

<sup>3</sup> Государственный воеводский архив в Гданске, шифр 300. 29/129, л. 474.

<sup>4</sup> Летопись С. Величко, стр. 64.

<sup>5</sup> Г. Карпов, Начало исторической деятельности Б. Хмельницкого, М., 1873, стр. 150.



в большой тайне. Как утверждает С. Величко, Хмельницкий «мало не що дня... бывал у хана и о всем, о чем належало, разговаривал наедине»<sup>1</sup>. Содержание переговоров, длившихся, по словам Прибыткова, не более недели, восстановить в сколько-нибудь удовлетворительной форме невозможно. Мирон Костин, например, утверждает, что Хмельницкий воспользовался королевским привилеем: предъявил хану листы, в которых Владислав IV призывал казаков напасть на Крым. «Вот листы короля,— сказал Хмельницкий,— читайте... нас призывают ударить на Крым»<sup>2</sup>. Но результаты переговоров известны. Хмельницкий добился помощи у хана Ислам Гирея. Хан велел готовиться к походу перекопскому мурзе Тугай бею.

Дипломатический успех Хмельницкого в Крыму принято обычно объяснять двумя мотивами: недовольством хана Польшей из-за неуплаты дани и желанием его пограбить польские владения. В действительности же мотивы, заставившие хана пойти на союз с казаками, были значительно сложнее. Всего четыре года назад, в 1644 г., крымский хан Махмут Гирей был свергнут с престола сторонниками его брата — Ислам Гирея. Последний занял трон лишь после длительной и упорной борьбы. Сторонники Махмута Гирея бежали в Буджацкую орду, выжидая лишь удобного момента для реванша<sup>3</sup>.

Положение Ислам Гирея было шатким. Крымское ханство, как это обстоятельно показал в своей книге А. А. Новосельский<sup>4</sup>, являлось слабо централизованным государством. Хан, по существу, был лишь сюзереном многочисленных вассалов; крупные феодалы чувствовали себя почти независимыми от него. Эту мысль довольно красноречиво выразил еще украинский летописец Г. Грабянка. По его словам, перекопский мурза Тугай-бей, например, «не всяко повиновавшися к хану, но аки самоуделен з своими Татари живяше»<sup>5</sup>. Когда в 1646 г. Ислам Гирей попытался было укрепить свою власть, сменив ставленника крупных феодалов — визиря Сефер-Гази-агу своим человеком, Махметом-агой, в Бахчисарае вспыхнул мятеж. Во время мятежа был убит приближенный хана Шах Кулу<sup>6</sup>. Началась кровавая междоусобная война двух феодальных группировок за трон. Интересное описание этой смуты оставили нам, со слов пленного стрелецкого головы Ивана Лутовинова, русские посланцы в Крыму. Лутовинов рассказал: «в прошлом де 155 (1647) году ... было у них [татар] развратье ближних людей.

<sup>1</sup> Летопись С. Величко, стр. 44—45.

<sup>2</sup> М. Costin Letopisetul, стр. 121.

<sup>3</sup> L. Kubala, J. Ossoliński, стр. 176, 179.

<sup>4</sup> А. Новосельский, Борьба Московского государства с татарами в XVII веке, М., 1948, стр. 388 и др.

<sup>5</sup> Летопись Г. Грабянки, стр. 41.

<sup>6</sup> O. Górka, Nieznana kronika tatarska lat 1644—1650, Kwartalnik historyczny № 3, 1955, стр. 112.





А развратье было за то, что царь Сефер-Гази-агу отставил и учинил у себе ближним человеком Магмет-агу, не переговора с ногайскими князи». Ислам Гирей был вынужден восстановить Сефер-Гази-агу, вернув ему должность визиря<sup>1</sup>. О том же сообщал 15 января 1648 г. путивльскому воеводе Адам Кисель: «Весть даю,— писал Кисель,— что Ширин — мурзы с ногайскими татары Назана [хана.— В. Г.] крымского воевали и между собою бранию многие пропали. Потом же смирился собою умом Сефер-Кази-акги; и за то пожаловал хан крымский того акгу визирством, сиречь гетманством»<sup>2</sup>.

Соглашаясь на союз с запорожскими казаками, Ислам Гирей рассчитывал, прежде всего, укрепить свое положение. Показательно в связи с этим то, что в поход на Польшу он двинулся не сам, а отравил мурзу Тугай-бея, одного из влиятельнейших руководителей противной ему феодальной группировки. Позиция хана имела еще и то преимущество, что в случае неудачи на войне или недовольства Стамбула за самовольный поход, он, сидя в Крыму, мог свалить ответственность на непокорных ему вассалов. Наконец, успех в войне мог дать Ислам-Гирею надежду на ослабление зависимости Крыма от дряхлеющей Оттоманской Порты<sup>3</sup>. Один из провожатых иерусалимского патриарха Паисия рассказал впоследствии [в начале 1649 г.] в Москве, что в случае успеха Б. Хмельницкий обещал «с черкасы крымскому царю посоветовать на турецкого царя». Одновременно он заметил, что и теперь уже «крымской де царь турецкого царя ни в чем не слушает». Наконец, сам Хмельницкий говорил в апреле 1649 г. русскому послу Г. Унковскому, что хан «со всем Крымом так же хочет свободатца из неволи от турецкого царя и меня и войско Запорожское в помощь себе зовут», тем более, что «ныне у турецкого царя от немец [т. е. венецианцев.— В. Г.] большие упадки, много у него людей немцы побили и на Белом [Эгейском.— В. Г.] море путь к Египту отняли»<sup>4</sup>.

Уже один факт соглашения с казаками придал Ислам Гирею столько смелости, что он решил отказать в помщи своему сюзерену — турецкому султану, требовавшему участия крымского войска в войне против Венеции. В донесениях русских посланцев в Крыму, столь богатых интересными сведениями о сложившейся там ситуации, читаем: «30-го марта [1648 г.] сказывал посланникам [русским.— В. Г.] толмач Ергамышев:

<sup>1</sup> Г. Карпов, Начало исторической деятельности Б. Хмельницкого, стр. 145—146

<sup>2</sup> Акты ЮЗР, т. III, док. 107; Г. Карпов, Начало исторической деятельности Б. Хмельницкого, стр. 147.

<sup>3</sup> О. Гурка склонен отрицать стремление хана ослабить зависимость Крыма от Турции на том основании, что в хронике Хаджи Мехмеда, придворного Ислам Гирея, от 1644—1650 гг. ничего об этом не говорится (O. Górga, Niezłazana kronika tatarska, стр. 123). Однако мнение Гурки кажется нам несостоятельным.

<sup>4</sup> Воссоединение Украины с Россией, т. II, док. 46, стр. 90; дж. 50, стр. 155

пригнал де из Царьграда от турского салтана з грамотою к Ислам Гирею царю чеуш, писал де турский крымскому, чтобы прислал к нему в Царьгород людей, а посылать де их войной на французскую землю под город Малты. И Ислам Гирей думал с ближними людьми по многие дни: посылать ли в Царьгород крымских людей или нет. И положили на том, чтобы в Царьгород людей не посылать»<sup>1</sup>. Ергамышев говорил также, что отказ повиноваться распоряжению своего верховного повелителя хан мотивировал голодом, постигшим Крым в 1647 г.: «для того, что в Крыму голод большой». Разумеется, голод был лишь предлогом. То же обстоятельство не помешало хану оказать помощь казакам. Более того, когда в Стамбуле узнали о намерении хана воевать с Речью Посполитой и запретили ему это, опчаясь обострения турецко-польских отношений, Ислам Гирей не обратил внимания на запрет султана. 2 мая 1648 г. крымский толмач Кучукай рассказывал тем же русским посланцам, что 1 мая «приехал из Царь-града чеуш с тем, чтобы царь [хан] на Литовскую землю войной не ходил, потому что у турского салтана с французскими немцами [венцианами.— В. Г.] бой; францужене турских людей под городом Малтом побили многих... и только де крымский царь на Литовскую землю войной де пойдет, и польский де король за тое войну, сослався с французскими немцы, не наступил бы на турскую землю»<sup>2</sup>.

Переговоры Б. Хмельницкого с ханом закончились приблизительно в середине февраля 1648 г. Оставив сына Тимофея заложником в Бахчисарае, Хмельницкий тотчас же вернулся в Сечь. На Запорожье в это время шла усиленная подготовка к выступлению против поляков. Уже к моменту возвращения Хмельницкого, говорит Величко, запорожский кошевой атаман «зтягнул з лугов, веток и речек все войско Низовое Запорожское, конное и пешое, предложивши им, иж певная есть потреба того их к Сечи Запорожской прибытия и совокупления»<sup>3</sup>. О цели созыва запорожцев кошевой не оповестил никого до самого возвращения Хмельницкого, и эта предосторожность оказалась не лишней: польские власти «чрез своих до Сечи подосланных прелатагаев [соглядатаев.— В. Г.] не могли истотне выведатися», — говорит Величко<sup>4</sup>.

Казацкую раду в Сечи назначили на 19 апреля. Накануне и на рассвете 19 апреля был дан условный сигнал — залп из трех самых крупных крепостных пушек «подлуг давнего звычайо

<sup>1</sup> Г. Карпов, Начало исторической деятельности Б. Хмельницкого, стр. 151; А. Новосельский, Борьба Московского государства с татарами в XVII в., стр. 395.

<sup>2</sup> Г. Карпов, Начало исторической деятельности Б. Хмельницкого, стр. 151, 158.

<sup>3</sup> Летопись С. Величко, стр. 28.

<sup>4</sup> Там же.

Запорожского». По этому сигналу со всех сторон в Сечь стали стекаться конные и пешие запорожцы, беглые крестьяне, мещане, реестровые казаки и т. д. «Егда же развинуло, — говорит Величко, — и солнце огнезрании и ясно блистательнии свои по всей поднебесной разлило лучи», все были уже в сборе. Людей собралось столько, что небольшая [сечевая площадь не могла всех их вместить (Величко называет цифру в 10 тысяч человек).

Богдан Хмельницкий обратился к присутствующим с речью. Напомнив о тяжелом положении украинского народа, о нестерпимом гнете польских панов, он призвал всех дружно выступить на борьбу за освобождение Украины от чужеземного господства. Присутствующие единодушно поддержали Хмельницкого, решив начать войну против панской Польши «за обиды и тяжести козацкие и всея Малые России, от поляков вторимые». Гетманом был избран Богдан Хмельницкий. Кошевой атаман торжественно вручил ему знаки власти — булаву, бунчук и хоругвь. Казаки, выстроившись в шеренги, салютовали новоизбранному гетману троекратным залпом из самопалов; в сечевой крепости загремели все пушки<sup>1</sup>.

Богдан Хмельницкий и старшина решили немедленно двинуться на Украину и поднять народ на восстание. По словам Величко, с Хмельницким решено было отправить лишь часть казаков — ок. 8 000 чел.<sup>2</sup>. Другие оставались пока на Запорожье у «своих промыслов и здобычей», с тем однако, чтобы при первой надобности двинуться в поход на волость. Среди ближайших соратников Хмельницкого, с которыми ему предстояло идти на Украину, находился будущий герой освободительной войны, мужественный предводитель крестьянских повстанческих отрядов Максим Кривонос.

Доходившие до Варшавы, пока еще очень неясные, слухи о движении казаков за порогами ввели в заблуждение Владислава IV. Последний был уверен, что Б. Хмельницкий приступил, наконец, к осуществлению его плана — набора казачьего войска для похода на Крым. Поэтому Владислав IV, как утверждает Л. Кубаля, поспешил предупредить коронного гетмана Николая Потоцкого, командовавшего польскими войсками на Украине, чтобы он не предпринимал никаких враждебных акций против низовых казаков, единственной целью которых, как уверял король, был поход против татар. На основании ответного письма Н. Потоцкого королю, датированного

<sup>1</sup> Летопись С. Величко, стр. 29—30. Часть этих пушек [всего их было 50] отдали в распоряжение Хмельницкого. Ценные данные о казачьей артиллерии времен освободительной войны находим в статье В. А. Сидоренко, *З історії селянсько-козацької артилерії часів визвольної війни українського народу 1648—1654 рр.* Праці Київського державного історичного музею, вып. 1, К., 1958, стр. 90—119.

<sup>2</sup> Эта цифра нам кажется несколько преувеличенной.

21 марта (ст. ст.), можно заключить, что упомянутое королевское письмо (не дошедшее до нас) было отправлено приблизительно в начале марта.

Н. Потоцкий, который был ближе к событиям на Запорожье и понимал, какую они могут представлять опасность для польского господства на Украине, отверг предупреждение короля<sup>1</sup>. Он решил немедленно разгромить казаков, задушить движение в самом зародыше. В ответе Владиславу IV от 21 марта он заявил, что сборы казаков на Запорожье ничего общего не имеют с походом против крымского хана, а являются восстанием против порядков, созданных на Украине Ординацией 1638 г. Потоцкий писал: «Желает он [Хмельницкий.— В. Г.] не на море выйти, а восстановить старое своеволие и уничтожить те святыя для Речи Посполитой постановления, ради которых затрачено столько труда и пролито столь много шляхетской крови». Свидетельством того, что Хмельницкий давно задумал восстание, служит, по словам Потоцкого, тот факт, что у него имеется уже около трех тысяч человек; «упаси бог,— продолжал Потоцкий,— чтоб [Хмельницкий] вступил в Украину, эти три тысячи быстро превратятся в сто тысяч. Наберемся мы тогда хлопот с ними»<sup>2</sup>.

В распоряжении Н. Потоцкого находились значительные воинские силы — все коронное войско, стоявшее на Украине, которое насчитывало, по одним данным, 15, по другим, — 24 тыс. отборных жолнеров<sup>3</sup>, а также многочисленная артиллерия. Большую часть этого войска составляла конница. Не дождавшись даже ответа короля на свое донесение, Н. Потоцкий спешно стянул коронное войско, а также реестровых казаков к Черкаскам. Он, как писал впоследствии казацкий полковник С. Мужилковский, собрал «войско квартирное, мимо волю... короля Владислава до Черкас» и «козаков реестровых присегат [заставил] перед собою, же его не зраждать [предадут.— В. Г.]»<sup>4</sup>. Реестровцев, не имевших ни малейшего желания отправляться в поход против повстанцев и открыто высказывавших свое недовольство, Потоцкий запугивал жестокой расправой: «Неужели, хлопы, вы забыли мою руку под Кумейками?»<sup>5</sup> Обломаю я вам рога еще пуше прежнего!»<sup>6</sup>.

Зная о приготовлениях польского войска, Б. Хмельницкий и его соратники решили поспешить с выступлением, чтобы овладеть инициативой и не дать врагу проникнуть на Запорожье.

<sup>1</sup> Уже 5 февраля Потоцкий с коронным войском двинулся из Бара [в Подольи] на Корсунь.

<sup>2</sup> J. Michalowskiego Księga, док. 4, стр. 8.

<sup>3</sup> O Górkę, Nieznana kronika tatarska, стр. 15. Последнюю цифру называет татарский хронист Хаджи Мехмет.

<sup>4</sup> Воссоединение Украины с Россией, т. II, док. 50, стр. 128

<sup>5</sup> Имеется в виду подавление крестьянско-казацкого восстания 1637—1638 гг. под Кумейками.

<sup>6</sup> J. Chrzaszcz, стр. 260.

22 апреля Хмельницкий выступил во главе своего войска из Сечи и быстро направился на северо-запад, к Чигирину. Навстречу ему двигалось многочисленное польское войско. Авангард последнего состоял из двух частей. Одна из них под командованием сына коронного гетмана, Стефана Потоцкого, и комиссара Шемберга, насчитывавшая около 6 000 человек конницы, шла на юг сушей. Другая, состоявшая из реестровых казаков (3 000 чел.) и драгун (ок. 500 чел.), во главе с Барабашем спустилась по Днепру на лодках<sup>1</sup>. Оба отряда должны были соединиться южнее днепровских порогов и оттуда совместно следовать к Запорожской Сечи.

Необходимо было любой ценой отколоть от польского войска реестровых казаков, привлечь их на свою сторону. С этой целью на берег Днепра, к Каменному Затону (совр. с. Днепрокамненка <sup>2</sup>Днепропетровской обл.), были высланы дозоры. Как только лодки приблизились, дозорные казаки стали призывать сидевших в них реестровцев покинуть панов, перейти на сторону восставших<sup>2</sup>. Реестровцы сошли на берег и, несмотря на запрет старшин, собрали «чернецкую [черную] раду». Барабаш, Ильяш и другие старшины, пытавшиеся помешать этому, были схвачены и тут же казнены как изменники. Вместо них реестровцы выбрали себе за старшего Филона Джалалея, а затем, захватив провиант и пушки (полевых пушек у них было более 10), двинулись на помощь восставшим к урочищу Желтые Воды (это урочище находится в 45 км. юго-восточнее совр. г. Александрии)<sup>3</sup>.

Между тем казаки, высланные на разведку Б. Хмельницким, захватили в районе Желтых Вод двух жолнеров из передового отряда Стефана Потоцкого. Последние сообщили, что отряд их уже переправился через реку. Хмельницкий быстро двинулся навстречу противнику. Ст. Потоцкий тем временем, узнав о переходе реестровцев на сторону восставших, вернулся на правый берег реки и заложил тут лагерь. Окопав его валом и рвом, он намеревался удержаться в этом укреплении до подхода главных сил коронного войска.

Руководители повстанцев решили разгромить врага по частям: сначала покончить с Стефаном Потоцким, а затем и с самим коронным войском. Они окружили польский лагерь и приступили к его осаде. Последняя длилась в общем около двух недель. Генеральный штурм начался 5 мая. На рассвете казацкая пехота, поддерживаемая огнем артиллерии, пустилась на штурм польских укреплений со стороны поля. Закипела ожесточенная битва. В это время конница повстанцев во главе с Хмельницким, незаметно переправившись через Желтые Воды, ударила на врага с тыла. Одни татары Тугай-бея стояли в стороне и, по образному

<sup>1</sup> О. Górkа, Nieznana kronika tatarska, стр. 113—114.

<sup>2</sup> См.: об этой Летопись Г. Грабянки, стр. 43.

<sup>3</sup> Історія України в документах і матеріалах, т. III, док. 98, стр. 124.



выражению казацкого полковника С. Мужилковского, «з боку гледили, которому нога послизнется», т. е. выжидали, кто окажется побежденным. Положение Ст. Потоцкого было критическим. Понеся большие потери убитыми и ранеными, он решил отступить. Под покровом ночи поляки покинули свой лагерь и двинулись к Чигирину. Но вскоре маневр врага был замечен, и казаки тотчас двинулись за ним. Утром 6 мая они настигли поляков в урочище Князьки Байраки и наголову разгромили их. Стефан Потоцкий погиб. Комиссар Шемберг, 50 шляхтичей и около 3000 жолнеров попали в плен и были отправлены в Крым. Повстанцы захватили 8 пушек со всеми припасами, немало огнестрельного оружия, десяток хоругвей, а также бунчуки, литавры и т. п.

Главное польское войско во главе с коронным гетманом Николаем Потоцким находилось в это время на расстоянии ста с лишним километров от Желтых Вод. Весенняя распутица затрудняла движение. Попытки Потоцкого добыть «языка» оказались тщетными. Тогда он решил, что сын его в конце концов сам справится с повстанцами на Запорожье, а ему полезнее будет навести «порядок» в Поднепровьи. Потоцкий, войско которого насчитывало около 25 000 человек при 40 пушках, двинулся в обратный путь и 4 мая достиг Чигирина. Отсюда он решил идти на Черкассы. Коронного гетмана не остановили даже доесения разведчиков, извещавших, что в районе Князьких Байраков они слышали гул большого сражения.

9 мая, будучи уже в Корсуне, Н. Потоцкий узнал о разгроме польского авангарда у Желтых Вод и гибели сына. Пылая жаждой мести, коронный гетман отдал город на разграбление (*in praedam*) своим жолнерам, а потом сжег его до основания. Казацкий полковник С. Мужилковский так рассказывал впоследствии об этой жестокой расправе: «Доведавшисе о знесеню сина своего Потоцкий, і о том, же... Хмельницкий з войском немалим ідез, гуршие укривженя народові хрестиянскому чинити казал: жони і деті козацкие стинано, маєтности їх в луп пущено. На остаток місто Корсун... спалили... священников постинали, позабияли»<sup>1</sup>. Затем Н. Потоцкий укрепил свой лагерь под Корсуном и стал дожидаться подхода повстанческого войска.

После разгрома Ст. Потоцкого у Желтых Вод Б. Хмельницкий и его соратники занялись подготовкой к новым битвам. Пушки, ранее следовавшие за войском на телегах, были поставлены на двухколесные лафеты. Величко писал, что Хмельницкий приказал поставить 15 «арматок [пушек] водных, новым образцем, на двох тилко колесах, и о едином коню приправуючи, для легшого и скорейшого з ними в воешной потребе обороту»<sup>2</sup>. Это новшество в артиллерийском деле имело крупное значение, поскольку давало возможность во время боя легко менять огневые

<sup>1</sup> Воссоединение Украины с Россней, т. II, док. 50, стр. 128.

<sup>2</sup> Летопись С. Величко, стр. 37.

позиции. Пушкарям [всего пушек было 26] был придан отряд конницы в 300 и пехоты в 500 человек, вероятно под начальством М. Кривоноса. Вслед за этим казацкое войско, увеличившееся еще на 2000 человек за счет повстанцев, прибывших из Чигирина, Крылова и окрестных сел, направилось к Корсуню. Утром 15 мая у польского лагеря показалась конная разведка повстанцев. Лагерь стоял на небольшой возвышенности: с трех сторон его окружали высокие земляные валы и глубокие шанцы, а с четвертой защищала р. Рось. На валах были поставлены пушки. Подступы к лагерю охранялись пехотой и драгунами. Выбить отсюда врага было делом нелегким<sup>1</sup>.

Богдан Хмельницкий с М. Кривоносом и старшиной решили попытаться заставить поляков покинуть свой лагерь. Вечером того же дня крестьянин, добровольно согласившийся отдать свою жизнь во имя освобождения Украины, был «пойман» поляками и доставлен Н. Потоцкому. Под невероятными пытками этот крестьянин (имя его так и осталось неизвестным) рассказал, будто армия Хмельницкого насчитывает 47 тысяч человек и что за последние дни в нее влилось еще 15 тысяч повстанцев; кроме того, недалеко от лагеря казаков расположился со всей своей ордой крымский хан. В действительности же Ислам Гирей в это время был еще в Крыму. Только 23 мая он начал переправу через Днепр на лодках, посланных Хмельницким.

Н. Потоцкий приказал обезглавить пленного, но сообщенные им сведения, которые не было возможности проверить, привели его в смятение. На военном совете, созванном в тот же вечер, мнения разошлись. Польный гетман Мартиш Калиновский предлагал остаться на месте и вступить в бой с повстанцами. Н. Потоцкий же считал, что согласиться на это — значит обречь всех на неминуемую гибель ввиду значительного перевеса сил противника; только отступление, утверждал он, может дать некоторую надежду на спасение войска. Большинство польских военачальников приняло сторону коронного гетмана. Решено было возможно скорее покинуть лагерь, бросив тут тяжелые возы, и всем войском, построенным походным табором, начать отступление через Богуслав и Белую Церковь на Паволочь. Проводить коронное войско кратчайшим путем вызвался служивший при Потоцком казак С. Зарудный. Однако еще до выступления из лагеря он тайно сообщил руководителям повстанцев, какой дорогой поведет поляков к Богуславу.

Получив эти сведения, Б. Хмельницкий отправил отряд во главе с М. Кривоносом в обход польскому войску к урочищу Гороховая Дубрава, или Крутая Балка [в 10 км. от Корсуни]. В этом месте дорога, по которой должны были следовать поляки, круто спускалась в узкий болотистый овраг. Тут казаки Кривоноса устроили засаду: они перекопали в нескольких местах

<sup>1</sup> J. Michałowskiego Księga, док. 11, стр. 21.

глубокими рвами дорогу, по обочинам ее устроили завалы из срубленных деревьев, а в густом кустарнике спрятали пушки. Нежинские купцы А. Гаврилов и Б. Потапов рассказывали впоследствии путивльскому воеводе, что мая «под 16 день в ночи, умысля Хмельницкой с казаки... меж лесов на проходах в тесных местех выкопали рвы большие тое ж ночи. И на тех де... местех во рвах и лесах по обе стороны дороги наперед завели пехоту, запорожских казаков»<sup>1</sup>.

На рассвете 16 мая польское войско с величайшими предосторожностями покинуло свой лагерь. В центре двигались походные возы, нагруженные боеприпасами и разным имуществом, а по бокам жолнеры, драгуны и т. д. Вокруг было тихо. Никто, казалось, не преследовал войско и не заметил его ухода. После нескольких часов быстрого марша польские жолнеры стали спускаться по крутому откосу в Гороховую Дубраву. Но тут по ним из кустарников внезапно ударили казацкие пушки. Одновременно повстанцы открыли меткую стрельбу из мушкетов и самопалов. Жолнеры бросились назад, они искали выхода из лощины, но всюду натыкались на глубокие шанцы и завалы из деревьев. Пушки Потоцкого угодили в трясину и безнадежно завязли в ней. «Наши,— писал впоследствии очевидец-поляк,— попали в этот овраг, как в мешок; идти дальше было невозможно, так как дороги были перекопаны и перегорожены». В это время в тылу польского войска появился Хмельницкий с казацкой конницей и татарами Тугай-бея. Всадники мчались лавой с высоко поднятыми над головами саблями. Одновременно из засады на врага ринулись отряды Кривоноса. Жолнеры оказались между двух огней. Среди них началась паника. Потоцкий приказал шляхте и драгунам спешиться, но его уже никто не слушал. Общим смятением воспользовались слуги из обоза: они сели на коней и умчались кто куда.

Битва под Корсунем окончилась полным разгромом коронного войска. Надменные польские военачальники — Н. Потоцкий, задушивший в крови крестьянско-казацкое восстание 1637—1638 гг. на Украине, и его помощник М. Калиновский — были захвачены в плен. В числе пленных оказалось также около 80 человек, как выражался современник, «из знаменитой и высокородной шляхты», среди них отпрыски рода Сенявских, Одживольских, полковник Балабан и др., а также 127 офицеров, 8520 жолнеров, 63 трубача, 580 обозных пахолков (слуг) и т. д. Мало кому удалось спастись бегством. Повстанцам достались значительные трофеи: 41 пушка с боеприпасами, множество огнестрельного оружия, 94 хоругви, шатры, возы с продовольствием, порохом, свинцом, несколько тысяч лошадей. Н. Потоцкий, М. Калиновский и некоторые другие пленники были отданы «в подарок» хану и отправлены в Крым.

<sup>1</sup> J. Michałowskiego Księga, док. 10, стр. 18; Воссоединение Украины с Россией, т. II, док. 9, стр. 23.

Дав короткий отдых своему войску, Богдан Хмельницкий двинулся затем к Белой Церкви. Отсюда по всей Украине были разосланы универсалы за подписью Хмельницкого, призывавшие народные массы к решительной борьбе за свое освобождение от иноземных поработителей, которые и теперь «многие свои на нас стягают и совкупают войска... аби со всеми силами своими, пришедши во Украину нашу Малороссийскую, латво нас огнем и мечом зоевати, мешканя наши разорити, в прах и пепел обернути, нас самих выбити, других в немилосердную неволю забрати»<sup>1</sup>. Украинские крестьяне, казаки и мещане с готовностью откликнулись на призыв гетмана.

Гром казацких пушек при Желтых Водах и под Корсуном разнесся по всей Украине и стал сигналом к массовому общенародному восстанию против польско-шляхетского владычества. «Народ посполитый на Украине,— писал в этой связи летописец Самовидец,— послышавши о знесеню [уничтожении.— В. Г.] войск коронных и гетманов, зараз почали ся купити [собираться.— В. Г.] в полки, не только тие, которые козаками бывали, але кто и негди [никогда.— В. Г.] козацтва не знал»<sup>2</sup>. Крестьяне нападали на имения и замки польских и украинских панов, изгоняли и истребляли ненавистную шляхту, управителей, арендаторов, делили между собой землю и захваченное имущество, объявляли себя свободными (казаками) и вводили казацкие порядки — собирались на сходки, выбирали атаманов и т. д.

Посполитый народ — закрепощенное и угнетенное крестьянство явилось главной и решающей силой освободительной войны<sup>3</sup>. «Каждого хлопа,— утверждал киевский воевода Тышкевич,— следует считать врагом, каждое местечко, каждое село — вражеским гнездом». Ему вторил украинский магнат А. Кисель, писавший 31 мая 1648 г. своему знакомому в Польше: «Всего хуже, что эту крестьянскую войну придется вести нам самим», и тут же высказывал сомнение, сможет ли «малочисленная шляхта противостоятъ множеству черни»<sup>4</sup>.

Большие размеры приняло крестьянское движение на Левобережной Украине, значительная часть которой принадлежала князю Иеремии Вишневецкому. Узнав о разгроме отряда Ст. Потоцкого у Желтых Вод и о боях Н. Потоцкого с Хмельницким у Корсуня, И. Вишневецкий собрал наскоро свои надворные части и шляхту и двинулся на выручку коронному гетману. Едва он, однако, дошел до Переяслава, как узнал о

<sup>1</sup> Летопись С. Величко, стр. 46.

<sup>2</sup> Летопись Самовидца, стр. 12.

<sup>3</sup> Участию крестьянства в войне специально посвящена работа В. И. Легокого, *Крестьянство Украины в начальный период освободительной войны 1648—1654 годов*, 1959.

<sup>4</sup> См. нашу работу «Освободительная война под руководством Хмельницкого», стр. 51—52.

поражении Потоцкого и его пленении. Остановиться под Переяславом, который также был уже «духом Хмельницкого надхнений»<sup>1</sup>, Вишневецкий не решился и поэтому поспешно повернул обратно к своей резиденции — к Лубнам. Но было поздно: Лубенщина пылала в огне восстания. Казацкий полковник С. Мужилковский писал впоследствии, что крестьянство, как только услышало о первых победах Хмельницкого, «в козацтво все обернулось, так на сей стороне, так і на туй Днепра. Панов своїх которие не повтекали... позабіяли, костели пустошили, замков, в которых ляхи... позапиралисе, подобивали: по Задніпров'ю по Вишневетщине і замки королевские». На одном Левобережье, по его словам, число повстанцев достигало 80 тыс. человек<sup>2</sup>. Восстание стало охватывать и северную часть Левобережья — Черниговщину и Стародубщину: «Холопы наши кабальные,— жаловался трубчевскому воеводе стародубский подстароста,— уси подданные маетностей наших, збунтовавшисе против нас, панов своих... позабывали и все скарбы и маетности немалые позабирали»<sup>3</sup>.

Окруженный со всех сторон повстанцами, И. Вишневецкий, как выражается Самовидец, «мусил утекати... з Украины... з княгиною и з сином своим Михайлом» — будущим польским королем. Через Полесье Вишневецкий бежал на Подолию, под защиту многочисленных там королевских и магнатских замков. Однако в это время восстание охватывало и тут все новые и новые районы. Современник, польский мещанин Голинский записывал в свой дневник: «Все собираются вокруг них [казаков.— В. Г.], покидая панов своих... Вишневецкого, Заславского и других»<sup>4</sup>.

На освободительную борьбу поднялось также население украинских городов — мещанство. В своем обращении к гнезненскому архиепископу брацлавский воевода А. Кисель писал 31 мая 1648 г.: «куда ни приступает неприятель, везде города и замки сдаются без всякого сопротивления»<sup>5</sup>. Уже в начале лета 1648 г. русское правительство из донесений пограничных воевод узнало, что на Украине «беспреестанно де своевольные люди мещане и мещанские дети і с буд будники и всякие люди к козакам пристають и копятя вместе»<sup>6</sup>. Особую активность, самоотверженность и отвагу в борьбе с врагом проявляли низшие слои мещанства, наймиты, работные люди. Летописец Самовидец, выражавший интересы украинского шляхетства, с явным неудовольствием отмечал, что «на тот час туга великая людем всякого стану значным была и наруганя от пос-

<sup>1</sup> Летопись С. Величко, стр. 45.

<sup>2</sup> Воссоединение Украины с Россией, т. II, док. 50, стр. 129.

<sup>3</sup> Акты ЮЗР, т. III, док. 217, стр. 227.

<sup>4</sup> М. Golinski, Zapiski, стр. 55; Летопись Самовидца, стр. 12.

<sup>5</sup> Воссоединение Украины с Россией, т. II, док. 10 стр. 29.

<sup>6</sup> Акты Московского государства, т. II, док. 350, стр. 225.

политых людей, а наиболее от гультайства, то-есть от броварников, вынников, могильников [землекопы на промыслах. — В. Г.], будников, наймитов, пастухов».

К движению примкнула также мелкая украинская шляхта, главным образом та, которая служила раньше в реестровом войске, и низшее православное духовенство. Б. Хмельницкий говорил, например, о мелких шляхтичах, которые служат «от початку войны щире... у Войску Запорожском». В документах встречаются сведения о священниках, которые ходили вместе с восставшими крестьянами на панские замки и имения и были даже сотниками и полковниками в повстанческих отрядах.

Однако в то время как крестьяне, а также низшие слои казачества и мещанства стремились к полной ликвидации крепостнических отношений, украинская шляхта, казацкая старшина и духовенство старались сдержать порыв народных масс, подчинить движение своим классовым интересам и занять место изгнанных народом польских панов, т. е. положение правящего класса на Украине.

Итак, освободительное движение на Украине стало общенародным.

Казачье войско, стоявшее в это время под Белой Церковью, непрерывно увеличивалось за счет повстанческих отрядов, со всех сторон стекавшихся к нему. «А сколько де войска [у Хмельницкого. — В. Г.], — рассказывал 16 июня 1648 г. в Москве стародубец Гр. Климов, недавно вернувшийся с Украины, — и того сказать не уметь потому, что дале идут, и в которой город придут, и тут де у них войско прибывает многое, изо всяких чинов руские [украинские. — В. Г.] люди». Хотмыжане А. Курбатов и С. Щугуров также рассказывали в первых числах июня 1648 г., что «изо всей Украины пошли казаки конные и пешие к етману Богдану Хмельницкому».

Подытаживая деятельность Богдана Хмельницкого накануне и в начальный период освободительной войны, нужно подчеркнуть один очень важный факт, который, кстати сказать, часто обходится исследователями. С самого начала своей политической деятельности Б. Хмельницкий выступает как замечательный дипломат. Он проявил глубокое понимание обстановки того времени, политических противоречий, раздиравших Речь Посполитую, правильно оценил ее международное положение и сумел выбрать наиболее удачный момент для восстания против польско-шляхетского владычества на Украине. Имеются все основания полагать, что король Владислав IV до конца жизни (ум. 20 мая 1648 г. в м. Мерече) так и не узнал о том, что Хмельницкий сумел воспользоваться сношениями с ним в интересах украинского народа, его освободительной борьбы. Канцлер Ю. Оссолинский, получив 20 мая полное отчаяния донесение Н. Потоцкого о том, что его войско отступает перед казаками Хмельницкого и татарами, бросился в догонку королю, кото-

рый выехал накануне на Украину. Однако на границе с Литвой его встретил гонец с известием о внезапной смерти Владислава. По словам русского гонца Гр. Кунакова, король, узнавший о разгроме и пленении Н. Потоцкого и М. Калиновского уже находясь на смертном одре, с облегчением произнес будто: «Чего де я желал, то и слышу,— то де вам [чит. магнатам.— В. Г.] хлопи [учинили] за ваши вольности [своеволия] и не то де вам еще будет!»<sup>1</sup>.

Своим дипломатическим искусством в предшествовавший освободительной войне период Б. Хмельницкий дезориентировал злейших врагов украинского народа — польского короля и магнатов, с одной стороны, крымского хана,— с другой. Король, стремившийся превратить казаков в орудие своих планов, оказался, сам того не подозревая, ширмой для тех планов, целью которых было освобождение украинского народа из-под власти панской Польши. Владислав IV и его сторонники рассчитывали использовать Хмельницкого и собранное им казацкое войско против крымских татар и Турции. Однако предполагаемый королем поход казаков против татар был превращен Б. Хмельницким и его соратниками в поход казаков в союзе с татарами против польского владычества на Украине. Поддерживая иллюзии короля и углубляя противоречия между ним и магнатской группировкой, он успешно предупредил в самом начале освободительной войны объединение сил господствующего класса Польши. Своим смелым и талантливым дипломатическим маневром в Бахчисарае Хмельницкий не только сумел обеспечить свой тыл, но и вырвал помощь у крымских феодалов, которые на протяжении веков были настоящим бедствием для Украины.

Общепародное восстание на Украине, развернувшееся вслед за блестящими победами повстанческого войска при Желтых Водах и под Корсунем, внесло смятение в польские правящие круги. Положение осложнялось еще тем, что под влиянием этих событий на борьбу против угнетателей стали подыматься также польские крестьяне и мещане. М. Голинский, например,

<sup>1</sup> Акты ЮЗР, т. III, стр. 402. «Некоторые, — пишет автор «Истории русов», — не без основания подозревают причиною смерти королевской злодейский промысл примаса, учиненный через духовника королевского Урбина». (История русов, стр. 86) Трудно сказать, насколько это сообщение соответствует действительности, но оно само по себе примечательно, тем более, что стародубец Гр. Климов, побывавший у Хмельницкого в конце мая 1648 г., рассказывал по его поручению в Посольском приказе — «Да Хмельницкий же де ему приказывал: будет де тебя станут роспрашивать государевы приказные люди, и ты де тайным делом скажи, что королю смерть учинилась от ляхов, сведали то ляхи, что у короля с казаками ссылка, послал де от себя король грамоту в Запороги к прежнему гетману [чит. Барабашу — В. Г.], чтоб сами за веру христианскую.. стояли, а он де, король, будет им на ляхов помощник И тот де королевский лист от прежнего гетмана достался ему, Хмельницкому, и он де, надеяся на то, войско собрал» (Воссоединение Украины с Россией, т. II, док. 16, стр. 40).

сообщает, что 15 июля 1648 г. восстали крестьяне Краковской каштелянии и окрестностей, отказываясь платить налоги для содержания войска — стацию. Между крестьянами, которых собралось несколько сот человек, и жолнерами имели место вооруженные столкновения<sup>1</sup>.

Воспользовавшись смертью Владислава IV, в Польше подняла голову магнатская группировка. Она стремилась свергнуть коронного канцлера Ю. Оссолинского, полномочия которого формально прекращались со смертью короля, и посадить на его место своего кандидата. Угроза захвата власти магнатами, отсутствие боеспособной армии, а главное — общее тяжелое положение в стране — рост антифеодальных настроений среди польского крестьянства и мещанства заставили канцлера Ю. Оссолинского немедленно предложить Б. Хмельницкому заключить перемирие. Магнаты решительно воспротивились перемирию, причем И. Вишневецкий и др. восточнукраинские паны, по словам М. Голинского, заявили: «Лучше усмирять их [украинских повстанцев. — В. Г.] вооруженной рукой, нежели просьбами и договорами»<sup>2</sup>.

Однако перемирие, несмотря на сопротивление магнатов, было все же заключено. 3 июня 1648 г. под Белую Церковь к Богдану Хмельницкому явился посланец брацлавского воеводы Адама Киселя, монах Петроний Ласка, с официальным предложением о перемирии. Руководители украинского народно-освободительного движения согласились на перемирие — на временное прекращение военных действий, а также с предложением отправить своих послов на варшавский сейм, созыв которого был назначен на июль месяц, для переговоров об условиях мира<sup>3</sup>.

На что рассчитывали руководители освободительной войны, соглашаясь на перемирие? Чтобы ответить на этот вопрос, нужно иметь в виду, что заключение перемирия не обязывало их к каким-либо действиям, которые могли бы затормозить развитие народно-освободительного движения на Украине. Правда, несколько изменялись тактические, так сказать, формы борьбы. Последняя должна была происходить отныне как бы без ведома казацкого гетмана и даже вопреки его воле. На самом же деле Б. Хмельницкий и его помощники вовсе не прекратили руководства борьбой за освобождение Украины от власти панской Польши, а предоставили лишь инициативу полковникам и местным повстанческим отрядам.

Восстание, действительно, развивалось и в период Белоцерковского перемирия. Именно в это время, 13 июня, повстанцы освободили Новгород-Северск, а вслед за тем Борзну, Чернигов, Стародуб и другие города Левобережной Украины. На

<sup>1</sup> М. Golincki. Zapiski, стр. 110.

<sup>2</sup> Там же, стр. 142.

<sup>3</sup> J. Michalowskiego Księga, док. 22, стр. 47—49.



причастность Богдана Хмельницкого к этому совершенно недвусмысленно указывал в своих распросных речах в Посольском приказе 16 июня 1648 г. стародубец Гр. Климов, незадолго до этого побывавший у гетмана в г. Мошнах. «А войско де свое, — говорил он, — Хмельницкой распустил за Днепр х путивльскому рубежу на маестности Потоцкого да Вишневецкого и Адама Киселя; и тех де их маестностей города все побрали, а которые де их были крестьяне Потоцкого и Вишневецкого и Киселевы, и те де с ними стали в казаки ж, и Новгородок Северской, прищод, взяли, а ляхов де везде побивали; а от Нова де городка пошли к Чернигову»<sup>1</sup>.

Успешно развивалось восстание в период Белоцерковского перемирия и на Правобережье. В начале июня был освобожден Киев. В районе Овруча действовали крупные повстанческие отряды во главе с атаманами Гладким и Голотою, которые, по утверждению украинских летописцев, были направлены сюда Б. Хмельницким вскоре после занятия им Белой Церкви<sup>2</sup>. Широкой волной разлилось восстание на Брацлавщине. В первой половине июня полковник Ганжа овладел Уманью. Повстанческое войско на Уманщине быстро увеличивалось. «Хлопская своеволия, — писал 15 июня из Бара польский ротмистр С. Карпинский, — такой верх берет, как будто другое войско Хмельницкого»<sup>3</sup>.

Внимание руководителей освободительной войны к Брацлавщине и Подолии, как справедливо замечает В. И. Легкий, было далеко не случайным. Весь опыт предыдущих крестьянско-казацких восстаний говорил о том, что этот район всегда служил польским панам своего рода плацдармом для наступления на Поднепровье. В крупнейших городах-крепостях Брацлавщины и Подолии — Брацлаве, Виннице, Староконстантинове, Меджибоже, Баре, Шаргороде, Каменце-Подольском стояли обычно части польского коронного войска. В Баре находилась резиденция коронного гетмана, штаб-квартира и арсенал коронного войска. Овладение этой системой крепостей открыло бы повстанческой армии в дальнейшем широкую возможность для освобождения Волыни и Русского воеводства.

Между тем обстановка, которая сложилась на Правобережье к июню 1648 г., могла оказаться чреватой тяжелыми последствиями для освободительной войны. В начале июня со своими отрядами на Житомирщине появился И. Вишневецкий. В универсале, распространенном по всему краю, Вишневецкий призывал шляхту тотчас явиться к нему в войско для подавления восстания. Путь, по которому двигался Вишневецкий, был залит кровью мирного украинского населения. Озверелая шляхта из войска Вишневецкого не щадила ни стариков, ни детей,

<sup>1</sup> Воссоединение Украины с Россией, т. II, док. 16, стр. 41.

<sup>2</sup> В. Легкий, Крестьянство Украины, стр. 69.

<sup>3</sup> Там же, стр. 72.

сажала людей на кол, обливала горячей смолой и кипятком, выкалывала глаза и т. д.

В начале июня на Правобережье, на помощь повстанцам был послан один из лучших полководцев повстанческой армии — «Хмельницкого ближайший советник и помощник» Максим Кривонос. Посланец путивльского воеводы Иван Трифонов, бывший у Хмельницкого в Чигирине (с 20 июня по 11 июля 1648 г.), по возвращении в Путивль сообщил, что «гетман Хмельницкий послал за князь Еремием Вишневецким полковника своего Кривоноса, а с ним шестнадцать тысяч казаков»<sup>1</sup>. О том, что М. Кривонос, а также полковник Гиря были посланы на Правобережье именно Б. Хмельницким, говорил в своей записке от 4 февраля 1649 г. и С. Мужилковский: «Кривоноса послал полковника с пулком его, і Гиру, белоцерковского пулковника»<sup>2</sup>. Кривонос занял города Погребище, Ладыжин, Бершадь, Верховку, Тульчин, Винницу. В начале июля войско Кривоноса вступило на территорию Волыни, после жестоких боев овладело 12 июля Полонным и подошло к Старокостантинову — важному по тому времени стратегическому пункту. Тут под начальством И. Вишневецкого собралось многочисленное шляхетское войско (более 10 тыс. чел., не считая вооруженных слуг), состоявшее из конницы, пехоты и сильной артиллерии.

Бой под Старокостантиновым 16—18 июля закончился поражением Вишневецкого, войско которого начало отступление на Ляховцы. Для преследования врага Хмельницкий спешно отправил в помощь Кривоносу Чигиринский казачий полк. «Кривонос и Гиря,— писал Мужилковский,— под Константиновом з Вишневецким зтершися, давали знат его милости пану гетману ... котрим на помоч полк Чигиринский послал»<sup>3</sup>.

Официально, разумеется, Хмельницкий делал вид, что он ничего не знает о Кривоносе и не поддерживает с ним никакой связи, т. к. соблюдает условия перемирия. В польских правящих кругах стали распространяться даже слухи, понятно фальшивые, о вражде между Хмельницким и Кривоносом. «Хмельницкий,— писал 28 июня шляхтич С. Кушевич,— не поддается влиянию того Кривоноса и не хочет даже знать про него», но тут же добавлял, что «многие однако думают, что все делается по тайному указанию Хмельницкого»<sup>4</sup>. Совершенно определенно говорит об этом Шевалье: «Хмельницкий,— пишет он,— делал вид, что осуждает эти действия Кривоноса и обещал выдать его совместно с другими пятью руководителями восставших крестьян полякам, но этим он только усыплял последних, чтобы захватить крепость Бар, что он и сделал»<sup>5</sup>.

<sup>1</sup> Акты ЮЗР, т. III, док. 225, стр. 235.

<sup>2</sup> Воссоединение Украины с Россией, т. II, док. 50, стр. 129.

<sup>3</sup> Там же.

<sup>4</sup> Жерела до історії України — Руси, т. IV, док. 7, стр. 36.

<sup>5</sup> П. Шевалье, Історія війни козаків, стр. 77: — *Курсив наш*.

Действительно, от Староконстантинова М. Кривонос направился на юго-восток, взял Межибож и Шаргород и 25 июля начал осаду Бара. При осаде Кривонос — этот талантливый предводитель крестьянских повстанческих отрядов — широко применял согласованные удары пехоты, конницы и артиллерии, а также гуляй-города (деревянные осадные башни на колесах). Падение Бара вызвало серьезное беспокойство у врага, т. к. эта крепость была важнейшим опорным пунктом панов на Подолии.

Крестьянские восстания на Правобережье и успешные действия тут М. Кривоноса, надо сказать, сыграли большую роль в дальнейшем развертывании освободительной войны. Они подготовили условия для успешного продвижения главного повстанческого войска под руководством Б. Хмельницкого на запад (вторая половина 1648 г.).

Из-под Бара М. Кривонос двинулся к последней крупной крепости Подолии — Каменцу-Подольскому, но по дороге был отозван Б. Хмельницким для соединения с главными силами, и повернул обратно к Староконстантинову.

Таким образом, во время Белоцерковского перемирия восстание на Украине продолжало расширяться. От власти польских магнатов, кроме Левобережной Украины, была освобождена и значительная часть Киевщины, Брацлавщины и Подолии, но все это, подчеркиваем, как бы без официальной санкции руководителей освободительной войны. В своем ответе вышеупомянутым польским комиссарам от 20 чисел июля 1648 г. Хмельницкий, например, заявлял, что он не разрешил Кривоносу «ни грабить, ни разрушать, ни сжигать города»<sup>1</sup>. Дело представлялось таким образом, будто на Правобережье происходило стихийное народное восстание, причины которого объяснялись ничем иным, как злодеяниями Вишневецкого и других панов, не соблюдавших условий перемирия и издевавшихся над правобережным украинским населением.

Восстание на Украине, равно как и Белоцерковское перемирие, не сгладили, а, наоборот, усугубили противоречия в среде господствующего класса панской Польши. Потеряв свои имения на Украине, восточноукраинские магнаты — Вишневецкий, Заславский и др. — пытались заручиться поддержкой шляхетства коренных польских провинций и с его помощью задуть освободительное движение украинского народа. Но польская шляхта, ненавидевшая украинских повстанцев не меньше, чем магнаты, отнюдь не была заинтересована в усилении последних. Магнаты ведь цепко держались за свои громадные украинские владения, отвергали на сеймах всякие просьбы шляхтичей о раздаче им земель на Украине и, к тому же, выступали яркими противниками усиления королевской власти, централизации Польши. Канцлер Ю. Оссолинский, выразивший инте-

<sup>1</sup> J. Michalowskiego Ksiega, док. 68, стр. 168.

ресы этого шляхетства, надеялся на то, что ему удастся справиться с восстанием на Украине, отколов реестровцев от крестьян, путем небольших уступок первым преимущественно, разумеется, за счет магнатов.

Руководители освободительной войны, согласившись на заключение Белоцерковского перемирия, не без оснований рассчитывали тем самым углубить противоречия в господствующем классе Польши, достигнуть такого положения, при котором великопольская шляхта и магнаты предпочтут, хотя бы на время, воздержаться от помощи своим восточноукраинским собратьям. Этим следует объяснить те сравнительно умеренные требования, с которыми были отправлены в июле 1648 г. на сейм в Варшаву казацкие посланцы (Федор Вешняк, Лукьян Мозыря, Григорий Болдарт и Иван Петрушенко) и которые затрагивали преимущественно интересы восточноукраинских магнатов. Требования эти сводились к увеличению казацкого реестра до 12 тыс. человек, к выплате реестровцам задержанного жалованья и к прекращению религиозных преследований на Украине<sup>1</sup>.

Вскоре события подтвердили правильность дипломатической линии руководства освободительной войны. Восточноукраинские магнаты решили использовать сейм, который должен был собраться в июле 1648 г., чтобы свергнуть коронного канцлера Ю. Оссолинского, посадить на его место своего человека, заручиться поддержкой великопольской шляхты и мобилизовать все силы Речи Посполитой для возвращения своих украинских латифундий и подавления народного восстания. Чтобы скомпрометировать в глазах шляхты Ю. Оссолинского, магнаты и их сторонники решили публично допросить казацких посланцев, прибывших на сейм, о сношениях покойного короля и канцлера с Хмельницким и т. д. Посланцев стали спрашивать, давал ли Владислав IV Хмельницкому привилей на право набора казаков, из каких средств были отпущены ему деньги на вооружение, строительство лодок и т. д. Но посланцы оказались на высоте положения: они резонно и лаконично ответили, что если какой-нибудь привилей и был когда-либо выдан королем, то о нем нужно спросить не их, посланцев, а Б. Хмельницкого и старшину.

Однако на окончательное поражение восточноукраинских магнатов на сейме повлияли, главным образом, умеренные требования, предъявленные казацкими посланцами. Видя, что эти требования не ущемляют всерьез ее интересы, великопольская шляхта решительно отказалась поддержать предложение магнатов о немедленном созыве посполитого рушения — всеобщего ополчения шляхты. Более того, в адрес магнатов посыпались обвинения, что именно они своими притеснениями довели до отчаяния реестровых казаков и спровоцировали крестьянскую

<sup>1</sup> Pamietniki A. Radziwilla, стр. 286.

войну<sup>1</sup>. Сторонник Оссолинского, надворный маршалок Казановский, например, заявил, что нельзя удивляться и обвинять казаков даже за их союз с татарами: «они, бедняги, — говорил он, — обратились бы и к самим силам ада, лишь бы избавиться от тех притеснений и угнетения, которые терпели»<sup>2</sup>. Часть великопольских сеймовых послов настояла на том, чтобы И. Вишневецкому ни в коем случае не был предоставлен командный пост в армии, которого тот добивался с большой энергией. Сейм подтвердил ранее назначенных канцлером Оссолинским командующих — Д. Заславского, Н. Остророга и А. Конецпольского.

Одновременно, желая отколоть казаков от крестьян, привлечь на свою сторону, и таким путем покончить с восстанием на Украине, сейм вынес решение об удовлетворении всех без исключения требований казацких посланцев. Вместе с тем, для ведения переговоров с Хмельницким о полном прекращении военных действий сейм назначил комиссию во главе с Адамом Киселем. Ей были даны широкие полномочия с тем, чтобы она закончила переговоры еще до элекционного сейма, назначенного на 6 октября<sup>3</sup>.

Действительно ли Ю. Оссолинский возлагал большие надежды на возможность договориться с казацкой старшиной; сказать трудно. Достоверно известно, однако, что он также готовил силы для разгрома народного восстания на Украине и даже обратился за помощью к иностранным державам, в частности к Франции. В своем письме от 30 июня 1648 г. французскому королю и его первому министру кардиналу Мазарини Оссолинский прежде всего извещал их, что «казаки, подданные нашего королевства, естественные враги татар, давние защитники и преграда от их набегов и грабежей в этом государстве... сговорившись между собой, соединились, убили своих комиссаров из местной шляхты, неожиданно напали и разбили королевское войско и гарнизон, обычно находившийся на границах, взяли в плен двух гетманов вместе с другими высшими чинами армии и множеством других людей, [захватили] огромную добычу — дело никогда еще не виданное и не слыханное в этом королевстве»<sup>4</sup>. Подчеркивая, что «это неожиданное и страшное, — как он выражался, — событие, вместе с невозвратимой потерей покойного короля... сильно взволновало все государство», Оссолинский давал понять, что успехи восстания на Украине могут привести к оживлению борьбы угнетенных масс, прежде всего крестьянства, и в других странах, в том числе во Франции, и

<sup>1</sup> *L. Kubala, J. Ossolinski*, стр. 289.

<sup>2</sup> *J. Michalowskiego Księga*, док. 55, стр. 118—119.

<sup>3</sup> *Supplementum ad historica Rusiae monumenta*, изд. Петербургской архивной комиссией, СПб, 1858, стр. 173.

<sup>4</sup> Библиотека им. Оссолинских, Теки С. Лукаша, т. 3, Выписка из Архива Министерства иностранных дел в Париже (1644—1649 гг.), шифр 2975/II, лл. 327—330.

усиленно домогался ее помощи. «Его христианнейшее величество и ваше преосвященство,— писал он, — имеют удобный случай показать всему христианскому миру и Речи Посполитой свое милосердие и [оказать] помощь, особенно, если... примет во внимание, что появилось огромное число рабов, которые представляют собой значительное подспорье для турка [sic! — В. Г.] к величайшему вреду для всего христианства»<sup>1</sup>.

Правительство Людовика XIV, напуганное развернувшимся во Франции, а также в Англии и др. странах революционным движением, довольно остро реагировало на это обращение. Лишенное возможности оказывать Польше немедленную военную помощь, оно в этот грозный для панов час оказало им не менее ценную дипломатическую поддержку, обеспечив нейтралитет со стороны враждебной им Швеции. «В том, что у нас сохранится мир со шведами,— писал 26 июня 1648 г. гнезненский архиепископ М. Лубенский Я. Радзивиллу,— уверяют нас их превосходительства французские послы»<sup>2</sup>.

Белоцерковское перемирие было использовано для определенных дипломатических акций и руководителями освободительной войны. Так, стремясь обеспечить, по крайней мере в ближайшее время, свой фланг со стороны Литвы и удержать литовских магнатов от каких-либо враждебных действий, Б. Хмельницкий обратился к ним с письмом, в котором содержались заверения в миролюбии и стремлении к доброму согласию. С. Мужилковский, отправленный Хмельницким в начале 1649 г. в Москву, сообщил 30 января в Посольском приказе, что во время кампании 1648 г. Хмельницким было послано в Литву «объявление», чтобы «литовцы были в миру с черкасами, а они, черкасы, Литву теснить ничем не станут, а если Литва начнет их чем задирать, и им [литовцам.— В. Г.] в домах своих не усидеть»<sup>3</sup>.

Но главное заключалось не в этом. Гораздо большее значение имел вопрос о союзниках в борьбе с панской Польшей. К решению этого вопроса руководители освободительной войны и приступили тотчас, как только позволила им обстановка.

---

<sup>1</sup> Библиотека им. Оссолинских, Теки С. Лукаша, т. 3, шифр 2975/II, лл. 327—330.

<sup>2</sup> Государственный воеводский архив в Гданске, шифр 300. 29/219, л. 118.

<sup>3</sup> Киевская старина, 1887, т. XVIII, стр. 719.



# Глава III



ОБРАЩЕНИЕ Б ХМЕЛЬНИЦКОГО  
К РУССКОМУ ПРАВИТЕЛЬСТВУ  
С ПРОСЬБОЙ  
О ВОССОЕДИНЕНИИ УКРАИНЫ  
С РОССИЕЙ  
ПЕРЕМИРИЕ ПОД ЗАМОСТЬЕМ







Первые победы в освободительной войне, изгнание польских панов из значительной части Восточной Украины и заключение Белоцерковского перемирия позволили вновь поставить тот главный вопрос, который диктовался всем предшествующим ходом исторического развития украинского народа и который, как сказано выше, был намечен самим Б. Хмельницким еще в период подготовки восстания. Это был вопрос о воссоединении Украины с Россией.

Уже вскоре после Корсунской битвы, где-то в последних числах мая, была созвана казацкая рада. Гетман Б. Хмельницкий ознакомил присутствующих с положением дел на Украине и в Польше и указал, что, только воссоединив Украину с Россией, можно рассчитывать на успешное завершение войны и освобождение от власти панской Польши. Выражая стремление всего украинского народа, присутствующие горячо поддержали гетмана, предложившего обратиться к русскому правительству с просьбой принять Украину под власть России. Ценные сведения о Корсунской раде, являвшейся в известном смысле прообразом знаменитой Переяславской Рады 1654 г., оставил нам сын боярский Никита Гридин, который 5 июля 1648 г., вернувшись из Запорожья на родину, сообщил хотмыжскому воеводе, что, будучи на Украине, «слышал от казаков, от товарищей своих, которые товарищи были в раде у етмана Хмельницкого.., а положили де... казаки на том... им де иного короля не обирать и всею Литовскою землею христианские веры приговорили поддаться тебе,— как писал воевода,— великому государю царю и великому князю Алексею Михайловичу всея Руси самодержцу, чтоб де государь, над ними, христианы, был и ведал ты, христианский один великий государь»<sup>1</sup>.

8 июня 1648 г., сразу же после заключения Белоцерковского перемирия, гетман Б. Хмельницкий, опираясь на решение Корсунской рады, обратился с письмом к царю Алексею Ми-

<sup>1</sup> Воссоединение Украины с Россией, т. II, док. 28, стр. 59.

хайловичу с просьбой о принятии Украины под власть России. В своем письме Б. Хмельницкий извещал русское правительство о победах украинского войска над польскими панами. «Которую яму [паны.— В. Г.] под нами выкопали,— сообщал он,— сами в ню ся обвалили, же дві войска з великими таборами їх помог нам господь бог опановати і трох гетманов живцем взяти з іншими їх санаторами.. на Жовтой Воді, в полю посеред дороги Запорозкої... [и] под Корсуном городом»<sup>1</sup>. Далее Б. Хмельницкий писал о смерти Владислава IV и высказывал предположение, что она наступила «с причины тих же незбожних неприятелей ево і наших, которых ест много королями в землі нашой, за чим земля тепер власне пуста», т. е. магнатов<sup>2</sup>.

Гетман выражал желание всего украинского народа воссоединиться с братским русским народом в едином Русском государстве: «Зичили бихмо собі самодержца господаря такого в своей землі, яко ваша царская велможност православний християнский цар». Тут же он высказал пожелание, чтобы это «предвѣчное пророчество от Христа бога нашего ісполнилось»<sup>3</sup>. Хмельницкий просил также царя об оказании военной помощи Украине с тем, чтобы нанести врагу удар одновременно с двух сторон: «А меновите будет то вашому царскому величеству слишно, еслі ляхи знову на нас сходят наступати, в тот же час чим боржей поспеайся і з своей стороны на їх наступати, а ми їх за божею помощу отсул возмем»<sup>4</sup>. О том, как реагировало русское правительство на предложения гетмана, речь будет идти ниже.

Белоцерковское перемирие было использовано руководителями войны не только для переговоров с русским правительством, но также для организации бурно растущего повстанческого войска. В течение каких-нибудь двух месяцев это войско увеличилось в десятки раз, главным образом за счет необученных, незнакомых с военным делом, плохо вооруженных крестьян. Один из спутников патриарха Паисия рассказал в Посольском приказе (январь 1649 г.), что в войске Хмельницкого, кроме казаков, «земские пашенные люди», которые «покия дома свои, все у него в собрание, многие с рогатины и с топоры, у иных косы ввязаны в деревье»<sup>5</sup>. В виду предстоящих крупных сражений необходимо было также заняться пополнением конницы, починкой орудий, заготовкой боеприпасов, продовольствия и фуража.

Тем временем восточнуукраинские магнаты, потерпев поражение на варшавском сейме, решили спровоцировать войну с казаками, чтобы тем самым принудить польское правительство

<sup>1</sup> Воссоединение Украины с Россией, т. II, док. 12, стр. 33.

<sup>2</sup> Там же.

<sup>3</sup> Там же, т. II, док. 12, стр. 33.

<sup>4</sup> Там же,

<sup>5</sup> Там же, док. 46, стр. 90.

немедленно разорвать Белоцерковское перемирие и возобновить войну. С этой целью отряды Вишневецкого и других панов участвовали свои опустошительные набеги на украинские села и города, убивая людей, грабя их имущество. Под Глиняны [местечко вблизи Львова], где стояло кварцянское [наемное] войско, магнаты Д. Заславский, Н. Остророг и А. Конецпольский стали стягивать крупные военные силы. Вероятно, следуя их призыву, местные сеймики объявили сбор посполитого рушения шляхты Русского, Волынского и Подольского воеводств. Во второй половине августа все это войско направилось к Збаражу для объединения с отрядами И. Вишневецкого, а оттуда к Староконстантинову. В распоряжении магнатов находилось огромное, хорошо вооруженное войско с отборной конницей и сильной артиллерией. По словам М. Голинского, оно «насчитывало 30 тыс. человек, кроме челяди и лужных [т. е. военных слуг и обозной прислуги.— В. Г.], которых также было больше 30 тыс. человек»<sup>1</sup>. С. Мужилковский же утверждал впоследствии, что «войско лядское... было 120 000 з арматою сто діл [пушек] маючи»<sup>2</sup>.

Главные силы украинского войска во главе с Б. Хмельницким стояли в это время у Староконстантинова. По численности оно было примерно равно польско-шляхетскому, но значительно уступало ему по части конницы и артиллерии, не говоря уже о вооружении. Основную массу его составляли крестьяне. 29 июля 1648 г. польский жолнер, бежавший из плена от казаков, сообщил Д. Заславскому, что «войска Запорожского будет 80 000 чел., но годных к бою среди них всего 20 000»<sup>3</sup>.

Сюда, под Староконстантинов, для заключения мира с Б. Хмельницким должны были прибыть сеймовые комиссары, о которых говорилось выше. Но для руководителей освободительной войны было совершенно ясно, что ни о каком мире не может быть и речи, тем более, что магнаты вовсе не были намерены складывать оружие и собирали войска для разгрома народно-освободительного движения. В этих условиях всякие переговоры о мире могли служить лишь ширмой для подготовки новой войны. В своем письме от 29 июля 1648 г. хотмыжскому воеводе С. Болховскому Б. Хмельницкий сообщал, что находится с «Войском своим Запорожским под Константиновым», куда имеют прибыть польские комиссары с предложениями о мире. И хотя «пишут до нас, просячи мир і о вигоду», сами «тут по ближних городах, где наша Рус православний християне живут, імаючи стинають і розмаїтї муки задают і... на паль збивают», почему «І не сподіваємся, жеби за таким їх ділом муг бити мир межи нами». Хмельницкий отметил, наконец, что панам ничего не стоит нарушить ими же подписанный мир, чему в прошлом было немало примеров: «Але ми їм до конца

<sup>1</sup> М. Golinski, Zapiski стр., 149.

<sup>2</sup> Воссоединение Украины с Россней, т. II, док. 48, стр. 129.

<sup>3</sup> Там же, док. 35, стр. 67.

не вірим, яко хитрим люде́м, бо вони нас так миром і присягою своєю не раз зражають».

Дело, действительно, так и не дошло до переговоров. Вместо послов снова заговорили пушки. Нарушив перемирие, польско-шляхетское войско начало свое наступление из-под Глинян на Збараж, а оттуда на Староконстантинов. Богдан Хмельницкий двинулся ему навстречу. В начале сентября противники встретились под Пилявцами (село Старосинявского района Хмельницкой области). Польская армия потерпела жестокое поражение. Немногие уцелевшие шляхтичи, «вверив жизнь своим ногам», бежали так стремительно, что за трое суток очутились во Львове, хотя он отстоял от Пилявцев на целых 300 км. «Под Пилявцами, замечает М. Голинский, шляхта в оружии и достатках потерпела убытка больше, чем на семь миллионов, а позора больше чем на тысячу миллионов»<sup>1</sup>. По словам современного французского наблюдателя, под Пилявцами паны потерпели «небывалое и беспрецедентное поражение»<sup>2</sup>. Беглецы разнесли по всей Польше весть о разгроме под Пилявцами. Многие шляхтичи, охваченные страхом, готовились бежать за границу. Летописец Грабянка с насмешкой говорит, что в Варшаве в это время собралось множество панов и, «все заячьи уши имеяху, тако бо их страх от Хмельницкого обиде, яко едва суха дрова треск услышат, то без души к Гданску бежаху и чрез сон не один рек: «ото Хмельницкий»»<sup>3</sup>. На портрете Хмельницкого, принадлежащем неизвестному художнику XVII в., имеется надпись, которая гласит, что он такого страха нагнал на панов, что те, если «где либо повеют ветри, вси яко Хмельницкий идет разумеют»<sup>4</sup>.

Битва под Пилявцами, завершившая разгром панского войска, послужила новым мощным толчком для развития освободительного движения в западных областях Украины. В такой обстановке 17 сентября войско Б. Хмельницкого двинулось из-под Староконстантинова ко Львову — крупнейшему городу Западной Украины. Массовое народное восстание благоприятствовало быстрому продвижению казацкого войска. По пути казаки без боя заняли Збаражский замок, в котором уже «живого духа... не было», захватив тут около 50 пушек, много пороха и т. д.

26 сентября войско Б. Хмельницкого приступило к осаде Львова. Казаки и татары плотной стеной окружили город, отрезав его от внешнего мира. В 10 числах октября отряды Кривоноса овладели крепостью Высокий замок, господствовавшей над городом. Положение Львова было безнадежным. Желая, однако, спасти древний украинский город от разрушения

<sup>1</sup> М. Golinski, Zapiski, стр. 149.

<sup>2</sup> Z. Libiszowska, Stosunek polskich mas ludowych, стр. 40.

<sup>3</sup> Летопись Г. Грабянки, стр. 59.

<sup>4</sup> Киевская старина, январь, 1882, стр. 230.

и разграбления татарами, Б. Хмельницкий пошел навстречу просьбе магистрата о прекращении осады. Взяв контрибуцию в 200 000 злотых (деньгами и товарами) для уплаты татарам Крым-Гирея, он двинулся 16 октября из-под Львова к Замостью и 27 октября осадил его. До Вислы оставалось не более 100 км. Осаду Замостья можно считать высшей точкой развития освободительного движения на Украине в первый год войны. К этому времени от власти польских панов, как говорил в Москве С. Мужиловский (февраль 1649 г.), были освобождены воеводства Киевское, Черниговское, Брацлавское, Подольское и Волыньское. С новой силой развернулось освободительное движение в Русском и Белзском воеводствах. Большую известность приобрело тут имя славного предводителя крестьян Семена Высочина. К концу октября отряды Высочина насчитывали 15 тыс. человек. Восставшие овладели Пнивским замком, Отынией, Палагичами, Печенежиним, Заболотовым, Коломыей и др. К осени 1648 г. во всем Покутье были разгромлены шляхетские имения и изгнаны представители польских властей. Крестьяне и мещане повсеместно вводили казацкие порядки.

Широким фронтом развернулось восстание в Белоруссии. Белорусский народ вместе с украинским боролся за свое социальное и национальное освобождение от гнета панской Польши, за воссоединение с Россией. Белорусские повстанцы овладели крупнейшими городами и крепостями страны — Пинском, Туровом, Мозырем, Гомелем, Бобруйском, Брестом. На помощь белорусским крестьянам и мещанам пришли отряды украинских казаков под руководством атаманов Небабы, Михненко, Гаркуши, Кривошапки и др. К осени 1648 г. восстание охватило уже почти всю Белоруссию<sup>1</sup>.

Под влиянием народно-освободительного движения на Украине и в Белоруссии на борьбу против феодально-крепостнического гнета поднялось крестьянство центральных областей Польши. Для иллюстрации настроений польских крестьян достаточно привести следующий случай. В июне 1648 г. шляхтич Сухожевский обнаружил своего беглого крестьянина в районе Гнезно и хотел было его задержать, но натолкнулся на решительное сопротивление местных жителей, которые набросились на него с криками: «Дал бы нам бог сюда пана Хмельницкого, уже мы бы научили этих панов, как обижать крестьянина!»<sup>2</sup>. М. Голинский сообщает, что 15 июля «во время сбора налогов на содержание войска, взбунтовалось хлопство Краковской каштелянии и других разных сел в окрестностях Мышлениц».

<sup>1</sup> Л. С. *Абцедаарский*, Борьба белорусского народа за воссоединение Белоруссии с Россией в середине XVII в., «Воссоединение Украины с Россией», Сборн. статей, М., 1954, стр. 178—220.

<sup>2</sup> Е. С. *Компан*, Значение освободительной войны украинского народа 1648—1654 гг. для антифеодальных движений в Польше, «Краткие сообщения института славяноведения», вып. 13, М., 1954, стр. 25.

Вооруженных чем попало крестьян собралось несколько сот человек, и только чудом, говорит Голинский, дело не дошло до кровопролития<sup>1</sup>. Большой активностью отличались крестьянские выступления в Подляшском и Люблинском воеводствах, граничивших с украинскими и отчасти белорусскими землями. 12 сентября 1648 г., например, папский нунций Торрес сообщал Ватикану, что и в Подляшье «крестьяне также поднялись и их собралось уже 7 тысяч человек». Для борьбы с восставшими было созвано посполитое рушение подляшской шляхты<sup>2</sup>.

Все это вызвало серьезную тревогу в среде столичной шляхты, тем более, что Варшава находилась не так уже далеко от мест, где развернулись эти события. Многие шляхтичи начали всерьез подумывать о бегстве за границу. Автор сеймового дневника писал по этому поводу: «все, что было живо, укладывало свои вещи в сундуки, узлы... На улицах ни о чем другом не говорили, как только о том, что паны собираются в дорогу»<sup>3</sup>. Уехать из Варшавы намеревалась и королева Людвиги — Мария, вдова Владислава IV, и только настояния канцлера Оссолинского, который утверждал, что своим отъездом она усилит растерянность, царившую в столице, удержали ее от этого<sup>4</sup>.

Паника среди варшавской шляхты до того разрослась, что, как утверждал литовский магнат А. Радзивилл, «если бы показался хотя бы один казацкий полк, то, наверно, всех бы гасеял»<sup>5</sup>. К тому же, во второй половине октября в самой Варшаве была раскрыта попытка организовать восстание. Организаторы восстания, принадлежавшие к городским низам, готовились при приближении украинского войска поджечь дома столичных богачей и уничтожить «виднейших сенаторов». Непокойно было и в окрестностях Варшавы. 24 октября Торрес доносил, что недалеко от города действует трехтысячный отряд восставших крестьян. Правда, антифеодальные выступления польских крестьян и городских низов оставались разобщенными. Но уже одна возможность их объединения приводила панов в ужас.

Положение в Польше осложнялось также борьбой в среде самого господствующего класса. Еще в то время, когда украинское войско стояло под Львовом, в Польше развернулась элекционная борьба. За вакантный трон боролись в основном две группировки: сторонники усиления королевской власти во главе с коронным канцлером Ю. Оссолинским, и противники ее — магнаты во главе с И. Вишневецким. Кандидатом первой груп-

<sup>1</sup> М. Golinski, Zapiski, стр. 110.

<sup>2</sup> См. И. С. Муллер, Освободительная война 1648—1654 гг. и польский народ, «Вопросы истории» № 1, 1954 г., стр. 100 и др.

<sup>3</sup> J. Michałowskiego Księga, док. 97, стр. 268.

<sup>4</sup> Z. Libiszowska, Stosunek polskich mas ludowych, стр. 42.

<sup>5</sup> Pamiętniki A. Radziwiłła, т. II, Poznań, 1861, стр. 350.

пировки, которая в данный момент стремилась по ряду мотивов заключить мир с Б. Хмельницким и казацкой старшиной, был младший брат покойного Владислава IV — Ян Казимир. Кандидатом второй, настаивавшей на немедленном продолжении борьбы с украинским народом, был старший брат короля — епископ Карл. Последний, афишируя свои симпатии к «пострадавшим» восточнукраинским магнатам, пожертвовал им 100 тыс. дукатов на военные нужды и выслал в помощь отряд жолнеров в 600 человек.

Соответственно с этими группировками разделилось и все шляхетство Речи Посполитой. Шляхта Восточной Украины и Белоруссии, среди которой влияние магнатов было особенно сильным, поддерживала кандидатуру Карла. Великопольская же шляхта, значительно менее зависящая от магнатов и зачастую даже враждебно настроенная к ним, поддерживала Яна Казимира. 12 июля 1648 г. великолуцкий воевода Великогагин доносил царю об избирательной борьбе в Польше «А Козимера де, государь, королевича, Литва и белорусцы [чит. восточнукраинские и литовские магнаты.— В. Г.] на королевство не хотят, а хотят де, государь, на королевство Козимира королевича одни поляки [великопольская шляхта.— В. Г.]»<sup>1</sup>.

6 октября в Варшаве открылся элекционный сейм. Столица и ее окрестности наполнились шумными толпами вооруженной шляхты, прибывшей сюда вместе со своими патронами и готовой, в случае необходимости, любыми средствами поддерживать ту кандидатуру, на которую ей укажут.

При сложившихся обстоятельствах великопольской шляхте не оставалось иного выхода, кроме немедленного заключения перемирия с казаками. Ее кандидат Ян Казимир поспешил через своего доверенного — Юрия Ермолича уведомить Б. Хмельницкого о том, что в лице его брата Карла казаки имеют неприемлемого врага. В то же время он уверял гетмана в своей благосклонности к украинской шляхте и реестровому казачеству, обещая в случае занятия королевского престола подтвердить и расширить их «вольности». Русский гонец Гр. Кунаков в связи с этим сообщил своему правительству: «А Казимир королевич про то... писал к Богдану Хмельницкому: на чом брат его Кароль королевич... [своим сторонникам, т. е. магнатам.— В. Г.] присягал, и обещал де Казимир королевич Богдану Хмельницкому: только он будет королем... вольности их черкасские подкрепит паче прежнего»<sup>2</sup>.

Одновременно Ян Казимир просил Б. Хмельницкого прекратить военные действия. С. Мужилковский, в своей Записке от 4 февраля 1648 г. заметил, что Ян Казимир, будучи еще «некоронований писал лист до его милости пана гетмана і до всего Войска

<sup>1</sup> ЦГАДА СССР, ф. Сношения России с Польшей, 1648 г., д. 1а, л. 200. Донесение Великогагина в Посольский приказ.

<sup>2</sup> Акты ЮЗР, т. III, стр. 285.



Запорожского, просечи богом [живым], аби уже болш не воевали, обещаючисе бити русским королем», т. е. благосклонно относиться к ним<sup>1</sup>.

В избирательную борьбу, надо заметить, вмешались и иностранные государства, чьи интересы скрещивались в Польше. Австрийские Габсбурги, например, поддерживали Карла, Франция — Яна Казимира. Сохранилась любопытная переписка между французским правительством и его чрезвычайными послами в Варшаве графом д'Арпайоном и виконтом де Брежи. В своей инструкции, датированной октябрем 1648 г., правитель Франции кардинал Мазарини предписывал д'Арпайону использовать антигабсбургские настроения среди польского шляхетства, которые, как уверял он, разделял и покойный король. Владислав IV, писал Мазарини, «был монархом, который не допускал и мысли, чтобы с ним недостойно обращался австрийский дом, которого он не любил и к которому не питал никакого доверия». «Это был государь,— уверял кардинал,— связавший себя тесной дружбой с нашей короной и довольно открыто заявивший об этом»<sup>2</sup>.

Франция, подчеркивал Мазарини, не может безразлично относиться к элекции в Польше, ибо «каковы бы ни были предосторожности, принятые [Польской] республикой, чтобы связать королю руки и помешать впутаться в распри других монархов, при известной ловкости ему, надо думать, со временем было бы нетрудно окольными путями заставить республику присоединиться... к той группировке [государств], которой он бы хотел покровительствовать»<sup>3</sup>. Поэтому д'Арпайон и де Брежи должны предпринять все возможное, чтобы, прежде всего, не допустить избрания на польский трон «эрцгерцога Леопольда или других принцев австрийского дома ... а дать понять [шляхте.— В. Г.], что во французской королевской семье есть лица, более достойные нести скипетр и осчастливить народы, которые избрали бы их своими повелителями и каких [поляки] не могли бы найти ни в какой другой стране».

Однако во Франции догадывались, что основными претендентами на трон будут сыновья покойного короля и что «чаша весов,— как выражался Мазарини,— если не случится чего-либо непредвиденного, должна склониться в сторону принца Казимира, то ли по праву старшинства, то ли из-за титула короля Швеции ... то ли потому, что его предпочитает мелкое дворянство». Королю Франции, уверял Мазарини, «было очень приятно видеть, что ход событий благоприятствует принцу Казимиру, так как намерения и симпатии его величества на его стороне».

<sup>1</sup> Воссоединение Украины с Россией, т. II, док. 50, стр. 130.

<sup>2</sup> Библиотека им. Оссолинских, Теки С. Лукаша, т. 3, Выписка из Архива Министерства иностранных дел Франции (1644—1649), шифр 2975/II, лл. 331—339 об.

<sup>3</sup> Там же.

Чтобы обеспечить большинство голосов Яну Казимиру, французское правительство уполномочивало своих послов официально заявить, что оно искренне сочувствует Польше в связи с восстанием против нее на Украине и готово всеми силами помочь подавить это восстание. «Его величество,— писал Мазарини,— весьма одобрил усердие графа д'Арпайона, который не только предложил [Польской] республике помощь короля в ее нынешней, не терпящей никаких отлагательств нужде, но и свои личные услуги в [польском] войске. Его величество одобрил также все предложения, сделанные республике от имени короля графом д'Арпайоном ... особенно о наборе полковником Пшиемским 1000 — 2000 человек и даже содержание этого отряда в течение трех месяцев за счет нашей короны»<sup>1</sup>. «Если там есть еще и другие наши воинские части, кроме набранных полковником Пшиемским,— продолжал Мазарини,— господа послы могут предложить Республике и их и не забудут одновременно дать всем понять, что его величество крайне огорчен тем, что дальнейшее состояние и необходимость вести войну в различных землях с императором и королем Испании не позволяют ему оказать Республике более существенную помощь в ее теперешней нужде и послать туда ... большее количество войск. Однако, как бы мала ни была наша помощь, это все же гораздо больше, чем сделают наши враги [чит. Габсбурги], которые несомненно отделаются одними обещаниями без всякого результата».

Таким образом, ради того, чтобы отколоть Польшу от Габсбургского блока и посадить на трон Яна Казимира, французское правительство<sup>2</sup> готово было оказать содействие в подавлении освободительной войны украинского народа, несмотря на то, что эта война, направленная против польско-шляхетского господства, объективно подрывала силу всей Габсбургской коалиции.

Правда, нельзя сказать, чтобы в вопросе об избрании Яна Казимира Франция была до конца последовательной, поскольку послам предписывалось сообразоваться с конкретной обстановкой в Польше и в случае нужды поддерживать со всей энергией кандидатуру противника Казимира — Карла. «Но если господа послы,— гласила инструкция Мазарини,— убедятся на месте [в ходе выборов], что все их старания в пользу принца Казимира бесполезны и что деньги принца Карла и поддержка, которую оказывают ему духовенство и верхушка дворянства [магнаты] прине-

<sup>1</sup> Не дожидаясь санкции своего правительства, д'Арпайон позволил польскому правительству воспользоваться солдатами, набранными полковником Пшиемским для Франции в Польше (Библиотека им. Оссолинских, Теки С Лукаша, т. 3, шифр 2975/II, лл. 331—339).

<sup>2</sup> Французское правительство в это время жестоко расправлялось с антифеодальными движениями в собственной стране. Достаточно указать на парижское восстание 27 августа 1648 г. в связи с арестом руководителя парламентской оппозиции Брюсселя. Улицы столицы, на которых население возвело около 1200 баррикад, были залиты кровью восставших.

сут ему наибольшее число голосов, то они должны будут своевременно принять все необходимые меры предосторожности, чтобы не плыть уж совсем против течения и не противиться одним потоку, который понесет его к царствованию. В этом случае гг. послы постараются вести себя таким образом, чтобы принц Карл мог думать, что Франция помогла ему или, по крайней мере, не вредила его возведению»<sup>1</sup>.

За ходом событий в Польше очень внимательно следила и Швеция. В конце 1648 г. шведское правительство ратифицировало Вестфальский мирный договор и одновременно направило тайную инструкцию командующему шведскими войсками в Германии Карлу-Густаву. В ней предписывалось зорко следить за внутренними распрями в Польше и оттянуть свои главные силы через Силезию и Саксонию к польской границе с таким расчетом, чтобы вторгнуться в Польшу, как только это будет признано выгодным для шведских интересов<sup>2</sup>.

Как видим, вокруг выборов нового короля в Польше бушевали страсти не только внутри страны, но и за ее пределами. Тем временем в Варшаве открылся элекционный сейм. Последний происходил в очень сложной обстановке. Магнаты добивались немедленного созыва посполитого рушения по всей Речи Посполитой для борьбы против украинского народа. Однако победы украинского войска, огромный размах народного восстания на Украине и в Белоруссии, усилившаяся антифеодалная борьба крестьянства и городских низов в самой Польше во многом предопределили поражение магнатов и их кандидатуры королевича Карла. Шляхта Центральной Польши отдавала себе довольно ясный отчет в том, что выборы Карла не соответствуют ее интересам. Это, помимо всего прочего, означало бы немедленный созыв посполитого рушения, новые налоги, продолжение войны. Двинуться же на войну на Украину значило ускорить выступление своих собственных крестьян, очутиться перед угрозой антифеодалного восстания в тылу, в самой Польше. Великопольская шляхта надеялась уладить дело мирным путем: достигнуть соглашения с верхушкой реестрового казачества ценой небольших уступок в ее пользу за счет восточнукраинских магнатов и тем самым сохранить господство панской Польши на Украине.

Богдан Хмельницкий не отверг предложения Яна Казимира о перемирии. Продолжать войну, не заручившись поддержкой со стороны России, было нельзя. Так же немисливо было, несмотря на достигнутые в войне успехи, продолжать наступление вглубь Польши. Это немиснуемо привело бы к сплочению всех сил господствующего класса Речи Посполитой, тем более, что шляхта Центральной и Западной Польши располагала еще

<sup>1</sup> Библиотека им. Оссолинских, Теки С. Лукаша, т. 3, Выписка из Архива Министерства иностранных дел Франции [1644—1649], шифр 2975/11, лл. 363—363 об.

<sup>2</sup> Б. Ф. Поршнев, К характеристике международной обстановки, стр. 47.

значительными ресурсами. В распоряжении польского правительства находилось 25-тысячное регулярное войско и столько же вооруженных шляхтичей<sup>1</sup>. Между тем в украинском войске в это время вспыхнула эпидемия чумы, уносившая множество человеческих жизней. Среди умерших от этой страшной болезни был и талантливый соратник Б. Хмельницкого М. Кривонос.

Руководители освободительной войны не могли отвлечься и от международной обстановки. Связи Польши с Габсбургской коалицией, которую она поддерживала во время Тридцатилетней войны, были довольно тесными. Продвижение украинского войска вглубь Польши неминуемо затронуло бы интересы этой коалиции и вызвало бы противодействие с ее стороны. Между тем задача Б. Хмельницкого и его соратников заключалась, конечно, отнюдь не в усложнении создавшегося положения, а, наоборот, в его упрощении. 5 ноября из-под Замостья Б. Хмельницкий отправил варшавскому сейму письмо, в котором уверял, что казаки не имеют никаких враждебных намерений по отношению к Центральной Польше. Восстание на Украине, так же как и поход украинского войска на запад, гетман объявлял следствием провокаций И. Вишневецкого и других магнатов. Хмельницкий согласился на заключение перемирия и назвал ряд сравнительно легких для великопольской шляхты условий<sup>2</sup>.

Через несколько дней с официальными условиями Б. Хмельницкого на сейм прибыл его посланец, ксендз Мокрский. Гетман требовал объявления амнистии всем без исключения участникам восстания, запрещения панам мстить своим подданным, увеличения казацкого реестра до 12 тысяч человек и подчинения его лично королю, а не магнатам, запрещения польскому войску стоять в Восточной Украине, оборона которой должна быть возложена на казаков, недопущения кн. И. Вишневецкого к должности коронного гетмана и т. д.<sup>3</sup>.

Как видим, эти условия мало чем отличались от тех, с которыми летом 1648 г. были отправлены на варшавский сейм казацкие посланцы, и затрагивали почти исключительно интересы восточноукраинских магнатов. В то же время они должны были поддерживать у великопольской шляхты иллюзии на возможность заключения мира путем небольших уступок казачеству. Наконец, перечисленные условия должны были увеличить шансы Яна Казимира в борьбе за трон, ибо хотя его и объединяла с магнатами неугасимая ненависть к украинскому народу, это не исключало и наличия серьезных противоречий между ними. Ян Казимир, мечтавший об укреплении королевской власти, видел в восточноукраинских магнатах своих сильных противников и, естественно, должен был стремиться сломить их могущество. Вот почему Б. Хмельницкий поддерживал именно его

<sup>1</sup> *L. Kubala, J. Ossoliński*, стр. 330.

<sup>2</sup> *J. Michałowskiego Księga*, док. 94, стр. 213—214.

<sup>3</sup> *M. Golinski, Zapiski*, стр. 181, 185.

кандидатуру. Сохранилось упоминание о письме Б. Хмельницкого Яну Казимиру, в котором гетман выражал надежду, что, став королем, последний не будет оказывать поддержки магнатам, и высказывал пожелание, чтобы «тех некоронованных корошков вообще больше не было»<sup>1</sup>.

Сравнительно легкие условия перемирия, предъявленные Б. Хмельницким, несомненно возымели свое действие. Великопольская шляхта отвергла домогательства магнатов о созыве посполитого рушения и настаивала на заключении мира с казаками. Между «панами радой» (т. е. магнатами) и «поветными послами» (т. е. представителями шляхты), говорит Гр. Кунаков, на сейме «рознь была большая и до сабель меже себе порывались», ибо первые требовали продолжения войны («разорения черкасов»), а вторые — мира с казаками и «прощения»<sup>2</sup>.

Невзирая на яростное сопротивление магнатской группировки и даже угрозы с ее стороны, шляхта решительно отстаивала кандидатуру Яна Казимира. Не помогла Карлу и его сторонникам и весть о скором прибытии в Варшаву из Замостья руководителя магнатской оппозиции И. Вишневецкого во главе отряда в 800 человек. 7 ноября польским королем был избран Ян Казимир. Это являлось, в известном смысле, дипломатическим успехом Б. Хмельницкого, поскольку еще больше углубляло разногласия в правящих кругах Польши и облегчало украинскому народу его борьбу. Не случайно, по-видимому, сторонники магнатов рассказали русскому гонцу В. Старого (в 1651 г.), что «сей Ян Казимир король обран на королевство... теми изменниками их запорожскими казаки Багданом Хмельницким с товарищи». Последние будто бы через своих посланцев заявили на сейме, что если «только де Яна Казимира на королевство не оберут ... и они де, Войско Запорожское, с Короною Польскою... учнут войну весть вечными часы»<sup>3</sup>.

Новоизбранный король, желая сразу же укрепить свое положение и одновременно дискредитировать своих противников в глазах шляхты, объявил восточнукраинских магнатов виновниками восстания на Украине. В своей речи на сейме он, как указывает Гр. Кунаков, заявил, что «нынешнее межуособие всчали они [казаки] по самой конечной нуже и то все сталось от пышных панов [магнатов], которые таких искони вечных служальцев невинне грабили и разоряли»<sup>4</sup>.

Ближайшим результатом избрания Яна Казимира было немедленное лишение им И. Вишневецкого, руководителя магнат-

<sup>1</sup> *F. Rawita-Gawronski*, Bohdan Chmielnicki, т. II, Lwów, 1909, стр. 3.

<sup>2</sup> Акты ЮЗР, т. III, стр. 292. Ниже содержится ошибка, допущенная, вероятно, переписчиком: «разоренными» в ходе восстания называются не восточнукраинские паны, а великопольская шляхта, что противоречит действительности.

<sup>3</sup> ЦГАДА СССР, ф. Сношения России с Польшей, 1651, д. 7, лл. 143—144.

<sup>4</sup> Акты ЮЗР, т. III, стр. 288.

ской группировки, должности коронного гетмана [главнокомандующего], которую он занял после Корсунской битвы. Причиной этого, как совершенно правильно объяснял Кунаков, являлось то, что Вишневецкий стремился препятствовать Яну Казимиру занять престол — «на олекции Казимиру королевичю о обранье его на королевство помешку делал многуу, а хотел на королевство Кароля королевича, и панов рад [магнатов] на то наговаривал»<sup>1</sup>.

Наконец, сейм принял решение о заключении перемирия с казаками на основании предъявленных ими условий, признания за Б. Хмельницким титула гетмана. Было также решено в ближайшее время отправить к Хмельницкому комиссаров для вручения ему знаков гетманской власти и ведения переговоров о мире. Решение сейма привело восточнукраинских магнатов в ярость. Они, по словам Гр. Кунакова, «на короля приходили шумом... и говорили королю: им де всей Речи посполитой от Богдана Хмельницкого и от Кривоноса и от черкас разорение и шкоды и крови розлились многие... а король де их [казаков] шанует, что приятелей своих, таких леберизантов»<sup>2</sup>. Но ни король, ни сейм своего решения не отменили.

Поспешность, с которой была проведена элекция и приняты условия перемирия, предъявленные Б. Хмельницким, объясняется также упорными слухами о возможности вмешательства в войну на стороне Украины Семиградского княжества<sup>3</sup> и в особенности России. Шляхтич Святский, например, сообщил Кунакову о слухах, имевших хождение во время сейма, будто от русского правительства к Хмельницкому были «посылки», «чтоб воевал польское панство». «И от того де,— писал Кунаков,— на олекции в панах радах и во всех польских и литовских людех боязнь была большая паче [чем] черкаские войны»<sup>4</sup>.

Недовольство восточнукраинских магнатов, которые к тому же узнали, будто канцлер Ю. Оссолинский стремится расстроить выкуп из крымского плена Николая Потоцкого, одного из лидеров магнатской группировки, не знало пределов. Дело дошло до того, что Вишневецкий решил убить коронного канцлера. Узнав об этом, Оссолинский окружил себя усиленной стражей и, когда после сейма он отправился обратно в Варшаву, его, по словам Кунакова, сопровождало «30 человек с мушкеты к бою наготове», ибо «остерегался де канцлер от Вишневецкого, чтоб на него в дороге не напал»<sup>5</sup>.

<sup>1</sup> Акты ЮЗР, т. III, стр. 283, 285, 294—295.

<sup>2</sup> Там же, стр. 288.

<sup>3</sup> М. Голинский говорит, что накануне сейма было получено сообщение из Кракова о инцидентах на границе с Венгрией [Семиградьем] и о том, что «около 2000 левенцов стоят наготове на границе под Бещадами» (М. Golinski, Zapiski, стр. 147).

<sup>4</sup> Акты ЮЗР, т. III, стр. 288. — *Курсив наш*.

<sup>5</sup> Там же, стр. 295.

Вскоре после элекции к Б. Хмельницкому прибыл польский посол Олдаковский. Он должен был официально сообщить гетману об избрании королем Яна Казимира и о готовности сейма заключить мир. Принимая Олдаковского, Б. Хмельницкий потребовал, чтобы польское войско не продвигалось далее Константинова (230 км. восточнее Львова), т. е. не переправлялось через р. Случь. Эта река должна была как бы стать границей казацкой территории на западе. Требование гетмана провести демаркационную линию по р. Случь должно было обеспечить фактическую независимость Восточной Украины от Польши. Эту часть Украины, в которой власть находилась в руках гетмана Б. Хмельницкого и казацкой старшины, мы условно называем казацкой территорией, или Гетманщиной.

14 ноября 1648 г. украинское войско сняло осаду Замостья и через Сокаль-Острог-Житомир двинулось в Поднпровье, к Киеву. Уже по дороге, в Паволочи, к Б. Хмельницкому вновь явился Олдаковский с письменным ответом Яна Казимира и требованиями украинского гетмана. Из этого письма от 21 декабря 1648 года видно, что король, по существу, соглашался на все пункты, предъявленные Б. Хмельницким: вернуть казачеству его прежние вольности, объявить амнистию всем участникам восстания, поставить казаков под непосредственную юрисдикцию короля, устранив вмешательство всех других властей. Король, со своей стороны, настаивал на том, чтобы были распущены все повстанческие отряды, казаки отведены в места их обычного расположения и жительства (т. е. в Поднпровье), татары отправлены в Крым и т. д.<sup>1</sup>

Отказ Б. Хмельницкого от активных действий под Львовом и Замостью составлял для буржуазных историков камень преткновения при объяснении его политики в этот период. Едва ли не традиционным в буржуазной историографии стало мнение, согласно которому Хмельницкий объявлялся на этом этапе сторонником компромисса с Польшей. Его поступками, по мнению буржуазных историков, руководило не стремление к освобождению украинского народа из-под власти шляхетской Польши, а узкие, своекорыстные цели кучки казацкой старшины, готовой удовлетвориться небольшими уступками казачеству, мелкой украинской шляхте и православной церкви со стороны Польши. М. Грушевский, например, уверял, что после Пилявецкой битвы «Хмельницкий мог бы перейти вдоль и поперек не то что Украину, но и Белоруссию, Литву и самую Польшу, не встретив никакого препятствия... Однако Хмельницкий и не думал об этом, ибо он и без того опасался, что слишком оскорбил маестат Речи Посполитой»<sup>2</sup>. Развивая этот ложный тезис,

<sup>1</sup> K. Szajnocha, *Dziela*, т. X, Warszawa, 1878, стр. 170; J. Michalowskiego *Księga*, док. 96, стр. 218—219.

<sup>2</sup> М. Грушевський, *Ілюстрована історія України*, К.-Л., 1912, стр. 329—330.

украинская буржуазно-националистическая историография обвиняла Хмельницкого в том, что своим отказом от наступления вглубь Польши, когда ее разгром будто-бы был уже предрешен, он предал интересы украинского народа. Выдвигая это чудовищное обвинение, буржуазная историография имела целью опорочить великого патриота Украины, извратить действительное положение вещей<sup>1</sup>.

Конечно, среди старшины, в том числе и той, которая составляла окружение гетмана, были лица, стоявшие за примирение с панской Польшей, но до поры до времени они скрывали это. Б. Хмельницкий же и большая часть казацкой старшины, как и весь украинский народ, решительно выступали за освобождение Украины из-под власти Польши и воссоединение с Россией. Это со всей убедительностью показали переяславские переговоры в феврале 1649 г. (см. ниже).

Итак, первый год войны ознаменовался крупными успехами в освободительной борьбе украинского народа. Панской Польше был нанесен серьезный удар. От власти польских панов была фактически освобождена значительная часть украинских земель. Возрос значительно международный авторитет Украины. Однако для упрочения и развития достигнутых успехов необходимо было добиться принятия Украины под власть России. В тех исторических условиях только это могло гарантировать украинскому народу свободу от гнета панской Польши, возможность для успешного хозяйственного, культурного и политического развития. На решение этого первостепенной важности вопроса и были отныне направлены усилия украинской дипломатии.

---

<sup>1</sup> См., например, *С. Томашівський, Межи Пилявцями і Замостям, Жерела до історії України-Руси, т. VI, стр. 65.*





# Глава IV



УКРАИНСКО-РУССКИЕ  
ПЕРЕГОВОРЫ  
В НАЧАЛЕ 1649 г.





23 декабря 1648 г. стотысячное украинское войско во главе с Богданом Хмельницким, приветствуемое ликующими жителями Киева, вступило в древнюю столицу Руси. У Золотых ворот победителей торжественно встретило православное духовенство и ученики Могилянской коллегии, которые декламировали хвалебные стихи в честь гетмана. Они называли его «спасителем, избавителем и освободителем народу русского [украинского.— В. Г.] з неволи ляцкой». «Киевляне были ему [т. е. Хмельницкому.— В. Г.] в два или в десять раз более рады, чем какому-нибудь своему [польскому.— В. Г.] воеводе и честь ему большую отдавали»,— писал со злобой очевидец событий, шляхтич И. Ерлич<sup>1</sup>.

В Киеве Хмельницкого ждал иерусалимский патриарх Паисий. Восточные православные патриархи, в том числе иерусалимский, всегда сочувственно относились к борьбе украинского народа против гнета панской Польши. Эта борьба ослабляла позиции Ватикана — мирового центра католицизма, орудием которого выступала тогда Польша. Кроме того, они надеялись также, что воссоединение Украины с Россией укрепит силы последних и ускорит освобождение православных народов, изнывающих под тяжким владычеством Оттоманской империи. Узнав о прибытии Паисия в Яссы, к молдавскому господарю Василию Лупулу, Б. Хмельницкий еще из-под Замостья отправил туда полковника С. Мужилковского, который должен был просить патриарха приехать в Киев. «А как де о приезде его ведомо учинилось гетману Запорожскому Богдану Хмельницкому, что он приехал в волоскую землю,— писал впоследствии Паисий,— и гетман де Хмельницкой присылал к Василью воеводе об ево патриархове отпуске, полковников со многими людьми. И Василей де воевода его патриарха отпустил»<sup>2</sup>.

<sup>1</sup> Історія України в документах і матеріалах, т. III, К., 1941, док. 120, стр. 145—147; *J. Jerlicz. Latopisiec*, т. 1, стр. 72.

<sup>2</sup> ЦГАДА СССР, ф. Греческие дела, 1649, д. 7, л. 119.

Во время переговоров с Паисием, которые носили конфиденциальный характер (по словам современника, гетман «по нескольку дней с ним замыкался») <sup>1</sup>, Б. Хмельницкий просил иерусалимского патриарха использовать весь свой авторитет, чтобы добиться от царя согласия на воссоединение Украины с Россией; заручившись предварительно поддержкой высших московских церковных кругов.

Вместе с Паисием в Москву отправился киевский полковник Силуан Мужилковский. Официально он ехал в качестве провожатого патриарха, на самом же деле Мужилковскому было дано важное дипломатическое поручение. Как видно из его позднейшей записки, он, помимо воссоединения, должен ходатайствовать перед царем о военной помощи Украине «так през войско Донское, яко и през иные служивые люди», во вторых, об установлении с Украиной дипломатических отношений («здоровою радю зносячися з войском Запорозким през послы свои») <sup>2</sup>, в-третьих, чтобы царь оказал дипломатическое давление на Польшу, дабы «они, поляки, не наступили на козаков и в православной христианской вере им насилования не чинили», так как в противном случае, «ему, государю, за единовѣрных не вступиться нельзя» <sup>3</sup>. Таким образом, на тот случай, если немедленное решение вопроса о воссоединении Украины с Россией оказалось бы невозможным, руководители освободительной войны стремились заручиться военной и дипломатической помощью русского правительства.

Известие о прибытии к русской границе Паисия и Мужилковского вызвало в Москве живой интерес. Дворянину Ф. М. Мякинину, посланному для встречи патриарха в Калугу, поручалось узнать, «для чего с ним [Паисием] едет к государю от запорожского гетмана от Хмельницкого полковник его Силуян, и при нем, патриархе, к гетману Хмельницкому в Киев от Казимира короля польского послы хто присланы и о чем приходили, и с чем к нему отпущены. И нынче черкасы с поляки в миру ль, и будет в миру, и на чем помирились». Обо всем этом Мякинин должен был узнать «опознався с ним [Паисием] гораздо в разговорех, а не явно» и немедленно через гонца сообщить царю <sup>4</sup>.

28 января 1649 г. Паисий и Мужилковский прибыли в Москву. Уже на второй день, 29 января, по распоряжению царя Алексея Михайловича Паисий был принят в Посольском приказе дьяком Михаилом Волошениновым. Паисий кратко изложил ему ход событий на Украине за последнее время и свои личные впечатления. Он говорил о тяжелом положении, в котором находится украинский народ под властью панской Поль-

<sup>1</sup> Oicziŝte spominki, т. II, 1845, стр. 10.

<sup>2</sup> ЦГАДА СССР, ф. Сибирский приказ, 1649, стлб. 282—283.

<sup>3</sup> А. Востоков, Первые сношения Б. Хмельницкого, стр. 725, 729.

<sup>4</sup> Воссоединение Украины с Россией, т. II, док. 46, стр. 87—88.

ши, и о желании гетмана Б. Хмельницкого и всего украинского народа, чтобы царь принял Украину в состав России. «А ныне они, гетман и все Войско Запорожское, велели ему, патриарху, бить челом царскому величеству, чтоб он, великий государь, изволил Войско Запорожское держать под своею государскою рукою, а они, черкасы, ему, государю, будут как есть каменная стена». От себя Паисий добавил: «Да и он де, патриарх, как у них, черкас, был и он всю их мысль видел, что они под государевою рукою быти желают»<sup>1</sup>. В записке на имя царя Паисий повторил эту просьбу, а именно, что «Хмельницкой велел ему бить челом царскому величеству, чтоб государь пожаловал велел ево, Хмельницкого, и все Войско Запорожское принять под свою государскую высокую руку и своими государевыми ратными людьми помочь им учинити, а они де, черкасы... под его государскую высокую рукою быти желают»<sup>2</sup>.

В тот же день думные дьяки Михаил Волошенинов и Алмаз Иванов приняли в Посольском приказе С. Мужилковского. Дьяки предложили ему, чтобы он «им, царского величества приказным человеком, сказал, о каких делах он к царскому величеству прислан и грамоты с ним к царскому величеству или словесный приказ от гетмана Хмельницкого и от Войска Запорожского есть ли, о и чем с ним наказано?»<sup>3</sup>. Но Мужилковский, к немалому удивлению дьяков, ответил, что свое поручение он исполнит только царю, «как царское величество пожалует велит... свои государские очи видеть... а опричь де царского величества самого, иному никому тех речей объявить ему немочно»<sup>4</sup>. Русские дипломаты пытались уговорить гетманского посланца, ссылаясь на то, что свои поручения послы всегда «объявляют царского величества ближним и им приказным человеком, а тово николи не бывает, что самим им царскому величеству какие дела объявлять». Однако Мужилковский настаивал на своем: «которые дела приказано ему объявить царскому величеству при еросалимском патриархе, и он де потому и делает, а мимо де гетманского приказу учинити ему ничего не мочно». При этом он не забыл подчеркнуть еще раз важность возложенного на них поручения, то, «что на патриархе и на нем, полковнике, в том деле много належит»<sup>5</sup>. Предосторожность, соблюдаемая Мужилковским, подсказывалась, вероятно, желанием сохранить до времени втайне от Польши переговоры о воссоединении Украины с Россией. Это, по мнению Мужилковского, было тем более необходимо, что в Польше, как он знал, государственные тайны получали быструю огласку.

<sup>1</sup> Воссоединение Украины с Россией, т. II, док. 46, стр. 93.

<sup>2</sup> Там же, стр. 99—100.

<sup>3</sup> Там же, стр. 94.

<sup>4</sup> Воссоединение Украины с Россией, т. II, док. 46, стр. 94—95.

<sup>5</sup> ЦГАДА СССР, ф. Сибирский приказ, Разбитые столбцы, стлб. 273—287, л. 31.

Ко времени приезда посольства Паисия и Мужилковского в Москву внешнеполитическое положение России оставалось довольно сложным. В результате польско-шведской интервенции начала XVII в. Россия была оттеснена от верховьев Западной Двины, а также от Днепра в его верхнем и среднем течении, потеряв целый ряд своих земель на западе. Панская Польша, активно поддерживаемая Ватиканом и западноевропейскими государствами, заступила Русскому государству путь к побережью Балтийского и Черного морей. Она стремилась всячески ослабить экономические связи России с Украиной и Литвой, затормозить ее экономическое и культурное развитие. Не меньшая опасность грозила России со стороны Швеции, которая в результате Тридцатилетней войны превратилась в одну из сильнейших европейских держав на Балтике. В результате интервенции начала XVII в. Швеция оттеснила Россию от Финского залива и тем самым нанесла тяжелый урон развитию ее внешней торговли через Балтийское море.

С юга Русскому государству продолжали угрожать Турция и Крымское ханство. Турецко-татарские набеги представляли немалую опасность и для Польши. Однако польское правительство отклонило предложение России о заключении оборонительно-наступательного союза против вассала Турции—Крыма. Летом 1646 г. было достигнуто лишь соглашение, по которому Польша и Россия обязывались ставить друг друга в известность о наступлении татар и преграждать им путь общими силами. Отказ заключить союз против Крыма, различные инциденты на границе, выдвигание польскими магнатами нового самозванца — претендента на русский трон — Лубы явно свидетельствовали о том, что польские магнаты и после «вечного» Поляновского мира 1634 г. не оставили своих враждебных намерений по отношению к России. Попытки русского правительства заручиться поддержкой европейских держав в борьбе против Польши не увенчались успехом. Россия оказалась вынужденной самостоятельно решать все эти сложные и трудные внешнеполитические вопросы.

В такой обстановке восстание, которое вспыхнуло на Украине в 1648 г., должно было, естественно, сразу привлечь к себе внимание русского правительства. Первоначально поступавшие в Москву от пограничных воевод сведения о событиях на Украине были неясными и противоречивыми. О восстании под руководством Б. Хмельницкого на Запорожье в январе 1648 г. и об изгнании оттуда польского гарнизона русское правительство долгое время вообще ничего не знало. Только 13 апреля 1648 г. севский воевода З. Леонтьев, со слов украинца Гришки Иванова, приехавшего 26 марта из Новгород-Северска, сообщил, что еще в прошлом году «отъехал де от короля» какой-то пан Лащ, который «бывал стражник королевской» и «сложился с белгородскими и с очаковскими татарами». У этого Лаща «запорожских ка-

заков и всяких литовских людей воров<sup>1</sup> восемь тысяч», с которыми и «стоял де он за Днепром меж Белгорода и Очакова на реке Тилеголе и сошлись с ним, Лашем, запорожских казаков тысяч с пятнадцать и с теми де черкасы он, Лаш, на Днепре королевский город Кадак взял и немец высек и город выжег, а в том городе сидел полковником Желтовский с немцы». В заключении говорилось, что «сам, он, Лаш, стал на Запорогах, а хочет де он, Лаш с теми своими ратными людьми итти на Вешневёцкого за то, что у него, у Лаща, Вишневецкий маетности поотнимал, а поляки де збираютца на черкас и чаёт де у поляков с Лашем и з запорожскими черкасы больше розни»<sup>2</sup>. Русское правительство, надо полагать, довольно безучастно восприняло это сообщение, усмотрев в нем одно из обычных для Речи Посполитой актов панского своеволия.

Но сообщения продолжали поступать одно за другим, приобретая все большую определенность. 18 марта 1648 г. брацлавский воевода А. Кисель уведомил путивльського воеводу Ю. Долгорукого, «што никакая часть, тисеча или мало що больш своевольников козаков черкасцов избегли на Запорожье; а старшим у них простый хлоп, нарицається Хмельницкий». Не сообщая ничего о восстании на Запорожье, А. Кисель вместе с тем просил, что если Хмельницкий с казаками, против которых «промышлять будем», уйдет «з Запорожа на Дон, и там бы его не приймати, не щадити»<sup>3</sup>.

26 апреля было получено донесение хотмыжского воеводы С. Болховского, несколько дополнявшее сообщение А. Киселя. Воевода, со слов сына боярского Федора Осетрова, вернувшегося из Миргорода, давал знать, что польские власти на Запорожье «людей без листов не пускают же для... тово, что пан Хмельницки королевские листы и булаву королевскую и знамена и пушки... из городов побрал и стоит на Днепре на Плавле, а они де, паны, собрали войско на нево... а гуляющие... литовские люди к тому пану Хмельницкому из городов бегают многие». В заключение воевода сообщал, что, по мнению «знающих» литовских людей, «быти у них, панства, с королем за казачество большого рокошу»<sup>4</sup>.

В первых числах мая русское правительство получило сведения о выступлении Б. Хмельницкого с казаками и крымскими татарами Тугай-бея из Запорожья на Украину, потом об осаде казаками польского войска во главе с комиссаром Шембергом и Ст. Потоцким у Желтых Вод, а затем о разгроме его. Стараясь дезинформировать Россию и получить у нее немедленную воен-

<sup>1</sup> Ворами царские власти и феодалы называли повстанцев и вообще, всех тех, кто осмеливался выступать против существующих порядков.

<sup>2</sup> ЦГАДА СССР, ф. Разрядный приказ, Московский стол., стлб. 169, лл. 178—179.

<sup>3</sup> Воссоединение Украины с Россией, т. II, док. 5, стр. 14.

<sup>4</sup> ЦГАДА СССР, ф. Разрядный приказ, Московский стол., стлб. 169, л. 255.



ную помощь согласно договору, польские власти уведомляли русских пограничных воевод, что на Украину ворвались крымские татары, объединившиеся с Хмельницким и запорожскими казаками, и что они в одинаковой мере угрожают Польше и России. Так, например, 1 мая 1648 г. урядник м. Красного К. Мольнинский уведомил путивльского воеводу Н. Плещеева о нападении «людей крымских, с которыми сполившися Хмельницкий своевольными в тысячах казаков четырех с ордою пана комиссара [Шемберга.— В. Г.] посадили на вершинах Саксогану в четверг прошлой... и под Чигирин обещаетца подходить»<sup>1</sup>. В виде татарского набега, представляющего угрозу для России; изображал события под Желтыми Водами и А. Кисель. 11 мая он писал Н. Плещееву, что когда мол Н. Потоцкий «послал полк один войска корунного [под командованием Ст. Потоцкого.— В. Г.] на изменников черкасских, они сабаки татаре крымцы и нагайцы тот полк в полях на урочищу Жолтые Воды осадили. Тритцать тысячей орды на тот полк пришло... второго майа, они же [поляки.— В. Г.] во Христа господа храбро и бодро ополчившися бранятся, но по нынешнее время што ся зделало бог весть». Подчеркивая, что речь идет несомненно о татарском набеге,— «се подлинно пишу и вам то самим явно есть што тие поганцы начали вражду и наступают», А. Кисель требовал военной помощи со стороны России. При этом он ссылался на упомянутое выше соглашение, заключенное в 1646 г. в Москве, и на обещание «еще подлинно будет ход татарский в землю нашу... указу его царского величества быть к Днепру в помочь нам с его царского величества ратными людьми», Н. Плещеев в тот же день отправил в Москву этот, как выражался он, «лист вестовой о приходе крымских и татарских людей и о самовольных черкасех»<sup>2</sup>.

В соответствии с обязательствами, взятыми на себя по соглашению 1646 г., русское правительство приказало 20 мая 1648 г. хотмыжскому воеводе, а также князю Семену Болховскому «с ратными людьми, которые преж сего с ним указано, литовским людям помогать и с ними сходитись и над татары промышлять заодин. А итти до указанного места, как в договоре написано... а будучи в литовской земле дурна никакова не чинить». Из Карпова на помощь Болховскому было отправлено, кроме того, 500 драгун. По всем порубежным городам были разосланы грамоты, в которых давалось знать, «что подлинно хотят приходить на государевы украины крымские люди большим собраньем»<sup>3</sup>.

<sup>1</sup> ЦГАДА СССР, ф. Разрядный приказ, Московский стол, стлб. 169, лл. 214—215.

<sup>2</sup> Там же, Севский стол, стлб. 134, лл. 254—259.

<sup>3</sup> ЦГАДА СССР, ф. Разрядный приказ, Севский стол, стлб. 134, лл. 259—260.

Однако мало-помалу обстановка на Украине стала проясняться. Обнаружился и обман польской администрации относительно татарского набега, одинаково грозящего как Польше, так и России. В середине мая 1648 г. севские воеводы З. Леонтьев и И. Кобыльский донесли правительству о восстании казаков под руководством Б. Хмельницкого на Запорожье, разгроме польского войска у Желтых Вод и под Корсунем. Одновременно воеводы указывали, что казакам, которые восстали против польского господства, помогают крымские татары: «а уговор де меж татар с казаки воевать им сопча польские города и губить поляков, а мелких белоруских людей не воевать и не рубить»<sup>1</sup>. 11 крымских татар, взятых в плен в начале июня под Полтавой, «в распросе сказали одне речи: на Московское де государство у них никакова збору нет, все де татаровя пошли к запорожским казакам на помощь. Крым де ныне пуст»<sup>2</sup>.

Через некоторое время поступили известия о том, что сам Б. Хмельницкий принимает меры с целью обезопасить население от своих вынужденных союзников — татар. Так, в середине июня яблоновский воевода А. Буйнатов-Ростовский сообщил, что «прислал де Хмельницкий от себя в Киев запорожских казаков с полковники и с сотники три тысени и по перевозом, которые по Днепру, велел Хмельницкий казаков разослать, чтоб татар на сю сторону Днепра в украинные города не пропустить... а по городам... к казаком, которые по сю сторону Днепра, пишет он, гетман Хмельницкой, чтоб всякие литовские люди от татар береглись и бежали из уездов в города з женами и з детми»<sup>3</sup>. Одновременно воевода указал, что войско Хмельницкого быстро растет, ибо «казаки де, государь, копятца во всех лиговских городех по сю сторону Днепра [и] идут беспрестанно к Хмельницкому в сход»<sup>3</sup>.

Русское правительство желало, естественно, иметь исчерпывающие сведения о событиях на Украине. Оно предписало пограничным воеводам в спешном порядке собирать их за рубежом и немедленно доставлять собранную информацию в Москву. Вяземскому воеводе, например, где-то в середине июня было поручено детально и спешно разведать, «что у них ныне в Польше и Литве делаетца и в которых местах у них черкасы и татары сложась воюют и много ль их в еобраньи и хто к черкасам приставают и за что у них та ссора с поляки учинилась и чем тую ссору чают унять... и белорусцы к черкасам не пристають ли... [и все] что у них делаетца велети разведать всякими мерами подлинно»<sup>4</sup>.

<sup>1</sup> Воссоединение Украины с Россией, т. II, док. 8, стр. 22. — *Курсив наш.*

<sup>2</sup> Там же, док. 24, стр. 54.

<sup>3</sup> ЦГАДА СССР, ф. Разрядный приказ, Московский стол, стлб. 169, лл. 328—329.

<sup>4</sup> ЦГАДА СССР, ф. Сношения России с Польшей, 1648, д. 10, л. 249.

Поступавшие в большом количестве от пограничных властей в Москву данные не оставляли сомнения в том, что одной из главных причин восстаний украинского народа против власти панской Польши был национальный и религиозный гнет, которому он подвергался. 20 июня 1648 г., например, великолуцкий воевода Д. Великогагин сообщил: «А ссора, де, государь, и бои с поляки и с литвою у черкас учинилася за веру» и «к черкасом де, государь, приставают белорусцы»<sup>1</sup>. Вяземский воевода писал 24 июня, в связи с событиями на Украине, что «черкасы де бьются за веру с ляхи»<sup>2</sup>.

С другой стороны, почти все без исключения донесения пограничных воевод единодушно говорили о стремлении украинского народа к воссоединению с Россией и тем самым подтверждали просьбу, изложенную Б. Хмельницким в своем письме от 8 июня 1648 года. 20 мая, т. е. вскоре после Корсунской рады, хотмыжский воевода С. Болховский сообщал Посольскому приказу о желании украинцев (литовских людей) «отложитца к твоей государевой стороне, под твою царскую руку». 7 июня со слов шляхтича Войтеха Красновского, посланца новгород-северского урядника Юрия Понятовского, севские воеводы З. Леонтьев и И. Кобыльский сообщали в Москву, что «во многих... польских городех, в Киеве и в Чернигове и в иных городех от беларусцов [украинцев] та молва и желание есть, чтоб им всем быть под твоею царскою высокою рукою во крестьянской вере». В заключение севские воеводы уже от себя добавили, что это желание украинцев «нам, холопом твоим, подлинно ведомо ото многих людей»<sup>3</sup>.

Через несколько дней, 19 июня, в Москве была получена другая отписка севских воевод, которые, основываясь на показаниях драгуна Андрея Жукова, специально посланного для сбора сведений на Украину, сообщали: «А мешаня де, государь, Новгорода-Северского и всякие посадские и уездные люди говорят и молят о том бога, чтобы им всем быть под твоею царскою высокою рукою»<sup>4</sup>. Двое других драгун, А. Кошлов и А. Васильев, также побывавшие для сбора сведений на Украине, рассказали севским воеводам, что «хотят... запороские козаки польские городы очистить по Днепр и служить тебе, великому государю царю и великому князю всеа Русии»<sup>5</sup>.

23 июня яблоновский воевода на основе сообщения хотмыжанина Тимофея Милкова, находившегося в течение нескольких недель на Украине и побывавшего у Б. Хмельницкого, писал в Разрядный приказ: «А многие де, государь, люди в литовской сто-

<sup>1</sup> ЦГАДА СССР, ф. Сношения России с Польшей, 1648, д. 10, лл. 198—199.

<sup>2</sup> Там же, л. 251.

<sup>3</sup> Воссоединение Украины с Россией, т. II, док. 11, стр. 31.

<sup>4</sup> Там же, док. 19, стр. 48.

<sup>5</sup> Там же, док. 22, стр. 52.

роне говорят, как даст бог помощи им ляхов побить, и они б де по Киев отложились к твоей государеве стороне, чтоб де их ведал ты, государь»<sup>1</sup>. Несколько дней спустя, 4 июля, хотмыжане А. Курбатов и С. Шугуров, только что вернувшиеся с Украины, сообщили воеводе: «слышали де они от казаков... мы де все хотим быть под одним христианским, под тобою благочестивым государем царем и великим князем Алексеем Михайловичем всеа Русии, а иного де, государь, короля обирать не хотят, и с ляхами де, государь, у них миру не будет»<sup>2</sup>.

Все эти сообщения о единодушном стремлении украинского народа к воссоединению с Россией и о борьбе против Польши не могли не встретить понимания и сочувствия со стороны русского правительства, поскольку воссоединение Украины с Россией должно было способствовать укреплению самого Русского государства.

Однако наряду с ними в Москву со всех сторон поступали сведения, не оставлявшие никакого сомнения в антифеодальном характере движения народных масс на Украине, направленного против всех вообще крепостников — польских, украинских и т. д. Сообщения пограничных воевод рисовали яркую картину классового бояры на Украине, массового показаченья закрепощенного крестьянства и низших слоев мещанства, уничтожения шляхетства, разорения панских имений, ликвидации польской государственной администрации и т. д. Стародубец Григорий Климов, например, вернувшийся с Украины в начале лета 1648 г., рассказывал о размахе восстания и массовом показаченьи крестьянства: «а которые де их крестьяне Потоцкого и Вишневецкого и Киселеви и те де... стали в казаки ж». Шляхтич Криштоф Силич, бежавший из Новгород-Северска в Трубчевск, говорил трубчевскому воеводе в июне 1648 г., что «черкасы в Новгородке Северском панов и шляхт всех побили и посекали»<sup>3</sup>. Севские воеводы сообщали в мае 1648 г. в Москву: «беспрестанно де своевольные люди — мещане и мещанские дети и с будбудники и всякие люди к казакам пристають и копятся вместе»<sup>4</sup>. 31 июля 1648 г. в Москве была получена отписка трубчевского воеводы Никифора Нащокина. Последний, со слов стародубского подстаросты шляхтича Рафаила Уесского, писал: «халопе де их кабальные и все подданные из маетностей збунтовавшися против их, панов своих... немало панов своих побили и все скарбы их побрали» и т. д.

Еще более выразительные сведения, имевшие целью предостеречь русское правительство, сообщал Гр. Кунаков: «А к Богдану де Хмельницкому собиралися в полки многие люди своевольные и пашенные мужики, побив панов своих в их маетностях».

<sup>1</sup> Воссоединение Украины с Россией, док. 24, стр. 54.

<sup>2</sup> Там же, док. 28, стр. 59—60.

<sup>3</sup> Акты ЮЗР, т. III, стр. 216, 225. Отписка трубчевского воеводы.

<sup>4</sup> Акты Московского государства, т. II, № 350, стр. 225.

«Великому государю, его царскому величеству, — продолжал Кунаков, — *своих украин годитца от такова гультайства оберечь, чтоб не вомкнулись и шкоды какие не учинили*»<sup>1</sup>. Путивльский воевода Н. Плещеев еще раньше, 30 мая, основываясь на сообщении А. Киселя, писал: «ныне де, государь, у них во всех литовских городех по сю сторону Днепра змятня великоя. Копятца и идут многие мужики ис тех литовских городов к тем же самовольным казаком в сход, а иные, собравшия, побивают и грабят по дорогам ляхов...».

Порубежные русские воеводы не скрывали от правительства, что они боятся украинских повстанцев, пользовавшихся сочувствием русских крестьян и горожан, и принимают меры для укрепления пограничных городов. Тот же Плещеев, например, 30 мая докладывал: «И по тем, государь, вестям опасуюся я, холоп твой, от тех самовольников всякого дурна, живу в Путивле с великим береженьем, неоплошно, чтоб от тех воров, от литовских людей от самовольников, городу Путивлю какое дурно не учинилось». На этой грамоте, полученной в Москве 7 июня, имеется пометка: «Государю и боярам чтена и те вести ведомы»<sup>2</sup>.

Если сведения о стремлении украинского народа к воссоединению с Россией и о его борьбе «за веру» против Польши могли вызвать у царского правительства лишь чувство удовлетворения, то данные об острой антифеодальной борьбе — о массовом восстании крестьян, казаков и мещан против панов — должны были внушить ему, как и всем крепостникам, серьезную тревогу. Эта тревога увеличивалась по мере того, как в Москву стали поступать сведения о восстаниях крестьян в порубежных уездах самого Русского государства и о связи этих восстаний с антифеодальным движением на Украине.

Приведем следующий интересный документ, свидетельствующий, помимо всего прочего, о братской поддержке русским народом освободительной борьбы украинского народа. В своей челобитной на имя царя, датированной началом июня 1648 г., торопецкие и хотмыжские дворяне и дети боярские жаловались: «людишки наши и крестьянишка своею слабостью, *видя их литовскую прелесть*, с тех пор учали тебе, государю, изменять и бегать за рубеж и ныне бегают за рубеж безпрестани и от того, государь, многие поместишка наши... запустели», и далее — крестьяне «бегают за рубеж в литовскую сторону, пограбя животишка наши и пожигая дворишка у нас, холопей твоих, и самих нас, холопей твоих, бьют и вяжут». Более того, бежавшие на Украину русские крестьяне «приходя из-за рубежа с порубежными людьми, — продолжали челобитчики, — и последних людишек наших и крестьянишек от нас подговаривают... [и] сильно за рубеж свозят». Конец челобитной звучал как вопль от-

<sup>1</sup> Акты ЮЗР, т. III, стр. 283, 305.—*Курсив наш.*

<sup>2</sup> Воссоединение Украины с Россией, т. II., док. 9, стр. 24.

чаяния: «а от наших холопей... и от их воровства нам, порубежным людям, жить нельзя»<sup>1</sup>.

Вести о влиянии антифеодальных выступлений на Украине на население порубежных районов не на шутку встревожили царские власти. Последние прекрасно понимали, что антифеодальное движение легко может распространиться и на всю Россию. Неудивительно поэтому, что русское правительство приняло строгие меры для предотвращения этой опасности. В царском наказе от 13 июня 1649 г. путивльскому воеводе было велено следить, «чтобы из литовские стороны и из городов боярские (подданные)... и иные никакие воровские люди жить для всякого воровства в Путивль и в Путивльский уезд... не приходили» и арестовывать немедленно всех тех из русских жителей, «кто учнет с литовскими людьми с изменни(ка)ми съезжатца. В том же случае, если украинские повстанцы явятся в Путивльский уезд, станут громить имения бояр и служилых людей и «учнут против государевых служилых людей стоять з-боем», то воевода обязан был со своими людьми над ними «промышлять всякими обычаями... и за рубеж их не упустить», а захваченных в плен «распрашивать з большим с пристрастьем (т. е. под пытками)» и «держать в тюрьме... з большим береженьем».

С той же целью, чтобы разорвать всякие связи украинских повстанцев с русским населением и нейтрализовать влияние антифеодального движения народных масс Украины на своих подданных, царское правительство выработало целую систему мер. Воеводам предписывалось «от литовского рубежа по всем дорогам и по малым стешкам и по приметным по всем местам учинить... заставы и старожы крепкие и велеть беречь накрепко, чтоб... никто не проехал и пеш не прошел и не прокрался никакими обычаями». Во всем Путивльском уезде была введена строгая регистрация всех без исключения приезжих, которые должны были находить себе поручителей в их «благонадежности» среди местных жителей. Воеводе приказывалось следить за тем, чтобы приезжие (даже из русских местностей) «люди являлись... в съезжей избе, а не явить [т. е. тайно.— В. Г.] бы никаков человек в Путивле и в слободах ни то ни у ково не жил», а записывать их «прозвище, хто именем и какой человек и откуда, хто и к кому и для какова дела приехал или пришел»<sup>2</sup>.

Царское правительство имело тем большее основание для беспокойства, что лето 1648 г. ознаменовалось целым рядом волнений и антифеодальных восстаний в крупнейших городах России. Особый размах приобрело движение городских низов в столице государства — Москве. Резко усилившийся в стране феодальный гнет, непрерывно возраставшие налоги увеличивали недовольство народных масс. Жители городских посадов

<sup>1</sup> Акты ЮЗР, т. III, стр. 201—203. — *Курсив наш.*

<sup>2</sup> ЦГАДА СССР, ф. Разрядный приказ, Севский стол, стлб. 168, лл. 165—166, 168, 181—184.

протестовали против засилья крупных бояр и купцов. К ним призывали стрельцы, также подвергавшиеся разным притеснениям со стороны властей и вынужденные отбывать все более тяжкие военные повинности. Недовольство проявляли и купцы, страдавшие от засилья иностранных торговцев, и даже низшие слои дворянства (особенно провинциального), бессильные бороться с крупными привилегированными землевладельцами — боярами, переманивавшими к себе их крестьян обещанием разных льгот. Дворяне требовали уравнивания в правах с боярством, получения права передачи имений по наследству, запрещения переходов крестьян и т. д.

1 июня, когда царь Алексей Михайлович возвращался с богомоля в Москву, его встретила толпа челобитчиков. Последние пытались передать царю жалобы на притеснения, однако охрана царя разогнала их кнутами. На следующий день волнения вспыхнули с новой силой. Во время обычного в тот день крестного хода тысячи людей ворвались в Кремль, где на их сторону перешли стрельцы. Восставшие разгромили дворы особенно ненавистных бояр и купцов, убили дьяка Посольского приказа Назария Чистого, которого считали виновником введения соляного налога. 3 июня восстание продолжало разрастаться. Народ требовал выдачи «дядьки» (воспитателя) царя Б. И. Морозова, стоявшего фактически во главе правительства, и его ближайшего помощника, заведывавшего Земским двором Леонтия Плещеева.

Б. И. Морозов, необходимо заметить, был решительным сторонником усиления царской власти, централизации государства в интересах среднего дворянства и верхов купечества и противником старой знати, кичившейся своей родовитостью, стремившейся к сохранению и расширению своих привилегий.

Старая знать, бояре, и решила теперь воспользоваться восстанием, чтобы захватить государственное управление в свои руки. Боярин Н. И. Романов, князь Д. М. Черкасский и их сторонники явились к встревоженному царю и уговорили его сделать уступку восставшим — выдать им Плещеева и начальника Пушкарского приказа П. Т. Траханиотова. «Бояре, — указывал впоследствии современник событий, Стоянов, — приговорили, земским и всяких чинов людям отдали убить Траханиотова да Леонтия Плещеева»<sup>1</sup>. Плещеев был выдан восставшим и убит, а Траханиотов, посланный накануне воеводой в Устюг, возвращен 5 июня и публично казнен. Б. И. Морозова царь отказался выдать, но обещал сослать его в Кириллов-Белоозерский монастырь. Только в ночь на 12 июня, под давлением пришедших к власти бояр во главе с князем Д. М. Черкасским и Н. И. Романовым, царь отправил Б. И. Морозова в ссылку в Белоозерский монастырь.

<sup>1</sup> С. В. Бахрушин, Московское восстание 1648 г., Научные труды, т. II, М., 1954, стр. 62—63, 79.

Бояре, или «новые господа», как их называл в своих реляциях шведский посол Поммеренинг, поспешили занять все высшие посты в государстве своими людьми. Князь Я. К. Черкасский стал во главе приказов, подчинявшихся раньше Морозову, т. е. сделался как бы премьером нового правительства; Романов руководил заседаниями в царской думе; главой Пушкарского приказа был назначен М. Н. Пронский, Владимирского — В. Б. Шереметев, Судного — И. А. Жилков, Разбойного — М. М. Темкин-Ростовский<sup>1</sup>.

Но сторонники сосланного Морозова, скорее всего при тайной поддержке самого царя, не прекращали борьбы против новых правителей. Тот же Поммеренинг доносил 19 сентября, что «Морозов и его сторонники, как и их противники, хлопочут и вооружаются друг против друга всевозможными способами»<sup>2</sup>.

Известия о том, что в столице восстали «посадские и всяких чинов люди», что «на Москве шатость великая» и «весь мир качаетца», быстро разлетелись по стране. Они стали также достоянием заграницы. Шведский и английский резиденты, например, регулярно сообщали о происходящих событиях своим правительствам. В Польше о восстании ходили фантастические слухи, рассчитанные на то, чтобы подорвать веру украинского народа в возможность воссоединения с Россией или получения помощи с ее стороны. М. Голинский, например, писал: «В Московском государстве... взбунтовалось крестьянство, около 20 тысяч подданных... В столице сгорело 2000 домов думных бояр и немало народа, а также больше половины города. Зажечь город приказал сам царь, который хотел этим справиться с волнениями»<sup>3</sup>.

11 июня волнения вспыхнули в Козлове. Затем они распространились и на уезд. 22 июня под влиянием слухов, что в Москве бояр и служилых людей «всех посекли», началось восстание в Сольвычегодске. Через несколько дней, 26 июня, из Воронежа вынужден был бежать воевода Василий Грязной. В июне же волнения имели место в Талицком<sup>4</sup>. 5 июля началось восстание в Курске, а 9 июля в Устюге Великом. Тут восставшие намеревались казнить воеводу и «убили до смерти» одного из подьячих. В начале августа князь Яков Волконский доносил о волнениях [«всяких заводах»] среди чугуевских служилых людей: Летом или осенью 1648 г., «слыша про московскую смуту, в Чердыни и у Соли [Камской] завели воры завод, хатели лучших посадских людей разграбить и побить». К осени волнения начались и в Сибири. В Нарыме, например, служилые люди говорили в ноябре воеводе Афанасию Нарбекову: «Не стала де пора вам

<sup>1</sup> С. В. Бахрушин, Московское восстание 1648 г., стр. 65.

<sup>2</sup> К. И. Якубов, Россия и Швеция в первой половине XVII в., М., 1897, стр. 426.

<sup>3</sup> М. Golinski, Zapiski, стр. 133.

<sup>4</sup> С. В. Бахрушин, Московское восстание 1648 г., стр. 51.



воровать и над нами ругатца, и на Москве де, которые над их братьею ругались, и они сами и жены их и дети от их братьи побиты до смерти и дома их пограблены, и всем людем тако будет». В Томске «большая смута» началась еще раньше, чем в Москве (в конце мая), а под влиянием московских событий она разгорелась с еще большей силой.

Для характеристики настроений среди мелкого служилого люда и вообще низших слоев городского населения немалый интерес представляют события в г. Козлове, тем более, что они носят на себе печать определенного воздействия освободительной войны украинского народа. Волнения среди казаков и стрельцов г. Козлова начались вскоре после восстания в Москве. Козловский житель Андрей Покушелов, «приглашенный» в числе других «на беседу» к воеводе Игнатию Вердеревскому, «метался к голове стрелецкому и козачью к Якову Свистуну с ножом и хотел его зарезать и говорил: почему он Яков... в головах?» На заявление, что Свистун назначен по царскому указу, Покушелов сказал, «что он прислан в головы от вора [имеется в виду боярин Б. И. Морозов.— В. Г.], а не от государя». Немного позже А. Покушелов, как доносили местные власти, «хотел... срубить саблею курского воеводу Федора Лодыженского».

Однако самое примечательное следующее. В разговоре с группой карповских жителей перед городскими воротами А. Покушелов и некий Мишка Гринев заявили: *«только бы де они в то время, как учинилось смятенье, были на Москве, и они б де и весь боярский корень повывели»*. Сын боярский Иван Хлыновский, стоявший тут же, стал упрекать их «что они про бояр такие речи говорят не делом, а в Московском де государстве без великих людей быть не уметь; которое окрестное де государство без великих людей может стоять?» На это Покушелов без всяких обиняков ответил: *«на Дону и без бояр живут; а в Литве [на Украине.— В. Г.] де черкасы панов больших побили и повывели их»*<sup>1</sup>.

Обострение антифеодальной борьбы, восстания и волнения, прокатившиеся по стране, внушали серьезные опасения русскому дворянству и заставляли его сплачивать свои силы. Новое боярское правительство, пытавшееся заигрывать с восставшими жителями столицы, ведшее «переговоры» с восставшими [которые, как сказано выше, закончились казнию Плещеева и Траханиотова] и использовавшее восстание для своего прихода к власти, не пользовалось поддержкой дворянства. Недовольными новым правлением были и горожане, положение которых оставалось по-прежнему тяжелым.

22 октября, как только волнения в столице несколько улеглись, царь тайно вернул из ссылки Б. И. Морозова. Бояре были отстранены от власти, князь Я. К. Черкасский подвергнут

---

<sup>1</sup> Акты Московского государства, т. II, СПб, 1894, док. 444, стр. 274—275. — *Курсив наш.*

домашнему аресту, без права «с двора в городъ съезжать». На его место 1 ноября был назначен сторонник Б. И. Морозова И. Д. Милославский. Фактическим же главой правительства и ближайшим помощником царя вновь стал Б. И. Морозов. Ставленники боярской оппозиции В. Б. Шереметев, М. П. Волынский и другие были смещены и отправлены в ссылку в дальние города.

Чтобы укрепить свое положение, правительство пошло навстречу требованиям дворянства и купечества. Земский Собор в Москве, закончившийся в январе 1649 г., принял новый свод законов, известный под названием Соборного Уложения царя Алексея Михайловича. Соборное Уложение сблизило поместье [условное владение] с вотчинами [полная-собственность], признав право передачи их по наследству. Дворянство добилось также ограничения церковного землевладения, а главное — окончательного юридического оформления крепостной зависимости крестьян. Розыск беглых крестьян стал бессрочным. Землевладельцы получили полную власть над жизнью и имуществом крестьянина. Уложение удовлетворило также, хотя и в значительно меньшей степени, ряд требований высших слоев посадского населения. Так, например, оно прикрепило к посадам «белые слободы», ранее принадлежавшие крупным светским и церковным феодалам. Наконец, Уложение было направлено на усиление централизации государства, укрепление самодержавной власти царя, равно как и всей феодально-крепостнической системы в целом.

Все это, естественно, вызывало недовольство старой, свергнутой боярской знати и ее сторонников. Не случайно Н. И. Романов и Я. К. Черкасский отказались подписаться под Соборным Уложением. Однако этим дело не ограничилось. Руководители боярской оппозиции не распрощались с мыслью вновь отстранить Б. И. Морозова и И. Д. Милославского от власти. С этой целью они стали подбивать московских стрельцов к выступлению против правительства. «Когда в январе Морозов вел [сопроводжал] великого князя на московскую иордань, — доносил Поммеренинг своему правительству, — то все стрельцы, как слышно, говорили, что они тогда хотели убить Морозова». «В эти дни, — продолжает он, — много народу подверглось жестоким пыткам», ибо правители хотели «расследовать, какая была причина смятения»<sup>1</sup>. В это же время (январь 1649 г.) и, вероятно, в этой же связи был арестован закладчик и доверенное лицо боярина Н. И. Романова Савинка Корепин. Под пытками последний показал, что слышал угрозы из уст Романова по адресу новых правителей. Романов говорил, что они лишь потому не рискуют теперь сослать его и князя Я. К. Черкасского, что ныне «мир весь качаетца», потому что «еще де у нас замятне быть

<sup>1</sup> К. И. Якубов, Россия и Швеция, стр. 439.

и кровопролитью великому», «ходить нам по колени в крови, а боярам де Б. И. Морозову да И. Д. Милославскому и друзьям их быть побитыми каменьем»<sup>1</sup>.

Сам Корепин, вероятно по наущению Романова, говорил публично «речи», которые тоже должны были компрометировать новых правителей и усилить недовольство в народе: «Государь де молодой, глуп, а глядит на все изо рта у бояр у Б. И. Морозова, да у И. Д. Милославского, они де всем владеют, и сам де он, государь, это видит, да молчит, чорт де у него ум отнял»<sup>2</sup>. 29 января Савинка Корепин был казнен, однако для руководителей оппозиции его признания остались без последствий. Правительство, видимо, избегало нового обострения отношений со старой знатью, которая, скрепя сердце, в конце концов тоже оказалась вынужденной примириться со своей судьбой.

Таково было, в общих чертах, внутреннее и международное положение России, когда в Москве получили вышеназванное письмо гетмана Б. Хмельницкого царю от 8 июня, а затем приехали гетманские посланцы патриарх Паисий и полковник С. Мужилковский. Несмотря, однако, на чрезвычайную сложность обстановки внутри страны, русское правительство не оставляло без внимания события на Украине. Совершенно очевидно, что при определении своего отношения к Украине и Польше оно не могло пренебрегать возможностью воздействия антифеодальной борьбы украинских народных масс на русское крестьянство и городское население. Это обстоятельство, кстати сказать, не ускользнуло от внимания современников. Французский офицер Пьер Шевалье, служивший в это время в Варшаве, писал об опасениях русского царя, «как бы восстание казаков и украинских крестьян не распространилось на его страну, где уже появились некоторые вспышки того пламени, которое охватило Польшу»<sup>3</sup>.

Кроме этого, были и другие причины, мешавшие русскому правительству решить немедленно и положительным образом вопрос о воссоединении Украины с Россией. Русское государство не было должным образом подготовлено к войне с Польшей. Оно еще не залечило полностью раны, нанесенные польско-шведской интервенцией начала XVII в. и Смоленской войной 1632—1634 гг., и, кроме того, испытывало довольно острые финансовые затруднения.

При решении вопроса о принятии Украины и, следовательно, о войне с Польшей русскому правительству необходимо было учитывать также всю сложность международной обстановки. Франция покровительствовала Польше. Войной между Россией и Польшей и ослаблением последней могла, наконец, воспользоваться Швеция — давний враг Польши и России. Действитель-

<sup>1</sup> С. В. Бахрушин, Московское восстание 1648 г., стр. 52.

<sup>2</sup> Там же, стр. 67 и 79—80.

<sup>3</sup> Б. Ф. Поршнев, К характеристике международных отношений, стр. 55.

но, шведское правительство с самого начала освободительной войны внимательнейшим образом следило за событиями в Польше и на Украине, а также за украинско-русскими переговорами. Оно требовало самой подробной и точной информации об этом от своего резидента в Москве Поммеренинга. Из донесений последнего оно узнало о целях украинских послов в Москве, добивавшихся воссоединения Украины с Россией. 15 июня 1649 г. Поммеренинг сообщил, что «Хмельницкий, как рассказывают достойные веры люди, через своего здешнего посланца [хочет отдать] его царскому величеству те города, которые он возьмет у поляков»<sup>1</sup>. 26 июля он доносил, что «русские подвозят Запорожским казакам провиант и прочее», а 2 сентября, что «люди его царского величества оказывали казакам содействие провиантом и военными припасами». 11 сентября, а затем 25 октября Поммеренинг сообщает своему правительству потрясающую весть: «передается за верное ... что его царское величество обещал, наконец, принять казаков под свою власть [unter sig], некоторые прибавляют даже всю Белую Русь», а боярин Г. Пушкин назначен царем «генерал-губернатором над Белою Россиею или казаками по их желанию»<sup>2</sup>.

Россия не могла, разумеется, безучастно относиться к просящим Швеции. Неудивительно поэтому, что уже в своей инструкции гонцу Гр. Кунакову, отправленному в декабре 1648 года в Варшаву, русское правительство предписывало выяснить отношения между Польшей и Швецией, а именно, просило ли польское правительство помощи у шведского против восставших украинских казаков «и поступку какую за то паны рада швейскому королю [сделать] хотели ль?»<sup>3</sup>. Неизвестным оставалось, наконец, какую позицию займут западноевропейские державы, а также Турция в случае немедленного принятия Украины и объявления войны Польше.

Вот почему, вероятно, русское правительство не сочло возможным согласиться на немедленное удовлетворение просьбы гетмана Б. Хмельницкого и его послов о воссоединении Украины с Россией, хотя оно само было объективно заинтересовано в этом. При сложившихся обстоятельствах решению этого важного вопроса должно было предшествовать возможно более тщательное изучение как внутреннего положения на Украине, характера и целей народно-освободительной войны, так и международной обстановки. А пока русское правительство решило ограничиваться оказанием помощи и поддержки Украине в ее борьбе с панской Польшей.

4 февраля патриарх Паисий и полковник Мужилковский были приняты царем. Прием происходил в нарочито торжественной

<sup>1</sup> Чтения в Имп. об-ве ист. и древн., кн. I, М., 1898, док. 29, стр. 450.

<sup>2</sup> Там же, док. 32, стр. 452, док. 34, стр. 454, док. 37, стр. 456, док. 38, стр. 457.

<sup>3</sup> Акты ЮЗР, т. III, дополнение 19, стр. 22.

обстановке. Паисий и Мужилковский ехали во дворец в саних, присланных за ними из царского дворца. Население Москвы радушно встречало посланцев украинского народа: «на площади было людно всяких чинов людей» — значит в официальном описании этого приема. По обеим сторонам дороги «о[т] благовещенские паперти и до кириловского подворья» были выстроены стрельцы трех приказов «в чистом платье без ружья». Тут же, от паперти и до дворцового крыльца, стояли «дворяне, и дети боярские, городовые и подьячие всех приказов в цветном платье». У парадной лестницы патриарха и Мужилковского встретил князь В. П. Черкасский и дьяк Мина Грязев. Царь ожидал их в Золотой палате, сидя на троне «в своем царском платье, в диадеме с скифетром и в царском венце». В тронном зале находились «бояре и окольниковые, и думные люди и дворяне большие... в золотном платье», а в проходной «дворяне ж и дьяки ис приказов и гости в золотном же платье»<sup>1</sup>.

При приближении Паисия царь встал и двинулся ему навстречу, отойдя «от [царского.— В. Г.] места с полсажени». Патриарх благословил царя и затем приложился к его руке, а последний «патриарха целовал в правое плечо». Затем думный дьяк М. Волошенинов представил царю С. Мужилковского и казаков, которые находились при нем. Царь «пожаловал их к руке» и осведомился о здоровье Б. Хмельницкого. Мужилковский ответил, что «милостию божиею царского величества здоровьем гетман Богдан Хмельницкий и все Войско Запорожское дал бог здоровы»<sup>2</sup>. По окончании приема Паисий и Мужилковский разъехались по отведенным им квартирам.

Во время пребывания патриарха Паисия и С. Мужилковского в Москве русское правительство отправило к Б. Хмельницкому в Переяслав своего гонца, подьячего Василия Михайлова. Появление Михайлова у гетмана Б. Хмельницкого в Переяславе получило широкий резонанс и послужило поводом к разного рода слухам о готовности России оказать помощь Украине в борьбе против Польши. Шляхтич Смяровский, секретарь польского посольства, направленного к Хмельницкому, записал в своем дневнике, что царь, как слышно, «готов послать ему [Хмельницкому] 40 000 войска, если он воюет за веру»<sup>3</sup>.

О характере поручений, полученных В. Михайловым при отъезде из Москвы на Украину, данных не сохранилось. Однако из ответа, посланного Б. Хмельницким царю через Михайлова, можно сделать вывод, что русское правительство хотело получить дополнительную информацию об отношениях между Украиной и Польшей. Учитывая опыт предшествовавших крестьянско-казацких восстаний на Украине, в Москве могли предположить, что казацкая старшина и украинская шляхта под

<sup>1</sup> Воссоединение Украины с Россией, т. II, док. 46, стр. 96—97.

<sup>2</sup> Там же, стр. 98.

<sup>3</sup> J. Michalowskiego Księga, док. 103, стр. 380.

влиянием разных факторов и на этот раз могут пойти на соглашение с Польшей. В. Михайлову поэтому поручалось поставить вопрос о возможности заключения мира между гетманом и польским панством и позондировать, существует ли реальная почва для этого.

Однако в своем письме царю от 8 февраля 1649 г., отправленном через Михайлова, Б. Хмельницкий дал совершенно ясно понять, что ни о каком мире с Польшей речь идти не может. «Ляхи те, хитрыя и несправедливыя в слове,— писал гетман,— до нас с миром пыне присылают<sup>1</sup>, а там войско собирают на нас, несколько городов христиан высекли... и розные муки, яко Ирод, взявши бога на помочь, имеем боронитися». Война с Польшей, давал понять Б. Хмельницкий, будет продолжаться даже в том случае, если царь не пошлет на помощь казакам войско: «а когда не будет милости твоего царского величества... нам выручки и помощи давать тогда мы... взявши бога на помочь, потуду с ними [поляками — В. Г.] станем биться, докуду нас станет». В заключение Б. Хмельницкий еще раз повторил свою просьбу о принятии Украины под власть России — «чтоб ваше царское величество был над нами государем и царем православным, а не иноверцы, яко самодержца»<sup>2</sup>.

Прибытие первого русского посольства в Переяслав имело огромное значение, так как, помимо всего прочего, оно знаменовало собой установление дипломатических отношений между русским правительством и руководителями освободительной войны украинского народа, официальное признание Россией Украины.

Таким образом, украинско-русские переговоры в начале 1649 г. имели гораздо большее значение, чем это обычно принято думать. Официальное признание Россией Украины и оказание ей разносторонней помощи способствовали выдающимся успехам освободительной борьбы украинского народа.

---

<sup>1</sup> Имеется в виду посольство А. Киселя, которое находилось в это время в Переяславе.

<sup>2</sup> Воссоединение Украины с Россией, т. II, док 52, стр. 132—133. Эта просьба встречается в этом же письме еще в такой формулировке: «А мы как первые також де и ныне желаем того, чтоб ваше царское величество нам, нижайшим слугам и подданным своим, государем и царем, яко православное светило и самодержцею... учинился».



# Глава V



ДИПЛОМАТИЧЕСКИЕ ОТНОШЕНИЯ  
С ДРУГИМИ ГОСУДАРСТВАМИ.  
ДАЛЬНЕЙШЕЕ УКРЕПЛЕНИЕ  
УКРАИНСКО-РУССКИХ СВЯЗЕЙ.







Как и следовало ожидать, переговоры, начавшиеся в это время в Переяславе между гетманом Б. Хмельницким и польскими комиссарами во главе с А. Киселем, зашли в тупик. Было совершенно очевидно, что восточноукраинские магнаты и не думают отказываться от своих владений на Украине и придерживаться условий заключенного под Замостьем перемирия. Они, как это видно из письма Б. Хмельницкого царю, жестоко правились с мирным населением, живущим вблизи пограничной черты, и собирали силы для подавления освободительного движения украинского народа.

Направляя комиссаров в Переяслав, король и его канцлер надеялись, что известными уступками Б. Хмельницкому, старшине и вообще реестровому казачеству им легко удастся отколоть их от народа — крестьянства и мещанства — и затем использовать в своих целях — для восстановления «спокойствия» на Украине и ослабления магнатов. Ликвидацию могущества восточноукраинских магнатов предполагалось осуществить путем раздачи их владений малоземельной великопольской шляхте. Это позволило бы значительно укрепить королевскую власть в Польше и позиции последней на Украине. Гр. Кунаков, находившийся в феврале 1648 г. в Варшаве, сообщая о планах короля использовать реестровых казаков против восточноукраинских магнатов, писал: «сказывали в разговорах многие люди, что Казимера де короля хотение есть и того желает, чтоб Богдан Хмельницкий панов-рад [магнатов.— В. Г.] сломил и ему послушных учинил»<sup>1</sup>.

Б. Хмельницкий великолепно понимал существо польских предложений, которые имели целью отколоть ничтожными уступками старшину и реестровых казаков от крестьян, посеять рознь между ними и тем самым подорвать изнутри освободительное движение украинского народа. На это было рассчитано и предложение об отправке казацкого войска против Крымского

<sup>1</sup> Акты ЮЗР; т. III, стр. 394.

ханства. Осуществить эти требования — отречься от крестьянства — главной движущей силы освободительной войны — означало нанести ей непоправимый удар. Опираясь на готовность народных масс продолжать борьбу до полного освобождения от польско-шляхетского гнета, Хмельницкий решительно отверг домогательства панов-комиссаров. Он открыто заявил: «... Виб'ю з лядської неволі народ весь руський [украинский]... Да поможет ме [ні] то чернь всяя по Люблин і Краков, котрой я не одступлюся, бо то права рука наша, чтобы вы, уничтожив хлопков, не ударили затем на казаков». «За границу — продолжал гетман, — на війну не пійду, шаблі на турків і татар не поднесу. Досить нам [діл] на Україні, Поділлі і Волині... по Львів, Холм і Галич. А ставши на Віслі, скажу... сидіть, мовчіть, ляхи... а коли будут і за Віслою брикати, знайду я їх [і] там певне!». Старшины поддержали гетмана: «Прошли те времена, — говорили они, — когда поляки седлали нас своими же христианами [т. е. реестровцами] и пугали драгунами. Теперь мы их не боимся, ибо узнали их под Пилявцами... как только увидели нас, умерли со страха и разбежались, хотя татар в среду не было более трех тысяч, а если б подождали до пятницы, то ни один бы не ушел живым во Львов!»<sup>1</sup>. По поводу числа реестровых казаков, предложенного королем и комиссарами, гетман насмешливо ответил: «На что писать столько и столько? Если потребуется, будет и 100 000. Будет столько, сколько пожелаю!»<sup>2</sup> Комиссары были серьезно встревожены неуступчивостью Б. Хмельницкого, его решительным тоном. Они апеллировали к авторитету короля, к благоразумию, но ничто не помогло. «Все наши просьбы, моления и убеждения, — писал Мясковский, — чтоб он [гетман], ради бога, ради короля, опомнился в том, что делает и уступил здравому рассудку, не имели никакого успеха»<sup>3</sup>.

Потерпев неудачу в переговорах, комиссары стали добиваться от гетмана выдачи нескольких сот пленных поляков, главным образом шляхтичей, среди которых был и брат Н. Потоцкого, но опять-таки безрезультатно. В качестве неперемennого условия Хмельницкий ставил возвращение Бара, недавно вероломно захваченного панамі. Тогда комиссары попытались добиться освобождения пленных через обозного Чарноту. Они просили его ходатайствовать о пленных перед Хмельницким, обещая ему за это золото и драгоценности. Однако Чарнота, который был болен и лежал у себя дома, решительно отказал панам: «я не советовал и не посоветую ему [гетману], — сказал он, — выпускать этих птиц из клетки; и если б я был здоров, то не знаю, каким образом и вы сами вышли б отсюда!»<sup>4</sup>.

<sup>1</sup> Воссоединение Украины с Россией, т. II., док. 47, стр. 108—109.

<sup>2</sup> Там же, стр. 111.

<sup>3</sup> Там же, стр. 109.

<sup>4</sup> Там же, стр. 112.

Перед своим отъездом А. Кисель предпринял попытку связаться с русским посланцем В. Михайловым, «человеком весьма кротким и вежливым», как его характеризует Мясковский. Но и здесь его постигла неудача. Казаки не допустили комиссаров к Михайлову. После отъезда последнего до польских посланцев дошел слух («из народа»), будто русский царь собирается послать Хмельницкому на помощь сорокатысячное войско, если он действительно воюет против поляков «за веру»<sup>1</sup>. За день до своего отъезда комиссары стали просить Б. Хмельницкого разрешить польскому войску, в целях обеспечения безопасности и владельческих прав панов<sup>2</sup>, продвинуться хотя бы до Бара, Винницы, Брацлава, Каменца. Но гетман, разумеется, не желал и слушать об этом. «Мы выдвигали разные мотивы, — пишет Мясковский, — убеждали гетмана при посредстве... пана Смяровского, но не могли сдвинуть эту твердую скалу... Он перечеркнул наши предложения и велел готовиться к отъезду с одним только письмом его в виде ответа королю и объявлением о возобновлении войны»<sup>3</sup>.

Комиссарам пришлось смириться с этим, «лишь бы, — как объясняет Мясковский, — самим вырваться из бесчеловечных рук и предостеречь его милость короля и Речь Посполитую». В довершение всего накануне отъезда А. Киселя его покинул личный писарь — Соболь, «человек немолодой, знающий дела и состояние Речи Посполитой», который, следуя примеру других лиц, сопровождавших комиссаров, перешел на сторону казаков. У Киселя зародилось подозрение, что Соболь уже раньше поддерживал тайные связи с Хмельницким, и это было тем более опасно, что он всегда присутствовал на совещаниях комиссаров<sup>4</sup>.

26 февраля, не добившись никакого результата, комиссары уехали из Переяслава в Варшаву. Глава же комиссии, воевода А. Кисель, поехал в свое имение под Киевом, в Гощу. «И Адам Кисель, — сообщал русскому правительству Гр. Унковский, — с тем в Польшу не пошел, а живет в своей маятности в городе в Гоще... а в Польшу ехать не смеет для того, что он ис Польши в посольство... похвалясь, поехал, а хотел гетмана и Войско Запороское на мир привести»<sup>5</sup>.

20 марта 1649 г. польское правительство получило реляцию А. Киселя, отправленную им из Гощи, о неудаче переговоров. Реляцию эту встретили в польских правящих кругах по-разному.

<sup>1</sup> Воссоединение Украины с Россией, т. II, док. 47, стр. 111.

<sup>2</sup> Ибо, отмечает Мясковский, «никто — ни пан, ни шляхтичи не получили обратно свои имения на Украине, на Подолии, на Волыни же очень немногие» (Воссоединение Украины с Россией, т. II, док. 47, стр. 112).

<sup>3</sup> Там же.

<sup>4</sup> «По пути, — пишет Мясковский, — прислуга наша обоего пола перешла к казакам» (там же, стр. 113).

<sup>5</sup> Воссоединение Украины с Россией, т. II, док. 60, стр. 158.

Магнатская группировка, имевшая своего представителя в правительстве в лице подканцлера, бискупа А. Лещинского, хотела воспользоваться срывом переговоров как поводом для немедленного возобновления военных действий.

Король, канцлер Ю. Оссолинский и их приверженцы, наоборот, считали, что разрывать перемирие преждевременно и поэтому неодобрительно смотрели на провокации магнатов на пограничной территории. «А шляхта и многие мещане,— доносил русский гонец Гр. Кунаков,— говорят сетуя, что паны-рада в своем нелюбье Речь Посполитую губят и такую великую черкасскую войну... ставят ни во што», а князь Еремей Вишневецкий... из Замостья над козаками, где объявляются немногие, промышлял»<sup>1</sup>. Сторонники короля предлагали попытаться еще раз достигнуть соглашения с Б. Хмельницким и казацкой старшиной. Опираясь на сообщение Киселя, который писал, что гетман даже при желании не мог бы заключить мир, так как народ решительно противится этому, они предложили следующее: согласиться для вида со всеми требованиями, выдвинутыми старшиной<sup>2</sup>, и отправить для новых переговоров к Б. Хмельницкому шляхтича Смяровского. Последний должен был уговорить старшину распустить повстанческое войско под тем предлогом, что Польша, будто бы тоже ликвидировала свое. Если же чернь будет сопротивляться, король двинет на помощь старшине свое войско под Паволочь [местечко в Киевском воеводстве] или в другое место, где это будет признано удобнее сделать<sup>3</sup>.

27 марта с соответствующим письмом Смяровский выехал из Варшавы на Украину. В том случае, если Б. Хмельницкий и на сей раз отклонил бы предложение короля, Смяровскому поручалось организовать на месте заговор против гетмана и убить его. На место Хмельницкого следовало выдвинуть кандидатуру, которая обеспечивала бы защиту интересов панской Польши на Украине. Смяровского перед отъездом снабдили несколькими десятками королевских универсалов на имяния [с свободными местом для вписывания фамилий владельцев] для раздачи их тем казацким старшинам из окружения Хмельницкого, которые согласятся принять участие в заговоре против него. Наблюдение за действиями Смяровского и оказание ему

<sup>1</sup> Акты ЮЗР, т. III, стр. 392.

<sup>2</sup> Перед отъездом А. Киселя из Переяслава Б. Хмельницкий вручил ему свои условия перемирия, состоявшие из 11 пунктов. Важнейшие из них следующие: ликвидация унии в Киевском воеводстве и предоставление православному митрополиту места в сенате, изгнание иезуитов с Украины, определение границ казацкой территории на северо-западе р. Припятью, на западе — Горынью и на юго-западе — г. Каменцем-Подольским; князь Вишневецкий ни при каких обстоятельствах не должен быть избран коронным гетманом и не имеет права появляться на Украине и т. д. (J. Michalowskiго Księga, док. 103, стр. 366, 380—381).

<sup>3</sup> L. Kubala, J. Ossoliński, стр. 346—347.

в случае необходимости помощи было возложено на А. Киселя<sup>1</sup>. Смяровский прибыл в Чигирин 15 апреля, но вскоре был уличен в своих коварных замыслах и казнен. Таким образом, и эта попытка польских панов добиться мира на выгодных им условиях и полностью восстановить свою власть на Украине не удалась.

\* \* \*

Перемирие под Замостьем, как в свое время Белоцерковское, было использовано руководством освободительной войны также для проведения ряда внутренних, административно-политических мероприятий. Восточная Украина была разделена на 16 полков, разных как по числу жителей, так и по величине территории. Самовидец, например, пишет, что «инший полк [в данном случае как военная единица.— В. Г.] мел козацтва тысяч больше двадцати, бо що село, то сотник, а иншая сотня мела люду тысячу»<sup>2</sup>. Во главе каждого полка стоял формально выбранный, в действительности же назначенный гетманом или гетманской канцелярией полковник. Помощниками последнего и членами полковой канцелярии были полковой судья, обозный, писарь, есаулы. Каждый полк в свою очередь делился на несколько сотен, возглавляемых сотниками и соответствующей сотенной администрацией<sup>3</sup>. Таким образом, полки и сотни представляли собой одновременно как административно-территориальную, так и военную единицу. В городах и местечках продолжали часто действовать старые органы управления — магистраты и т. д., но фактически они тоже подчинялись казацкой администрации.

Так, в ходе освободительной войны против панской Польши начался процесс складывания украинской государственности. Военно-административный аппарат, созданный на Украине во время войны, являлся орудием классового господства казацкой старшины и украинского шляхетства, захвативших руководство освободительным движением. Он был призван обеспечить их классовые и сословные интересы, подавлять сопротивление трудящихся масс. Казацкая старшина и украинская шляхта стремились использовать власть для того, чтобы восстановить и расширить свои феодальные привилегии, увеличить свои земельные владения, превратить крестьян и казаков в своих подданных

<sup>1</sup> Архив ЮЗР, т. III, ч. IV, стр. 76—77.

<sup>2</sup> Полки носили следующие названия: Киевский (с центром в Киеве), Черниговский, Нежинский, Прилуцкий, Миргородский, Полтавский, Переяславский, Кропивнянский, Каневский, Черкасский, Чигиринский, Корсунский, Уманский, Белоцерковский, Кальницкий и Брацлавский (Летопись Самовидца, стр. 19—20).

<sup>3</sup> Уже в июне 1648 г., например, русские пограничные воеводы сообщали, что на Левобережной Украине не осталось уже польских властей, а городами тут «владеют сотники Запорожские и казаки» (Акты ЮЗР, т. III, док. 200, стр. 211).

и пользоваться их даровым трудом, распространить и укрепить крепостнические отношения на Украине.

Однако, при всем этом, новый аппарат власти, пришедший на смену польско-шляхетскому, имел определенные отличия от последнего и сыграл немаловажную роль в ходе освободительной войны украинского народа против панской Польши. Уже в 1648 г., благодаря самоотверженной борьбе народных масс, прежде всего крестьянства, феодально-крепостнический строй на Украине был значительно ослаблен. Часть магнатов потеряла свои владения, сотни и тысячи шляхтичей были изгнаны или же истреблены своими крестьянами. Гнев народных масс, которые стремились к полному уничтожению крепостнических порядков, был направлен и против украинских феодалов. Крестьянство Украины в значительной своей части показало, т. е. объявило себя свободным.

Руководство освободительной войной не могло не считаться с этим обстоятельством, с переменами в положении крестьянства, которое, как говорил С. Мужилковский в Москве в феврале 1649 г., почти все «в козацтво... обернулося»<sup>1</sup>. Попытаться немедленно вернуть восставших крестьян в крепостническое ярмо или заставить их отбывать повинности в прежнем объеме означало разрушить установившийся союз крестьянства и казачества и тем самым заведомо обречь на неудачу начатое великое дело — освобождение Украины из-под власти Польши и воссоединение ее с Россией. Только при учете этого важного обстоятельства и можно объяснить социальную политику гетмана Б. Хмельницкого по отношению к крестьянству во время войны. Сообразуясь с антифеодальными настроениями крестьянства и сословными интересами старшины, Б. Хмельницкий делал все для того, чтобы не допустить возвращения польской шляхты в имения и затруднить осуществление её владельческих прав, несмотря на все настояния польских властей. Выше мы уже привели слова В. Мясковского о том, что польские паны не получили обратно своих имений на Украине, а кто из них и решался вернуться, делал это на свой собственный страх и риск. Не имели места в этот период, за некоторыми исключениями, и пожалования земель и крестьян казацкой старшине или православной церкви. Зато известны случаи подтверждения гетманской администрацией прав крестьян и казаков на отнятые ими у панов земли. Гр. Кунакову, например, во время его пребывания на Украине весной 1649 г. сообщали, что здесь «бедным людям... и наделок давали».

Такая политика Б. Хмельницкого по отношению к крестьянству станет еще более ясной, если учесть, что крестьяне всегда первыми откликались на призывы о вступлении в казацкое войско и что именно они составляли основную часть этого

<sup>1</sup> Воссоединение Украины с Россией, т. II, док. 50, стр. 129.

войска. Между тем увеличение и укрепление армии являлось залогом успеха в борьбе против панской Польши. Не случайно поэтому руководители освободительной войны уделяли большое внимание организации и снабжению армии. На Украине было налажено производство пушек, огнестрельного и холодного оружия, селитры и пороха. С Украины был запрещен вывоз за границу меди, олова, пороха, селитры и др. военных материалов.

Было создано войсковое казначейство, или скарб, установлены прямые и косвенные налоги. Поступление доходов в казну обеспечивалось также путем сдачи в аренду земель бывших магнатских и королевских имений, мельниц, корчем, разных промыслов и посредством налогового обложения иностранных товаров. Важное значение наряду с другими финансовыми мероприятиями имела чеканка собственной украинской монеты, для чего в Чигирине был создан специальный монетный двор. Гр. Кунаков весной 1649 г. сообщил русскому правительству: «А в Чигирине де учинил Богдан Хмельницкой мызну и деньги делают; а на тех новых деньгах на одной стороне меч, а на другой стороне его, Богданово, имя»<sup>1</sup>.

Немало было сделано и в отношении организации разведки, значение которой особенно возрастает во время войны. Выше мы уже говорили о разоблачении польского агента Смяровского, готовившего заговор против Б. Хмельницкого. В своей реляции из Гощи от 23 мая 1649 г. А. Кисель со слов Смяровского сообщал, что благодаря тайной информации Хмельницкий «постоянно получает сведения и знает все, что делается в Польше»<sup>2</sup>. Известно, что разведчики М. Кривоноса, среди которых были и женщины, еще в 1648 г. доходили до Кракова. В 1651 г. польские власти арестовали в Варшаве трех казаков-разведчиков, двое из которых были запорожцами. Старший из них выдавал себя за католического священника. Они, говорит М. Голинский, с самого начала войны «давали знать Хмельницкому о намерениях Речи Посполитой»<sup>3</sup>.

Одному из украинских разведчиков, Василию Верещаге, ранее служившему у А. Киселя, удалось даже стать покоевым (камергером) Яна Казимира. Пользуясь неограниченным доверием короля, этот искусный разведчик присутствовал на тайных советах у Яна Казимира, и сенаторы-магнаты, несмотря на свое явное недовольство этим, Верещагу, как говорит В. Старого, «по королевской ласке из думы выслать не могли». Подозревая в нем сторонника Хмельницкого, магнаты приказали однажды произвести обыск на квартире у Верещаги. Во время обыска были обнаружены «грамоты от Хмельницкого о всякой ведомости... и ево, Верещагина к Хмельницкому посыльные черные

<sup>1</sup> Воссоединение Украины с Россней, т. II, док. 13, стр. 316.

<sup>2</sup> Там же, док. 85, стр. 203.

<sup>3</sup> М. Golinski, Zapiski, стр. 398.



грамотки [черновики. — В. Г.]. Когда Верещагу арестовали, он заявил, что найденные бумаги принадлежат не ему, а киевским монахам, которые во время приездов в Варшаву останавливались у него. Король распорядился освободить Верещагу. Чтобы полностью восстановить доверие к себе Яна Казимира, Верещага незадолго до событий под Берестечком представил ему грамоту, посланную якобы Хмельницким к семиградскому князю Ракоцию и будто бы перехваченную им. Однако магнатам, подкупившим слугу Верещаги, удалось узнать, что грамота эта написана самим Верещагой, что он действительно поддерживает связь с Хмельницким и хранит тайную переписку с ним в своей постели. После нового обыска Верещага был схвачен и казнен<sup>1</sup>.

Взятый в плен в 1651 г. под Берестечком татарский мурза, приближенный хана, на вопрос, не знает ли он, кто доставляет последнему, а также Хмельницкому тайные сведения о поляках, ответил, что слышал «об одном высокопоставленном лице, имя которого никогда не называют и который находится при короле и [коронных] гетманах; советами этого лица Хмельницкий руководствуется во всем, без них он ничего не начинает... полученные от этого человека сведения и письма он иногда посылает в Крым»<sup>2</sup>. На основе донесений лазутчиков (разведчиков) в генеральной гетманской канцелярии составлялись подробные отчеты заседаний не только сейма, но даже тайного королевского совета.

Украина, занявшая видное место в международной жизни, нуждалась также в создании своего дипломатического аппарата. Главная резиденция гетмана Б. Хмельницкого приобрела теперь большое значение. Она стала пунктом, в котором скрещивались политические интересы разных держав Запада и Востока, где встречались посланцы многих европейских и азиатских стран. Этот возросший международный авторитет Украины вынуждены были признать даже польские правители. В апреле 1651 г. во время переговоров в Посольском приказе в Москве послы польского короля С. Витовский и К. Обухович прямо заявили, что «гетман Богдан Хмельницкий счастье ныне одержал великое и ославился во всех окрестных государствах»<sup>3</sup>.

С далеких Британских островов с приветственным посланием к гетману Б. Хмельницкому обратился в 1649 г. вождь английской буржуазной революции Оливер Кромвель, который прекрасно понимал, каким чувствительным ударом является для всей Габсбургской коалиции освободительная война украинского народа. Кромвель величал Хмельницкого «императором всех казаков Запорожских», «грозою и истребителем аристо-

<sup>1</sup> ЦГАДА СССР, ф. Сношения России с Польшей, 1651, д. 7, л. 145.

<sup>2</sup> Библиотека им. Оссолинских, шифр 5656/11, рулон 2, л. 153.

<sup>3</sup> Воссоединение Украины с Россией, т. III, док. 16, стр. 45.

кратии Польши», «завоевателем крепостей», «истребителем католицизма» и т. д.

Большой интерес к Украине, к установлению союза с ней против Польши и Габсбургов, проявляло Семиградское княжество. Еще осенью 1648 г. под Замостье к Хмельницкому прибыли семиградские послы Моша и Рац. В связи со смертью Владислава IV семиградский князь Юрий I Ракочи искал У украинского гетмана поддержки для своего младшего сына — Сигизмунда, претендента на польский трон. Хмельницкий не отказался содействовать этому, но со своей стороны потребовал от Ракочи двинуть семиградское войско против Польши. 17 ноября 1648 г. с этим ответом Мош и Рац, сопровождаемые Иваном Выговским, отправились обратно в Семиградье<sup>1</sup>.

Между тем политическая обстановка там успела измениться. Юрий I Ракочи умер. Ему наследовал старший сын Юрий II. В Польше в это время престол уже занял Ян Казимир. Тем не менее Юрий II не отказался от планов относительно польского трона. Отправляя назад Выговского, он послал к Б. Хмельницкому своих представителей. Последние прибыли в Переяслав в конце января 1649 г.<sup>2</sup> Семиградский князь просил Хмельницкого идти с войсками на Краков, где должна была происходить коронация Яна Казимира, окружить его и посадить на престол его брата — Сигизмунда Ракочи. Однако о своей роли при осуществлении этого проекта Юрий II говорил очень туманно. Получалось, что всю тяжесть задуманного предприятия он думал возложить на казаков<sup>3</sup>. Поэтому переговоры, которые велись в Переяславе с семиградскими послами в феврале 1649 г., не дали никаких результатов.

Несмотря, однако, на неудачу, сношения Ракочи с Б. Хмельницким имели для Украины и некоторое положительное значение. Они способствовали обострению отношений между Семиградьем, претензии которого на польский трон могли быть поддержаны Хмельницким, и Польшей. Отсутствие семиградских представителей на коронации Яна Казимира весной 1649 г. было расценено в польской столице как недружелюбный акт со стороны Семиградья, как отказ признать нового короля. Сношения Хмельницкого с Юрием II Ракочи породили в польских правящих кругах слухи о заключении военного союза между Семиградьем и Украиной и мысль, что, в случае новой войны с Украиной, придется бороться и с Семиградьем.

Следует остановиться вкратце и на украинско-турецких отношениях в этот период. Положение Оттоманской Порты, переживавшей в середине XVII в. глубокий внутренний упадок, осложнилось многолетней, к тому же неудачной, войной с Венецией и непрекращаю-

<sup>1</sup> М. Кордуба, Між Замостям та Зборовом, Записки наукового товариства ім. Шевченка, т. СХХХІІІ, Львів, стр. 39.

<sup>2</sup> J. Michałowskiego Księga, док. 100, стр. 365.

<sup>3</sup> Monumenta Hungarica Historiae Diplomata, т. ХХІІІ, № 1.

щимися дворцовыми интригами. В июле 1648 г. в результате дворцового переворота, в котором принимала участие султанская гвардия — янычары, султан Ибрагим был свергнут, а затем убит. На престол был посажен его 7-летний сын Мухаммед IV. Монах Афонского Иверского монастыря Корнилий рассказал 12 октября 1648 г. в Москве, что один из турецких пашей, «сговорясь с янычаны, во Царе-городе убили везира, да духовного чину Муфтия, да приказного человека, который дань собирал, и дворы их пограбили... А на его де Ибрагимово место посадили сына его Агмета султана 7 лет в июле месяце, а отца его... на десятой день отравили за то, что де он со окрестными государствам в войну всчал». Переворот сопровождался восстанием в Константинополе, во время которого был разграблен султанский дворец. «А в полате де его [Ибрагима], — продолжал Корнилий, — в которой были стены и подволока и пол обиты соболями и те де соболи яныченя ободрали и цариц его ограбили, а говорили: нам де нет на жалованье казны, а тут де многая казна потеряна на соболях»<sup>1</sup>. События в столице нашли отклик и в других городах, где также вспыхнули восстания. Константинопольский грек Иван Петров рассказал (27 мая 1649 г.) в Посольском приказе в Москве, что «во Царегороде была ссора у детей боярских с янычаны за то, что те янычаны з ближними людьми погубили солтана и за то были у них бой и янычане де побили детей боярских 500 человек, да и в Селуни де и в Богдате и в Халепе была такая же ссора». Только с большим трудом удалось новому правительству подавить восстание: «которые де дети боярские во Царьгороде ссору учинили, и тех... всех казнили»<sup>2</sup>.

Руководители освободительной войны украинского народа, несомненно, имели вполне правильное представление о затруднительном внутреннем и внешнем положении Турции, о ее неудачах в войне с Венецией. В беседе с русским гонцом Г. Унковским, в апреле 1649 г., Б. Хмельницкий, например, заметил, что «ныне у турского царя от немец [т. е. венецианцев, — В. Г.] большие упадки, много у него людей немцы побили и на Белом море путь к Египту отнели»<sup>3</sup>. Напряженными продолжали оставаться и отношения между Турцией и Польшей. Турецкое правительство знало о планах Владислава IV использовать украинских казаков против Турции в виде помощи Венеции. Отложенные на время, теперь, вслед за заключением перемирия под Замостьем, эти планы вновь были возрождены польскими правящими кругами. Яну Казимиру казалось, что после заключения мира с Б. Хмельницким ему удастся бросить казацкое войско на Крым и другие турецкие владения. Уже 17 декабря 1648 г. «Gazette de France» оповестила мир о том, что «король

<sup>1</sup> ЦГАДА СССР, ф. Греческие дела, 1649, д. 2, л. 7.

<sup>2</sup> Там же, д. 24, л. 7.

<sup>3</sup> Воссоединение Украины с Россией, т. II, док. 60, стр. 155.

[польский], успокоив казаков, намеревается начать войну с татарами и турками»<sup>1</sup>.

Как повод для войны польское правительство собиралось использовать союз крымского хана с казаками. Гр. Кунаков в начале 1649 г. доставил в Москву копию письма канцлера Оссолинского турецкому правительству и силистрийскому паше Махмету [письмо датировано концом 1648 г.]<sup>2</sup>. В этом письме канцлер в категорической форме требовал от Порты возмещения убытков, причиненных Польше во время событий 1648 г. на Украине крымским ханом — вассалом Турции, «или, выражаясь словами Кунакова, «чтоб в той великой обиде Речи Посполитой управа учинена была»<sup>3</sup>. В случае отказа удовлетворить это требование, мирное соглашение между Польшей и Турцией считалось бы расторгнутым — «не имело бы некоторого почтения». Такой прием польской дипломатии не мог быть интерпретирован в Константинополе иначе, как попытка спровоцировать войну.

Турция, разумеется, никак не могла стремиться при описанных выше обстоятельствах к ухудшению отношений с украинскими казаками. Дипломатические сношения между Турцией и Украиной начались осенью 1648 г. Еще в сентябре 1648 г. из-под Пилявец Б. Хмельницкий отправил в Стамбул полковника Филона Джалалея. Правительство недавно севшего на трон Мухаммеда IV, занятое внутренними неурядицами и войной с Венецией, долго не отвечало гетману и не отпускало его посла. Однако в начале 1649 г. оно было выведено из такого инертного состояния угрожающей позицией Польши и поспешило определить свое отношение к Украине. Сразу после возвращения Б. Хмельницкого в Переяслав, в феврале 1649 г., сюда прибыл турецкий посланник Осман-ага. Последнему было поручено объявить о готовности турецкого правительства оказать помощь казакам. Порта, по словам посла, уже приказала крымскому хану и силистрийскому паше придти со своими войсками на помощь гетману Б. Хмельницкому.

В результате переговоров с Осман-агой было достигнуто выгодное для Украины соглашение. Турция обязывалась предоставить украинским купцам право свободного плавания по Черному морю и в Архипелаге, а также право беспопышлинной торговли в турецких владениях на протяжении ста лет. Резидент гетмана, местопребыванием которого назначался Константинополь, должен был быть принят с почетом<sup>4</sup>. Гетман, со своей

<sup>1</sup> L. Kubala, J. Ossoliński, стр. 339.

<sup>2</sup> Акты ЮЗР, т. III, стр. 245.

<sup>3</sup> Там же.

<sup>4</sup> Собрание госуд. грамот. и договоров, т. III, стр. 44. По свидетельству польского историка И. Чарновского, этот договор включал также следующие условия: султан не может использовать казацких галер для собственных целей, имущество умерших в Турции казаков должно возвращаться их род-

стороны, обязывался лишь препятствовать донским и запорожским казакам совершать нападения на турецкие владения. Уступчивость Турции и ее готовность заключить такое соглашение объясняется, конечно, желанием не осложнять отношения с Украиной и удержать ее от союза с антитурецкой коалицией. Достигнутое соглашение обеспечивало Украине важные коммерческие выгоды и одновременно ставило ее в такое положение, при котором она могла использовать свои сношения с Турцией для воздействия на Польшу, с одной стороны, и Крымское ханство, с другой<sup>1</sup>.

Но особой интенсивностью отличались в 1649 г. сношения Украины с Россией. К этому времени положение внутри Русского государства стало более устойчивым, хотя до полной нормализации было еще далеко. Вскоре после возвращения В. Михайлова в Москву русское правительство отправило на Украину нового гонца — Гр. Унковского. Гонец должен был вручить Б. Хмельницкому царскую грамоту, которая поощряла стремление Украины войти в состав Русского государства. Однако своего согласия на воссоединение Украины правительство не давало и на сей раз, так как не считало себя готовым справиться с теми последствиями, которые могли возникнуть в результате этого. Тем не менее в Москве тщательно искали путей, посредством которых можно было бы решить вопрос о воссоединении Украины без осложнений. Одним из таких путей, казалось, могло быть избрание русского царя на польский трон. Гр. Унковскому поручалось заявить Б. Хмельницкому, что русское правительство не может начать войну против Польши: «его царскому величеству ратных людей под Смоленск за вечным докончаньем [Поляновским миром] послать не доведетца». Одновременно Унковскому следовало выяснить, избран ли уже кто на польский престол, а в том случае, если бы трон продолжал оставаться вакантным, добиваться содействия гетмана в деле избрания царя королем. Пусть бы Хмельницкий со старшиной «послали от себя к панам раде... послов нарочно... чтоб они, паны рада, царского величества милости поискали, обрали себе государем на Коруну Польскую и Великое княжество Литовское... и тем межусобную войну и кровь уняли»<sup>2</sup>.

---

стенникам. Обе стороны могут выкупать невольников и т. д. (*J. Czarnowski, Historia*, т. 1, стр. 249—250).

<sup>1</sup> Показательны в этом отношении слухи, имевшие хождение на Украине, и, возможно, в Польше и порожденные сношениями гетмана с Турцией. 13 июля 1649 г. хотмыжский воевода со слов сына боярского Ив. Скурихина, вернувшегося из Украины, сообщал в Москву: «А царь де турской дал гетману на помощь людей с огненным боем сорок тысяч да пять пушек, да... присылал... посланника своего... а будет де гетману понадобится еще... и он де турский царь... хотел ему еще дать силы на ляхов, а прислать хотел Кантемира со многими людьми» (ЦГАДА СССР, ф. Малороссийский приказ, стлб. 5/5816, л. 133).

<sup>2</sup> Воссоединение Украины с Россией, т. II, док. 58, стр. 139.

Посланцы гетмана должны были заявить в Варшаве, что это вообще, «дело и не новое, — и наперед сего бывало ж, что паны рада присылавали к предкам великого государя, царю... Ивану Васильевичу [Грозному.— В. Г.]... после Жигимонта Августа короля, что [б] он... пожаловал дал им на Коруну Польскую государем сына своего... Федора Ивановича». С этой своей просьбой паны рада, стремившиеся сломить могущество магнатов, обратились вновь к царю Федору Ивановичу, когда «в Польше обраны были сперва Гендрик королевич Французской, а после Стефан король... чтобы те оба великие государства [Россия и Польша.— В. Г.] были под одним великим государем и стояли на всякого недруга за один»<sup>1</sup>.

Конечно, русское правительство едва ли могло серьезно рассчитывать на возможность осуществления этого своего плана, ибо с тех пор [со второй пол. XVI в.] внутреннее и международное положение Польши существенно изменилось. В стране резко усилилась католическая реакция и влияние магнатов. Тем не менее оно, видимо, считало не излишним попытаться позондировать почву в этом направлении.

Гр. Унковскому, как видно из наказа, данного ему Посольским приказом, следовало, даже в том случае, если король уже избран, объявить гетману Б. Хмельницкому, что царь может согласиться на принятие Украины только при условии, что она сама добьется отделения от Польши: «будет у него, гетмана, и у всего Войска Запорожского с поляки договор учинитца на том, чтоб Войску Запорожскому быти в подданстве за... его царским величеством без нарушенья вечного докончанья, и великий государь... гетмана, и все Войско Запорожское пожалует, под свою... руку принять велит»<sup>2</sup>. Мысль о возможности признания Польшей права Украины на отделение поддерживалась, вероятно, в Москве тем соображением, что Польша находилась «в больших упадках» от восставших украинских казаков<sup>3</sup> и не могла рассчитывать на легкую победу над ними.

Наказ, полученный Гр. Унковским в Посольском приказе, представляет большой интерес еще и в другом отношении, а именно: показывает, насколько интересовались в Москве перспективами освободительной войны на Украине. Посланцу предписывалось самым детальным образом изучить украинско-польские отношения, не жалея «соболиной казны», разузнать, чем закончились переговоры с А. Киселем в Переяславе— [«Кисель с товарищы к гетману... о чем приходили, и на которой мере о миру хотели договор учинить, и с чем они отпущены»], не присылали ли новых послов из Варшавы [«И после того от короля... послы к гетману прихаживали ль... и о чем

<sup>1</sup> Воссоединение Украины с Россией, т. II, док. 58, стр. 140—141.

<sup>2</sup> Там же, стр. 139—140.

<sup>3</sup> Там же.

приходили и с чем отправлены»], каковы настроения в польских правящих кругах «и нет ли ныне меж их о том королевском обирание какие ссоры и розни», располагает ли Польша войсками и заручилась ли она помощью за границей против казаков, а если да, то где находятся в настоящее время ее войска [«есть ли ныне у поляков в собранье люди... и в которых местах стоят, и кто им помогает. И есть ли у них на посилок ис которых государств»], не нарушают ли поляки перемирия и не нападают ли на украинских жителей [«нет ли черкасом от поляков... каково истесненья»], наконец, где находятся ныне виднейшие магнаты, какова судьба Н. Потоцкого и М. Калиновского, отданных хану, каковы дальнейшие перспективы украинско-польских отношений: «чайт ли у черкас с поляки вперед ссылки о миру, и на чом у них мир будет» и т. д.<sup>1</sup>

Кроме этого, на Украине Унковскому следовало разузнать вообще «про взякие тамошние вести, которые в... наказе и не написаны, а Московскому государетву будут годны», все это записывать аккуратнейшим образом, «да тое записку держати... в великом береженье». Самому же Унковскому рекомендовалось быть немногословным — «говорити короткими речьми учтиво и остерегательно, чтоб государеву имяни было к чести и к повышению». С этой же целью ему предписывалось, в случае надобности, дать самую лестную и пространную характеристику царю, сказать, что «достоен он, великий государь, содержати иные многие власти и государства». В том же случае, если Унковскому стали бы задавать вопросы, которые представляют государственную тайну [«о великих делех»], то ему следовало «о том отговариватца, что он был на государеве службе в дальних краях, а приехал недавно, и ему про те дела слышати не лучилось». Секретарем Унковского [«для письма»] был назначен подьячий Семен Домашнево. Все важные сведения он должен был немедленно переслать в Москву «с нарочным гонцом»<sup>2</sup>.

16 марта, т. е. спустя три дня после царского повеления, Гр. Унковский вместе с С. Домашнево и С. Мужиловским выехали на Украину. В Путивле, куда они прибыли 31 марта, Унковский потребовал от воеводы немедленно препроводить его «с товарищи» на Украину «куда лутче и податнее и на которые бы места от польских и литовских людей пройтить безстрашно»<sup>3</sup>. Но эти предосторожности оказались излишними. За несколько верст от первого порубежного города, Конотопа, Унковского ждал конотопский сотник Иван Рыбальченко со старшиной и сотней конных казаков со знаменем. «Встретили нас, холопей твоих, — писал посол царю, — с знамени от города верст за 10 и принесли со всякою честью и провожали до двора, а едучи дорогою сотник Иван говорил, что они твоей государевой ми-

<sup>1</sup> Воссоединение Украины с Россией, т. II, док. 58. стр. 142.

<sup>2</sup> Там же, стр. 143.

<sup>3</sup> Там же, стр. 145.

лости все рады, что ты, великий государь, гетмана их и все Запорожское войско жалуешь... в нынешнем их разореньи призираешь»<sup>1</sup>. Подобным же образом встречали русского посла на Украине на всем пути его следования. «А как ехали Запорожскою землею от порубежного города Конотопа до Чигирина, — писал он, — и в городех полковники и сотники и атаманы и есаулы Григорья встречали и провожали конные з знамены, а у городов пешие с ружьем и на встрече, и на провожанье стреляли ис пушек»<sup>2</sup>.

16 апреля Унковский прибыл в Чигирин. За полверсты от города его встретил старший сын гетмана Тимофей с войсковым есаулом и 20 старшинами, «которые при гетмане живут». Как только его устроили на квартире в доме «городничего», Унковский передал гетману через есаула просьбу, чтобы он его «не задерживал, велел ему быть у себя вскорее, и чтобы во время приема «у него, гетмана, иных государств и послов и посланцев и гонцов никою не было»<sup>3</sup>.

Гетман с готовностью выполнил эту просьбу, тем более, что сам был заинтересован скорее узнать вести из Москвы. Уже на второй день, 17 апреля, посольский «поезд», впереди которого с царской грамотой находился подьячий С. Домашнево, въехал во двор резиденции Хмельницкого, где его ожидали «гетмановы ближние люди». Хмельницкий встретил Унковского «в светлице у дверей» в окружении старшин. Унковский сообщил о получении в Москве письма гетмана от 3 марта, посланного через В. Михайлова, и о благосклонном отношении царя к просьбе о воссоединении Украины. «И великий государь наш его царское величество, — сказал он, — за твое гетманово и всего Войска Запорожского... доброе хотенье, что есте царского величества милости к себе желаете и хотите под его царского величества высокою рукою быть, милостиво похваляет». Гетман лично распечатал царскую грамоту, прочел ее «сам стоя не вслух», затем «поцеловал в печать и отдал писарю Ивану Выговскому»<sup>4</sup>. После этого гетман сел и пригласил сесть «в лавке подле себя» Унковского и Домашнево, а все остальные присутствовавшие старшины сели «в лавке же и в скамье не блиско гетмана». Встреча в этот первый день закончилась торжественным обедом.

На второй день, 19 апреля, Б. Хмельницкий вновь принял Унковского. Вместе с ним, Домашнево и писарем И. Выговским гетман уединился в отдельную комнату, в то время как прочие старшины «остались в передней». Хмельницкий заявил послу о своем желании, чтобы беседа прошла в обстановке полного взаимного доверия и откровенности. «И я у тебя, — сказал

<sup>1</sup> ЦГАДА СССР, ф. Сибирский приказ, стлб. 1562, лл. 45—46.

<sup>2</sup> Воссоединение Украины с Россией, т. II, док. 60, стр. 148.

<sup>3</sup> Там же.

<sup>4</sup> Там же, док. 58, стр. 150.



он, — царского величества дел слушать рад и своих дел, что у нас есть, от тебя не скрою»<sup>1</sup>.

Первым был затронут вопрос об избрании царя на польский трон. Б. Хмельницкий заметил, что теперь уже «то дело миновалось» и единственно возможный выход заключается в принятии Украины в состав Русского государства и объявления войны Польше; тут же он спросил, привез ли Унковский ответ царя на его просьбу о воссоединении Украины, ибо в царской грамоте это опущено: «Да гетман же Григорью говорил: писал я к царскому величеству и все Войско Запороское, чтоб он... был над нами государем... и от царского величества приказ с тобою о том есть ли, царское величество нам государем будет ли, и мне и Войску Запороскому под... высокою рукою быть велит ли? А в грамоте царского величества ко мне... о том не написано»<sup>2</sup>. Унковский ответил, что царь может теперь согласиться на принятие Украины лишь в том случае, если она сама добьется признания своей независимости от Польши «без нарушенья вечного докончанья». Тогда гетман стал убеждать посла, что, приняв Украину, царю вовсе не придется нарушать мир с Польшей, ибо казаки сами уже «волею божиею... от них [поляков] стали свободны», доказательством чего служит то, что они нового короля «не обирали и не коруновали и креста ему не целовали». Он не понимает, сказал Хмельницкий, зачем в таком случае царю «нас покинуть и не помогать нам?» Может быть царь опасается Польши и Литвы, которые в начале XVII в. «Московскому государству многие беды и разаренья учинили». Однако теперь обстановка изменилась. Польша потеряла Украину, а «без нашего Запороского Войска везде они, поляки и Литва, будут худы»<sup>3</sup>.

Украина и Россия, продолжал убеждать гетман посла, составляли единое целое еще со времен Киевской Руси и воссоединение их теперь сделает Россию поистине непобедимой: «хто может что учинить, как случит [присоединит.— В. Г.] бог царскому величеству к его великому государству наше Запороское Войско». Хотя царь и не желает, видимо, ни исполнить просьбу о принятии Украины, ни оказать ей помощи своим войском, заметил Хмельницкий, однако они — гетман и все Войско Запорожское — стоят на своем «и ныне бьем челом и послов своих посылаем к великому государю просити о том же»<sup>4</sup>.

Б. Хмельницкий, таким образом, не скрывал своего недовольства отказом царя немедленно принять Украину и оказать ей военную помощь в борьбе с Польшей. Унковский поэтому поспешил загладить впечатление, уверяя, что «царского вели-

<sup>1</sup> Воссоединение Украины с Россией, т. II, док. 58, стр. 141.

<sup>2</sup> Там же, стр. 151.

<sup>3</sup> Там же, стр. 152.

<sup>4</sup> Там же. Речь идет о посольстве Ф. Вешняка, отправленного вскоре в Москву вместе с Унковским. Об этом см.: ниже.

чества... милость... к Войску Запороскому многая, чего и от века прежние гетманы... не видали». Царь, узнав о голоде на Украине, разрешил вывоз туда всяких товаров, в том числе продовольствия, и освободил от уплаты пошлин украинских купцов. «Да царскому ж величеству,— сказал он,— ведомо учинилось, что у вас, в Запороской земле, хлеб не родился и сырочка поела, а соли за войну ниоткуда привозу не было... И царское величество тебя, гетмана, и все Войско Запороское пожаловал, хлеб и соль и всякие товары в своих государевых городех покупать вам, и в Запороскую землю пропускать... велел». Таким образом, заключил посол, хотя Россия не может дать Украине военной помощи, она оказывает ей экономическую поддержку: от царя «Войску Запороскому многая милость и без ратных людей многое поможенье»<sup>1</sup>. Гетман благодарил за эту добрую весть и в свою очередь заявил, что он немедленно освободит русских купцов, приезжающих на Украину, от уплаты всяких пошлин.

В дальнейшем беседа коснулась отношений Украины с Польшей и перспектив войны. Унковский осведомился, намерен ли гетман заключить мир с поляками: «нынешней войне,— спросил он,— у тебя гетмана, и у всего Войска Запороского с поляки и с Литвою доколе быть и впредь чем ту войну кончать хотите?» Хмельницкий ответил, что «нынешней войне с поляки и с Литвою конец бог ведает», ибо украинский народ ни за что не хочет более у Польши «в подданстве и в неволе быти». Правда, поляки, видя победы казачьего войска, настойчиво стремятся заключить мир, обещают всевозможные льготы реестровым казакам, а гетману Чигирин и целое Киевское воеводство: «ляхи и Литва присылают и пишут к нам многажды, чтобы нам попрежнему быти под властию их и имети мир с ними»<sup>2</sup>. Однако, сказал далее Б. Хмельницкий, казаки ставят непременно условием признание Польшей независимости всей Украины «по тем границам, как владели благочестивые великие [киевские.— В. Г.] князи»<sup>3</sup>. Поэтому переговоры с Польшей, в том числе и последние, которые велись с бывшим черниговским подстолием Бартоломеем Виржевским 15 мая в Чигирине, ни к чему не привели<sup>4</sup>.

Зато, заявил Хмельницкий, благотворно развиваются связи Украины с другими соседями — Молдавией, Валахией, Семиградьем и даже Крымом, так как все они заинтересованы в поддержании хороших отношений с Украиной. Польша старается перетянуть Крым на свою сторону, обещая хану, «большую казну». Получив от хана соответствующее письмо польского правительства, Хмельницкий посоветовал ему не отказы-

<sup>1</sup> Воссоединение Украины с Россией. т. II, док. 58, стр. 153.

<sup>2</sup> Там же, стр. 153—154.

<sup>3</sup> Там же, стр. 154.

<sup>4</sup> Там же.

ваться от денег, а чтобы он «у короля и панов рад взял великую казну»<sup>1</sup>.

Конечно, особенно доверяться татарам не следует, ибо они «бусурманской веры, бывает у них непостоянство». Но в нормальных отношениях Украины с Крымом, сказал далее гетман, заинтересована и Россия, поскольку казаки могут удержать татар от враждебных акций против нее<sup>2</sup>. На это Унковский с достоинством, хотя, может быть, и не без некоторого преувеличения, ответил, что России теперь никакая угроза хана «да и иных ничья не страшна и не опасна», так как царь «свое великое государство беспрестанно полнит ратными людьми, и города многие от всех границ вновь ставить велит, и наряды [пушки.— В. Г.] большими строит», а все пограничье «укреплено крепосьми великими и городами и ратными людьми и нарядом»<sup>3</sup>.

Последний вопрос, затронутый в беседе, касался «инцидентов», которые имели место на границе между Украиной и Россией, точнее антифеодалных выступлений в этом районе. Унковский жаловался на казаков, заявляя, что они переходят самовольно границу и чинят «порубежным людям [чит. феодалам.— В. Г.] сбиды великие и убийства смертныя». Хмельницкий заявил, что он велит всех виновных впредь «сыскивать и за их вины, хотя и за малые... карать смертью бес пощады»<sup>4</sup>. Унковский, видимо, остался доволен этим. Он попросил лишь гетмана в заключение, чтобы тот ответил царю на его грамоту «и ево, Григорья, отпустил, не задержав». Гетман обещал выполнить эту просьбу.

На второй день, 22 апреля, состоялась прощальная аудиенция Унковского. Гетман передал ему письмо царю и заявил, что вместе с ним отправляет в Москву в качестве посла чигиринского полковника Федора Вешняка «с товарищи». В своем письме гетман благодарил царя за то, что он «изволил по милости своей наши Украины из своего государства запасами всякими призерати и вольно купцом проезжать» и снова просил о принятии Украины: «И желаем того,— писал он,— чтоб ваше царское величество... единым государем нам, слугам своим, был»<sup>5</sup>.

В тот же день Унковский вместе с Вешняком, сопровождаемые до р. Тясмин сыном гетмана Тимофеем и старшинами, выехали из Чигирина. Путь посла к русской границе, к Путивлю, лежал теперь через Киев, Нежин, Батурин, Конотоп и другие города. Такое «круговое» путешествие по Украине имело немаловажное значение для посла, которому еще в Москве было поручено выяснить, «прямо ль хотят [украинцы] быть царского

<sup>1</sup> Воссоединение Украины с Россией, т. II, док. 58, стр. 155.

<sup>2</sup> Там же, стр. 156.

<sup>3</sup> Там же.

<sup>4</sup> Там же, стр. 157.

<sup>5</sup> Там же, стр. 171.

величества под высокою рукою» или же это лишь желание Б. Хмельницкого и старшин. Русский посол воочию убедился, что воссоединения с Россией желает весь украинский народ, что это стремление всеобщее. «И Запороского Войска всяких чинов люди говорят.— писал он,— что они царского величества под высокою рукою быти ради и о том бога молят»<sup>1</sup>. В то же время Унковский подчеркнул, что украинский народ надеется сохранить в составе Русского государства те права, которых он добился во время войны, т. е. прежде всего свободу от панов, и что Украина будет находиться в России примерно на положении Донской области. «А полковники Войска Запороского,— писал в этой связи Унковский,— царского величества милость к донским казакам хвалят: *великий де государь к своему Донскому Войску милостив и жалует их*, посылает к ним по вся годы... денежное жалованье и сукна и хлебные и пушечные запасы и суды... А только де нам царское величество под своею высокою рукою быти... велит, и *такая ж ево государева милость к нам будет, что и Донскому войску*»<sup>2</sup>. Действительно, надежда войти в состав России на правах Дона или других казачьих областей, пользовавшихся самоуправлением и иными льготами, а главное — не знавших в то время крепостного права, усиливала стремление угнетенных масс украинского народа к воссоединению с Россией.

Унковский убедился также в том, что «Войско Запороское и вся Русь Киевская подо властью польского короля и панов рад быть не хотят»<sup>3</sup>, что украинский народ готов стоять насмерть, лишь бы отстоять свою свободу. Жители на Украине говорили ему, что хотя у польских панов большие силы, по, в конце концов, они «не всех же нас победят» и что даже в случае поражения, «прося у бога милости ... уступим до времени в старожитное свое место в Запороги [т. е. на Запорожье. — В. Г.]... с крымскою землею [хотя с ней «бог и не велел нам братства и совету держать»] будем жити посполу [в мире. — В. Г.] и над ляхи промышлять, а в подданстве у ляхов быть не хотим»<sup>4</sup>.

Посольство Гр. Унковского имело большое значение для дальнейшего развития украинско-русских отношений. Оно являлось подтверждением официального признания Украины Россией, выражением благожелательного отношения к ней, и это в период, когда назревала новая война с Польшей. Посольство разъяснило позиции русского правительства по отношению к Украине. Не давая оснований для слишком оптимистических выводов относительно скорого принятия Украины в состав России, московское правительство вместе с тем еще раз под-

<sup>1</sup> Воссоединение Украины с Россией. т. II, док. 60, стр. 160.

<sup>2</sup> Там же, док. 58, стр. 160. — *Курсив наш.*

<sup>3</sup> Там же, док. 58, стр. 158.

<sup>4</sup> Там же, стр. 159.

твердило свою готовность оказать экономическую помощь Украине. Как указано выше, оно, не считаясь с ущемлением своих фискальных интересов, дозволило беспошлинный вывоз на Украину не только продовольствия, но и «всяких товаров». Подобной формулировкой, надо думать, правительство фактически санкционировало вывоз из России на Украину также вооружения и военных материалов: селитры, пороха, свинца и т. д.

Экономическая помощь России имела исключительное значение для дальнейшего успешного развития освободительного движения украинского народа. Важнейшим показателем этой помощи может служить привоз из России на Украину продовольствия, прежде всего хлеба. 23 марта 1649 г., например, в Москве была получена отписка хотмыжского воеводы К. Арсеньева, который сообщал, что приезжие украинские купцы, а также русские торговые люди «из Белагорода, с Яблонова, с Корочи, с Карпова... мимо Хотмыжской хлеб и соль и мед пресной в литовскую сторону возят беспрестани». Вывоз продуктов на Украину, подчеркивал не без тревоги воевода, принял такие размеры, что сами хотмыжане «хлебом и солью оскудали»<sup>1</sup>. Значительных размеров достиг вывоз продовольствия на Украину и из других уездов. Вскоре дело дошло до того, что сами русские пограничные уезды стали испытывать нужду в хлебе и других припасах. Так, 5 июня 1649 г., в связи с наплывом покупателей с Украины, путивльский воевода Плещеев сообщил царю: «И многие люди (из Украины) жибут будто для торговли, а иные, государь, литовские люди, для покупки хлебной и соленой. Стало, государь, ныне в Путивле и в Путивльском уезде литовских людей больши твоих государевых людей»<sup>2</sup>. К концу года положение стало почти катастрофическим. 29 декабря 1649 г. путивльские воеводы С. Прозоровский и И. Ляпунов доложили в Москву: «И больше, государь, того в Путивле и в Путивльском уезде хлеба, ржи и овса купить не добудет потому, что из Севска, государь, и ис Камарницкой волости и из Рыльска — весь государев хлеб из тех городов пошел в литовскую сторону, а у путивльцев, государь, у всяких чинов людей хлебных запасов ничего нет»<sup>3</sup>.

Особенно большое значение имела продовольственная помощь России в 1648—1650 гг., т. е. в первые годы войны. В этот период, в связи с засухой и неурожаем, на Украине разразился голод, угрожавший гибелью десяткам и сотням тысяч людей. Неудивительно поэтому, что современники, как друзья, так и враги, по достоинству оценили всю важность этой помощи России Украине. Шляхтич Иоахим Ермич, скрывавшийся в это время

<sup>1</sup> Воссоединение Украины с Россией, т. II, док. 65, стр. 166.

<sup>2</sup> Акты ЮЗР, т. III, стр. 316.

<sup>3</sup> ЦГАДА СССР, ф. Разрядный приказ, Приказной стол, стлб. 272, лл. 507—508.

в Киеве, писал впоследствии: «Многих Москва спасла, так как московский царь разрешил своим людям... продавать [украинцам] зерно... а это означало помощь и спасение для нуждающихся»<sup>1</sup>. Г. Унковский в своем статейном списке также отметил, что всюду на Украине, где он побывал — «в городех, и в селех, и в деревнях» люди всех сословий говорили ему: «только бы великий государь в нынешнюю войну и в хлебный недород их не пожаловал, хлеба и соли в своих государевых городех покупать и пропускать не велел, и они б померли б з голоду»<sup>2</sup>. Наконец, исключительную важность русской помощи отметил в беседе с Г. Нероновым [22 ноября 1649 г.] сам гетман Б. Хмельницкий. Он заявил, что «государева милость к нему и ко всему Запорожскому Войску большая, и в хлебный недород их з голоду не поморил, и велел их в такое злое время прокормить, и... многие души от смерти его царского величества жалованьем учинились свободны и с голоду не померли»<sup>3</sup>.

Однако, говоря о помощи России Украине в ходе войны, нужно всегда строго разграничивать царское правительство, которое руководствовалось прежде всего интересами русских крепостников, и русский народ, боровшийся против крепостничества и оказывавший бескорыстную братскую помощь украинскому народу. Это различие проявилось особенно ярко в следующем. Царское правительство, как было сказано, не только не согласилось оказать Украине помощь войсками, но строжайшим образом, под угрозой самых тяжелых наказаний запретило самовольный уход туда русских людей. 13 июля 1649 г., например, путивльскому воеводе С. Прозоровскому из Москвы был послан наказ, в котором значилось: «а которые люди учнут.. мимо государева указа за рубеж ходить или хто учнет с литовскими людьми с изменники съезжатца, и ему [воеводе] тех людей велеть имать и про измену... распрашивать», а в случае надобности «пытать накрепко». Начальникам пограничных застав — «заставным головам» повелено было неустанно наблюдать, «чтоб мимо их застав и сторож за рубеж никаких изменник не проехал и не прошел и не прокрался ни каким обычаем», в противном случае головам «от государя быть в великой опале и в большом наказанье безо всякие пощады»<sup>4</sup>. Воеводе было также строжайше предписано допрашивать всех приезжающих с Украины в Путивль «про изменников про русских воров», т. е. о русских людях, перебежавших к украинским казакам<sup>5</sup>. В целях предотвращения дальнейших побегов

<sup>1</sup> *J. Jerlicz*, *Latopisiec, albo kroniczka*, Warszawa, 1853, стр. 12.

<sup>2</sup> Воссоединение Украины с Россией, т. II, док. 60, стр. 153.

<sup>3</sup> Там же, док. 118, стр. 271.

<sup>4</sup> ЦГАДА СССР, ф. Разрядный приказ, Севский стол, стлб. 168, лл. 168, 166.

<sup>5</sup> Там же, л. 174. «Ворами», как сказано выше, царские власти называли всех тех, кто выступал против феодально-крепостнического гнета.

воеводам было приказано переписать население всех порубежных деревень, усилить пограничную стражу и розыск беглецов. Воеводам и старостам указом от 24 июля 1651 г. предписывалось, «чтоб они смотрели и берегли тово накрепко, которые люди мимо сел... пустышами и лесами поедут или пеши пойдут в литовскую сторону, и они б тех людей имали». А кто «тово всево беречи не учнут или которые... всякого беглеца за рубеж отпустят или... укроют», тому «быть кажненным смертью»<sup>1</sup>.

Однако, невзирая на суровые меры царского правительства, бегство на Украину продолжалось на протяжении всей освободительной войны. Русские люди, в первую очередь крестьяне и горожане, пренебрегая опасностями, переходили на Украину, где вместе с украинскими повстанцами мужественно боролись против крепостнического и чужеземного гнета. Выше уже говорилось о крестьянских выступлениях летом 1648 г. в Торопецком и Хотмыжском уездах и о массовом переходе населения на Украину. Теперь приведем еще несколько примеров бегства из других уездов. 30 мая 1651 г. брянский воевода Д. Великогагин просил казацкого полковника Ив. Шохова выдать брянчанину И. Юрасову его дворового человека Алешку Кондратьева, который бежал к казакам<sup>2</sup>. 13 июня тот же воевода просил Шохова вернуть бежавшего к нему крепостного Петрушку Васильева, принадлежавшего дворянину В. Бородавицыну. 5 июля 1651 г. Великогагин сообщил почепскому сотнику Максиму Гавриленко о побеге в Почепский уезд двух дворовых людей рославльского сына боярского А. Глебова — Тимошки Житкого и Олешки Васильева<sup>3</sup>.

19 июля 1651 г. Великогагин вновь просил, на этот раз почепского сотника Максима Гаврилова о выдаче крестьян дворянина Алексея Безобразова, которые бежали с семьями и имуществом в Почепский уезд<sup>4</sup>. 2 сентября 1651 г. воевода Степан Бутиков писал в Разрядный приказ, что «от нево из Валак человек ево кабальной Филька Октонов... бегал... в город Платаву [Полтаву]»<sup>5</sup>. 12 января 1651 г. путивльский воевода С. Прозоровский донес царю, что «побежал от меня, холопа твоего, человек старинной мой Ивашка Литвинов за рубеж в городок в Глухов». Вернувшегося в Россию Литвинова приказано было «сослать в Сибирь в службу»<sup>6</sup>.

Уже в самом конце войны, в 1653 г., нежинский полковник Иван Нечипоренко подтвердил получение грамоты брянского

<sup>1</sup> ЦГАДА СССР, ф. Разрядный приказ, Приказной стол, кн. 5, лл. 111—113. Копия с отпуски.

<sup>2</sup> ЦГАДА СССР, Сношения России с Польшей, 1651, д. 2, лл. 58—59.

<sup>3</sup> Там же, лл. 62—63 и 69—70, отпуски.

<sup>4</sup> ЦГАДА СССР, ф. Сношения России с Польшей, 1651, д. 2, лл. 85—86.

<sup>5</sup> ЦГАДА СССР, ф. Разрядный приказ, Белгородский стол, стлб. 338, лл. 4—5.

<sup>6</sup> Там же, лл. 158—161.

воеводы. В ней брянские дворяне и дети боярские просили о розыске крестьян, «изменников своих, которые... вбегли в страну вашу», т. е. на Украину<sup>1</sup>. Но беглые русские крестьяне ни в этом, ни в других аналогичных случаях не были возвращены владельцам.

Любопытен также следующий случай. В 1652 г., 12 мая, рыльский воевода А. Солнцев доложил правительству о побеге из тюрьмы на Украину трех заключенных — Квашина Сеньки, Тимошки и Малашки Летячиных. К побегу склонялись и остальные заключенные, которых, вероятно, было довольно много. Воевода просил подкреплений, так как его служилые люди и стрельцы угроз арестованных «опасаютца ... потому что воры сидят в больших делех»<sup>2</sup>.

Имеются также неоспоримые данные о пребывании в украинском войске донских и других русских казаков<sup>3</sup>. Так, 24 июня 1648 г. вяземский воевода Прозоровский сообщил в Москву, что по полученным им сведениям в украинском войске находятся «государевы русские люди казаки» [вероятно донцы]<sup>4</sup>. В июле 1648 г., со слов русского человека Ф. Вязина, специально посланного для «проведывания» на Украину, правительству стало известно, что «с черкасы де вместе бьются с ляхи... и донские козаки»<sup>5</sup>. Сохранились сведения о том, будто бы в украинском войске во время осады Львова в 1648 г. находился целый полк донских казаков. Возможно именно это участие донских казаков в освободительной войне украинского народа и имел в виду венецианский посол Альберто Вимина, который после своего посещения Б. Хмельницкого летом 1650 г. писал: «Московские подданные, донские казаки, подтвердили свое давнее братство с запорожскими казаками»<sup>6</sup>. Из донцов, как увидим ниже, состояла в значительной части личная охрана Б. Хмельницкого<sup>7</sup>. Донские казаки находились в украинском войске вплоть до конца освободительной войны. В июле 1653 г., например, брянчанин Асан Урывков, приехавший с Украины в Москву, рассказал в Посольском приказе, что недавно, по просьбе Б. Хмель-

<sup>1</sup> ЦГАДА СССР, ф. Сношения России с Польшей, 1653, д. 1, л. 401.

<sup>2</sup> ЦГАДА СССР, ф. Разрядный приказ, Белгородский стол, стлб. 338, лл. 747—749. О бегстве из России на Украину в последующие годы для участия в освободительной войне будет сказано ниже.

<sup>3</sup> Воссоединение Украины с Россией, т. II, док. 60, стр. 160. В начале освободительной войны на Украину вернулась большая часть тех украинских казаков, которые еще до войны ушли на Дон. В связи с этим Г. Унковский сообщил весной 1649 г. правительству, что «которые люди Запороского Войска и Белой Руси были на Дону и те з Дону к гетману пришли».

<sup>4</sup> ЦГАДА СССР, ф. Сношения России с Польшей, 1648, д. 2а, л. 251.

<sup>5</sup> Акты ЮЗР, т. III, стр. 227.

<sup>6</sup> Записки наукового т-ва ім. Шевченка, т. ІХХVIII, Львов, 1907, стр. 85.

<sup>7</sup> Именно эти донские казаки и сообщили в декабре 1649 г. в Чигирине русскому послу Г. Неропову о посылке гетманом полковника М. Нестеренко и послов на сейм в Варшаву (Воссоединение Украины с Россией, т. II, док. 118, стр. 278).



ницкого, донские казаки «прислали к нему, гетману, з Дону атамана Ивана Сергеева, а с ним казаков 40 человек»<sup>1</sup>.

Во время войны донцы оказывали украинскому народу и другого рода помощь. Они, в частности, освобождали из турецкой неволи украинских пленников и возвращали их на родину. Так, 4 ноября 1653 г. донские казаки Сенька и Максим Федоровы, вернувшись из Киева в Россию, сообщили яблоновскому воеводе В. Шереметеву: «в прошлом де во 161-м [1653] году посылали де их з Дону... провожать литовский полон, который полон они, донские казаки, взяли в турецких деревнях»<sup>2</sup>. Иногда, если позволяли обстоятельства, донцы оказывали украинским казакам также помощь продовольствием. Когда в сентябре 1650 г. сын Б. Хмельницкого Тимофей с казаками приехал на Конские Воды, то «з Дону де из войска привезли к ним 40 мехов муки, да 4 бочки вина, а из Озова де также привозили запас и рыбу и питье»<sup>3</sup>.

Наконец, имеются достоверные сведения о самовольном уходе на Украину, в казацкое войско, русских служилых людей. 1 мая 1649 г., во время мобилизации Хмельницким казаков для похода против польских панов, рыльский служилый человек Путила Якличев заявил воеводе А. Солнцеву, что «апреля в 30 день изменил... государю... сын его Путилин меньшей, Новаж города Северского сын боярский Селиверстка Якличев побегал из Рыльского уезду из ево, Путилина, поместья из деревни Старостиной за рубеж в литовскую землю в казаки»<sup>4</sup>. Селиверстка Якличев вернулся с Украины на родину лишь после заключения Зборовского мира. Рыльский воевода А. Измайлов доложил в этой связи, что 24 сентября 1649 г. на допросе С. Якличев показал: «во 157 (1649) году после великодня ходил он ... из Рыльска за рубеж в литовскую землю, и был де за рубежом в казацких полках. И как де ... польский король з гетманом з Богданом Хмельницким и с казаками помирились, и он де, Селиверстка, ... из литовские земли прошол опять в ... Рыльск». В это же примерно время вернулся из украинского войска домой в Рыльск другой сын боярский — Герасим Соболев. Ввиду того, что оба они добровольно явились к рыльскому воеводе, царь по получении воеводской отписки приказал освободить их от всякого наказания и «прислать к Москве для распросу про тамошние [т. е. украинские] дела»<sup>5</sup>. В 1652 г. вернулся домой с Украины боярский сын Васька Высокопылов.

В 1651 г. в Россию вернулся сын боярский Радион Чичерин, бежавший на Украину в 1649 г. Он служил в украинском войске и ходил с Б. Хмельницким в 1650 г. на Молдавию, а летом

<sup>1</sup> Воссоединение Украины с Россией, т. III, док. 180, стр. 350.

<sup>2</sup> Там же, док. 211, стр. 498.

<sup>3</sup> Там же, док. 182, стр. 444.

<sup>4</sup> Воссоединение Украины с Россией, т. II, док. 86, стр. 204.

<sup>5</sup> Там же, док. 120, стр. 283.

1651 г. под Берестечко. 9 ноября 1651 г. на допросе у чугуевского воеводы свидетели, ранее знавшие Р. Чичерина, рассказали, что он «отъехал в литовскую сторону тому ныне другой год и ис Чюгуева была за ним посылка [погоня] и ево де до рубежа не сугнали, ушол за рубеж»; сам же Чичерин признал, что «ходил он, Родька, з гетьманом з Богданом Хмельницким, с черкасы... войною на Волохи»<sup>1</sup>.

С ведома русского правительства, а может и помимо него, Украина во время войны получала из России помощь также оружием и различными военными материалами. Так, например, пленный казацкий сотник Яцко Трухомовка на допросе 3 августа 1649 г. рассказал, что сравнительно небольшой отряд казаков под начальством полковника Пободайла, вынужденный покинуть свой лагерь, окруженный поляками, бросил на месте «три пушки, больше 10 гаковниц и пять лубянок [т. е. возов, покрытых лубом] пороха». Часть этого вооружения, как уверял Трухомовка, была получена казаками из России<sup>2</sup>. О привозе вооружения из России на Украину говорят хорошо осведомленные польские современники. Мартин Голинский 5 августа 1649 г. записал в свой дневник: «Москва... хотя и подтвердила мир (с Польшей) ...тайно... все доставляла Хмелю [Хмельницкому] — продовольствие, порох, пули и пушки»<sup>3</sup>. Об оказании Россией военной, а также дипломатической помощи Украине говорил сам король Ян Казимир. Секретарь последнего, ксендз Юдицкий, летом 1651 г. рассказывал русскому гонцу В. Старого о недовольстве короля: «А как де Богдан Хмельницкой с казаки запорожскими его королевскому величеству учинились израйцами [изменниками]... и всчали войну, и царское де величество безпрестанно к нему, гетману, и ко всему Войску Запорожскому посылал с своим царского величества милостивым словам и з своим государевым многим жалованьем и с пушечными и с хлебными запасы и посылал к ним своих ... посланников и гонцов безпрестанно, договаривались с Хмельницким, как бы царскому величеству с его королевским величеством вечное dokonчанье нарушить, а их, казаков, принять под его государскую руку в подданство и войну против Коруны Польские и Великого княжества Литовского весть вопче [совместно]». Юдицкий уверял, что обо всем этом королю «ведомо подлинно по его царского величества грамотам и посланичьим договорам, которые ... ныне в обозе у Хмельницкого добыты», т. е. из царских грамот, обнаруженных в походной канцелярии гетмана, захваченной во время битвы под Берестечком<sup>4</sup>.

По словам шведского резидента в Москве К. Поммеренинга, польские послы Д. Чеклинский и П. Вяжевич, принятые 2 сен-

<sup>1</sup> ЦГАДА СССР, ф. Разрядный приказ, Приказной стол. стлб. 311, лл. 147—148.

<sup>2</sup> Z dziejów Ukrainy, wyd. W. Lipiński, Kiew, 1912, стр. 501.

<sup>3</sup> М. Golinski, Zapiski, т. 1, стр. 265.

<sup>4</sup> ЦГАДА СССР, ф. Сношения России с Польшей, 1651, д. 7, лл. 187—188.

тября 1649 г. в Посольском приказе, жаловались на то, что «люди его царского величества оказывали казакам содействие провиантом и военными припасами (ammunition)»<sup>1</sup>. 24 апреля 1653 г. дорогобужские мещане Фома Лазарев и Кузьма Бабин рассказали русскому гонцу Д. Мордасову, что «в Дорогобуже, и в Смоленску, и в Могилеве, и в Копыси, и во Мстиславе от ваших же от приезжих от торговых людей вести есть, что де великий государь ваш его царское величество посылает с Москвы часто к Войску Запорожскому порох, и свинец и денежную казну многую»<sup>2</sup>.

Большое значение для борющейся Украины имел тот факт, что восточные границы ее примыкали к такой дружественной стране, как Россия. Это вселяло уверенность в повстанцев, которые в случае нужды всегда могли рассчитывать найти убежище в России, как это уже не раз было во время прежних крестьянско-казацких восстаний. Уже весной 1648 г., в первые месяцы освободительной войны, брянский воевода Н. Мещерский сообщил Посольскому приказу о принятии им 500 переселенцев с Украины «с женами и с детьми и со всеми их животы»; переселенцев этих он отправил на поселение «с сыном боярским з добрым на Тихую Сосну на Моятцкое городище» и там согласно «государеву указу велено их устроить землями и всякими угодыями»<sup>3</sup>.

Заинтересованное в заселении пограничных земель, особенно южных, и в усилении их обороны, русское правительство проявляло немалую заботу об устройстве переселенцев на новых местах. Переселенцы получали единовременное денежное пособие — на «дворовое строение», а также ссуду деньгами и зерном. В правовом отношении они приближались к положению служилых казаков. Политика русского правительства в отношении переселенцев, зачастую приобретавших в Русском государстве положение свободных или почти свободных от крепостнической зависимости людей, еще более усиливала тягу украинских народных масс к воссоединению с Россией. Все это подтверждает справедливость слов Гр. Унковского о том, что Россия оказывала Украине «и без ратных людей многое поможенье». Многосторонняя экономическая, военная и дипломатическая помощь, оказываемая Россией Украине, способствовала успешному развитию освободительной войны украинского народа, его выдающимся успехам.

---

<sup>1</sup> Бумаги К. Поммеренинга, Чтения в Обществе истории и древностей российских (далее ЧОИДР), кн. I, М., 1893, док. 34, стр. 454.)

<sup>2</sup> Воссоединение Украины с Россией, т. III, док. 156, стр. 276. Летом 1653 г. сандомирский каштелян писал из Львова: «Отовсюду получены сведения, что [из России] Хмельницкому присланы деньги и пушки» (*F. Rawita-Gawronski, В. Chmielnicki, т. II, стр. 255*).

<sup>3</sup> *О. П. Лола, Зв'язки України с Росією напередодні і під час визвольної війни 1648—1654 рр., К., 1954, стр. 16—17.*

# Глава VI



НОВЫЙ ПОДЪЕМ  
ОСВОБОДИТЕЛЬНОЙ ВОЙНЫ.  
ЗБОРОВСКИЙ ТРАКТАТ  
1649 г.





Русская помощь Украине в этот период имела тем большее значение, что весной 1649 г. панская Польша начала готовить новое наступление.

Правда, сразу после заключения перемирия под Замостьем в шляхетских польских кругах наступило известное успокоение. «Странно, что делается, трудно понять даже», — писал в связи с этим один польский шляхтич. «Все в надежде на мир с казаками» — перекликался с ним другой<sup>1</sup>. Король Ян Казимир не только не приступил к выполнению решения сейма о вербовке войска, предназначенного для защиты границ, но, наоборот, распустил даже отдельные коронные части. Великопольская шляхта отказывалась внести какие бы то ни было налоги на войну, заявляя, что король теперь в войске не нуждается.

Обстановка однако резко изменилась после неудачи посольства А. Киселя в Переяславе и в особенности после казни Смяровского. Стало очевидным, что Б. Хмельницкий и другие руководители освободительной войны никак не собираются вернуться к старым порядкам и заключить мир с Польшей на предложенных ею условиях. Тогда в Польше началась оживленная подготовка к войне. Уже 29 апреля (9 мая) король издал первый и второй виц — приказ о явке в посполитое рушение, которое собиралось однако лишь после третьего вица<sup>2</sup>. Правда, это касалось главным образом восточных польских провинций, что же касается центральных и западных, то по этому вопросу в правительстве имели место серьезные разногласия.

Сенаторы, сторонники восточноукраинских магнатов, ссылаясь в частности на известие о казни Смяровского, полученное в Варшаве 9 июня, требовали немедленного издания третьего вица и созыва посполитого рушения шляхты всех польских земель. Дело зашло так далеко, что они даже обвиняли короля и канц-

<sup>1</sup> L. Kubala, J. Ossolinski, стр. 344—345.

<sup>2</sup> J. Michalowskiego Księga, док. 110, стр. 392.

лера в измене общегосударственным интересам. Но у Яна Казимира и Оссолинского были свои соображения. Они стремились к тому, чтобы любой ценой сохранить силы шляхетства коренных польских провинций, рассчитывая использовать их в тот момент, когда уже окончательно определится ослабление восточнукраинских магнатов и их клиентов, с одной стороны, и украинских казаков, с другой. Тогда королю было бы легче покончить со своими противниками — магнатами, подавить народно-освободительное движение на Украине и после этого уже раздать украинские земли, принадлежавшие магнатам, среднему и мелкому польскому шляхетству — естественной опоре королевской власти.

Вот почему канцлер Ю. Оссолинский и стал со всей энергией уверять сенаторов в недопустимости мобилизации шляхты Центральной и Западной Польши. Он доказывал им, что это повлечет за собой губительные последствия для Польского государства, которому, по его словам, грозила одновременно опасность как изнутри, так и извне. «Третий виц, — заявил Оссолинский, — не разослан до сих пор потому, что располагаем достоверными известиями о намерении Ракочи овладеть Польской короной, а поэтому нельзя оставлять Речь Посполиту без защиты». Кроме того, следует, сказал он, опасаться «как бы наши хлопы после выезда посполитого рушения из Польши не подняли бунт, следуя в этом примеру, поданному Хмельником»<sup>1</sup>.

Сенаторам пришлось волей-неволей согласиться с аргументами Оссолинского. Последнему, вероятно, принадлежала и инициатива лишения И. Вишневецкого, руководителя магнатской группировки, гетманской булавы, которой он временно владел. Г. Унковский, специально интересовавшийся этим обстоятельством, писал, что, как ему стало известно от осведомленных лиц, «у Вишневецкого найвысше гетманство и булава отнята за то, что нынешняя война и кровопролитие зачалось от него. А иному найвысше гетманство никому не дано. А король говорит, что то гетманство учнет он держать сам»<sup>2</sup>. Последние слова явно свидетельствуют о желании Яна Казимира закрепить за собой пост главнокомандующего польскими коронными войсками. Раньше эта должность, так или иначе, всегда отдавалась сенатом кому-либо из магнатов.

Командование войском, отправленным на Украину, было поручено трем лицам, довольно близко стоявшим к королю: бельскому каштеляну Фирлею, родственнику Оссолинского, каменецкому каштеляну Лянцкоронскому и коронному подчашему Остроугу, который, впрочем, вскоре отказался от своего поста. Через Оссолинского король заверил сенат, что в ближайшее время он сам выедет «в поле», т. е. на театр военных действий. Вместе с тем, чтобы усыпить бдительность Б. Хмельницкого и казаков, поль-

<sup>1</sup> *L. Kubala, J. Ossolinski, стр. 353.*

<sup>2</sup> Воссоединение Украины с Россией, т. II, док. 60, стр. 158.

ское правительство поручило А. Киселю, который все еще жил в Гоще [на р. Горыни] возобновить переговоры о мире<sup>1</sup>.

В то время как в Польше шел сбор дополнительных частей коронного войска, которые стягивались к границе с Украиной, лихорадочную деятельность развернули и восточнoукраинские магнаты. И. Вишневецкий, например, обратился с личным универсалом к шляхте всего Русского воеводства, призывая ее немедленно явиться под его знамена. Шляхта, надо сказать, не заставила себя долго упрашивать, ибо речь шла о том, владеть ли ей маестностями на Украине или распрощаться с ними навсегда. Местом сбора панского войска стал Острог и его окрестности. Г. Унковский после своего возвращения в Москву так описывал приготовления польских панов: «В Польше король и паны рада затагнули войско посполитое рушенье, окроме старых да малых никого не оставляют, и польского-де войска собрано много, а сказывают, что такова собранья польскому войску никогда не бывало»<sup>2</sup>. К этому он добавил, что, как слышно, «збираетца польское войско в Острозе за рекою за Горенем и наряд [артиллерия] в польское войско привезен» и что, кроме того, король во главе шеститысячного войска направляется к ним и находится уже в пути.

Военные приготовления панской Польши вызвали новый подъем народно-освободительного движения на Украине. Население Украины — крестьяне, казаки и мещане — единодушно откликнулись на универсалы Б. Хмельницкого, призывавшие всех вступать в казацкое войско. Рылские торговые люди Григорий Ефанов и Иван Поярков, вернувшиеся 27 июня 1649 г. с Украины, рассказали воеводе А. Солнцеву, что при них приехал «в город в Ромен ис черкасских полков от гетмана от Богдана Хмельницкого казак с листом... а кликали де в торгу против тово листа клич, чтоб де всякие литовские люди, казаки, пашенные и непашенные крестьяня, бежали наспех в казацкие полки к гетману Богдану Хмельницкому, у ково есть пищали ... с пищали, а у ково де пищалей нет, и те б шли с рогатины и с киями». Колеблющихся почти не было. Все от мала до велика тотчас же стали собираться в войско. По словам Г. Ефанова и И. Пояркова, уже «при них де в Ромне и в Роменском уезде в деревнях учел быть подъем большой»<sup>3</sup>. Единодушие, с которым поднимался на борьбу украинский народ, отмечал и А. Кисель, находившийся в это время в Гоще: «Вся чернь, — писал он канцлеру Оссолинскому, — так и плывет к Хмельницкому»<sup>4</sup>.

Б. Хмельницкий еще до того, как выступить в поход из Южного Приднепровья, направил в Москву с возвращающимся туда Унковским своего посла, чигиринского полковника Федора Веш-

<sup>1</sup> Ojczyście spominki, т. II, стр. 21.

<sup>2</sup> Воссоединение Украины с Россией, т. II, док. 60, стр. 158.

<sup>3</sup> Там же, док. 93, стр. 214—215.

<sup>4</sup> J. Michałowskiego Księga, док. 131, стр. 418.



няка в сопровождении старшин — Степана Мостепенка, Ивана Скоробоченка и Жедана Якименко<sup>1</sup>. В своем письме царю Б. Хмельницкий снова просил о воссоединении Украины — «чтоб ваше царское величество... над нами царем и самодержцею был», а также об оказании военной помощи — «рати своей на наступцов наших... наступити»<sup>2</sup> и выражал уверенность, что в таком случае «всякий неприятель на главу погибнет».

Вместе с тем, как видно из этого же письма, Вешняку было приказано, чтобы он с царем «изустно разговорил и всю истину исповел». О характере этого поручения не сохранилось прямых данных. На основании ответного письма можно лишь заключить, что Вешняк сообщил в Москве о скором возобновлении войны с Польшей и просил, чтобы русское правительство разрешило украинскому населению, в случае неудачи в войне, переселиться на территорию России.

Впрочем, о предстоящем возобновлении военных действий русское правительство, внимательно следившее за ходом событий на Украине, узнало еще до приезда Ф. Вешняка в Москву. В середине мая 1649 г. была получена отписка вольновского воеводы Ф. Арсеньева с показаниями сына боярского Федора Гнилокоза и нескольких казаков, специально посланных для сбора информации в украинские города. Они рассказывали, что 28 апреля, «при них, вольновцов, из литовских городов из Гадича, из Миргорода, из Платавы, с Опошни... из Веприка казацкие атаманы и полковники и сотники со всеми казаки пошли к казацкому гетману Богдану Хмельницкому стоять войною против ляхов»<sup>3</sup>.

Кроме того, вольновцы сообщили о намерении казаков, в случае неудачной войны с Польшей, переселиться в Россию. Они показали, что «казацкие и атаманы, и сотники, и казаки в тех литовских городех ему, Федору и казакам говорили: будет де у казаков с ляхами на бое мочи их не будет против ляхов стоять, и им де, государь, казакам из литовские стороны з женами и з детьми от ляхов бежать к тебе, государю, в твои государевы порубежные города, которые... блиско литовского рубежа». Ф. Гнилокоз и его товарищи уверяли также, что такое решение принято самим Хмельником: «про то де, государь, городские казацкие полковники и атаманы и сотники и все казаки слышали у гетмана у Богдана Хмельницкого, что де он... говорил; будет де ево с казаки осияют ляхи, и он де, гетман Хмельницкой, и со всеми казаки хочет бежать к тебе, государю, в твои государевы порубежные города... потому де... что ему, гетману Хмельницкому с казаки, опрично твоей государской милости, детца негде»<sup>4</sup>. Трудно сказать, насколько достоверно это сообщение,

<sup>1</sup> Воссоединение Украины с Россией, т. II, док. 77, стр. 194.

<sup>2</sup> Там же, док. 74, стр. 177.

<sup>3</sup> Там же, док. 75, стр. 178.

<sup>4</sup> Там же, стр. 179.

но что оно правильно отражало настроения украинских народных масс, в этом нельзя сомневаться. К тому же, 5 июня сообщение вольновского воеводы было подтверждено путивльским воеводой Н. Плещеевым, который извещал, что по полученным им данным «из войска [Хмельницкого] черкасы пишут в украинные свои литовские городы», т. е. своим близким и родным, чтобы они в случае опасности «все... бежали в землю царского величества»<sup>1</sup>.

5 июня 1649 г. Ф. Вешняк и сопровождавшие его старшины были на торжественном приеме у царя в Золотой палате и вручили ему лист Б. Хмельницкого. Прощальная аудиенция состоялась 8 июня. Царская грамота мало чем отличалась от предыдущих, посланных Хмельницкому. Царь милостиво «похвалял» гетмана и всех казаков за их «доброе хотенье, что есте нашии царского величества милости к себе желаете», но, с другой стороны, ссылаясь на «вечное dokonчание», заявил, что Украина может быть принята только при условии, что сам польский король «гетмана и все Войско Запорожское учинит свободны»; тогда «гетмана и все Войско Запорожское пожалуем, под нашу царского величества... руку принять велим»<sup>2</sup>.

Вместе с тем однако грамота содержала и положение, которое можно считать новым. Учитывая обстановку на Украине и те осложнения, которые могли возникнуть в связи с войной, а также стремления самого украинского населения, русское правительство дало согласие предоставить убежище в случае нужды всем желающим: «а будет вам в чем учинится теснота и гоненье, — гласила грамота, — которые в нашу царского величества сторону переходить учнут, и мы... потому ж тех принять велим»<sup>3</sup>.

Таким образом, русское правительство официально соглашалось в случае необходимости принять украинских переселенцев и тем самым как бы обеспечивало борющемуся украинскому народу возможность отступления. И действительно, в трудные моменты освободительной войны украинское население не раз воспользовалось предоставленным ему Россией правом убежища. Это как бы расширяло и умножало формы помощи Украине со стороны Русского государства.

Тем временем, получив в начале апреля первые известия о наступлении польско-шляхетского войска на Украину, Б. Хмельницкий обратился за помощью к крымскому хану и мурзам, «чтоб они, — как рассказал Унковскому черкасский сотник Иван Кравченко, — шли со всею ордою помогать по прежнему договору гетману и Войску Запорожскому на ляхов». Крымские татары должны были соединиться с украинским войском в степи, южнее Умани. Этот пункт был выбран с таким расчетом, чтобы орда не проходила через заселенные украинские земли. В связи с этим Мясковский сообщил в мае из Черкас Киселю: «С ордой

<sup>1</sup> Акты ЮЗР, т. III, стр. 315.

<sup>2</sup> Воссоединение Украины с Россией, т. II, док. 90, стр. 208—209

<sup>3</sup> Там же, стр. 209.

[казаки] недавно наново взаимно присягнули, чтобы [татары] не забирали людей в полон и не чинили им убытков до самой Вислы»<sup>1</sup>.

Б. Хмельницкий, которому была хорошо известна переменчивая натура хана, колебавшегося между Украиной и Польшей, отправил одновременно своего посланца в Буджацкую орду к Темир-бею. Последний также обещал придти на помощь казакам, самое позднее недели через четыре<sup>2</sup> и, надо сказать, сдержал свое обещание. Соединение украинского войска с татарами произошло где-то в середине мая, вскоре после отъезда Гр. Унковского из Чигирина. «А как гетман Григорья ис Чигирина отпустил... вскоре, и гетман с своими ратными людьми и с нарядом ис Чигирина пошел в поле на сакму [дорога в степи], которою идет царь [т. е. крымский хан], чтоб ему сойтитца с царем и иттить в войско на польскую границу полем, не заимую Запорожского Войска городов и сел»<sup>3</sup>.

Выступление казацкого войска вызвало на Украине новый подъем народно-освободительного движения. Пламя восстания охватило вскоре всю Украину и перекинулось в Белоруссию. Решимость народа покончить со своими вековыми угнетателями была столь велика, что, как жаловался А. Кисель, никто на Украине не жалел ни имущества, ни самой жизни. «Если даже удастся захватить пленника, — говорил он, — то хоть жги его — правды не скажет». Понимая, что народ готов стоять насмерть, лишь бы не допустить возвращения ненавистных панов, он предостерегал канцлера Оссолинского: «Начинается страшная и тяжелая война, на которую нужно поднять все силы Речи Посполитой»<sup>4</sup>.

В авангарде казацкого войска шел Брацлавский полк под начальством полковника Данила Нечая. В середине июня, под Межибожем, полк Нечая нанес сокрушительный удар польскому войску, во главе которого стояли воеводы Фирлей и Лянцкоронский. Не надеясь на скорую помощь от короля, который в это время еще только приближался к Украине, польские военачальники спешно отступили на Збараж, рассчитывая укрыться за надежными стенами этой крепости. Вместе с отрядами И. Вишневецкого, Заславского и Корецкого, т. е. крупнейших восточнукраинских магнатов, в Збараже собралось войска более 9 000 человек. Начальство над ним принял И. Вишневецкий<sup>5</sup>.

29 июня Б. Хмельницкий с казаками и хан с ордой приступили к осаде Збаража. Казаки заняли внешнее кольцо городских укреплений и разместили на них свою артиллерию. Постепенно сжимая кольцо, они вскоре вплотную продвинулись к крепостным стенам и полностью отрезали Збараж от внешнего мира.

<sup>1</sup> Воссоединение Украины с Россией, т. II, док. 85, стр. 203. J. Michalowskiego Księga, док. 107, стр. 388—389.

<sup>2</sup> Воссоединение Украины с Россией, т. II, док. 60, стр. 159.

<sup>3</sup> Ojczyście spominki, т. II, стр. 36.

<sup>4</sup> Воссоединение Украины с Россией, т. II, док. 133, стр. 300.

«Мы находились в отчаянии, — писал один из осажденных, — неприятель нас так обложил, что даже птица не может ни пролететь к нам, ни вылететь»<sup>1</sup>. Положение осажденных стало катастрофическим. Они, по словам украинского летописца Самовидца, «мусили стерво исти, да и того мало было, бо собак и кошек выели»<sup>2</sup>.

Тем временем король, который выехал 24 июня из Варшавы, прибыл 3 июля к войску в Люблин. Все говорило о том, что Ян Казимир не очень спешил на выручку осажденных в Збараже магнатов, хотя многие из окружавших его вельмож, как писал шляхтич Рудауский, «торопили короля с выступлением, уверяя, что достаточно ему только показаться, как отряды бунтовщиков будут рассеяны»<sup>3</sup>.

13 июля Ян Казимир издал третий виц, согласно которому мобилизации подлежала шляхта Русского, Белзского и Люблинского воеводств<sup>4</sup>. Однако посполитое рушение собиралось вяло. «Наши, — писал 24 июля приближенный короля коронному чашнику Казановскому, — не торопятся прибыть к королю. С собой у нас всего три пушки. Деньги [для оплаты наемного войска]... не отпускают. Во время движения войска — порядка никакого. Смех да и только»<sup>5</sup>. Что же касается великопольских вельмож, то они вообще не обнаруживали решительно никакого желания прийти на выручку своим восточнукраинским собратьям, рассчитывая, вероятно, загрести жар чужими руками. Сегуя по этому поводу, А. Кисель писал 23 июля Оссолинскому: «Бывало прежде, в далеко менее важных случаях... духовные и светские вельможи набирали целые войска в течение нескольких недель... теперь же, когда потеряна половина Речи Посполитой [имеется в виду Украина], когда дело касается уже и остальной ее части и даже королевской короны, они едва посылают против неприятеля девять или десять тысяч человек»<sup>6</sup>.

Наконец, 17 июля, назначив канцлера Ю. Оссолинского генералиссимусом [главой посполитого рушения], король двинулся в направлении Замостья. У него к этому времени было уже более 22.000 человек войска [15.000 польского и 7.000 наемного]<sup>7</sup>. И все же поход польского войска больше напоминал топтание на месте. Вместо того, чтобы идти к Збаражу прямой дорогой, Ян Казимир пошел стороной через Броды и расположился под Белым Камнем. Польский историк Л. Кубалья писал по этому

<sup>1</sup> J. Michałowskiego Księga, док. 141, стр. 428.

<sup>2</sup> Летопись Самовидца, стр. 21.

<sup>3</sup> F. Rawita-Gawronski, В. Chmielnicki, т. II, стр. 72.

<sup>4</sup> L. Kubala, Szkice historyczne, т. I, Warszawa, 1901, стр. 137.

<sup>5</sup> J. Michałowskiego Księga, док. 132, стр. 422.

<sup>6</sup> Там же, док. 131, стр. 419.

<sup>7</sup> Воссоединение Украины с Россией, т. II, док. 133, л. 31. Записка Г. Кунакова (ср.: O. Górka, Nieznana kronika tatarska, стр. 119—120. Он показывает приблизительно ту же цифру).

поводу: «День проходил за днем, вести [из Збаража] приходили все чаще и тревожнее, а король и войско продвигались вперед, можно сказать, по инерции, постоянно думая о том, не лучше ли повернуть назад»<sup>1</sup>.

По пути, под Топоровым, к королю привели человека, одетого в рубище. Это был шляхтич Кшетуский, которому удалось пробраться из осажденного Збаража. Он доставил Яну Казимиру полное отчаяния письмо Фирлея. В Збараже, писал тот, оставалось пороха всего на 6 дней; держаться далее было невозможно<sup>2</sup>. В отписке путивльских воевод от 10 сентября 1649 г. утверждается, что сообщения Фирлея, а так же и Вишневецкого содержали резкие упреки в адрес короля. «Фирлей и Вишневецкой писали к королю польскому к Яну Казимиру, — сообщали воеводы в Москву, — что послал де он, король, наперед себе их, Фирлея и Вишневецкого с товарищи, против черкас, а сам де он, король, к ним нейдет и их ныне выдал»<sup>3</sup>.

Тактику короля в этот период можно объяснить следующим образом. Ян Казимир, который стремился к упрочению своей власти за счет магнатов, был заинтересован в возможно более продолжительной и упорной борьбе осажденных в Збараже магнатов с осаждавшими их казаками. Это обстоятельство превосходно понимал и Б. Хмельницкий. Подтрунивая над магнатами, сидевшими в осаде и тщетно ожидавшими королевской помощи, он писал им: «Надеетесь на помощь короля?... Король, его мощь, еще не лишился рассудка, чтобы ради вас безтолку жертвовать своими людьми»<sup>4</sup>.

С теми силами посполитого рушения и войском, которые имелись в его распоряжении, а также с помощью литовского войска Радзивилла, которое вторглось с севера на Украину и двигалось к Киеву, Ян Казимир рассчитывал легко подавить освободительное движение и вместе с тем сломить своих политических противников — магнатов. 28 июля под Белым Камнем Ян Казимир оповестил о низложении Б. Хмельницкого и провозгласил гетманом Забуского, изменника, перебежавшего к полякам еще под Пилявцами. Хмельницкий был объявлен вне закона, а за его голову назначена награда в 10 тысяч злотых. В своем универ-

---

<sup>1</sup> *L. Kubala, Szkice historyczne*, т. I, стр. 140. Русского гонца Г. Кунакова, бывшего в Польше в конце 1649 г., некоторые шляхтичи уверяли, что главную роль в этом играл Оссолинский, который будто бы сознательно утаивал отчаянные послания осажденных и уверял короля, что они сами справятся с казаками. «И после де того писали Вишневецкий с товарищи х королю многжды, что им от казаков теснота, и многие де в их обозе поговаривают, а хотят, покинув обоз, бежать. И тех де листов канцлер корунной Юрьи Оссолинской до короля не доносил... а сказывал де . королю, что Вишневецкому над казаками счастье... и их побивает» (Воссоединение Украины с Россией, т. II, док. 133, стр. 300)

<sup>2</sup> *L. Kubala, Szkice historyczne*, т. I, стр. 141.

<sup>3</sup> Акты ЮЗР, т. III, стр. 345.

<sup>4</sup> *L. Kubala, Szkice historyczne*, т. 1, стр. 131.

сале, обращенном к украинскому крестьянству, король призывал его отложиться от Б. Хмельницкого и казаков, обещая всем прощения и «милости».

В таких условиях, желая овладеть инициативой, гетман Б. Хмельницкий незаметно снял свое войско из-под Збаража (там был оставлен лишь небольшой отряд для продолжения осады) и двинулся навстречу королю. В начале августа казацкое войско заняло позиции под Зборовом (80 км к западу от Збаража). Местечко Зборов расположено на реке Стрипе, в том месте, где она выходит из узкого озера и разливается по низкой болотистой равнине. Во время дождей эта местность становилась совершенно непроезжей. В топкой грязи вязли телеги, волы, лошади, люди. Редкие тропы, по которым можно было пробраться через это море грязи, были известны лишь местным жителям. Хмельницкий укрыл свое войско в дубраве и глубоких оврагах на левом берегу Стрипы. Тут же расположились татары.

Почти одновременно к Зборову подошло королевское войско; оно остановилось на правом берегу реки у села Млиновцы. Король отдал распоряжение начать переправу, рассчитывая затем через Зборов и Озерное идти на Тернополь. Однако переправа оказалась делом не столь уж легким. Река Стрипа, бурно разлившаяся после сильных дождей, снесла все мосты. В связи с этим польские военачальники вынуждены были заняться их восстановлением. Начать переправу они смогли лишь 5 августа. Поляки не подозревали о близости казаков и татар и «шли безопасно и просто», как говорит Г. Кунаков. Когда большая часть польского войска — пехота, наемные части и обоз уже переправились на левый берег, зборовские мещане подали казакам условный сигнал: в городе зазвонили во все колокола. Совершенно неожиданно для себя поляки увидели казацкую и татарскую конницу, стремительно надвигавшуюся на них двумя огромными лавами. По словам поляка, автора «Повести о Зборовской битве», одна лава ринулась «на чело к [войску] нашему», а другая показалась «со зади возов наших и... войска оного, которое за переправую осталось»<sup>1</sup>. Под натиском казаков и татар, которые «сильно и смело ударили на левое крыло войска», польские жолнеры дрогнули и «тыл подавати почали». Польскому войску, разделенному рекой на две части, казаки нанесли сокрушительный удар. Они, говорит Г. Кунаков, уже в этой первой битве польский «кош [обоз.— В. Г.] разгромили, и пехоту прусских немец побили всех, да панские пехоты... побили с 3000 человек, да жолнерей, которые поспешили реку перелезти, побито на том бою с 1 000 человек»<sup>2</sup>.

Ян Казимир, пишет в своей Записке Г. Кунаков, не рискнул переправиться через реку и окопался у Зборова по ту сторону

<sup>1</sup> ЦГАДА СССР, ф. Сношения России с Польшей, 1649, г., д. 1а, лл. 534, 536.

<sup>2</sup> Воссоединение Украины с Россией, т. II, док. 133, стр. 301.

мостов<sup>1</sup>. А король де видя то, что ударили ... на пехоту и на кош, стал у Збарова, а за реку не лез»<sup>2</sup>. Но Б. Хмельницкий незаметно переправил на тот берег Стрипы части Д. Нечая, которые ударили в тыл королевскому войску и стали окружать его. Великопольская шляхта обратилась в бегство. Стараясь остановить бегущих без оглядки панов и восстановить порядок в войске, король, по свидетельству современника, хватался за уздечки коней, за знамена, грозил, умолял: «Не покидайте меня, панове! Не покидайте отчизны, памяуйте славу предков ваших!»<sup>3</sup>

Но ничто не помогало. В первую же ночь из лагеря бежала шляхта целых семи поветов. Стали распространяться слухи, будто бежать собирается сам король. Ян Казимир оказался вынужденным разезжать при зажженных факелах «по обозу всю ночь... чтоб его войско видя, от смуты унялося». Одновременно он всех «к бою обнадеживал и ласку свою за услугу им обещал»<sup>4</sup>.

Это сообщение Кунакова подтверждается другим современником, польским шляхтичем Н. Емеловским: «войско, — говорит тот, — не смело показываться из обоза, а многие наперебой пустились на утек, задумав повторить пилявецкую историю; сам король, бегая по обозу, убеждал и умолял [шляхту] не поддаваться панике, а надеяться на пана бога»<sup>5</sup>. Однако все оказалось тщетным. В первом же сражении великопольская шляхта блестяще продемонстрировала весь свой эгоизм, нежелание рисковать собой ради интересов прежде всего восточноукраинских магнатов. «И достальные де королевского войска поляки, панские дети и знатная шляхта, — писал Кунаков, — короля видеи и его королевские слова слыша, на бой против казаков и против татар никто не поехал и хоронились в возы свои, а иные под возы, в попоны завиваяся. И король де, ходя пеш, тех панят и шляхту из возов и из-под возов порол на бой палашом»<sup>6</sup>. Положение польских панов было отчаянным. «Уже несколько столетий, — заметил королевский секретарь Войцех Мясковский, — Польша не находилась в такой опасности, как 5[15] августа»<sup>7</sup>.

Следующий день должен был окончательно определить судьбу польского войска. Тогда канцлер Ю. Оссолинский, зная «крымских ханов воинской звычай истари — хто их на ково затыгнет из грошей или из дувану [добычи.—В. Г.], и они де туды и

---

<sup>1</sup> Правда, автор анонимной «Повести о Зборовской битве» 1649 г. утверждает, что король «з большою частью» своего 20000 войска, а также возы «которых было несколько тысячей» переправился через Стрипу, «однак осталась назади с возами войска больши дву тысячей» (ЦГАДА СССР, ф. Сношения России с Польшей, 1649, д. 1а, лл. 531—534).

<sup>2</sup> Воссоединение Украины с Россией, т. II, док. 133, стр. 301.

<sup>3</sup> L. Kubala, Szkice historyczne, т. I, Dodatek 3, стр. 187.

<sup>4</sup> Воссоединение Украины с Россией, т. II, док. 133, стр. 302.

<sup>5</sup> Pamiętnik M. Jemielowskiego, стр. 13.

<sup>6</sup> Воссоединение Украины с Россией, т. II, док. 133, стр. 302.

<sup>7</sup> J. Michalowskiego Księga, док. 145, стр. 439.

готовы»<sup>1</sup>, решил любой ценой переманить хана на свою сторону, отколоть татар от казаков. «Единственное средство спасения, — заявил он, — отлучить татар от казаков». Еще ранее, под Золочевым, к полякам попал в плен татарский мурза, возможно нарочно подосланный ханом. Через него Ян Казимир, «видя себе от татар и от казаков великую тесноту и войску своему упадок», и отправил письмо Ислам Гирею с предложением о мире и заверением, что «по прежним пактам хочет с ним, ханом, быть в братской дружбе и любви навеки»<sup>2</sup>. Король соглашался восстановить унижительную ежегодную дань, которую Польша давно уже не платила хану, внести «упоминки» за прошлые годы и выкуп в размере 200.000 талеров за снятие осады польского лагеря<sup>3</sup>. Он предоставлял также татарам право на обратном пути в Крым «города и уезды повоевать», т. е. убивать, грабить и захватывать в неволю население Украины<sup>4</sup>.

Хан тотчас согласился с предложением короля и послал для переговоров с канцлером Оссолинским своего визиря Сефер-Гази агу в сопровождении четырех мурз. Переговоры велись в тайне от Б. Хмельницкого и казаков<sup>5</sup>. К заключению мира с Польшей Ислам Гирей стремился по ряду причин. Прежде всего он боялся антифеодального характера освободительной войны украинского народа. Для него не были также секретом переговоры Б. Хмельницкого с Россией о воссоединении Украины. Осуществление этого плана создавало угрозу для самого существования Крымского ханства, не говоря уже о том, что оно положило бы конец хищничеству набегами татарских мурз. Вот почему хан не мог желать победы украинского народа в войне против панской Польши и спешил заключить мир с королем.

На второй день, 6 августа, битва под Зборовом возобновилась. С раннего утра под прикрытием артиллерийского огня казаки непрерывно штурмовали польский лагерь, нанося серьезный урон врагу. Часть казаков, переправившись через Стрипу, ударила полякам в тыл. Тем временем Ислам Гирей, получив 30.000 талеров в виде задатка и старосту Денгофа в качестве заложника, заключил за спиной казаков мир с Яном Казимиром<sup>6</sup>.

Вслед за этим хан в категорической форме потребовал от гетмана немедленно заключить мир с королем. Хмельницкий с негодованием отверг это требование Ислам Гирея и обвинил его в предательстве («учинил договор с королем, забыв шertz [клятву]. —

<sup>1</sup> Воссоединение Украины с Россией, т. II, док. 133, стр. 302.

<sup>2</sup> Н. И. Костомаров, Богдан Хмельницкий, кн. 4, стр. 310

<sup>3</sup> J. Michalowskiego Księga, док. 145, стр. 438.

<sup>4</sup> Акты ЮЗР, т. III, стр. 352.

<sup>5</sup> Там же, стр. 412; О. Gôrka, Nieznana kronika tatarska, стр. 121.

<sup>6</sup> О. Gôrka, Nieznana kronika tatarska, стр. 121. Интересно, что за осажденных в Збараже магнатов король, как уверяет Г. Кунаков, отказался внести выкуп; «чтоб де . они [магнаты] крымскому царю, мурзам и татарам от себя дали» (Акты ЮЗР, т. III, стр. 346).



В. Г. | свою»). Взбешенный хан заявил, что он не допустит разгрома поляков, т. к. не хочет, чтобы простые хлопы властвовали над своими господами. «И хан де Хмельницкому говорил, — сообщает Кунаков, — что он, Хмельницкий, не знает меры своей, хочет пана своего до конца разорить». Ислам Гирей стал угрожать гетману соединиться с поляками, если тот откажется заключить мир: «а только он договаривается и еднатца с ним [королем. — В. Г.] не будет, и он, крымский хан, с королем на него заодно»<sup>1</sup>.

Продолжать при сложившихся условиях войну было невыносимо. Измена хана спасла польское войско от полного разгрома и вместе с тем нанесла сильный удар освободительному движению украинского народа. Б. Хмельницкому не оставалось ничего другого, как пойти на переговоры с королем с тем, чтобы сохранить возможно большую часть территории Украины и тем самым обеспечить условия для возобновления войны против Польши при более благоприятных обстоятельствах.

Переговоры начались 7 августа. Руководители освободительной войны выдвинули ряд требований, главнейшие из которых сводились к следующему: 1. Подтвердить прежние права и вольности казачества. 2. Не ограничивать определенной цифрой казацкий реестр; 3. Признать казацкую территорию в границах: на западе — Днестр — Берлинец — Бар — Старо-Константинов — Случь — Припять; на севере — Стародуб; на востоке — граница с Россией; 4. На этой территории запретить расквартирование и даже появление польского войска; 5. Всем крестьянам, казакам, мещанам и шляхте, участвовавшим в войне, объявить амнистию; 6. Всех тех, кто после составления реестра должен будет вернуться под власть прежних владельцев, не подвергать никаким репрессиям; 7. Уния подлежит уничтожению как в самой Польше, так и на Украине; 8. Иезуитам запрещается жить в украинских городах; 9. Киевскому православному митрополиту и двум владыкам предоставляются места в сенате; 10. Католики не должны впредь занимать должности королевских урядников на Украине; последними могут быть только лица православного вероисповедования; 11. Король с шестью сенаторами и шестью послами Речи Посполитой на ближайшем сейме обязуются под присягой подтвердить неприкосновенность православной веры и соблюдать все перечисленные пункты<sup>2</sup>.

Польский король, заручившись поддержкой хана, не хотел согласиться с требованиями, предъявленными руководителями освободительной войны. Переговоры Оссолинского с Хмельницким продолжались, по словам автора «Повести о Зборовской битве», «от полудня аж до вечера»<sup>3</sup> и почти не сдвинулись с места. Попытки оказать давление на Б. Хмельницкого посредством татар успеха не имели. В конце концов польская сторона вынуж-

<sup>1</sup> Воссоединение Украины с Россией, т. II, док. 131, стр. 303.

<sup>2</sup> Історія України в докум. і матер., т. III, стр. 184—185.

<sup>3</sup> ЦГАДА СССР, ф. Сношения России с Польшей, 1649, д. 1а, л. 542.

дена была пойти на мир. 8 августа была издана так наз. «Декларация его королевской милости войску Запорожскому на пункты супплеки данная». «Декларация», получившая в литературе название Зборовского договора, содержала текст принятых Польшей условий.

Если внимательно проанализировать содержание Зборовского договора, то можно убедиться, что при создавшихся условиях он был несомненным дипломатическим успехом руководителей освободительной войны. Вот его основные пункты: 1. Границы казачьей территории признавались в пределах: Днестр — Ямполь — Брацлав — Винница — Погребище — Паволочь — Коростышев — Горностайполь — Дымер — Днепр — Остер — Чернигов — Нежин — Ромны — «и всюды аж до границе московской и Днепра»; на этой территории власть юридически и фактически оставалась в руках руководителей освободительной войны. 2. Казачий реестр устанавливался в 40 тыс.<sup>1</sup>. Все не попавшие в реестр крестьяне должны были вернуться под власть своих панов. 3. Казачьему войску подтверждались все прежние вольности. 4. Коронное войско не имело права появляться на казачьей территории. 5. Вопрос об унии и церковных имуществах должен был решаться на ближайшем сейме. 6. Киевскому митрополиту предоставлялось место в сенате. 7. Иезуиты лишались права жить в Киеве и других городах. 8. Урядники на Украине должны были быть лицами православного вероисповедания. 9. Всем участникам войны объявлялась полная амнистия. 10. Чигирин с округом отдавался Богдану Хмельницкому и приписывался к гетманской булаве. 11. Все пункты подлежали ратификации сеймом<sup>2</sup>.

Главным условием Зборовского договора следует несомненно считать пункт о казачьей территории. Правда, договор несколько отодвигал, в ущерб требованиям украинской стороны, пограничную черту: отрезывались Киевское Полесье, часть Северщины, Подолии и Волыни. Но основная часть территории — Киевское, Брацлавское и Черниговское воеводства оставались за казаками. Запрещение не только размещать, но и посылать туда польские войска обеспечивало тут фактическую власть казачьей старшины. Столь же важен и вопрос о казачьем реестре, установленном в 40 тыс. человек. Что касается всего остального показавшегося населения Украины, то формально оно должно было вернуться под власть панов. Но на самом деле Б. Хмельницкий не брал в договоре на себя обязательства гарантировать шляхте

<sup>1</sup> Чтобы составить некоторое представление о том, каков был удельный вес 40-тысячного реестра в общей массе населения Украины, необходимо помнить, что в это время по приблизительным подсчетам население Восточной Украины [без Запорожья] превышало 1 млн. чел. [*J. Rutkowski, Historia gospodarstwa Polski, т. I, Poznań, 1947, стр. 173.*]

<sup>2</sup> Акты ЮЗР, т. III, стр. 415—416; Собрание государственных грамот и договоров, т. III, М., 1822, стр. 451—454.

обладание крепостными или вмешиваться в отношения между панам и их подданными (разумеется, в пользу первых). С другой стороны, шляхта была лишена возможности опереться на вооруженную силу, так как коронное войско не могло переступить границ казачьей территории. Кроме того, фактически от крепостнической зависимости освобождалось не 40 тысяч, записанных в реестр, а значительно больше. Вместе с лицом вносимым в реестр личную свободу от крепостничества приобретала вся его семья, а также казачьи подпомощники и работники (число последних формально не ограничивалось)<sup>1</sup>. Все остальные пункты были приняты польской стороной почти без всяких изменений, исключая вопрос об унии. В дополнение к ним в договор был включен пункт о даровании Б. Хмельницкому Чигиринского староства.

10 августа состоялось торжественное подписание договора. Во время этой церемонии Б. Хмельницкий выступил с краткой речью, в которой подчеркнул, что казаки, мол, боролись не против короля, а против панов, нарушивших перемирие, заключенное в прошлом году под Замостьем<sup>2</sup>. Это был тактический маневр. Хмельницкий, как и прежде, старался поддержать противоречия в среде польского панства, внушить королю мысль, что у него с казаками общий враг — магнаты и что уступками казачеству король может рассчитывать на укрепление своих позиций на Украине. Во время приема Хмельницкий держался с большим достоинством. Польская шовинистическая историография (Равита-Гавронский и др.) усиленно распространяла версию, будто Хмельницкий вел себя перед королем с покорностью и раболепием. Документы решительно опровергают это измышление. Даже Радзивилл, имевший все основания желать унижения Хмельницкого, писал, что гетман держался независимо и при подписании договора присягнул не иначе, как «сидя на стуле»<sup>3</sup>.

Гр. Кунаков, собравший сведения о Зборове по горячим следам, сообщает, что Ян Казимир во время встречи с Б. Хмельницким упрекал и уговаривал его: «досыть тебе быти нам неприятелем; и до ласки нашей тебя припуцаем и все вины твои тебе и всему Войску Запорожскому отдаем». На это гетман не без иронии ответил: «горазд, королю, мовишь! А вежества же и учтивости, — добавляет Кунаков, — никакие против тех его королевских речей и словесне и ни в чом не учинил»<sup>4</sup>. Небезинтересна также такая деталь. Б. Хмельницкий, по словам Кунакова, присягал лишь после того, как присяга была принесена королем и ханом: «Крымский с королем на прежних записях

<sup>1</sup> Краткое описание о казачком молороссийском пароде. сост. П. Симонский, Чтение в имп. Об-ве ист. и древ. российских, 1877, № 2, стр. 14.

<sup>2</sup> *Historiarum Poloniae ab excessu Vladislai IV*, Warszawa, 1755, ч IV, стр. 51

<sup>3</sup> См. П. А. Кулиш, Отпадение Малороссии от Польши, т. III, стр. 54—55; характерно, что при переводе с латинского на польский язык «Мемориалов» Радзивилла переводчик-шляхтич опустил эту интересную подробность.

<sup>4</sup> Воссоединение Украины с Россией, т. II, док. 133, стр. 305.

укрепились вдругорядь, — король присягал, а крымский шертовал, так же и Хмельницкий присягал». Наконец, спустя год после этих событий, 15 октября 1650 г., на вопрос русского посла Г. Унковского, как был заключен мир под Зборовом, гетман ответил: «а был тот у нас мир под Зборожом, как я над королем польским умилосердился, дал им живот, а все они были... у меня в руках... и говорил мне король, прошечи меня со слезами, чтоб помиритца»<sup>1</sup>.

В тот же день, 10 августа, войска разошлись из-под Зборова. Король уехал в Варшаву, Б. Хмельницкий с войском направился в Южное Поднепровье, хан же с ордой пошел к Збаражу и взял тут откуп 40.000 талеров с осажденных магнатов<sup>2</sup>. Разрозненные татарские отряды, отделившись от хана, отправились грабить и разорять окрестные украинские земли. «И отворотя де крымские татаровя от хана, — сообщал Кунаков, — повоевали... места Белз, Сокаль, Рубеш, Острог, да около Луцка, и поймав полон многой и стада отогнав, пошли в Крым»<sup>3</sup>. О разорении татарами украинских земель сообщили в Москву и русские пограничные воеводы. 3 сентября 1649 г. путивльские воеводы С. Прозоровский и И. Ляпунов известили правительство, что «крымские татаровя взяли взятием литовских городов с 30, и тех городов в уездах уездных людей всех побили и в полон поимали»<sup>4</sup>. 11 сентября брянский воевода Н. Мещерский, со слов Леонтия Жеденова, вернувшегося с Украины, доносил, что татары «взяли литовских 15 городов, и выжег и уезды повоевал»<sup>5</sup>. В сентябре 1649 г. путивлец Петр Литвинов, ездивший к Б. Хмельницкому на Украину, рассказал в Посольском приказе, что татары «ведут в Крым полону безчисленно, а больше... женский пол, жоннок та девок та робят малых, а мужеск пол всех секут»<sup>6</sup>.

Итак, вновь наступил «мир». Битву под Зборовым польские паны старались изобразить как свою блестящую победу. С этой целью были изданы две реляции: одна для «внутреннего» пользования<sup>7</sup>, другая — для заграницы. В них битва под Зборовым пред-

<sup>1</sup> Там же, т. II, док. 133, стр. 305. Войсковой писарь И. Выговский так рассказывал Г. Кунакову о подписании королем Зборовского договора: ввиду того, что казаки «королевских людей побили многих и запасы поимали и короля осадили», последний «к гетману от себя прислал послов о миру... и чего гетман у королевского величества прошал, во всем уступил, и присягал король гетману сам... и те договорные мировые статьи закрепил король сам своею рукою» (Воссоединение Украины с Россией, т. II, док. 182, стр. 432).

<sup>2</sup> O. Gôrka, Nieznana kronika tatarska, стр. 121.

<sup>3</sup> Воссоединение Украины с Россией, т. II, док. 133, стр. 305—306.

<sup>4</sup> Там же, док. 111, стр. 244.

<sup>5</sup> Там же, док. 114, стр. 251.

<sup>6</sup> ЦГАДА СССР, ф. Сношения России с Польшей, 1649 д. 1а, л. 385.

<sup>7</sup> Личный биограф Яна Казимира, например, писал, что с заключением Зборовского мира «был потушен страшный пожар войны, угрожавший гибелью не одной только Речи Посполитой, но и всему христианству» (Главный архив древних актов в Варшаве, Архив Потоцких, кн. 35, лл. 840—851).

ставлялась героическим состязанием горсти поляков с 400-тысячным [sic!] казацко-татарским войском; в результате «победы» над сильным неприятелем Польша приобрела якобы громадные выгоды: возвращены [sic!] отпавшие воеводства, освобождены осажденные в Збараже [за большой выкуп!— В. Г.] магнаты, ослаблен враг всего христианства — крымский хан и т. д. В заключение сообщалось, будто к королю во Львов для изъявления своей благодарности прибыли магнаты из Збаража. Эти реляции распространялись при иностранных дворах, публиковались в «Gazette de France» и т. д. Они призваны были скрыть поражение польского войска и поддержать поколебленный престиж Польского государства.

Однако мало кто верил этим реляциям правительства. Радзивилл, например, иронически писал: «Хмельницкий продиктовал нам свою волю и мы это называем «униженной супликой [прошением]». Другой современник, польский писатель Х. Опалинский (1610—1656) оценивал Зборовский трактат как крупное поражение Польши: «Бог покарал нас, — писал он, — за [угнетение — В. Г.] крестьян раньше поражением и пленением гетманов, а потом постыдным бегством и, наконец, позорным миром». Г. Кунаков тоже отметил, что «Поволил де король на такие пакты на всей крымского [хана] и Хмельницкого воле по самой конечной своей неволе, ибо «ему с остальным своим войском больше двух дней в осаде сидеть было немочно»<sup>1</sup>.

На обратном пути из-под Збаража Ян Казимир, по словам того же Г. Кунакова, обратился к шляхетскому посполитому рушенью с такой укоризненной речью: «При предках наших поляки от давних лет... были доброго сердца и рыцарством своим славу себе... znaleзли добрую... описуют то все хроники. А вы, нынешний злый народе, тое всю предков своих добру славу изгубили и всей отчизне злую гибель учинили, чего не годитца и в хроники положить: меня, монарху своего, неприятелем нашим выдали было в вязни [в плен.— В. Г.]... злым своим утеканием и хованьем в возы и под возы»<sup>2</sup>. Над трусливым поведением шляхты под Зборовом, продолжает Кунаков, смеялись во всей Речи Посполитой: «И о том ныне в Польше и в Литве везде посмех большой, что ляхи кроютца под возы и в возы, а битца не хотят, рыси и соболи свои [обращаясь в бегство.— В. Г.] меняют на сермяги, а притом и шляхетство на холопство»<sup>3</sup>.

Негодование магнатов, вышедших из Збаражской осады, в связи с заключением королем Зборовского мира, не знало предела. «Князь де Еремей Вишневецкой, — сообщал в Москву путивльский воевода, — писал к королю с невежеством, что он (король) их черкасам и татарам выдал и за них не стоял, и города их и

<sup>1</sup> Воссоединение Украины с Россией, т. II, док. 133, стр. 304.

<sup>2</sup> Там же, стр. 306.

<sup>3</sup> Там же, стр. 302.

уезды велел воевать и выжечь и высесть и в полон поимать, и он де, Вишневецкой, за то разорение учнет с ним, королем битьца»<sup>1</sup>.

За границей также с немалым сомнением отнеслись к «виктории» поляков под Зборовом. Ватикан, узнав, что договор с Б. Хмельницким ущемляет права римско-католической церкви, через своего нунция в Польше заявил польскому правительству решительный протест<sup>2</sup>. В других западноевропейских государствах или, как выражался Кунаков, — «в Немец», стали появляться сочинения, авторы которых предсказывали панской Польше близкий и бесславный конец. «Вышли, — писал Кунаков, — из Немец недавно трактаты, сиречь книги печатные звездочетцев, в которых то угадывают, что нынешний Казимир последний в Польше король»<sup>3</sup>. В этих сочинениях Польше, которая клонилась к упадку, противопоставлялось возвышающееся Русское государство.

Действительно, положение Польши было критическим. Зборовский мир не только не ослабил противоречий между королевской и магнатской группировками, а, наоборот, еще больше углубил их. Как и после перемирия под Замостьем, магнаты считали, что мир был заключен за их счет. Н. Емеловский писал в этой связи: «Зборовский пакт с казаками казался очень тяжелым всей Речи Посполитой, но особенно князю Вешневецкому... Знать не мило ему было потерять из-за этого пакта свои весьма обширные владения за Днепром»<sup>4</sup>. Магнаты обвиняли короля в пренебрежении интересами Речи Посполитой, в том, что «такова безчестья Коруне Польской и Великому Княжеству Литовскому николи не бывало, какое безчестье... учинил [им] Ян Казимир король, что на [тех] договорных статьях, которых статей похотели... Хмельницкой с товарищи король велел... присягнуть Оссолинскому... и унию поволит сносить, якобы и веру свою обругал». Магнаты намеревались поставить вопрос о поведении короля на ближайшем сейме, а И. Вишневецкий, наиболее ярый из них «на короля хотел бунт поднять и не дождався сойму»<sup>5</sup>. Король, в свою очередь, не желая остаться в долгу перед магнатами, сваливал вину на них. Ян Казимир упрекал их в том, что они умеют собирать быстро войска только когда дело касается собственных интересов (иронический намек на попытку магнатов во время элекции посадить вооруженной рукой на престол его брата Карла), но в нужный момент, во время войны, они не могут даже притти на помощь своим собратьям<sup>6</sup>.

<sup>1</sup> Акты ЮЗР, т. III, стр. 347—348. Донесение воеводы Н. Плещеева от 10 сентября 1649 г. со слов лекаря Лукашки Климовского.

<sup>2</sup> Сборник статей и материалов по истории Юго-Западной России, в. II, стр. 75.

<sup>3</sup> Акты ЮЗР, т. III, стр. 409.

<sup>4</sup> *Ramięnik M. Jemielowskiego*, стр. 16.

<sup>5</sup> ЦГАДА СССР, ф. Сношения России с Польшей, 1651, д. 7, л. 145, 177.

<sup>6</sup> *L. Kubala, Szkice historyczne*, т. 1, стр. 137, 172.



# Глава VII



ВНУТРЕННЕЕ И МЕЖДУНАРОДНОЕ  
ПОЛОЖЕНИЕ УКРАИНЫ  
ПОСЛЕ ЗАКЛЮЧЕНИЯ  
ЗБОРОВСКОГО МИРА







С огромным вниманием за событиями на Украине, связанными с заключением Зборовского мира, следили в России. Русское правительство стремилось всевозможными способами получать информацию обо всем происходящем. В конце-концов у него создалось впечатление, что Зборовский договор является значительным достижением украинской стороны. 3 сентября в Москве была получена отписка путивльских воевод С. Прозоровского и И. Ляпунова, которые со слов путивльца Петра Литвинова, недавно вернувшегося от Б. Хмельницкого, сообщили, что в Зборовской битве «черкасы и татаровя поляков побили, а убили де, государь, с королевские стороны поляков тысяч с семь и больше». В результате Зборовского мира *«поступился де король и поляки гетману и черкасом литовские земли и городов по Случь реку и по Днестр, по городы: по Костянтинов Новой да по Любар... да по Острог, да по Бар город. Поляком... за Случью рекою... не быть, а быть... запорожским черкасом в Запорогах... письменным черкасом [реестровцам] сороку тысяч. А быть де над черкасы гетману Богдану Хмельницкому и полковником и сотником черкаским»*<sup>1</sup>. Как видим, главные условия Зборовского договора в этом сообщении изложены довольно обстоятельно.

В своих главных чертах это сообщение было подтверждено 11 сентября брянским воеводой Н. Мещерским. Боярский сын Леонтий Жеденов, отправленный воеводой под Зборов к Б. Хмельницкому для сбора информации, 11 сентября рассказал, что после Зборовской битвы, во время которой «королевских людей казаки и татаровя побили и разбили их розно на трое... король сам прислал к гетману Хмельницкому о миру говорить». Гетман заключил с Яном Казимиром мир «на том, что х Киеву в казатцких городех по старине, как бывало, по коих мест казатцкие городы по Случь речку да по Сож реку... до Московского рубежа поляком дела нет... а панам за Случь реку и за Сож не выезжать». К этому

<sup>1</sup> Воссоединение Украины с Россией, т. II, док. 111, стр. 243—244. — *Курсив наш.*

Л. Жеденов добавил, что его и бывшего с ним И. Котелкина гетман Б. Хмельницкий «держал у себя в стану... и для царского величества кормил нас и поил у себя за столом», а затем, после заключения договора, «велел ехать с собою дорогою для проезду от татар»<sup>1</sup>. Наконец, 15 сентября в Москву прибыл с Украины македонский митрополит Галактион, также побывавший в войске Хмельницкого. Митрополит сообщил, что под Зборовом казаки уничтожили «ратных людей королевских 10000 человек». И потом «видя король, что он побежден... ему, гетману, покорился и поклонился и потом помирились, да будет владеть гетман от Костянтинова и на низ всеми казаками, а король будет владети от Костянтинова в вверх всею Литвою»<sup>2</sup>.

Однако все эти и подобные им сведения из вторых рук мало удовлетворяли русское правительство. Чтобы получить более обстоятельные и достоверные данные о положении на Украине и об условиях Зборовского договора, оно в конце сентября отправило к Б. Хмельницкому специальное посольство во главе с Григорием Нероновым и подьячим Посольского приказа Григорием Богдановым. Г. Неронову было поручено объявить украинским пограничным властям, что «послан он от царского величества грамотою о его государских великих делах к гетману их к Богдану Хмельницкому и ко всему Войску Запорожскому наскоро»<sup>3</sup>.

Главная цель посольства Г. Неронова заключалась в обстоятельной информации русского правительства о характере Зборовского договора и о положении на Украине. Неронов, согласно данной ему Посольским приказом инструкции, должен был явным и даже тайным образом узнать, «на которых статьях [условиях] заключен мир и кто понес большие потери: «а как у них бои были в которую сторону упадку больше было». Особенно занимало Москву состояние украинского войска: «И нет ли упадку большого запорожским черкасам от польских и литовских людей», а также то, распущены ли украинские и польские воинские части, каковы отношения между Украиной и Крымом и т. д. Все собранные сведения, даже то «что было б незнатно», Неронову предписывалось «записати подлинно, да то письмо беречи у себя накрепко, а приехав к Москве... подати... думному дяку Михаилу Волошенинову»<sup>4</sup>. Накануне выезда Неронова из Москвы на Украину русское правительство получило сведения о намерении крымского хана напасть на окраины Русского государства<sup>5</sup>.

<sup>1</sup> Воссоединение Украины с Россией, т. II, док. 114, стр. 250—251.

<sup>2</sup> Там же, док. 107, стр. 232.

<sup>3</sup> Там же, док. 117, стр. 256.

<sup>4</sup> Там же, стр. 259.

<sup>5</sup> О. Гурка со ссылкой на татарского хрониста уверяет даже, что после Зборова хан вынашивал планы войны против России с целью «возвращения» Казанского и Астраханского ханств (О. Gorka, Nieznana kronika tatarska, стр. 122).

и о том, что Б. Хмельницкий отговорил его от этого плана (когда «крымский де царь похвалился... что весною хочет приходить войною Московского государства на украинные города»), то гетман «говорил крымскому царю, чтоб он на наши... украинные города войною не ходил и его отговаривал»). В связи с этим Неронову поручалось благодарить гетмана и заверить его, что «служба... у великого государя нашего... в забвенье николи не будет»<sup>1</sup>.

От имени русского правительства Неронов должен был поздравить Хмельницкого с победой под Зборовом и еще раз заверить его в расположении к нему царя и сочувствии России борьбе украинского народа против ига Польши: «они [украинцы] с нами единоверные христиане, и он, гетман, и все Войско Запорожское с поляки войну вели и билися за истинную ж првославную христианскую веру, и всеильный господь бог по их правде на поляков милость свою и одоление им подал»<sup>2</sup>.

В случае, если бы Б. Хмельницкий стал выражать недовольство позицией русского правительства в вопросе воссоединения Украины, ибо он отправлял «посланцев своих не одинова» с этой просьбой, Неронов должен был опять сослаться на «вечное dokonчанье» с Польшей и вместе с тем заявить, что «им, черкасом, бог помог и без его царского величества помочи неприятелей своих, польских и литовских людей, побили, и города многие их поимали, и с польским королем мир учинили по своей воле и хотенью». Таким образом, Зборовскую битву в Москве явно расценивали как несомненную победу украинского войска.

Чтобы подчеркнуть свое благожелательное отношение к освободительной войне на Украине и дать понять, что оно и впредь будет сохранять угрожающую по отношению к Польше позицию, русское правительство поручило Неронову заявить об отрицательном отношении к польскому посольству, прибывшему в это время в Москву.

Действительно, отношение России к Украине не без основания внушало беспокойство польским панам уже с самого начала войны. Поэтому немедленно после заключения Зборовского мира в Россию было отправлено посольство во главе с каштеляном чеховским Добеславом Чеклинским. Послы имели добиться подтверждения «вечного dokonчанья» 1634 г. между Россией и Польшей и любой ценой приобрести сведения о русско-украинских отношениях. Интерес польской дипломатии к этим сношениям был столь велик, что послов толкали на прямое преступление. Желая проникнуть в тайны дипломатической переписки Богдана Хмельницкого с Россией, польское правительство приказало своим послам на обратном пути из России разослать своих провожатых, переодетых в русское платье, по дорогам, которыми обычно шла дипломатическая корреспонденция с Украины в

<sup>1</sup> Воссоединение Украины с Россией, т. II, док. 117, стр. 257.

<sup>2</sup> Там же, стр. 260.

Москву. Они должны были задерживать и даже убивать курьеров с целью овладеть их дипломатическим багажом.

Посольство Чеклинского, прибывшее в Москву в сопровождении блестящей свиты, не добилось успеха и в начале сентября 1649 г. было отпущено «без дела»<sup>1</sup>. Такая позиция русского правительства — ничем не мотивированный отказ от подтверждения «вечного докончанья» — недвусмысленно говорила о его сочувственном отношении к идее воссоединения Украины с Россией.

Польские послы попытались было выполнить и другое поручение относительно дипломатической переписки. 18 сентября 1649 г. вяземский воевода сообщил в Москву: «Литовские послы Добеслав Чеклинский с товарищи [разослали] в твои государевы города пятьдесят человек служилых конных, нарядя в руское платя, под Москву и под Колугу и под Путивль и под иные города для того... что идут к тебе, ко государю, к Москве от запорожских козаков послы, и им бы тех послов, как пойдут к тебе, ко государю, к Москве или от тебя, государя, с Москвы, и их бы на дороге перенять и побить и грамоты, каковы с ними будут, у них взяв, привести к ним, послом». Но и тут, благодаря бдительности властей, не оставивших без надзора польских послов, их снова постигла неудача. Чеклинский жаловался впоследствии: «где пойдет посольский человек [из его свиты] и за одним де посольским человеком приставов [русских] пять или шесть человек [идет]. Единственные сведения и, надо сказать, довольно скудные, добытые послами в Москве, сообщили им «их братья иноземцы, которые переехали в московскую сторону наперед сего»<sup>2</sup>.

Неудача посольства Чеклинского в Москве вызвала, естественно, немалую тревогу в Польше. О том, как реагировали тут на отказ русского правительства подтвердить Поляновский договор, русский гонец Гр. Кунаков, ехавший вслед за посольством Чеклинского в Варшаву, писал, что в Польше говорят, будто «вечное ... докончанье с московские стороны нарушено и рать [в России] готовят и райтары де, государь, прибраны многие полки». Настоящий переполох поднялся в этой связи и в Литве. В Смоленске и Дорогобуже «был всполох и ужась большая, отметил Кунаков,— от войны с московские стороны и осека... и из Смоленского и Дорогобужского уезду шляхта с женами и с детьми и с животы сбежались в Смоленск в осаду. А в Дорогобуже... oprичь мещан никого не осталось»<sup>3</sup>. Ненависть белорусских крестьян и мещан, ожидавших своего освобождения путем воссо-

<sup>1</sup> Акты ЮЗР, т. III, стр. 362—363. 2 сентября 1649 г. Поммеренинг сообщил королеве Христине, что царь вернул послам преподнесенные ими подарки, и несмотря на то, что Д. Чеклинский сказался «очень больным... ничего не помогло, они должны были уехать без всякого ответа или с плохим ответом». (ЧОИДР, кн. I, М., 1898, док. 34—36, стр. 453—455).

<sup>2</sup> Акты ЮЗР, т. III, стр. 355

<sup>3</sup> Там же, стр. 371.

единения с Россией, настолько пугала литовскую шляхту, что во время сеймика в Смоленске она решила «смоленских и дорожбужских мещан... и пашенных мужиков всех посечь», чтоб в случае выступления России «от них израды не было»<sup>1</sup>.

В таких условиях, когда Россия выказывала явное намерение если не сегодня, так завтра разорвать отношения с Польшей, руководителям освободительной войны можно было действовать с большей уверенностью. А это имело громадное значение для Украины в особенности теперь, в связи с Зборовским миром.

Но вернемся к посольству Неронова. Извещая через него руководителей освободительной войны, что царь «вечного докончанья подкрепити не велел», ибо поляки, начиная с восшествия на престол Алексея Михайловича, «многое бесчестье и укоризну в листех писали, и многие с королевского величества стороны неправды были и ныне есть к нарушенью вечного докончанья», русское правительство снова подтверждало свое желание помочь Украине в борьбе против Польши<sup>2</sup>. Одновременно оно повторяло, что готово принять украинских переселенцев, когда «черкасом от поляков утеснение какое будет, и им, oprичь государевы милости, детца негде»<sup>3</sup>.

27 октября 1649 г. Г. Неронов прибыл в Ромны, а 4 ноября в Переяслав. На этот раз встреча посла не была так торжественно обставлена, как во время приезда Унковского. Во всем сказывались последствия войны — голод, разруха и т. д. Гетманским властям приходилось не раз извиняться перед послом, «чтоб он на них не дивил» за предоставленный ему скудный запас продовольствия в пути, ибо «хлеб у них не родился, а иное за войною не сеяли... а запасов своих и конских готовить было неколи, во все лето были на войне».

Б. Хмельницкий находился в это время в Киеве. Получив известие о приезде русского посла, он тотчас выехал для приема Неронова в Чигирин. 22 ноября состоялось торжественное вручение послом царской грамоты. Б. Хмельницкий заявил, что царю «служить со всем Войском Запорожским рад всею своею душою, непоколебимо, как ево мочь сажет». Затем он сообщил о событиях под Зборовом: «милосердный бог, — сказал Хмельницкий, — призрил на наши слезы и терпенье, не допустил их [польских панов] в конец нас погубить, подал нам на них победу... от их проклятые веры освободил, уступили им, православным христианом, в Запорожскую землю многих городов, и рубеж они меж собой учинили»<sup>4</sup>. Как видим, гетман особо подчеркнул

<sup>1</sup> Акты ЮЗР, т. III, стр. 371.

<sup>2</sup> Воссоединение Украины с Россией, т. II, док. 117, стр. 261.

<sup>3</sup> Посольство Неронова, видимо, придавалось первостепенное значение. Ему было приказано при возвращении «ехати ко государю к Москве не мешкая нигде, а ехати з большим остереганьем» (Воссоединение Украины с Россией, т. II, док. 117, стр. 261, 262).

<sup>4</sup> Воссоединение Украины с Россией, т. II, док. 118, стр. 264, 265, 269.

наличие границы между Украиной и панской Польшей. Наконец, он благодарил за продовольственную помощь России и отметил, что благодаря ей «многие души от смерти... учинились свободны и с голоду не померли».

На прощальном приеме 26 ноября, за обедом, между гетманом и Нероновым имел место конфиденциальный разговор, во время которого Б. Хмельницкий сообщил то, «чево ему в том листу [царю] написать было немочно, для того [чтоб] иные того не ведали». Прежде всего гетман заверил, что он исполнит все, о чем просил царь в своей грамоте — удержит хаџа от нападения на окраины России. Вместе с тем Хмельницкий прссил приказать донским казакам, чтобы они на время войны с Польшей воздержались от нападений на жилища крымских татар, когда те уходят помогать украинским казакам против поляков.

Чтобы побудить, вероятно, русское правительство к скорейшему решению вопроса о воссоединении Украины, Б. Хмельницкий стал убеждать Неронова, что это повлекло бы в свою очередь за собой и присоединение Крыма к России. Хан, уверял гетман, «ему говорил: как де... [казаки] ляхов побьют и от польского короля ис подданства учинятца ссбсдлы, и... ксво [Хмельницкий] над ссбсю и Войском Запсрсжским похочет гсударем иметь, тому гсударю и он, крымской царь, будет служить со всею ордою»<sup>1</sup>. Неронов выразил сомнение в реальности ханских намерений. «То дело нестаточнее», — заявил он, так как хан находится в полной зависимости от султана — «псаженик его... и никакова дела... без позволенья турецкого царя делать николи не будет», тем более, что ханы всегда боятся султана, котсрый «и без вины их, крымских царей... переменяет часто, и кому быти велит [ханом], тот и будет»<sup>2</sup>.

На это гетман ответил, что теперь, в связи с ослаблением Турции и союзом казаков с татарами, обстановка существенно изменилась, «а ныне... сам турецкой царь от крымского царя и от великого Войска Запорожского страшон. И никакие воли турецкой царь над крымским... не имеет», ибо боится его союза с казаками. Более того, продолжал гетман, если бы царь принял Украину, то Россия могла бы воспользоваться содействием угнетџемых Турцией народов для окончательного разгрома последней. Тогда украинские казаки, «сложась с крымским царем и с волохи и с сербы и с мутьяны», стали бы «промышлять над турецким царем», тем более, что все они «к нему [гетману] о том безпрестанно присылают, чтоб на турецкого царя... войною пошли». Хмельницкий добавил при этом, что на Днепре, в районе Кодака, у него уже изготовлено 300 стругов для морского похода, и что он велит построить еще 200, а сам «з запорожскими черкасы, ссбрався з большими людьми, пойдет сухим путем на Белгород [Днестров-

<sup>1</sup> Воссоединение Украины с Россией, т. II, док. 118, стр. 271—273.

<sup>2</sup> Там же, стр. 273.

ский.— В. Г.), и в турецкой земле... он ведает подлинно, что турецкому царю против их стоять будет неким потому, что многих ево ратных людей побили виницейские немцы»<sup>1</sup>.

Он выразил также уверенность в том, что рано или поздно «бусурманские» государства (имелись в виду, вероятно, соседние с Россией) признают над собой власть русских царей. «А приходит де ныне то время,— сказал гетман,— что все бусурманские и иные розных вер государства будут... за восточным великим государем вскоре... Только он того не ведает, что до тех мест велит ли бог ему, гетману, дожить или нет; а... чает, что все совершит бог то дело вскоре».

О планах, связанных с войной против Турции, Неронов, кстати сказать, слышал и на своем обратном пути в Москву от многих людей на Украине. Они говорили, например, ему, что при помощи казаков хану «хочетца из неволи свободитца от турецкого царя, чтоб не имел над ним турецкой царь никакие власти». К этому они добавляли, что «чают... турецкому царю против их и крымского [хана]... стоять неким потому, что и так у турецкого царя ратных его людей виницейские немцы побили». Казаки надеялись при этом на помощь со стороны покоренных турками народов: «А как де они... на турецкого царя войною придут, и греки де им, казаком, вспоможенье чинить будут. А грек да православных христиан много, и турецкая земля без бусурман пуста не будет»<sup>2</sup>.

Заманчивые планы совместной войны против Турции, таким образом, служили украинской дипломатии дополнительным аргументом, призванным склонить русское правительство к скорейшему решению вопроса о воссоединении Украины с Россией. Подобные аргументы, как увидим ниже, не раз выдвигались руководителями освободительной войны и в дальнейшем.

Наконец, гетман изложил послу перспективы взаимоотношений Украины с Польшей, от которых не приходилось ожидать ничего хорошего: «А ныне де он чает, что ляхом на правде свсей не устоять, и на сойме договорных статей не закреплять и войну им против Войска Запорожского всчинять», только казаки этого не боятся («от того не страшны»), так как готовы все до единого умереть за свое правое дело. Если же казаки потерпят поражение и «бог... выдаст их в поругание... и стоять... против ляхов [чит. шляхты.— В. Г.] будет не в силу, и он де, гетман, и Войско Запорожское на... его царского величества на милость надежны. И уступит он, гетман, в те поры со всем Войском Запорожским от проклятых ляхов царского величества сторону под ево государеву высокую руку»

Подтверждение этим словам гетмана Г. Неронов не раз слышал на обратном пути в Москву «в запорожских городех», где ему говорили

<sup>1</sup> Воссоединение Украины с Россией, т. III, док. 118, стр. 273, 274.

<sup>2</sup> Там же, стр. 273, 275—276.



«всяких чинов люди, что они от войны и разорения погибают... и за войною хлеба пахать... неколи, и ныне помирают они голодною смертию. И молят о том все бога, чтоб великий государь... был над ними... государем... И то они подлинно ведают, что ляхом против их [казаков] впредь войну всчинять: а как де зачнетца впредь война с ляхами, а им против их стоять будет не в силу, и им де быть всем... его царского величества стороне потому, что опроче им... от войны и разоренья уберечься некуда»<sup>1</sup>.

О напряженности украинско-польских отношений и подготовке новой войны говорил Неронову также войсковой писарь И. Выговский. Гетман, сообщил он послу, отказал А. Киселю в его просьбе и не разрешил королевским урядникам приехать на Украину до тех пор, пока сейм не утвердит Зборовского договора. И. Вишневецкий тоже послал своих послов к Хмельницкому с просьбой дозволить ему отправить в свои бывшие имения «от себя урядников своих... христиан же, а не ляхов», но гетман «во всем том Вешневецкого послом отказал». Теперь поляки стягивают силы под Люблин и Каменец-Подольск. Чтобы обеспечить безопасность казацкой территории, Б. Хмельницкий увеличил количество своих войск на границе: «велел иттить полковником и запорожским казаком на рубеж в города в Винницу, да в Паволочь, и в Бряслев, и в иные города, которые стоят по рубежу»<sup>2</sup>.

Г. Неронов и Г. Богданов вернулись с Украины в Москву в самом начале 1650 г. К этому времени русское правительство получило от пограничных воевод сведения о том, что на Украине действительно готовятся к отражению нового нападения польских панов. 22 октября 1649 г. вольновский воевода Ф. Арсеньев сообщил, что восточнукраинские и литовские магнаты недовольны Зборовским договором («с королем Казимиром и з гетманом Хмельницким не мирны») и снова собирают войска в западноукраинских землях. Б. Хмельницкий тоже держит поэтому наготове казаков, а также 20 000 татар с Каранбеем мурзой в районе Черного леса «покаместа у гетмана с ксролем... мирному договору докончанье учинитца, и покаместа де гетман разделяетца с Вишневецким и с паном Родивилом», т. е. главарями восточнукраинских и литовских магнатов<sup>3</sup>. 7 декабря была получена отписка путивльских воевод С. Прозоровского и И. Ляпунова, также сообщавших, что, по полученным сведениям, «крымских де татар 40 000 стоят под Чорным лесом по гетманскому веленью... для обереганья от поляков, покамест у них, черкас, с поляки о всем договор утвердитца»<sup>4</sup>.

Почти одновременно с посылкой Г. Неронова на Украину русское правительство отправило в Варшаву уже известного нам гонца Г. Кунакова. Официально Кунаков должен был лишь из-

<sup>1</sup> Воссоединение Украины с Россией, т. II, док. 118, стр. 274, 278—279.

<sup>2</sup> Там же, стр. 277.

<sup>3</sup> Там же, док. 123, стр. 289.

<sup>4</sup> Там же, док. 127, стр. 294.

вестить польское правительство о предстоящем прибытии к королю великих царских послов — боярина и наместника новгородского Григория Гавриловича Пушкина, окольникового и наместника алатырского Степана Гавриловича Пушкина и дьяка Гаврила Леонтьева — «для наших государских общих великих дел»<sup>1</sup>. На самом же деле Кунаков выполнял сложное и ответственное поручение. Его прибытие в Польшу было приурочено ко времени заседания вального сейма, созванного для утверждения Зборовского договора. Кунакову, выехавшему из Москвы 6 октября 1649 г., предписывалось «ехать... наскоро, немедля ни часу». Россия стремилась получить точную информацию о самых существенных сторонах политической жизни Речи Посполитой. Предвидя осложнения при пропуске Кунакова через польскую границу, так как гонец ехал без предварительной договоренности с польским правительством («что без королевского указа и без отсылки пропустить его не мочно»), Посольский приказ сочинил мотив, который Кунаков должен был при необходимости повторить перед польскими пограничными властями: ссылаться на существующее между обоими государствами соглашение о том, что «гонцом для скорых дел на обе стороны ходити [можно] без обсылки, чтоб в том мотчанья не было»<sup>2</sup>.

Какие именно вопросы интересовали русское правительство, видно из инструкции Посольского приказа, составленной для Кунакова. Последнему поручалось собирать следующую информацию: 1. каковы отношения между королем и магнатами: «Казимера короля паны рада... любят ли и нет ли на короля от них... рокошу»; 2. где находятся в настоящее время восточнoукраинские магнаты и возмещена ли им потеря владений на Украине: «Вишневецкой, Ижеславской (Заславский — В. Г.) и Конецпольской и Адам Кисель где ныне. И имения им против того, что отошли к казакам, даны ль и где даны»; 3. расценивают ли в Польше Зборовский договор как окончательное примирение с казаками: «и впредь того их мир будет ли крепок, и что о том поляки мыслят»; 4. существуют ли какие-либо противоречия между великопольскими магнатами и литовскими: «паны рада польские с литовскими в совете ли и нет ли меж ими какие розни»; 5. распущены ли в Польше войска после Зборова, а если не распущены, то по какой причине; 6. кто командует польскими и литовскими войсками, где находятся ныне эти войска и т. д.

За вопросами, касающимися внутренней жизни Польши, следовали вопросы о ее внешнеполитическом положении: 1. как реагируют польские политические круги на отказ русского правительства подтвердить Поляновский мир: «Королевские нынешние послы, которые были у государя, Добеслав Чеклинской с товарищи, и отпущены без дела, у короля были ль... и что у них против

<sup>1</sup> Акты ЮЗР, т. III, стр. 362—363.

<sup>2</sup> Там же, стр. 364.

того говорят, что отпущены без дела»; 2. каковы отношения между Польшей и другими государствами, в частности Семиградьем: «Нет ли у короля с которыми окрестными государствами и с Венгерским Ракочем князем какие ссоры»; 3. какие события дипломатического характера имели место за последнее время: «Послы и посланники из которых государств к королю прихаживали, и с чем приходили, и с чем отпущены»; 4. каковы отношения Польши с Крымом, а также Венеции с Турцией, Швеции с австрийскими Габсбургами и т. д.<sup>1</sup>

Таким образом, изучая политическое положение Польши, русская дипломатия интересовалась как внутренними противоречиями между королевской властью и ее противниками — магнатами, так и внешними — между Польским государством и другими странами. Нужно заметить, что сама инструкция, составленная для Кунакова, а также полнота и обстоятельность его сообщений делают честь русской дипломатии XVII века. Записки Кунакова являются источником, который содержит исключительно глубокий и всесторонний анализ внутреннего и международного положения Речи Посполитой в период между Зборовом и ноябрьским сеймом 1649 г.

Кунаков прибыл в Варшаву 23 ноября, но сбор сведений он начал с самой границы. Так, около середины октября из Дорогобужа Кунаков доносил, что быстрюю отсылку из Москвы посольства Чеклинского в Польшу объясняют предстоящим прибытием к царю посла от Хмельницкого и необходимостью, в связи с этим, освободить для него посольский двор. Из Смоленска 22 октября Кунаков сообщил о том, что созыв сейма в Варшаве назначен на 23 ноября, а также о противоречиях между литовскими и великопольскими магнатами: первые не хотят вносить денег для уплаты татарам дани, а войску жалованья, мотивируя это тем, что они не имеют никакого отношения к событиям на Украине и что Зборовский трактат лишен силы, так как король подписал его «по неволе» и поэтому, мол, «присяга не в присягу и пакты не в пакты»<sup>2</sup>. Против уплаты налогов решительно выступала и великопольская шляхта, ссылаясь на разорение своих имений жолнерами. «Таких многих грошей, — заявляла она, — взять негде; корунные и литовские места от жолнерей погибли, развоены паче козако (т. е. пострадали от них больше, чем от казаков)»<sup>3</sup>.

Однако самые обстоятельные сведения, характеризующие обстановку на сейме и в Польше в целом, Кунаков собрал в Варшаве. Воинственно настроенные магнаты собирались «дать бой» королю и его сторонникам, добиться аннулирования Зборовского договора и согласия сейма на возобновление войны против Укра-

<sup>1</sup> Акты ЮЗР, т. III, стр. 368—369.

<sup>2</sup> Там же, стр. 371; Воссоединение Украины с Россией, т. II, док. 133, стр. 307.

<sup>3</sup> Воссоединение Украины с Россией, т. II, док. 133, стр. 307.

ны. Так, И. Вишневецкий, общепризнанный теперь глава магнатов, прибыл в Варшаву 2 декабря в сопровождении множества шляхтичей и жолнеров. «Перед ним, — писал Кунаков, — ехали слуг ево со 100 человек на аргамацех, а около его шли пехота с 200 человек с мушкеты, а всей с ним челяди, пахолков и гайдуков с 500 человек». Чтобы очернить Яна Казимира и Ю. Оссолинского и привлечь на свою сторону шляхетство, магнаты распространяли слухи, будто король и канцлер — предатели, тайно связанные с казаками и татарами. Зборовский договор, уверяли магнаты, Оссолинский заключил «израдою» и тем самым «хану и Хмельницкому... все Речь Посполитую выдал». Доказательством связей Яна Казимира с ханом являлся, по их же словам, тот факт, что хотя под Зборовом он «у татар был мало не в руках», тем не менее они «короля отпустили и ничего ему зла не учинили». Если бы король не был предателем, намекали магнаты и их сторонники, татары не выпустили бы его так легко из своих рук. Таким образом, всю «вину» за Зборовский договор они сваливали на короля и канцлера. Были, впрочем, и такие, которые считали «издрайцем» (изменником) одного канцлера Оссолинского и утверждали, что это он именно «завел короля к неприятелю, как зайца в тенета (ловушку)»<sup>1</sup>.

Так или иначе, но магнаты и их приверженцы решительно противились утверждению сеймом Зборовского договора. «На сейме, — сообщал Кунаков, — на пакты, которые учинили король с крымским ханом и с Хмельницким Богданом, паны рада и поветные послы и вся Речь Посполитая не позволяют; а Вишневецкой и вспомнать того не хочет»<sup>2</sup>. Они решительно заявляли, что для них мира с казаками быть не может: «Либо де их черкасы снесут, либо они черкас снесут; лутче де им такого своего разоренья и упадку и вечные неславы всем помереть, нежели черкасом и своим холопом в чем уступить»<sup>3</sup>.

И. Вишневецкий настаивал на передаче ему булавы коронного гетмана, так как это дало бы ему возможность немедленно бросить польское войско на Украину с целью возвращения потерянных владений и восстановления тут власти Польши: «А князь Еремей Вишневецкой, — писал Кунаков, — на том и приехал на сойм, чтоб ему дана была корунново великого гетманства булава... хотя отомстить запорожским казакам многие свои шкоды»<sup>4</sup>. Для достижения своей цели главарь магнатов не скупился ни на обещания, ни на угрозы: «Вишневецкий говорил сенатарем и шляхте, которые к нему приезжали и приходили во двор всем вслух... даю де вам шляхетное свое слово... только нынешней сойм не на моем на всем позволенье станет, и я де наготовлю вам всей Речи Посполитой пива горше Хмельницкого».

<sup>1</sup> Воссоединение Украины с Россией, т. II, док. 133, стр. 308—310.

<sup>2</sup> Там же, стр. 309.

<sup>3</sup> Акты ЮЗР, т. III, стр. 388.

<sup>4</sup> Воссоединение Украины с Россией, т. II, док. 133, стр. 309—310.

Агитацию Вишневецкого и магнатов поддерживала часть шляхетства, в первую очередь, надо думать, та, которая бежала с Украины; она намеревалась организовать вооруженное выступление против короля. «А шляхта,— заметил Кунаков,— говорят и не тайно: только де король заупрямитца... Вишневецкому булавы не даст, и мы де готовы все за Вишневецкого умереть... учиним де и на короля рокош, а сенатарей всех побьем, а в начале убьем здрайцу Речи Посполитые канцлера... Оссолинского, и с Вишневецким будем Речь Посполитую боронить»<sup>1</sup>. Рокошем угрожали королю также и литовские магнаты. Ян Казимир и его сторонники, по словам Кунакова, опасались литовского канцлера Януша Радзивилла, «чтоб волоских людей к себе не привел и рокошу не учинил», так как «давно де он, Януш, рокошем похваляетца»<sup>2</sup>.

Угрозы магнатов и враждебная позиция находившейся под их влиянием части шляхетства не на шутку испугали Яна Казимира, который оказался перед альтернативой: или уступить своим противникам — разорвать Зборовский договор и немедленно возобновить войну с казаками — или игнорировать их требования и утвердить договор. «И ныне де,— писал Кунаков,— король и тайная королевская рада учинились в недоуменье и не ведают как промышлять: учинить по договорным записям, на чом король обещал поступить крымскому хану и Богдану Хмельницкому — и они опасаютца от Вишневецкого: а нарушить тот договор и присягу королевскую,—и они опасаются от крымского хана и от Хмельницкого Богдана... сетуют все и ходят вне ума своего».

Тем не менее, следуя советам канцлера Ю. Оссолинского, король не проявлял желания отдать пост коронного гетмана И. Вишневецкому: «король де никакими мерами Вишневецкому булавы дать не хочет и в том заклялся, а хочет де гетманством пожаловать Станислава Лянскоронского... брата... Оссолинского». При этом канцлер будто бы убеждал короля, что без помощи украинских казаков ему никогда не удастся покончить со своими противниками — магнатами: «только де дать булаву Вишневецкому, и Вишневецкой де казаков выгубит, и королю де тех вольностей [магнатского своеволия — В. Г.] никем не сломать, только не казаками».

Неудивительно поэтому, что на сейме, выражаясь словами Г. Кунакова, царили «несогласие и рознь большая». «А на сейме,— говорили Кунакову,— меж панов рад и поветных послов добрые згоды нет: лише де паны рада вдались в пыху [гордость]

---

<sup>1</sup> Они же уверяли, что справиться с казаками и вернуть Польше былое спокойствие может один Вишневецкий: «только б де Вишневецкой... гетманскою булавою заведат, давно б де Речь Посполитая была в покое» (Воссоединение Украины с Россией, т. II, док. 133, стр. 310).

<sup>2</sup> Там же, стр. 311.

да в лакомство [стяжательство] и в лупельство [грабеж]. А вперед себе и Речи Посполитой доброго ничего не прочтат. А духовенство наипаче скарбы себе збирают и ни о чем о добром не дбают [заботятся].

Атмосфера во время сейма все более накалялась. Дело доходило до того, что канцлер Юрий Оссолинский, боясь мести магнатов, сидел у себя дома взаперти — «с двора своего не съезжает и живет у себя на дворе с большим остереганьем». Король, который, как писал Кунаков, «без Юрьева совету Оссолинского ничего не учинит», вынужден был ездить к своему канцлеру тайком от магнатов: «ходил король к нему, Юрию, на двор в ночи тайно». Рассказывали также, будто И. Вишневецкий «застрелил в руку Яна Казимира короля». Напуганные всем происшедшим, многие польские вельможи и шляхтичи готовились бежать за границу: «А многие де сенаторы отпустили скарбы [драгоценности] свои в Гданск и хотят бежать за море... А говорят всякие люди, что бог у сенаторей ум отнял, а на шляхетство ужась попустил». По словам Кунакова, вследствие всеобщего смятения в стране, «слыша поляки [шляхта. — В. Г.] про казачков, ужасаются». Известный сибарит, восточноукраинский магнат Доминик Заславский, поспешил поехать «в Чешскую землю к теплицам [на теплые воды. — В. Г.], будто для лечьбы», но на самом деле, как объяснял Кунаков, «не хотя ехать на сойм для стыду своего»<sup>1</sup>.

Замешательство в столичных польских кругах еще больше увеличилось в связи с отсылкой посольства Д. Чеклинского из Москвы «без дела» и отказом русского правительства, под предлогом искажения поляками царского титула, подтвердить Поляновский мир. Эти факты расценивались как признак того, что Россия готовится вступить в войну против Польши на стороне Украины<sup>2</sup>.

Вступление России в войну, по всеобщему мнению, означало бы настоящую катастрофу для Речи Посполитой. «А есть ли де с войском царского величества съедночитца Богдан Хмельницкий, и то де крайняя Речи Посполитой гибель» — рассуждали в Варшаве. Такое мнение основывалось на том, что военная мощь России, а также Украины за последнее время значительно возросли. «А ныне де Москва стала суптельна, — говорили в шляхетских кругах, — и час от часу суптельнейши добрыми своими порядками и розсудками, и райтарского строю войско устроено ныне вновь многие полки». На Украине тоже теперь «все люди ратному строю [воинскому делу. — В. Г.] навичны, изучены

<sup>1</sup> Воссоединение Украины с Россией, т. II, док. 133, стр. 310, 311.

<sup>2</sup> «И говорят де паны рада [с] королем и меж себя в тайных радах, что однолично [исключительно] с царского величества стороны ставят тое омылку [искажение царского титула. — В. Г.] в велико для причины к нарушенью вечного dokonчанья» (Воссоединение Украины с Россией, т. II, док. 133, стр. 314—315).

внове, чего пред тем николи не бывало». В противоположность этому Польша «ныне за злым панским несогласьем утрапена, и войска польские и литовские побиты от казаков и от своих холопей многие... а жолнеры только свое панство плондруют [грабят], а от казаков всегда утекают». Литовские паны, со своей стороны, уверяли, что стоило бы России объявить войну, как белоруссы сразу открыли бы русскому войску ворота крепостей.

Вот почему паны, по словам Г. Кунакова, так опасаются вмешательства России в войну и, как ему не раз говорили достойные веры люди «впрямь за многими клятвами», — «польские и литовские сенаторы от Московского государства в большой боязни», а от всего этого «в польских и литовских людех ужась великая», «паче черкаские войны». Общее положение в Речи Посполитой Куняков оценил следующим образом: *«Такова де злова несогласья и во всех людех ужасти николи в Польше и Литве не бывало».*

Присутствие русского посла в Варшаве во время сейма было мало желательно для польского правительства. Поэтому оно поспешило отделаться от Кунакова. Принятый 26 ноября королем, Г. Кунаков уже 1 декабря был у него на отпуске. В своей грамоте царю Алексею Михайловичу, переданной через Кунакова, Ян Казимир выражал свою «радость» по поводу предстоящего прибытия русских великих послов «для наших государских сбших великих дел».

Перед выездом из Варшавы Г. Кунаков дополнил свой дипломатический багаж еще целым рядом ценных сведений о ходе сейма и не забыл захватить с собой несколько польских книг, купленных на рынке, которые содержали оскорбительные, с точки зрения русских дипломатов, выпады по адресу царя, что могло в случае необходимости послужить поводом для разрыва мирных отношений с Польшей. Первого или второго января 1650 г. Г. Кунаков был уже в Москве. Сведения, доставленные этим талантливым дипломатом, помогли русскому правительству разобраться во многих сложных вопросах внутренней и внешней политики Речи Посполитой.

С неослабевающим вниманием следили за ходом варшавского сейма также на Украине. Заключение Зборовского мира, ограничившего численность казачества 40 000 человек и предусматривавшего возвращение всех не попавших в реестр в феодальную зависимость, вызвало бурю негодования среди украинских народных масс. Крестьянство, которое в ходе освободительной войны почти поголовно «в козацтво обернуло се», и слышать не хотело о возвращении под власть ненавистных панов. Многие из тех шляхтичей, которые рискнули после Зборова самовольно вернуться в свои имения, крестьяне изгнали или убили. Киевский воевода А. Кисель сообщил 16 ноября 1649 г., что «сборища черни не расходятся, панов в свои имения не пускают. В Бракине убито

[панов] несколько десятков, в Бышеве более десяти... шляхта пришла в крайнее отчаяние: негде жить и нечем жить»<sup>1</sup>.

Но далеко не всегда, надо сказать, паны оказывались столь беспомощными, как это изображалось Киселем и другими лицами. Шляхта часто возвращалась в свои имения в сопровождении отрядов жолнеров и телохранителей. В таких случаях паны, несмотря на пункт Зборовского мира о всеобщей амнистии, жестоко мстили своим подданным за участие в освободительной войне. «Которые из Войска Запорожского хлопи, — сообщал Кунаков, — по пактам [Зборовским] учили было приходиться в панские и шляхетские маетности в дома свои («надеяся на королевский договор и присягу», — как объясняет он ниже), и паны де и шляхта их мучили и побивали и похвалялись: то де вашему и Хмельницкому будет, дайте де нам справитца!»<sup>2</sup>.

Во многих местностях недовольство крестьян и казаков принимало форму открытых выступлений, направленных не только против польских панов, но и против самого Б. Хмельницкого и старшины. «И к Богдану де Хмельницкому, — сообщает Г. Кунаков, — приходили хлопи, собрався больше 50 000 человек, и хотели убить его: для де чего без нашего ведома с королем помирился?»<sup>3</sup>. Кунаков передает также рассказ виленского купца Данила Пулховского, который уверял его, что к Б. Хмельницкому «приходили... в Чигирине Запорожского Войска казаки и гулятьство многие люди шумом и говорили ему, что он, Богдан, с польским королем помирился без их войскового совету, да что де его и мир... и естли де он не учнет с ними за веру христианскую против короля и ляхов стоять, и они себе оберут иного гетмана, а он, Богдан, как хочет»<sup>4</sup>. Угрозы крестьян и казаков, как увидим ниже, не остались пустыми словами.

Таким образом, после Зборовского договора крестьянский вопрос со всей остротой стоял перед руководителями освободительной войны. Большинство их во главе с Б. Хмельницким понимало, что восстановить немедленно крепостнические отношения на Украине в том виде, в каком они существовали до войны, дело совершенно невозможное. Это означало бы лишить освободительную войну главной ее силы — крестьянства и тем самым обречь движение на неминуемый провал. Б. Хмельницкому необходимо было заботиться о сохранении союза с крестьянством, без которого нельзя было рассчитывать на конечную победу восстания.

В таких условиях Зборовский договор оставался для обеих враждующих сторон прежде всего ширмой, призванной облегчить им подготовку к возобновлению военных действий. На Ук-

<sup>1</sup> J. Michalowskiego Księga, док. 161, стр. 509.

<sup>2</sup> Воссоединение Украины с Россией, т. II, док. 133, стр. 309.

<sup>3</sup> Там же, док. 133, стр. 312.

<sup>4</sup> Там же.



ранне были вполне уверены в том, что сейм договора не утвердит, а если и утвердит, то соблюдать его паны все равно не будут. Руководители освободительной войны, как можно судить на основе инструкции, данной казацким послам, отправленным на сейм, особой заинтересованности в утверждении Зборовского договора не проявляли.

Казацкие послы во главе с полковником Максимом Нестеренко прибыли в Варшаву 2 января 1650 г., в самый разгар сейма. Как и предполагал Б. Хмельницкий, польское панство крайне враждебно встретило Зборовский договор. И хотя сейм в виду безвыходности положения вынужден был в основных чертах подтвердить договор, однако внести его в сеймовую конституцию категорически отказался. Митрополиту не было предоставлено место в сенате, а уния не была ликвидирована. Такое половинчатое решение вопроса было в известном смысле наруку руководителям освободительной войны украинского народа. От них теперь также нельзя было требовать неукоснительного выполнения всех статей Зборовского договора. Поэтому вряд ли можно довериться А. Суханову, который вскоре после этого уверял русское правительство, будто Хмельницкий озабочен, «что не сполна по его с королем мировому пункту на сейме положено»<sup>1</sup>.

На Украине, надо сказать, не замедлили воспользоваться созданным положением, прежде всего при решении такого важного вопроса, как составление казацкого реестра. Согласно пункту Зборовского договора о казацком реестре, из-под власти панов освобождалось 40 000 человек. В действительности же паны лишились значительно большего количества подданных, так как, по одним данным, в реестр было записано 47330 человек, по другим — 50 тысяч. При этом, как мы уже говорили, от власти панов освобождались не только внесенные в реестр казаки, но и их семьи, подпомощники (лица, участвовавшие в снаряжении казака на службу) и работники<sup>2</sup>. Кроме того, под разными предлогами был составлен также и полуофициальный 20-тысячный реестр, подчинявшийся сыну гетмана Тимофею Хмельницкому. В реестр было принято большое число бывших подданных Вишневецкого и Конецпольского. «У Конецпольского, — пишет анонимный польский историк в связи с составлением реестра, — было отнято 70 сел, а что потерял Вишневецкий, того и вспомнить жаль»<sup>3</sup>.

<sup>1</sup> ЦГАДА СССР, ф. Сношения России с Польшей, 1650, д. 1, л. 127.

<sup>2</sup> Вероятно, именно это имел в виду воевода А. Кисель, когда доносил 19 марта 1650 г. из Киева, что «чернь, принятая [во время войны] в казаки и исключенная теперь из реестра, ищет разные пути, чтобы не вернуться под власть своих панов: одни продают имущество и, растратив все, нанимаются к казакам в джурь и работники» (Исторія України в документах і матеріалах, т. III, док. 148, стр. 190).

<sup>3</sup> Н. И. Костомаров, Собр. соч., кн. 4, стр. 348. Как видно из жалобы Потоцкого королю, в реестр, вопреки договору, зачислялись и лица, проживавшие за пределами казацкой территории (там же, стр. 370); W. Kochowski,

Наконец, составление реестра было закончено и 28 февраля 1650 г., в соответствии с установившимся обычаем, он был внесен в киевские городские книги. Однако среди тех, кто не попал в реестр, а таких было бесконечно много, стали распространяться слухи, что хотя Б. Хмельницкий и объявил о прекращении приема в реестр, он вместе с тем разрешил всем, «кто хочет быть охочим [неофициальным] казаком, [тот] пусть будет». Даже такой хорошо осведомленный современник как летописец Самовидец уверяет, будто «Хмельницкий дал волю всякому — кто хочет козаком быть, а хто мужиком». Еще дальше идет летописец XVIII в. А. Ригельман: «Хмельницкий же,— заявляет он,— между тем всему живущему в Украине народу Универсалами своими объявил... кто хочет быть козаком, хто простым земледельцем, позволяет»<sup>1</sup>. Русский посол В. Унковский, приехавший в октябре 1650 г. в Чигирин к Б. Хмельницкому и интересовавшийся действительным числом казаков на Украине, донес царю, что хотя по его «проведыванию у гетмана и у писаря [И. Выговского] и у иных знатных людей и в [гетманской] канцелярии полков ныне учинено всех 16, а во всех де в полках письменных козаков 40.000», но «ко времени и мещане и уездные люди [т. е. крестьяне — В. Г.] казаки»<sup>2</sup>. Таким образом, В. Унковский как бы подчеркнул отсутствие строгого разграничения между казаками и крестьянами—то, что крестьяне все считают себя казаками.

То обстоятельство, что и после составления реестра многие крестьяне продолжали при молчаливом согласии гетманских властей считаться казаками, отметил и А. Кисель. В беседе с Б. Хмельницким в августе 1650 г., когда гетман с притворным удивлением спросил, почему шляхта не возвращается в свои имения, Кисель ответил: «потому не едут, что не видят искреннего отмежевания простого народа от казаков»<sup>3</sup>. Русские посланцы П. Протасов и Г. Богданов, находившиеся в сентябре-октябре месяце 1650 г. у Б. Хмельницкого и внимательно изучавшие обстановку на Украине, донесли своему правительству, что «в городех Войска Запорожского в разговорех слышали от поляков, от старост и от урядников, и которые де поляки в тех же казацких городех живут в маетностях своих, что им чинятца от казаков обиды большие и *подданные де их панские все называютца казаками, и их, панов, не слушают*»<sup>4</sup>.

Annales, стр. 186; Historia panowania Jana Kazimierza przez poznajomego autora, Poznan, т. 1, 1840, стр. 198.

<sup>1</sup> Н. И. Костомаров, Собр. соч, кн. 4, стр. 343; Летопись Самовидца, стр. 227; Летопись А. Ригельмана, стр. 146.

<sup>2</sup> Воссоединение Украины с Россией, т. II, док. 182, стр. 435. — *Курсив наш.*

<sup>3</sup> Тогда гетман отдал приказ полковникам «крепостных, не находящихся в реестре, не прикрывать казначеством», т. е. не считать казаками (там же, док. 170, стр. 389).

<sup>4</sup> Воссоединение Украины с Россией, т. II, док. 189, стр. 464. — *Курсив наш.*

Случилось именно то, чего, по словам русского гонца Г. Кунакова, так опасались восточнуукраинские магнаты: сорокатысячный реестр был использован Б. Хмельницким для освобождения из-под их власти возможно большего количества подданных. «Да и на то, чтобы быть черкаскому войску реестровым казаком 40 000 человеком,— писал тогда Кунаков,— поветные послове [депутаты] не позволяют же для того, что хлопи ис королевских и ис панских и из шляхетских маестностей все выдут в Запорожское Войско, а отдачи [т. е. возвращения крестьян панам.— В. Г.] не будет и к 40 000 будет их больши 100 000»<sup>1</sup>.

Руководство освободительной войны сознательно шло на самовольное увеличение численности реестра, надеясь смягчить таким путем острые классовые антагонизмы на Украине, поддержать общенародный фронт борьбы против панской Польши. Однако эта мера не могла решить крестьянской проблемы, поскольку громадное большинство крестьян оставалось за пределами реестра. Было бы, конечно, неправильно думать, что среди руководителей освободительной войны существовало полное единство в крестьянском вопросе. Так, например, гетман Б. Хмельницкий и часть старшины, хотя и были сторонниками сохранения и укрепления феодальных порядков, выступали, по крайней мере во время освободительной войны, за известное смягчение феодальной зависимости, за облегчение положения крестьян. Точнее говоря, они не считали возможным, во всяком случае до поры до времени, активно вмешиваться в отношения между крестьянами и их бывшими господами, восстановить феодально-крепостнический гнет на Украине в его прежних формах. Это означало бы сознательно обречь на неминуемый провал народно-освободительное движение в целом. Среди старшин были и такие лица, как, например, Максим Кривонос, а также, надо думать, Мартин Небаба, Данило Нечай и др., которые выступали за более-менее радикальное уничтожение крепостнических отношений. Однако значительная часть старшин, окружавших гетмана, в первую очередь войсковой писарь Иван Выговский, генеральный войсковой судья С. Б. Зарудный, переяславский полковник Павло Тетеря и др., стояли за возможно более быстрое, немедленное возвращение крестьян в крепостническую зависимость. Ради этого И. Выговский и его сторонники готовы были идти даже на соглашение с панской Польшей.

Разногласия между старшинами в крестьянском вопросе не могли не сказываться на политике Б. Хмельницкого, на действиях гетманских органов управления, не породить известной неустойчивости, непоследовательности в решении этого главного и самого животрепещущего в то время вопроса. С одной стороны, довольно часто наблюдаются случаи отказа Б. Хмельницкого вмешиваться в отношения, сложившиеся в ходе войны между

<sup>1</sup> Воссоединение Украины с Россией, т. II, док. 133, стр. 307.

панями и крестьянами. Известно, например, что не только до варшавского сейма, но и после него, гетман не разрешил Вишневецкому, Потоцким и другим магнатам вернуться в свои имения. В апреле 1650 г. шляхтич Ян Чернявский рассказал русским послам Пушкиным в Варшаве, что «в Вишневецкого города и места казаки урядников не пустили и держат те Вишневецкого города за собою»<sup>1</sup>. В середине октября 1650 г. сам Потоцкий жаловался казацкому посланцу В. Кравченко, приехавшему в Варшаву, что паны не получают никаких доходов со своих имений на Украине. «Мне,— заявил он,— следовало получить из заднепровских маетностей полтора ста тысяч злотых, а не получил еще ни гроша, и пан хорунжий коронный [Концепольский] — тоже и многие другие»<sup>2</sup>. Все ходатайства самих магнатов и польских властей неизменно отвергались Б. Хмельницким. Таким образом, крестьяне магнатских имений, которые занимали значительную часть Восточной Украины, так или иначе сохраняли часто добытую во время войны свободу от крепостничества.

С другой стороны, особенно после утверждения Зборовского договора сеймом, Б. Хмельницкий вынужден был согласиться на возвращение мелкой и средней польской шляхты. В своем универсале от 31 июля 1650 г. нежинскому полковнику Прокофию Шумейко, например, гетман писал: «Вольно уже в миру и шляхте до своих маетностей и староств приезжать»<sup>3</sup>. Тут же он предостерегал крестьян от применения какого-либо «насилия» по отношению к возвращающимся панам, угрожая «ослушникам» жестокой расправой.<sup>4</sup> Еще раньше, 2 марта 1650 г., гетману жаловался на своих подданных винницкий шляхтич Гиляш Пекулицкий. Последний писал, что он не владеет «маетностью за тем, что мужики ево не слушают, живут самовольно»<sup>5</sup>. В связи с этим Б. Хмельницкий издал наказ, обязывавший крестьян Пекулицкого, чтобы они своему пану «яко державцу своему всякое послушание и подданство, как перед тем, так и ныне отдавать и во всем пана своего слушать, никаких бунтов, своевольств не чинить». Всех непокорных, говорилось в гетманском наказе, «позволяем жестоко казнить, как бунтовников и непослушников»<sup>6</sup>.

Но, во-первых, далеко не все шляхтичи, памятуя недавние события и учитывая настроения крестьян, которые и впредь не предвещали ничего хорошего, рисковали возвращаться в свои имения. Во-вторых, хотя гетман Б. Хмельницкий и издал целый ряд универсалов, требующих от крестьян повиновения

<sup>1</sup> ЦГАДА СССР, ф. Сношения России с Польшей, 1650, д. 3, л. 278.

<sup>2</sup> См.: Н. И. Костомаров, Собр. соч., кн. 4, стр. 369.

<sup>3</sup> Киевская старина, кн. 7, 1888, стр. 12.

<sup>4</sup> Там же.

<sup>5</sup> ЦГАДА СССР, ф. Сибирский приказ, стлб. 1636, ч. 2, л. 348.

<sup>6</sup> Там же, л. 344.

своим господам, однако о подданных отношениях в них, как это справедливо заметил И. П. Крипякевич, чаще всего говорилось лишь в общей форме и весьма неопределенно: «Абисте во всем били послушними і вшелякую повинность ведлуг звичаю давного отдавали...»; «...так яко здавна, і тепер звиклоє послушенство отдавали...»; «...во вшелякой повинности знайдовалися и послушними... были...»; «...в отдавані повинностей звичайних аби спротивними не били...»<sup>1</sup> и т. д.

В-третьих, гетман избегал предпринимать какие-либо действительные меры для обеспечения вернувшейся шляхте её владельческих прав и принуждения крестьян отбывать феодальные повинности. Выдавая, чаще всего по просьбе отдельных шляхтичей, универсалы о повиновении подданных своим панам, Б. Хмельницкий вместе с тем знал, что последним будет нелегко, а то и просто невозможно подчинить себе крестьян. 15 октября 1650 г., отвечая на вопрос русского посла В. Унковского, каковы теперь (уже после утверждения Зборовского пакта) отношения между владельцами и их подданными, Б. Хмельницкий сказал, что хотя по договору и можно «в городех... и уездах урядником и ляхом [панам] владеть мещаны [подданными]... а и владение их со страхом»<sup>2</sup>

Это «нежелание» вмешиваться в отношения между господами и подданными вызвало немало нареканий в адрес Б. Хмельницкого со стороны недоброжелательных панов. В дневнике шляхтича Н. Емеловского, например, читаем: «Когда владельцы... приходили к Хмельницкому с жалобами на своих подданных и с просьбами о помощи, они всегда получали от него один и тот же ответ, что и сам он не может унять их [крестьян] своеволия»<sup>3</sup>. По словам другого современника, Б. Хмельницкий лишь «показал [сделал вид] будто искренно вводит [во владение] их [панов]», на самом же деле вовсе и не думал помогать им. По поводу нежелания крестьян повиноваться панам и бездействия гетмана воевода А. Кисель писал: «Хмельницкий все то видит и слышит», но ничего не делает<sup>4</sup>.

Нередко мелкая и средняя шляхта, столкнувшись с суровой действительностью, вынуждена была до времени довольствоваться тем, что ей удавалось урвать у своих строптивых крестьян, решив, как говорил один польский панок, что «лучше терпеть обиды от своих подданных, нежели с ними вести войну», т. е. лучше получать хоть что-нибудь с крестьян, чем ничего<sup>5</sup>. Другой шляхтич с чувством полной безнадежности писал по поводу отношений, сложившихся в это время между панам и их крестья-

<sup>1</sup> И. П. Крипякевич. Богдан Хмельницкий, стр. 289.

<sup>2</sup> Воссоединение Украины с Россией, т. II, док. 182, стр. 432. — *Курсив наш.*

<sup>3</sup> Pamiętnik M. Yemiolowskiego, стр. 17.

<sup>4</sup> J. Michalowskiego Księga, док. 161, стр. 509.

<sup>5</sup> Краткая история о бунтах Хмельницкого с 1647 года. Перевод с польского, М., 1847, стр. 29.

нами: «Но какого исправления можно было ожидать от таких своевольных и необузданных подданных? Наше перемирие с ними пахло рабством для нас самих»<sup>1</sup>. Н. И. Костомаров приводит следующий эпизод. Под Немировом крестьяне нескольких сел вынесли такое решение на своей сходке: «А що, дамо йому [пану] плуг, волів та чотири мірки солоду — буде з нього, аби не вмер з голоду»<sup>2</sup>. Правда, подобные случаи нельзя считать типичными, т. к. в огромном большинстве случаев крестьяне самым решительным образом расправлялись со своими угнетателями.

Более решительно, надо полагать, действовала гетманская администрация, когда дело касалось владельческих прав украинских светских и духовных феодалов. В мае 1650 г., например, гетманская канцелярия потребовала от кишиневских мещан подчиниться пану Г. Пекулицкому, «яко державцу своему». В декрете войскового суда по этому поводу содержится ссылка на то, что «по милости божой покой стал і всяким державцам пан гетман грамоти владетельные подавал». Подобные универсалы, однако, как справедливо отмечает И. П. Крипякевич, выдавались не в массовом порядке, а лишь в отдельных случаях, вероятно по просьбе владельцев, и обязательно с соответствующей мотивацией. В последней содержалось, как правило, указание на то, что тот или другой шляхтич оказал Запорожскому войску услуги и гетман считает теперь нужным вознаградить его: «поважачи зичливість противко нас, а не мній [мене] услуги противко [в пользу] церкви божой...», «которые от початку войны щире служачи у Войску Запорожском, в каждих потребах добре ставають и за віру православную біуться»<sup>3</sup>. Раздавая во время войны универсалы украинской шляхте, Б. Хмельницкий, несомненно, хотел также заручиться ее поддержкой, опасаясь, что в противном случае она перейдет на сторону врага.

Немало универсалов — подтвердительных, а также на новые земельные владения было роздано православным монастырям. В гетманском универсале от 11 января 1651 г., например, значилось: «Церквам и монастырям для поправки и выжевления при- даваем маетности ляцкие и млины». В мае того же года был издан универсал Макашовскому монастырю, подтверждавший за ним права на владение рядом сел и требовавший от монастырских крестьян, чтобы они «так яко здавна и тепер послушенство отдавали»<sup>4</sup>. Аналогичные универсалы получили почти и все другие православные монастыри<sup>5</sup>. Не последнюю роль при этом, надо думать, играло желание гетманской канцелярии использовать

<sup>1</sup> Н. И. Костомаров, Собр. соч., кн. 4, стр. 352.

<sup>2</sup> Н. И. Костомаров, Богдан Хмельницкий, т. II, СПб, 1859, стр. 40. Сравни Летописное повествование А. Ригельмана, стр. 147.

<sup>3</sup> И. П. Крипякевич, Б. Хмельницкий, стр. 270.

<sup>4</sup> Г. А. Гриценко, Из історії антифеодальної боротьби селянських мас, НЗЧДУ, 1954, стр. 114.

<sup>5</sup> См. И. П. Крипякевич, Б. Хмельницкий, стр. 254—265.

авторитет православной церкви, ее влияние для утверждения своей власти и успешного продолжения войны против Польши.

Политика гетманских властей, а также бесчинства панов, стремившихся силой восстановить старые крепостнические порядки, вызвали резкое недовольство крестьянства и привели к обострению классовой борьбы на Украине. Крестьянские восстания, охватившие в конце 1649 — первой половине 1650 г. целые районы Украины, были направлены как против польских, так и украинских феодалов и лично Б. Хмельницкого. 15 августа русский гонец П. Протасов доносил правительству, что в Киеве ему «ведомо то учинилось, что шляхтов многих казаки побили и побивают, и сметя великая чинитца»<sup>1</sup>. Повстанцы нападали на православные монастыри, которые особенно спешили с восстановлением крепостнических отношений. Так, на Левобережной Украине крестьяне избили «о смерть» несколько сот монахов. В октябре 1649 г. восстали крестьяне села Мацевичи, принадлежавшего Густинскому монастырю.

Большим размахом и остротой отличалась антифеодалная борьба на Брацлавщине, где ее возглавил полковник Данило Нечай — один из героев освободительной войны. Интересные сведения, хотя и содержащие явное преувеличение, сообщил 4 апреля 1650 г. русский послам братьям Пушкиным шляхтич с Украины: «Запорожские де черкасы,— сказал он,— стоят в собранье, а гетман у них Матвей Гладкий, а с ним тридцать тысяч стоит около Константинова, да с полковником с Кривоносом-сыном сорок тысяч стоит, от Каменца Подольского в трех милях Нечай, а с ним тридцать тысяч стоит около Бару». «А около де Чернигова и Стародуба и Почепа,— продолжал он,— все мещане [жители] збунтовалися и стоят все собрався в копах, многие панов своих побили». Одновременно он отметил недовольство восставших гетманом Б. Хмельницким и окружавшей его казацкой старшиной: всех их «и Богдана Хмельнитцкого гетман Гладкий и Кривонос-сын и Нечай называют изменниками и криприсяжниками»<sup>2</sup>.

6 апреля шляхтич Ян Чернявский, только что возвратившийся с Вольни, подтвердил это известие. «На Украине,— сообщил он братьям Пушкиным,— чернь и лейстровые бунтуютца и на том договоре, что договорились под Збаражем, быть не хотят, а хотят собрався итти на Польшу войною», а шляхтичей, которые «на Украину заехали было в свои маетности, и тех всех хлопи, взбунтовався, побивают до смерти, а животы их шарпают». Не в лучшем положении оказались королевские урядники, ибо «и те все живут от казаков в великом страхованье, укупая дни свои, кланяютца и почет и всякую ласку чинят». Киевского

<sup>1</sup> Воссоединение Украины с Россией, т. II, док. 144, стр. 349.

<sup>2</sup> ЦГАДА СССР, ф. Сношения России с Польшей, 1650, д. 3, лл. 273—274.

воеводу А. Киселя, пытавшегося уговорить казаков, последние хотели ночью «конечно утопить» в Днепре «и митрополит киевский (С. Коссов) одва упросил... [их], чтоб они Адама Киселя в воду не посадили,... и то де бог ведает, одва ему, Адаму, быть ли живу от казаков». Чернявский тоже отметил недовольство восставших, а также близких к народу старшин политикой гетмана: «полковники де Матвей Гладкой и Нечай и Кривonos, хсть с Хмельнитцким и пьют и едят вместе, а мысль не одну имеют, называют Хмельницкого ляхом похлебцею [пособником]»<sup>1</sup>.

Вскоре после того как движение крестьян и казаков на Брацлавщине и Киевщине было разгромлено гетманскими властями, против Б. Хмельницкого и старшин вспыхнуло другое восстание, на этот раз уже на Запорожье. Запорожцы и беглые крестьяне избрали в Сечи нового гетмана — Худолея. Но и это восстание было жестоко подавлено, а Худолей и многие другие повстанцы схвачены и казнены<sup>2</sup>. Гетманская канцелярия издала в 1649—1650 гг. целый ряд распоряжений, требующих сурового наказания восставших или неповинующихся крестьян. Универсалом от 8 октября 1649 г. прилуцкому полковнику, например, было приказано, чтобы он «козаков и селян мацеевских смирил, которые не послушны [Густинскому] монастырю», а универсалом от 1 июля 1650 г. сотнику бужинскому — «непослушных карати и вольностей товариства нашего постерегати, а подданных панских не укывати, и абы тамо жадная сваволя не была»<sup>3</sup>.

Однако никакими карами нельзя было приостановить борьбу крестьян против польских и украинских феодалов. В октябре 1650 г., когда Б. Хмельницкий стал собирать казаков для похода на Молдавию, это было воспринято крестьянством как сигнал к восстанию против панов. «И в Киеве,— доносили отсюда русские посланцы П. Протасов и Г. Богданов,— учало быть большое смятенье и чаяли того впрямь, что гетман... с войском своим идет попржежнему поляков воевать. И по многим местам и по дорогам казаки урядников и державцов и панских слуг побили»<sup>4</sup>. О восстаниях на Украине в это время говорится так же в универсале гетмана от 20 сентября 1650 г., (написанном во время похода на Молдавию). В нем значилось, что едва «войско до земли волошские рушило», как «некоторые своевольные... которые до подданства належат, не будучи паном своим послушными и зичливыми и овшем неприятельны, много шляхты панов своих потопили, пограбовали, и теперь не устаючи в передсвяттю своем на здоровье панское наступают и послушными быти не хотят, але бунты и своеволю вчиняют». Универсал заканчивался угрозами, что «тые зась, которые кровь певную пролили

<sup>1</sup> ЦГАДА СССР, ф. Сношения России с Польшей, 1650, д. 3, лл. 275—278.

<sup>2</sup> Історія України в документах і матеріалах, т. III, док. 148, стр. 189—190. Донесение А. Киселя королю от 16 марта 1650 г.

<sup>3</sup> І. Гриценко, Із історії антифеодальної боротьби, стр. 112.

<sup>4</sup> Воссоединение Украины с Россией, док. 189, стр. 456.



и покой нарушили, горлового каранья [смертной казни] не уйдут, яко же и тут за тое не одного на горле карали есмо»<sup>1</sup>. Действительно, после того как весной 1651 г. стало известно, что повстанцы нападают на имения, в частности Мгарского монастыря и «великие убытки... монастыреве тамошнему... чинят», гетман своим универсалом от 9 мая приказал миргородскому полковнику, чтобы он «таких своевольников, которые наименшую кривду местцу святому [монастырю] чинили... вешал, стинал [отсекал головы] и ведлуг слушности [по заслугам] карал»<sup>2</sup>.

Общее напряженное положение на Украине осложнялось, к тому же, непрерывными провокациями, совершаемыми магнатами и шляхтой на границе. Соединяясь в отряды, паны вторгались на казацкую территорию, зверски расправлялись с населением, не щадя женщин, стариков и младенцев. Особой жестокостью отличались наезды И. Вишневецкого и его подручных. Монах Бизюковского Дорогобужского монастыря, переехавший в Россию, рассказал 29 марта 1650 г. вяземскому воеводе Ивану Бутурлину, что «после сойму... ксенжа Вешневецкой побил у казаков з две тысячи человек и, наругаючись, велел им ноги отсекаать, а у жон их груди вырезывать, а у детей их глаза выкалывать»<sup>3</sup>. Подчеркивая стремление восточнукраинских магнатов сорвать перемирие и спровоцировать войну, вольновский воевода Федор Арсеньев писал 15 февраля 1650 г. в Москву: «Вишневецкой и Радивил и Краковский (Н. Потоцкий) и Сапегич короля ни в чем не слушают и збираютца... хотят итти на Хмельницкого на казаков»<sup>4</sup>. Об этих происках магнатов говорит в своей Записке и Г. Кунаков, который будучи во Львове, по дороге в Россию, слышал разговоры «в темном ряду под ратушем», что «сенаторы польские [после сейма] говорили меж собою вслух: лучше де Польскому королевству погибнути, нежели мы от козак многое поношение терпети имамы»<sup>5</sup>.

Все это, без сомнения, следует учитывать при оценке политики Б. Хмельницкого в крестьянском вопросе. Подавляя крестьянские восстания, гетман, надо думать, стремился не только к упорочению классового господства украинских феодалов; он, по всей вероятности, опасался также, как бы разрозненные крестьянские выступления не были использованы польскими панами в качестве повода для немедленного возобновления военных действий в момент, когда Украина еще не была готова к войне. На это обстоятельство, по-видимому, намекает и анонимный польский летописец, говоря, что хотя Б. Хмельницкий сурово расправлялся с восставшими крестьянами, «а беглецов на

<sup>1</sup> *И. Гриценко. Из історії антифеодальної боротьби*, стр. 112.

<sup>2</sup> Там же, стр. 113—114.

<sup>3</sup> ЦГАДА СССР, ф. Сношения России с Польшей, 1950, д. 1, л. 207.

<sup>4</sup> ЦГАДА СССР, ф. Разрядный приказ, Белгородский стол. стлб. 297, л. 525.

<sup>5</sup> Акты ЮЗР, т. III, стр. 409.

веревках доставлял к их господам, но в сердце ковал другое»<sup>1</sup>. Осторожная и осмотрительная политика руководителей освободительной войны, главным образом Б. Хмельницкого, в крестьянском вопросе способствовала сохранению общенародного фронта, облегчала проведение подготовительных военных и дипломатических мероприятий для продолжения борьбы с панской Польшей во имя полного освобождения Украины и воссоединения ее с Россией.

---

<sup>1</sup> Краткая история о бунтах Хмельницкого, стр. 41—42.



# Глава VIII



УКРАИНСКАЯ ДИПЛОМАТИЯ  
В ПЕРИОД  
ПОДГОТОВКИ ПАНСКОЙ ПОЛЬШИ  
К ВОЗОБНОВЛЕНИЮ ВОЙНЫ  
ПРОТИВ УКРАИНЫ





К началу 1650 г. наступление феодально-католической реакции в Польше значительно усилилось. Во время болезни, а затем после смерти коронного канцлера Ю. Оссолинского (ум. 30 июля 1650 г.) заметно возросло влияние магнатской группировки на государственные дела. Фактическим руководителем польской политики стал подканцлер бискуп Андрей Лещинский, ярый католик. Лещинский был ставленником магнатов, защитником их интересов в правительстве. Возросшее влияние магнатской олигархии сказалось уже в период сейма.

После сейма польская дипломатия, руководимая Лещинским, с новой силой развернула свою деятельность, направленную на подавление освободительного движения украинского народа. Польские дипломаты плетут в этот период сложную сеть интриг; целью которых было одновременное достижение трех основных задач. Они старались, с одной стороны, противопоставить украинским казакам крымским татарам, с другой, организовать совместный поход казаков и татар на Россию и, наконец, спровоцировать выступление России в союзе с Польшей против Украины. Осуществление хотя бы одного из этих планов, по мнению польских политиков, внесло бы раздор в среду противников Речи Посполитой, привело бы к их взаимному ослаблению, а ей самой обеспечило бы полную свободу действий на Украине.

Уже в январе 1650 г. в Варшаве имели место переговоры польского правительства с крымским послом Мустафой агой. Основной темой переговоров был совместный поход польского и татарского войска против России. Об этом же говорилось в королевской грамоте хану, посланной через Мустафу агу. «Москали,— читаем мы тут,— наши общие враги: не владеют ли они достоянием татар?... если ханское величество соединится с королем на завоевание Московского государства, то получит в удел Астраханское царство»<sup>1</sup>. В поход на Россию, надо думать, польское правительство намеревалось отправить не свое войско, а

<sup>1</sup> См.: Н. И. Костомаров, Собр. соч., кн. 4, стр. 360.

украинских казаков. В случае успешного похода оно рассчитывало договориться с ханом о совместных действиях против тех же казаков. Сохранилось, например, письмо А. Киселя Б. Хмельницкому от мая 1650 г., в котором он уверял гетмана, что «не токмо един лист, но три един по другому имех от короля его милости о московской неприязни [надо понимать против Польши и Украины.— В. Г.]»<sup>1</sup>. Подобными приемами польское правительство пыталось настроить украинских казаков против России.

В это же примерно время, ранней весной 1650 г., Польша отправила в Крым своих послов — Бечинского и Ленгофа. Они привезли с собой в Варшаву ответное письмо хана от 1 апреля 1650 г., в котором тот давал согласие выступить против России. «Летом или зимой, как только будет на то Ваша воля, — писал хан, — мы всегда готовы; ждем лишь Вашего знака»<sup>2</sup>.

Между тем 16 марта 1650 г. в сопровождении большой и блестящей свиты (ок. 120 чел.) в Варшаву прибыли великие и полномочные русские послы братья Григорий и Степан Пушкины. Украинские казацкие летописцы склонны считать, что посольство это было отправлено в Польшу в результате согласованных действий русской и украинской дипломатии и имело целью защиту общих русско-украинских интересов. «Тогож року, — пишет, например, Самовидец, — Хмельницкий начал соглашаться с Российским государством, и тайны лядские его царскому величеству открывал и великий государь... [послал] Пушкина до короля польского»<sup>3</sup>. Сообщение Самовидца верно во всяком случае в том смысле, что посольство Пушкиных имело прямое касательство к польско-украинским отношениям и, следовательно, к освободительной войне украинского народа.

До нас, к сожалению, не дошла инструкция, полученная послами в Москве. Однако, вероятнее всего, посольство имело целью оказать давление на Польшу и добиться возвращения отнятых ею земель. Одновременно русское правительство рассчитывало получить сведения о международном положении Речи Посполитой, ее отношениях с другими странами. Впоследствии братья Пушкины сами указывали, что им было велено, «будучи в Польше и Литве, проведать вестей, как ныне польской Ян Казимир король с турецким салтаном, и с кызылбашским шахом, и с цесарем римским, и з шпанским, и з датцким королем, и с свейскою королевою, и з галанскими владетели, и с крымским царем... и иных государств послы... у короля бывали ль... и о чем приходили и с чем отпущены»<sup>4</sup>. Но к этому вопросу мы еще вернемся.

<sup>1</sup> ЦГАДА СССР, ф. Сношения России с Польшей, 1652, д., 1 лл. 204—205.

<sup>2</sup> J. Michałowskiego Księga, док. 176, стр. 540.

<sup>3</sup> Летопись Самовидца, стр. 227. О том же, почти слово в слово читаем у Грабянки (см.: Летопись Г. Грабянки, стр. 227).

<sup>4</sup> Воссоединение Украины с Россией, т. II, док 144, стр. 341.

Уже на первом заседании с польскими сенаторами, 20 марта 1650 г., Г. Г. Пушкин недвусмысленно дал понять, что мир с Польшей висит на волоске. Он заявил, что хотя царь со своей стороны делал все для сохранения мира и даже пытался помирить Б. Хмельницкого с королем, однако польское правительство нарушает «вечное dokonчание» и преднамеренно наносит оскорбление Русскому государству. «В грамотах королевского величества с стороны, — говорил посол, — и в листах воевод и державцов и с порубежных городов писано во многие лета великих государей наших... имянованье и титулы не по вечному dokonчанию, з безчестьем». Более того, в Польше с разрешения короля и сенаторов изданы недавно книги, содержащие неслыханные оскорбления по адресу царя: «напечатано такое злое и лютое безчестье великим государем нашим помазаником Божиим и монархом великим, чево и простому человеку терпети невозможно».

Когда сенаторы начали оправдываться, «что то чинили не с хитрости и не с умыслу, но пропискою и омылкою», послы оборвали их замечаньем: «как вам, панам раде, не стыдно говорить мимо истинные правды и отговариватца наружною и явною неправдою?» Русское правительство неоднократно требовало наказания виновных, тем не менее минуло уже 15 лет, а сенаторы им «каранья за те их вины... и исправленья не учинили». Отметив, что теперь сенаторам «отговариватца от такова явного своего дела нечем», братья Пушкины потребовали в виде компенсации от польского правительства казни Вишневецкого, Потоцкого, Калиновского и др. сенаторов, виновных в искажении царского титула, возвращения России Смоленска и других захваченных земель, внесения в царскую казну 500 тысяч злотых.

В случае отказа польского правительства от выполнения предъявленных требований, русские послы грозили расторгжением вечного dokonчания и войной. «На нашей стороне, — заявили при этом они, — будет и ваше Запорожское войско, которое уже давно просится под власть царя», а между тем «ваше государство так опустошено жолнерами и войной, что, начиная от Смоленска и до самого Станиславова мы не видели ни одной даже курицы, ни одного смеющегося человека»<sup>1</sup>. Более того, в Польше и Литве «многие люди гладом помирают».

Речь Посполитая, подчеркнули послы, не может рассчитывать на те успехи в войне с Россией, которых она добилась во время интервенции начала XVII века, ибо «и воинское ратное дело на одной мере не стоит». Русское государство стало значительно сильнее. Польше же украинские казаки нанесли сокрушительные удары и вконец ослабили ее: «А ныне вы сами видите над собою победу и одоление и лютое конечное разоренье... от подданных своих, запорожских черкас, что они государство ваше повоевали довольно, и города многие поймали, и гордые

<sup>1</sup> J. Michałowskiego Księga, док. 175, стр. 537.



ваши пыхы поломали, и дома ваши облушили, начальных ваших людей и промышленников, гетманов великого и польного в полон взяли, и лутчее ваше квартяное войско побили, прозванное ваше коло рыцерское разрушили и иные ваши многие сенаторские хорухви поймали, а людей побили и в плен поймали». Стоит только царю оказать украинским казакам помощь своим войском, и Польша погибла: «И только бы... великий государь наш... велел черкасскому войску учинить помочь своими государевыми ратными людьми, и от того бы... коруне Польской... быти в конечном в великом разоренье»<sup>1</sup>.

Категорическая форма, в которую облекли свои требования русские послы, не на шутку встревожила польские политические круги. Никто не сомневался, что Россия ищет лишь повода для разрыва мирных отношений. В тот же день, 20 марта, король обратился с посланием к примасу и бискупам, испрашивая их совета. При этом Ян Казимир заметил, что русские послы «народ упорный, от инструкции своей, думаю, не отступят и война грозит нам неизбежно»<sup>2</sup>. И действительно, все попытки сенаторов смягчить послов, все клятвенные заверения насчет того, что впредь искажение царского титула не повторится, разбились об упорство братьев Пушкиных: «Мы, — говорили Пушкины, — государские чины и посольские обычаи твердо разумеем, и бесчестья королевскому величеству не было. А вы, паны радные, — упрекали они сенаторов, — сами себя выхваляете и называетесь учеными людьми, а в пятнадцать лет не можете научиться как именовать и описывать великих государей наших»<sup>3</sup>.

Переговоры в Варшаве продолжались еще довольно долго, но так ни к чему и не привели.

Между тем в России совершенно неожиданно произошли события, оказавшие значительное влияние на ход переговоров братьев Пушкиных с польским правительством. В конце февраля 1650 г. вспыхнуло восстание во Пскове. Городская беднота разгромила дворы богатых посадских людей. Воевода был отстранен от власти. Последняя перешла в руки выборных земских старост. В середине марта началось восстание в Новгороде. Правительство спешно послало на его подавление карательный отряд во главе с князем И. Хованским. 13 апреля последнему удалось обманом вступить в Новгород. Однако взять Псков оказалось делом гораздо более трудным. Псковичи посадили в тюрьму посланцев Хованского и заявили: «Полно де и того, что [князь] обманул Новгород и вшел в город, а их, псковичь, не обмануть». Жители, к которым примкнуло население окрестных посадов, мужественно защищали Псков. Осада его затянулась до августа 1650 г.

<sup>1</sup> Воссоединение Украины с Россией, т. II, док. 144, стр. 338.

<sup>2</sup> J. Michałowskiego Księga, док. 174, стр. 535.

<sup>3</sup> С. М. Соловьев, История России, кн. 2, стр. 1599.

В самой Москве под влиянием слухов о восстании в Пскове и Новгороде сложилась напряженная атмосфера. В народе слышен был глухой ропот. Как доносили старосты черных сотен и слобод, «носитца де площадная речь, будто будет на Москве грабеж». Шведские послы сообщали, что при них царские власти в столице «уже многих казнили, били кнутом, отрезывали уши». Как и во время восстания 1648-г., подняла голову ослабленная, но не разгромленная до конца боярская оппозиция во главе с князем Я. К. Черкасским и Н. И. Морозовым. Признаки волнений среди городского населения наметились в Курске, Орле, Царево-Алексееве и в Переяславе Рязанском.

Однако больше всего правительство беспокоило известия о широком крестьянском движении, охватившем Псковскую землю и соседние с ней области. Многие северо-западные уезды, в том числе Шелонская пятина, превратились в арену настоящей партизанской войны крестьянских повстанческих отрядов. К крестьянам примкнули горожане. Псковские дворяне жаловались правительству, что из осажденного города вышли «воры многие с уездными шишами [так презрительно называли власти восставших крестьян.— В. Г.] воровать, и дворян и детей боярских и всяких жилецких людей селы и деревни пожгли». Повстанцы нападали даже на карательные отряды, которые осаждали Псков. Хованский сообщил правительству, что для взятия города ему по крайней мере «пехоты надобно тысяч з десять»<sup>1</sup>.

Как раз во время этих тревожных событий русским правительством были получены сведения о появлении в Польше, точнее на Украине, самозванца Тимошки Акундинова, который выдал себя не то за сына, не то за внука царя Василия Шуйского. 24 мая 1650 г. донской атаман Яков Жуков «с товарищи» доставил в Москву обращение Акундинова к донским казакам, в котором тот «своею рукою называл себя непристойным именем царя Василья Ивановича сыном». Кроме того, Акундинов «же писал своею ж рукою в Путивль»<sup>2</sup>. Вскоре после этого прибыло сообщение белгородского воеводы, который со слов стрелецкого головы В. Стрюкова, вернувшегося от Хмельницкого, донес, будто Акундинов ушел с Украины в Россию «с охочими литовскими людьми добрыми, а итти де ему на Дон к донским казаком и козаков де приводить к себе [к присяге]... и... поднимать полки и итти к Астрахани». С ним якобы «войско казачье пошло шесть тысяч, да семнадцать гормат [пушек]»<sup>3</sup>. Правительство получило также сведения, будто Акундинов поддерживает связь с восставшими псковичами, которые надеются,

<sup>1</sup> М. Н. Тихомиров, Восстание в Новгороде и Пскове в 1650 г. Очерки истории СССР, XVII век, М., 1955, стр. 249—256.

<sup>2</sup> Воссоединение Украины с Россией, т. II, док. 181, стр. 418; док. 153, стр. 364.

<sup>3</sup> ЦГАДА СССР, ф. Посольский приказ, Малороссийские дела, 1650, д. 2, лл. 36—37.

что он придет к ним на помощь во главе донских и запорожских казаков. Псковичи уверяли друг друга, что им нужно стоять «против Хованского крепко... а государь [т. е. Акундинов.—В.Г.] де будет с казаками донскими и запорожскими подо Псков на выручку вскоре»<sup>1</sup>.

30 мая 1650 г. со специальным гонцом в Варшаву к братьям Пушкиным была отправлена царская грамота с сообщением об Акундинове. «Во прошлом во 152-м году,—гласила грамота,—изменил нам, великому государю, Новые чети подъячей Тимошка Анкидинов, отъехал к польскому Владиславу королю... а ныне он., приехал в Войско Запорожское к гетману к Богдану Хмельницкому и называетца Московского государства царевичем блаженные памяти царя... Василия Ивановича... сыном князем Иваном». Понимая, какую фатальную роль может играть самозванец при сложившихся обстоятельствах, русское правительство предписывало Пушкиным добиться любой ценой его выдачи. За это оно давало даже согласие на подтверждение «вечного мира» с Польшей. «Да как король и паны рада того вора, Тимошку Анкидинова, вам отдадут,—повелевал царь Пушкиным,—и вы б. нашими государскими подтверженными грамотами разменялись, и ехали б есте к нам к Москве... а того вора, Тимошку, велели вести з большим береженьем, чтоб он в дороге никуды не ушел» и т. д.<sup>2</sup>. Одновременно был отправлен гонец и на Украину к Б. Хмельницкому.

Под влиянием всего этого 4 июля в Москве был спешно созван Земский собор. Правительство согласилось объявить амнистию («простить») всем псковичам — участникам восстания. Для переговоров с ними из Москвы была отправлена специальная делегация во главе с коломенским епископом Рафаилом. Однако капитулировал Псков только в конце августа. Правительство, конечно, не сдержало своего слова и приступило к сыску «заводчиков». Однако волнения псковских крестьян продолжались еще в течение всей зимы 1650 г. Даже в феврале 1651 г., по донесениям, тут происходили «татьбы и разбой и убивства и смутные всякие затейные воровские слова»<sup>3</sup>.

Еще столь неумолимые и решительные накануне, русские послы в Варшаве, получив инструкцию правительства ни в коем случае не допустить разрыва мирных отношений с Польшей, — или, как значилось в грамоте, — «чтоб однолично к разорванью не привести»<sup>4</sup>, круто меняют тактику. Братья Пушкины пошли напятную или, как говорили тогда, «спустили бас на квинту». Началось с того, что они изъявили готовность отказаться от требования о возвращении Смоленска и других русских городов и

<sup>1</sup> См.: М. Н. Тихомиров, Псковское восстание 1650 г., М.-Л., 1935, стр. 130—134.

<sup>2</sup> Воссоединение Украины с Россией, т. II, док. 144, стр. 342—344.

<sup>3</sup> М. Н. Тихомиров, Восстание в Новгороде и Пскове, стр. 255—256.

<sup>4</sup> Воссоединение Украины с Россией, т. II, док. 144, стр. 343.

удовлетвориться наказанием некоторых наиболее видных магнатов, известных своей враждебностью к России и Украине: «Казните Вишневецкого, Потоцкого, Кишку, хорунжего [Коньпольского] и других, — заявили они, — и мы не станем настаивать на городах»<sup>1</sup>. В вопросе о книгах послы также пошли на уступки, потребовав, чтобы они были публично сожжены и впредь не издавались. Вначале поляки не согласились на сожжение книг, но, услышав, что послы хотят просить отпуска, поспешили принять это требование. В присутствии членов русского посольства книги были публично преданы сожжению. Затем герольды протрубили по городу о сожжении книг и о немедленной сдаче запрещенных сочинений королевским властям<sup>2</sup>. Наконец, русские послы подтвердили «вечное докончанье» 1634 г., дополнив его пунктом о том, что соглашение короля с ханом под Зборовом не содержит ничего противного России. Тем переговоры и закончились. 21 июля 1650 г. братья Пушкины выехали из Варшавы в Москву<sup>3</sup>.

Перед своим отъездом из польской столицы братья Пушкины встретились с украинскими казацкими послами во главе с Самуилом Богдановичем-Зарудным, которые привезли реестр для утверждения его королем. Сразу по прибытии казацкие послы установили связь с братьями Пушкиными. Первый визит они нанесли им 22 апреля. Выражая свое удовлетворение позицией, занятой русским правительством по отношению к Польше, казацкие послы рассказали о том впечатлении, которое произвело выступление Пушкиных на польские правящие круги. Еще по дороге в Варшаву они встретились с королевским гонцом, направлявшимся с письмом к Б. Хмельницкому. Гонец с явной тревогой сообщил им, «что присланы от царского величества великие послы и просят того, чтоб города Смоленска и иных уступили и многих панов и сенаторей карали горлом, а причины де никакие не оказали». Далее казацкие послы рассказали, что польское правительство, желая заставить русских послов отказаться от своих требований, предложило им, Богдановичу-Зарудному и его товарищам, оказать давление на Пушкиных. Оно требовало, чтобы при встрече с русскими послами казацкие говорили, «что они будут заодно с ляхами против царского величества стоять»<sup>4</sup>.

Сношения казацких послов с Пушкиными не остались тайной для польских властей. Кисель в письме Николаю Потоцкому рекомендовал в связи с этим поскорее отпустить «с должным почтением» казацких послов, а Пушкиных предупредить, «что лучше водиться с панами, чем с мужиками» (намек на антифеодаль-

<sup>1</sup> L. Kubala, Szkice historyczne, т. 1, стр. 222.

<sup>2</sup> С. М. Соловьев, История России, стр. 350.

<sup>3</sup> Акты ЮЗР, т. VIII, стр. 359

<sup>4</sup> ЦГАДА СССР, ф. Сношения России с Польшей, 1650, стлб. 3.

ный характер движения на Украине), иначе и им не избежать подобной опасности [т. е. народного восстания.— В. Г.]»<sup>1</sup>.

Несмотря однако на запрет, казацкие послы нашли способ поддерживать связь с Пушкиными. 29 апреля, на подворье, где стояли русские послы, тайно пробрался человек Зарудного. Он передал просьбу казацких послов не отказываться от предъявленных полякам требований: «чтоб царского величества великие послы о чем присланы — за то стояли, а чего учили просить сперва, и с того ничего не уступали». Посланец заверял Пушкиных, что в случае вступления России на стороне Украины в войну против Польши, их поддержит и значительная часть польского народа, «потому что многие шляхи, шляхта небогатая и всяких чинов люди... живут от сенаторей и от нарочитых шляхт [магнатов] в больших обидах»<sup>2</sup>. В заключение казацкий посланец просил о скорейшем решении вопроса о воссоединении Украины с Россией: «учали б они,— сказал он,— жити царского величества под высокою рукою безо всякого опасения». Впоследствии в своем отчете Пушкины отмечали, что последние слова казак «говорил со слезами».

Во время своего пребывания в Варшаве русские послы собрали сведения о международном положении Польши, которое, кстати, представлялось им довольно благоприятным. В своем отчете царю они писали: «А по разговорным, государь, речам король польской со всеми государствы в миру, ссоры ни с кем, сказывают, у него нет». Швеция, например, якобы готова была даже продлить мирный договор с Речью Посполитой: «А паны, государь, рада сказывала нам, холопом твоим, что свейская королева присылала к Яну Казимеру королю, чтоб на обе стороны съехатца великим послом и договор учинить о перемирье вперед на сколько доведетца... А дожидаютца де, государь, вести от французского и от галанцов. что им быти меж ими посредниками... а съезду де на посольство быть у них во Гданске». Благоприятно, по мнению Пушкиных, складывались и отношения Польши с Крымом: «А с крымским царем о миру договор учинен же, и послы крымские ныне у короля в Варшаве пришли... и от короля большая им милость и повольность во всем»<sup>3</sup>.

Реляция великих послов, наряду с антифеодальным движением, развернувшимся в России в 1650 г., была, вероятно, лишним аргументом для русского правительства в пользу того, что начинать войну против Польши еще преждевременно.

Тем не менее, невзирая на подтверждение Поляновского договора, посольство братьев Пушкиных оставило после себя довольно тревожное настроение в Варшаве. Тут понимали, что Россия может в любой момент открыть военные действия. Это, как и

<sup>1</sup> J. Michałowski Księga, док. 179, стр. 546; док. 182, стр. 552.

<sup>2</sup> ЦГАДА СССР, ф. Сношения России с Польшей, 1650, стлб. 3, — *Курсив наш.*

<sup>3</sup> Воссоединение Украины с Россией, т. II, док. 144, стр. 341.

раньше, заставляло Речь Посполитую держать наготове значительные военные силы, которые, при отсутствии угрозы со стороны России, могли быть брошены против Украины. Таким образом, дипломатическим нажимом на Польшу посредством посольства Пушкиных Россия оказала существенную поддержку народно-освободительному движению на Украине.

Во время переговоров с братьями Пушкиными из Венеции в Варшаву прибыл католический патер Альберто Вимины, направлявшийся на Украину. Прибытие Вимины было связано со стремлением Венеции осуществить свой старый проект вовлечения украинских казаков в войну против Турции. Этот проект снова всплыл сразу после получения первых известий о Зборовском мире. В поддержке польским правительством подобного плана в Венеции не сомневались, ибо в его осуществлении были одинаково заинтересованы и Венеция, и Польша, и Ватикан. Кандидатура Вимины, являвшегося долгое время агентом Ватикана в Варшаве, была выдвинута папским нунцием в Польше Торресом<sup>1</sup>. Однако польское правительство, которое как раз в это время вело переговоры с находившимся в Варшаве ханским послом Мустафой агой о совместном походе против России<sup>2</sup>, не могло, разумеется, афишировать свои истинные намерения и поэтому скрывало всякую причастность в миссии Вимины. Более того, через королевского секретаря Дони оно даже объявило «протест» венецианскому послу в Австрии Сагреду по поводу намерения Венеции вступить в сношения с Хмельницким без его ведома<sup>3</sup>.

На деле же сам король вел тайные переговоры с Виминой через Торреса. Он, например, рекомендовал Вимине в виду ненависти, которую питает украинский народ к католическому духовенству, переодеться во время предстоящего путешествия в светское платье. Имеются также сведения о встрече Вимины с канцлером Оссолинским. Канцлер уведомил его, что Хмельницкий уже подготовлен к разговору о походе казаков против Турции, ибо он лично говорил с ним об этом во время подписания Зборовского мира. Когда Вимины выказал опасения, как бы Москва не расстроила этих планов, Оссолинский успокоил его и заверил, что до этого дело не дойдет.

7 мая 1650 г. Вимины выехал из Варшавы на Украину. Путешествие его оказалось нелегким. Уже на границе казацкой территории сторожевой пост задержал Вимины, отказываясь пропустить его до тех пор, пока он не изложит цели своего путешествия. В Смеле произошел другой инцидент: мещане не

<sup>1</sup> Записки наукового т-ва ім. Шевченка, т. IV, Львів, 1907, стр. 57—58. Патер Вимины, венецианский подданный, в 1647 г. эмигрировал при таинственных обстоятельствах из Италии в Польшу. Тут он выполнял тайные поручения папского нунция Торреса.

<sup>2</sup> *L. Kubala, Szkice historyczne*, т. I, стр. 227.

<sup>3</sup> Записки наукового т-ва ім. Шевченка, т. IV, стр. 57—79.

впустили Вими́ну в город и он вынужден был ночевать в лесу. Несмотря однако на все препятствия, иезуит упорно добивался своей цели. 3 июня Вими́на прибыл в Чигирин, а 4-го был уже на приеме у Б. Хмельницкого. Он представил гетману верительную грамоту, подписанную венецианским послом в Вене Сагредом.

Хмельницкий задал Вими́не ряд вопросов о положении в Европе, о ходе войны Венеции с Турцией, а затем предложил ему изложить цель своего приезда. Вими́на стал в весьма льстивой форме говорить о том, что западноевропейские страны восторгаются успехами украинских казаков и надеются теперь, после заключения мира с Польшей, на скорое выступление их против «врагов всего христианства» — турок. При этом Вими́на нарисовал яркую картину упадка Турецкой империи: на троне, сказал он, сидит малолетний султан, среди министров царит вражда, государственная администрация — в полном расстройстве, в войске то и дело вспыхивают мятежи и т. д. Таким образом, давал он понять, Турция, занятая тяжелой многолетней борьбой с Венецией и своими вассалами, сделается легкой добычей казаков. Кроме того, заверял он гетмана, крымские татары тоже готовы присоединиться к казакам для похода на Турцию. В заключение он заявил, что задача гетмана будет значительно облегчена тем, что одновременно с его войском на Турцию ударят с моря и с суши Венеция<sup>1</sup>.

Вими́не однако не удалось ввести в заблуждение Б. Хмельницкого. Выслушав его внимательно, гетман ответил, что ему известно о переговорах хана с польскими сенаторами и о их сговоре против Украины. Что касается похода казаков на Турцию, то есть основного вопроса миссии Вими́ны, Хмельницкий заявил, что при сложившейся обстановке об этом не может быть и речи. Польские магнаты рвутся к разрыву Зборовского мира и возобновлению войны. Крымским татарам, хотя с ними и заключен договор, доверять также не приходится. Поэтому идти воевать против Турции значило оставить Украину на разграбление полякам и татарам. В самой Украине тоже множество неотложных дел, требующих к себе внимания. Вслед за тем гетман не без иронии спросил, почему Венеция обращается за помощью именно к Украине. Уместнее было бы, сказал он, вести переговоры с господарями Молдавии и Валахии, которые уже давно изнывают под турецким игом, и добиться их содействия в войне. Хмельницкий посоветовал также попытаться натравить на Турцию крымского хана.

Беседа продолжалась несколько часов. Вими́на попытался было разубедить гетмана в том, что Украине угрожает опасность со стороны Польши, однако безуспешно. Тогда опытный в политических интригах венецианец убедился, что его карта бита. В лице Хмельницкого, как это Вими́на сам признал впо-

<sup>1</sup> Записки наукового т-ва ім. Шевченка, т. IV, стр. 59—61.

следствии, он встретил превосходного дипломата, человека с проницательным умом, осведомленность которого в международных делах поразила его. Как отмечал Вимина в своем отчете о поездке на Украину, гетман сразу понял, что план Венеции призван отчасти прикрыть тайный сговор короля с ханом против Украины.

После того как великие послы братья Пушкины подтвердили вечный мир с Речью Посполитой и уехали из Варшавы, польская дипломатия принялась с удвоенной энергией за осуществление своих внешнеполитических комбинаций. Польским политическим кругам казалось, что теперь обстановка как никогда благоприятствует организации совместного похода украинских казаков и крымских татар против Русского государства.

Польское правительство, рассчитывавшее, как сказано выше, извлечь для себя немалые выгоды из этого предприятия, начало почти одновременно переговоры и с Б. Хмельницким и с ханом. В середине июня в Чигирин по поручению короля прибыл А. Кисель. Обрушив на гетмана весь свой неисчерпаемый запас «красноречия» — (среди шляхты Кисель слыл за непревзойденного оратора и дипломата), киевский воевода стал горячо уверять его, что нет более выгодного для казаков дела, как совместный поход с татарами против России. Б. Хмельницкий делал вид, что соглашается со всеми доводами Киселя и даже подбавлял ему. На вопрос Киселя, с какой стороны, по его мнению, удобнее напасть на Русское государство, гетман ответил, что лучше всего идти «Свиной дорогой», там, где Моравский шлях примыкает к Севере. При этом Хмельницкий многозначительно заметил, что это тот путь, которым пан воевода [Кисель] ехал в Москву в 1646 г. в качестве мирного посла. Кисель, видимо, не заметил иронии, потому что тут же спросил, не будет ли гетман нуждаться в помощи польского войска. Б. Хмельницкий успокоил его, говоря, что для такой акции у него и у хана сил вполне достаточно. Более того, он предупредил, что если польские войска попытаются даже приблизиться к границам казачьей территории, то «все будет испорчено»<sup>1</sup>. Окрыленный мнимым успехом, Кисель по возвращении в Киев тотчас известил короля, что не худо бы послать Богдану Хмельницкому подарок в размере одной-двух тысяч червонных, а также сувенир от имени королевы<sup>2</sup>.

30 июля 1650 г. в Чигирин прибыл турецкий посол Осман ага. Самовидец объясняет сношения Украины с Турцией как некое противодействие польско-крымским переговорам, так как гетман, «уразумев бо крымского хана замысел, что для того с ляхами побратался [имеется в виду обмен посольствами Бечинского в Крым и Мустафы аги в Варшаву.— В. Г.], дабы его,

<sup>1</sup> J. Michałowskiego Księga, док. 182, стр. 550—551. Письмо Киселя из Черкас от 20(30) июля 1650 г.

<sup>2</sup> Там же, стр. 550—551.



Хмельницкого и Украину паки придать в лядскую работу [грабство]»<sup>1</sup>.

Осман ага привез грамоту султана. Содержание ее известно из копии, которую достал во время своего вторичного пребывания в Чигирине русский посол В. Унковский<sup>2</sup>. В грамоте говорилось, что казаки в случае нужды могут рассчитывать на помощь Турции: «Естьли бы откуда неприятель порвался,— писал султан,— нам знати давайте, яко много войска потребовать будете, зараз дати готовы есме». За свою поддержку Порты просила единственно, чтобы казаки не нападали на ее владения («од вашего всего войска [ни] один любо морем, любо полем, нашему цысареви жебы в панстве его жодна шкода не была»)<sup>3</sup>.

В ответ на посольство Османа аги Хмельницкий отправил вместе с ним в Константинополь своих послов Антона Ждановича и Павла Яненко-Хмельницкого. Как видно из позднейшей грамоты султана от декабря 1650 г., гетманские послы добились того, что султан направил рескрипт крымскому хану, «чтобы глаза и уши его всегда были открыты по отношению к Польше» и чтобы он в случае необходимости немедленно помогал своим войском Богдану Хмельницкому — «Славе владельцев христианского мира, высокому избраннику нации Мессии, гетману казаков, да будет счастливой старость его», как торжественно именовал Хмельницкого султан<sup>4</sup>.

Польское правительство, между тем, направив А. Киселя для переговоров к Б. Хмельницкому, одновременно с этим торопило крымского хана с выступлением против России. 4 августа посол хана доставил гетману грамоту, в которой Ислам Гирей требовал, чтобы казаки незамедлительно «шли на Россию всем своим войском и к 26 августа были на границе, куда прибудет султан-калга с ордой». В противном случае хан грозил разрывом мира. «Ежели [на Россию] не пойдете,— писал он,— тогда нам велика братерства разорвать». Об этом ультиматуме Ислам Гирей через своего посла Мехмеда Казии аталыка поставил в известность и польского короля<sup>5</sup>.

Б. Хмельницкий оказался в очень сложном положении. Как Польша, так и Крым пытались принудить Украину выступить совместно с ними против России. К тому же, как раз в это время, 9 августа, в Польше умер коронный канцлер Ю. Оссолинский, что привело, как мы уже говорили, к усилению влияния магнатской олигархии<sup>6</sup>.

<sup>1</sup> Летопись Самовидца, стр. 229.

<sup>2</sup> Акты ЮЗР, т. VIII, стр. 352.

<sup>3</sup> Воссоединение Украины с Россией, т. II, док. 181, стр. 436.

<sup>4</sup> Історія України в документах і матеріалах, т. III, док. 155, ср. 200.

<sup>5</sup> J. Michałowskiego Księga, док. 184, стр. 555; Жерела до історії України-Руси, т. XII, стр. 138; Акты ЮЗР, т. VIII, стр. 342.

<sup>6</sup> Авторы многочисленных памфлетов — давние политические противники канцлера, не скрывали своей радости по поводу его смерти. Один из них

Перед восточноукраинскими магнатами открывалась теперь возможность сплотить все силы Речи Посполитой для борьбы против украинского народа. Б. Хмельницкий и его соратники не могли недооценивать этого чрезвычайно важного обстоятельства.

Опасность для Украины увеличивалась еще тем, что магнаты имели верного союзника в лице молдавского господаря Василия Лупула [1639—1653 гг.]. Хитрый политик, Лупул надеялся при помощи магнатов завладеть Валахией. В 1649 г. он содействовал выкупу из татарского плена злейших врагов украинского народа магнатов Н. Потоцкого и М. Калиновского. Лупул боялся влияния антифеодальной борьбы украинского народа на молдавских крестьян, положение которых значительно ухудшилось во время его правления.

Теперь, когда Польша и Крым усилили давление на Б. Хмельницкого, требуя его участия в походе против России, гетман решительным и смелым маневром отвел этот удар от Русского государства и убедил посланца хана Нуредина, что поход против славившегося своим богатством молдавского господаря Лупула был бы куда выгоднее, чем чреватое большой опасностью нападение на Россию. М. Голинский отметил в этой связи, что Б. Хмельницкий хану «итти на Россию... отсоветовал... так как русские держат наготове свои войска, уговаривал однако ударить на Молдавию... богатую страну, которая давно не знала войны и опустошения»<sup>1</sup>.

Хан Ислам Гирей довольно быстро согласился с предложением Б. Хмельницкого, понимая, что поход на Молдавию следует во всяком случае предпочесть риску войны с Россией, и направился с войском к Днестру. Гетман в свою очередь провел срочную мобилизацию реестровых и «охочих» [т. е. незачисленных в реестр] казаков и двинулся с ними к Днестру. Гонец П. Протасов сообщил русскому правительству, что при нем, 15 августа, «пришла в Киев весть от гетмана к полковникам к ево, чтоб шли к нему казаки со всем войском наспах днем и ночью... к волоскому рубежу за Днестр реку. А сказывают пошли на Волохи воевать и крымские люди с ним жа»<sup>2</sup>.

Русскому послу В. Унковскому казаки впоследствии сообщили, что польские гетманы Н. Потоцкий и М. Калиновский, собрав войско «своим скарбом (за свой счет), а не королевским

со злорадством писал:

«Умер граф из Тенчина, князь из Оссолина.

Не жалеешь ли отчизна столь славного сына?»

И отчизна отвечает на это:

«... Не жалею, ибо и он меня не щадил —

Равенство моих меньших сынов [шляхты. — В. Г.] с

достоинейшими [т. е. магнатами. — В. Г.] провозгласил!»

(J. Michalowskiego Księga, док. 186, стр. 559),

<sup>1</sup> М. Golinski, Zapiski, стр. 355—356.

<sup>2</sup> Воссоединение Украины с Россией, т. II., док. 144, стр. 349.

и не посполитое рушенье», хотели было помочь Лупулу, который «их, гетманов, выкупил из 'Крыму», и преградить Б. Хмельницкому путь в Молдавию, но, получив грозное предупреждение последнего, не рискнули начать военные действия. Молдавский поход представлен Унковским как весьма внушительное предприятие, ибо в нем, по его словам, участвовало 20 полков, не считая татар, причем два полка были оставлены гетманом на левом берегу Днестра для прикрытия тыла<sup>1</sup>.

Наступление казаков и татар застало Лупула врасплох. Его воины не обнаружили желаний защитить своего господаря. Даже из молдавской столицы — города Ясс, по свидетельству современника, «нихто не выехал и не выстрелил»<sup>2</sup>. Яссы были без труда заняты казаками. Описывая результаты похода казаков на Молдавию, Самовидец замечает, что они, «напавши на Волоскую землю, в невец усю обернули, завоевали по самые горы... тилко замки мощные одержалися, и сам господарь (Лупул) уступил был з Яс места столечного»<sup>3</sup>.

Василий Лупул, бежавший со своим двором в Сучаву, вынужден был просить мира. Гетман согласился на переговоры, но вместе с тем через своего посла полковника Джалалея счит нужным поставить в вину Лупулу, как говорил один из приближенных Хмельницкого, «что он тое войну всчал на себя сам потому, что..., забыв бога,... сложился с поляки и мыслил на него, гетмана, и Войско Запорожское всякое дурно. И будет де он учнет так делать вперед, и он, гетман, с Войском Запорожским из волоские земли его выбьют и впредь де он, волоский государь, в волоской земле государствовать не будет»<sup>4</sup>.

В. Лупул обязался впредь не помогать Польше против Украины, заплатить казакам и татарам контрибуцию в 600 тысяч талеров и отдать замуж свою младшую дочь Розанду за сына Б. Хмельницкого Тимофея<sup>5</sup>. Вернувшиеся из молдавского похода казаки рассказывали русскому послу В. Унковскому, что «волоской де владетель князь Василий учинился нивись под гетманскою властью, нивись помирился; только де гетман ему велел жить по прежнему в Ясех»<sup>6</sup>. Заключение соглашения с Молдавией явилось крупным политическим успехом руководите-

<sup>1</sup> Акты ЮЗР, т. III, стр. 326.

<sup>2</sup> А. Ф. Ермоленко. Украинско-молдавские отношения, стр. 231.

<sup>3</sup> Летопись Самовидца, стр. 23—24

<sup>4</sup> Воссоединение Украины с Россией, т. II, док. 189, стр. 458.

<sup>5</sup> Акты ЮЗР, т. VI, стр. 345; J. Michałowskiego Księga, док. 201, стр. 592; Православный палестинский сборник, т. VII, стр. 313, 315. В начале октября 1650 г. в Чигирин к Хмельницкому прибыли послы В. Лупула во главе с сучавским митрополитом, чтобы договориться о времени свадьбы Тимофея и Розанды. По словам русского посла В. Унковского, было условлено, что свадьба состоится в самом начале 1651 г., «а о приданово, — добавляет он, — ничего в договоре у них нет: что будет приданово Василей [Лупул] даст за дочерью своєю на свадьбе, тово и будет» (Воссоединение Украины с Россией, т. II, док. 182, стр. 434).

<sup>6</sup> Акты ЮЗР, т. III, стр. 326.

лей освободительной войны украинского народа. Польские паны лишились союзника в лице Лупула, а Украина обеспечила свой фланг на случай возобновления войны против Польши. Как совершенно справедливо отметил летописец Гр. Грабянка, Б. Хмельницкий «для того с волохами (молдаванами) пожелал сватовства, аби для намеренной з ляхами далшой войны от Дуная убезпечитись»<sup>1</sup>. Вместе с тем Б. Хмельницкий отвел удар татар от русского пограничья. «Таким образом,— заключает Самовидец, — Хмельницкой и турецкого царя снискал себе протекцию (поскольку и султан опасался растущего влияния Польши на своего вассала Лупула.— В. Г.) и татар от военного на Великороссийское государство похода удержал»<sup>2</sup>

В народной думе тех времен говорилось:

«То пан Хмельницкий добре учинив:  
Польшу засмутив, Волощину підбив, Україну звеселив!»

Еще задолго до похода казаков на Молдавию в панской Польше развернулась усиленная подготовка к войне против Украины. Большая роль в этой подготовке принадлежала восточно-украинским магнатам и, прежде всего, Н. Потоцкому и М. Калиновскому, недавно вернувшимся из татарского плена. Н. Потоцкий, который снова занял пост коронного гетмана, всячески торопил короля начать войну. В своем письме Яну Казимиру из-под Люблина от марта 1650 г. Н. Потоцкий пугал его тем, что вскоре казаки «оживут вновь, на сей раз, совместно с Россиею» и что они, будто, намерены перенести границы казацкой территории далеко на Запад, за Львов. Потоцкий упрекал короля в том, что он продолжает надеяться на возможность соглашения с Хмельницким, забывая, что от него успокоение Украины не зависит, ибо, если Хмельницкий даже и попытался бы услужить Польше, казаки немедленно сбросили бы его и выбрали себе нового гетмана. «Разве у них один Хмельницкий, — писал он. — Таких у них тысячи! Сегодня казнят одного, завтра выберут себе лучшего, более способного, который бы защищал их интересы. Убедился я в этом под Кумейками<sup>3</sup>: зимою уничтожил Павлюка, на весне появился Остриянин, тогда же избрали в предводители Гуно и я целых 12 месяцев воевал с ними, едва усмирил оружием и немалым пролитием крови». Ни одно восстание на Украине, уверял Потоцкий, не заканчивалось «без пускания крови, до того как хлопство не видело силы нашего войска, а земля не обагралась кровью, пока сабли не притуплялись о их [крестьян] шеи». И теперь, писал в заключение

<sup>1</sup> Летопись Гр. Грабянки, стр. 85

<sup>2</sup> Летопись Самовидца, стр. 230.

<sup>3</sup> Речь идет о битве Н. Потоцкого с повстанческим крестьянско-казацким войском во главе с П. Бутом [Павлюком], Я Остриянином и Д. Гуней. В 1638 г. под Кумейками польское войско нанесло поражение повстанцам.

Потоцкий, «нет другого способа покончить с восстанием, кроме как только саблѣй»<sup>1</sup>.

Деятельную подготовку к новой войне вела и польская дипломатия, направляемая теперь бискупом Лещинским. 22 ноября 1650 г. польское правительство отправило в Вену главу варшавской коллегии иезуитов Джиованно Батиста (Андриани)<sup>2</sup>. В связи с прибытием Батисты венецианский посол в Австрии Сагред писал своему правительству: «Дела в Польше идут к разрыву [с казаками]. Король послал сюда своего доверенного иезуита, зная, что тот имеет влияние на цесаря». Панская Польша добивалась помощи австрийского правительства в предстоящей войне против украинского народа. Батиста имел при себе письмо папского нунция в Австрии, в котором тот просил оказать Батисте содействие в выполнении его миссии<sup>3</sup>.

В своем обращении к императору Фердинанду III Ян Казимир изображал дело так, будто Хмельницкий, обеспечивший себе поддержку со стороны многих государств, грозит всему католическому миру. В виду этой опасности, уверял король, Австрия должна оказать помощь Польше, а именно: 1. направить в Польшу 8 тысяч конных воинов (4 тыс. легковооруженных и 4 тыс. драгун); 2. отправить к Б. Хмельницкому своего посла с требованием подчиниться власти Польши, ибо в противном случае Австрия объединится с Польшей против него; 3. послать австрийское войско к границам Семиградья и Молдавии и тем самым предотвратить их выступление на стороне казаков.

Австрийские политики отнеслись к просьбе Яна Казимира более чем сдержанно! Члены имперского совета, которым поручено было рассмотреть письмо короля, отказали ему в помощи, не забыв при этом напомнить Польше о ее «неблагодарности» по отношению к Австрии во время Тридцатилетней войны. Свой отказ они мотивировали тем, что помощь Польше может вовлечь Австрию в опасную войну (*in einem gefährlichen Krieg*) не только с казаками, но также с Семиградьем, Молдавией и Турцией<sup>4</sup>.

Одновременно с переговорами об австрийской помощи польская дипломатия искала поддержки у Венеции. Как видно из реляции папского нунция Торреса кардиналу Памфили от января 1651 года, польские паны, основываясь на обещании Венеции об оказании денежной помощи в случае войны с турками, уверяли, что их борьба с татарами и казаками, подданными Порты (!?), является также войной с Турцией. Вот почему, мол, Польша имеет все основания рассчитывать на денежную помощь Венеции. Но венецианские дожи выразили сомнение в правильности такого логического построения и по примеру своих ав-

<sup>1</sup> Історія України в документах і матеріалах, т. III, док. 149, стр. 191—192.

<sup>2</sup> Жерела до історії України-Руси, т. XII, стр. 146, 149.

<sup>3</sup> Там же, стр. 149.

<sup>4</sup> Там же, стр. 151—152, 153—156.

стрийских коллег отказались удовлетворить просьбы Речи Посполитой<sup>1</sup>.

Активизировались в этот период и сношения польского правительства с Крымом. Еще в конце сентября к Ислам Гирею был отправлен уже знакомый нам Бечинский. Последний, как об этом говорили в Константинополе послу Хмельницкого Антону Ждановичу, должен был «подбить татар на казаков и разорвать их братство»<sup>2</sup>. По другим сведениям, король подкупил советников хана через Бечинского. Севские воеводы донесли 22 сентября 1650 г. в Москву: «Да король же де... крымским Тугаю да бей мурзам послал мелеон золотых, а чайт де, государь, тово, что крымских татар король скупил, чтоб им казаков воевать»<sup>3</sup>.

Крымские правители не проявили энтузиазма по поводу предложения польского представителя о нападении на казаков. Они ограничились обещанием отправить к казакам и в Польшу послов для выяснения того, кто из них нарушает Зборовский договор<sup>4</sup>. Иначе, правда, восприняли в Бахчисарае предложение Бечинского о походе на Россию. В письме королю, полученном в Варшаве 19 октября 1650 г., хан писал, что весной 1651 г. он готов совместно с Польшей выступить против России. В своем воображении Ислам Гирей уже делил шкуру неубитого медведя, захватывая у России все земли, населенные мусульманами: «а на весну,— читаем в его послании,— сами [поляки]... чтобы естя на кони садились, а с другой стороны сам хан... с войском своим пойдет, а что ни добудетца крепостей и городов — все ваши [польские] будут... мы только станем тешитца теми людьми, которые суть от колена Магометова одное с нами веры»<sup>5</sup>.

В то время как Бечинский совершал свое путешествие в Бахчисарай, из Варшавы в Чигирин был направлен польский посол Воронич. Он вез гетману королевскую грамоту, в которой лицемерно говорилось о желании Яна Казимира упрочить мир и предлагалось покончить «с своеволием низов»<sup>6</sup>. В секретной инструкции Вороничу поручалось разведать планы Б. Хмельницкого и настроения среди казацких старшин<sup>7</sup>. Но Воронич так долго находился в пути, что к концу октября (ко времени его прибытия в Чигирин) Хмельницкий уже знал о происках Польши в Крыму и подготовил послу соответствующую «встречу».

Однако едва ли не главное внимание польского правительства в этот период было направлено на то, чтобы лишить Укра-

<sup>1</sup> Monumenta Poloniae, т. III, стр. 464—470.

<sup>2</sup> ЦГАДА СССР, ф. Сношения России с Польшей, 1651, стлб. 16, л. 262.

<sup>3</sup> ЦГАДА СССР, ф. Разрядный приказ, Белгородский стол, стлб. 323, л. 612—613. Донесение со слов новгород-северского шляхтича М. Чернявского.

<sup>4</sup> ЦГАДА СССР, ф. Сношения России с Польшей, 1651, д. 16, л. 262.

<sup>5</sup> Там же, д. 5а, лл. 145—147.

<sup>6</sup> Акты ЮЗР, т. VIII, стр. 355.

<sup>7</sup> Жерела до історії України-Руси, т. XVI, стр. 92.

ину самого важного — поддержки со стороны России. С этой целью осенью 1650 г. в Москву было направлено посольство во главе с Альбрехтом Пражмовским. Через него сенаторы «дружески» предостерегали Россию об опасности, якобы грозящей ее границам со стороны казаков и татар, и предлагали предпринять согласованные действия против этих «общих врагов». 19 октября Пражмовский имел беседу с боярами в Посольском приказе. Последние открыто высказали сомнение в том, что Б. Хмельницкий и казаки собираются в поход на русские земли. Пражмовскому дали понять, что в Москве хорошо известны попытки польской дипломатии подстрекать другие государства, в частности Крым, к нападению на Россию. Даже если бы казаки отважились выступить, заявили бояре Пражмовскому, то в этом была бы вина лишь польского короля, так как «король обязан поданных своих... от самовольства унимать, если... не уймет, то это будет вечному dokonчанию нарушение со стороны вашего государя»<sup>1</sup>.

Пражмовский не мог, разумеется, подтвердить обвинений, выдвинутых его правительством против казаков, никакими документами и был отпущен «без дела». Тем не менее, польское правительство не оставляло надежду вбить клин между Россией и Украиной, лишит казаков русской поддержки.

Ту же линию проводила польская дипломатия и в Турции. В октябре 1650 г., по просьбе польского правительства, австрийский резидент в Константинополе Шмидт должен был сделать представление дивану о том, сколь опасную игру затевает Турция, помогая укрепиться казакам и татарам тем более, что гетман казаков — Б. Хмельницкий — православный, и усилившись, легко может возглавить (*facesse capo*) борьбу покоренных православных балканских народов против Турции<sup>2</sup>. Так польское правительство, еще недавно подстрекавшее (посредством Вимины) казаков против турок, теперь старалось восстановить турок против казаков. Но польская дипломатия и тут просчиталась. 6 ноября 1650 г. к гетману в Чигирин вновь прибыл турецкий посол Осман ага. Точное содержание его посольства неизвестно, однако нельзя сомневаться в том, что Турция, положение которой по-прежнему оставалось весьма напряженным, не изменила своей политической линии в отношении Украины. Сношения Порты с Б. Хмельницким вызвали, как можно заключить из реляций папского нунция Торреса от 26 ноября, немалое беспокойство в Польше<sup>3</sup>.

В связи с тем, что с Украиной продолжало поддерживать сношения и Семиградье, эта тревога еще более усиливалась. В ответ на посольство гетмана, высланное к Ракочи во время по-

<sup>1</sup> См.: С. М. Соловьев, История России, стр. 1610

<sup>2</sup> Жерела до історії України-Руси, т. XII, стр. 144.

<sup>3</sup> Там же, т. XVI, стр. 96.

хода на Молдавию, 30 октября в Чигирин прибыл семиградский посол Ладислав Уйлаки. Последний поздравил Б. Хмельницкого с успешной кампанией против молдавского господаря Лупула и передал ответ Ракочи на вопрос Хмельницкого, могут ли казаки рассчитывать на военную поддержку Семиграда в случае войны с Польшей

Ответ, правда, был довольно уклончив. Ракочи жаловался на то, что ему трудно выступить на войну, так как Семиградье со всех сторон окружено враждебными государствами<sup>1</sup>. Он просил Хмельницкого помочь ему наладить дипломатические отношения с Турцией и Крымом. Из ответа было ясно, что Ракочи боится войны и не хочет выступать против Польши. По словам польского современника М. Голинского, решительным противником союза Ракочи с «хлопом» — Хмельницким была его мать, которая говорила, что если бы против него восстали собственные крестьяне, то ему не у кого было бы искать помощи, кроме польского правительства<sup>2</sup>.

Однако самые крупные опасения польских политических кругов вызывали сношения России с Украиной, тем более, что характер этих сношений оставался для них не до конца ясным.

Русское правительство, между тем, обеспокоенное ростом антифеодального движения в стране, придавало большое значение делу самозванца Тимофея Акундинова, находившегося по полученным сведениям в Лубенском монастыре, в непосредственной близости к границе. 16 августа 1650 г., в то время как казаки еще находились в молдавском походе, царь отправил на Украину посла Василия Унковского и подьячего Якова Козлова, которые должны были любой ценой добиться выдачи Акундинова. Прибыв в Чигирин, Унковский через специального гонца получил новое распоряжение царя ехать к Хмельницкому в Молдавию, если окажется, что он нес скоро вернется на Украину<sup>3</sup>.

По приезде Унковского в Чигирин, оказалось, что Акундинов пользуется здесь покровительством гетманских властей. Он даже изъявил желание увидеться с русским послом, вероятно в надежде узнать, по какому делу тот приехал, и отправил к нему своего слугу Павлика с приглашением. Однако Унковский, строго соблюдая данные ему правительством предписания, ответил, что «не быв у гетмана, чаю, видетца с тобою нельзя». Наконец, когда выяснилось, что гетман нес скоро вернется из Молдавии, между послом и самозванцем завязалась длительная переписка, в результате которой, в конце концов, было решено

<sup>1</sup> Transsylvania, т. I, стр. 118—122.

<sup>2</sup> М. Golinski, Zapiski, стр. 323—324.

<sup>3</sup> Воссоединение Украины с Россией, т. II, стр. 392, 411. Там же, док. 182, стр. 445, 411. Лубенский казачий атаман Андрей и войт Игнатий во время проезда Унковского через их город подтвердили, что действительно раньше Акундинов «жил... здесь во Мгарском монастыре [под Лубнами] по гетманскому указу, с честью, и гетман де его жалуует».



встретиться 8 октября в церкви и чтоб с каждым всего «людей было 2 человека и те без ружья»

После молебна, оставшись с глазу на глаз с Акундиновым, В. Унковский стал уговаривать его добровольно ехать с ним в Москву, обнадеживая царским прощением: «все ты те напрасные речи [о самозванчестве.— В. Г.],— сказал ему Унковский,— оставь; дай мне прямое слово: безовсякие хитрости, поедь со мной к великому государю... к Москве... и вину свою... принеси. А государь... щедр и к винным милостив, вину тебе велит отдать».<sup>1</sup> Акундинов сначала как будто согласился и даже «перекрестясь... руку дал, что едет», но потом вдруг раздумал «и стал врать многие речи», сомневаясь в том, правильно ли он поступит, откываясь добровольно от своего царского происхождения, и помилует ли его царь. Затем он потребовал, чтобы посол поклялся ему в том, что он будет в полной безопасности: «не смею ехать,— сказал он,— только не целуете креста мне на том, что меня до Москвы не уморите и на Москве меня не казнят и дурна мне не будет». Но Унковский наотрез отказался присягать, упрекая Акундинова в неуместных требованиях: «мы,— сказал он,— одному государю своему... крест целовали и целуем, а ты такие речи паки говоришь, не только что мне так зделать, и помыслить нельзе»<sup>2</sup>.

10 октября Унковский узнал, что в тот же день Акундинов «из Чигирина ездил к гетману [вернувшемуся накануне из Молдавии.— В. Г.] в Субботово и... у гетмана он обедал и потчивал ево гетман». Вернувшись из резиденции Б. Хмельницкого, Акундинов и вовсе отказался от дальнейших встреч и переговоров с Унковским («видетца не похотел и со мною не ссылался»). Оставалось одно — избавиться от самозванца, попытаться убить его. Однако это была нелегкая задача. Еще до Унковского подобную попытку предпринял русский гонец П. Протасов, но безуспешно, ибо, как доносил он впоследствии царю, стоило ему прийти в церковь и после службы приблизиться к Акундинову «и того де вора люди учали ево, Проньку (Протасова), от него отбивать и мало с ним (Протасовым) в тех дверех драки не учинили»<sup>3</sup>.

Теперь Унковский решил убить самозванца через подставных лиц, но желающих почти не оказалось, так как все боялись Б. Хмельницкого, и, кроме того, Акундинова зорко охраняла стража из казаков. «И Василей да Якор,— доносил царю о себе Унковский,— многими людьми промышляли и давали от тово много, чтоб ево, Тимошку [Акундинова], хто убил или какую отравую окормил. И ниhto тово зделать не похотел, бояся гетмана. А самим никак убить ево было нельзя, жил

<sup>1</sup> Воссоединение Украины с Россией, т. II, док. 181, стр. 413.

<sup>2</sup> Там же

<sup>3</sup> ЦГАДА СССР, ф. Посольский приказ, Сношения России с Польшей, 1650, д. 8, л. 126.

добре, бережно и прикормлено у него казаков много.. [и] гетман к нему добр». Попытка послов отравить Акундинова («окормить или каким питьем опоить») через мещанина Левка, которому они «посулили дачю немалую», тоже провалилась, так как «тот вор, Тимошка, узнал, для чего к нему Левко пришол» и в ярости «убил было его ис пищали». На этот раз уже Акундинов стал упрекать в своих письмах Унковского за то, что он Левка «человекоубийству научал... прельща очи его мздою воровскою». «И тепере што пишешь лукавне наискус и на оманку,— продолжал он,— ищешь сучца, а не чуешь в глазах своих бревна?»<sup>1</sup>.

После этого у Унковского оставалась одна надежда: выпросить самозванца у Б. Хмельницкого. 15 октября, будучи на приеме у гетмана, посол заявил ему, что прислан царем «о воре Тимошке, который к тебе пришел от папы римского и жил при тебе, гетмане, и в Лубнах... а ныне здесь в Чигирине». Унковский объявил, что самозванец — «родом... простой человек, города Вологды бобыльской сын, а был в подьячишках в худых и на Москве своровал... жену свою убил до смерти, и дом свой зажег; и от его дому многие дома погорели»<sup>2</sup>.

Настаивая на выдаче Акундинова, посол заверял гетмана в том, что царь будет признателен ему за подобную услугу. Казалось, этого вполне достаточно, чтобы побудить Б. Хмельницкого выполнить просьбу царя. Но гетман решительно отказался выдать самозванца, ссылаясь на казацкий обычай предоставлять убежище всякому беглому и преследуемому человеку: «здесь казаки, — объяснил он Унковскому, — и вольность всякая: человеку вольно к нам приехать отовсюду и жить безпечно; отдать мне его без войскового ведома нельзя»<sup>3</sup>.

Между гетманом и послом завязалось нечто вроде спора. Унковский утверждал, что Акундинов — опасный преступник и его самозванчество «не токмо великому государю... его царскому величеству за гнев, [но] и всем людям государства Московского за большую досаду». Тогда гетман попытался подействовать на посла логикой: «хто де в которую землю ни придет,— сказал он, — тех людей не отдают; я де к царскому величеству и сам хотел бежать от неприятелей своих от лехов и... только бы де он, государь, меня отдал... так бы ему, государю... грех был». Но Унковский тоже не сдавался: «ты б, гетман, к царскому величеству, — возразил он, — служить приехал, и ты власной человек и ни в чье имя не влыгаешься; а тот вор не в пристойное имя влыгаетца, и таких воров во всех государствах отдают», и привел для иллюстрации ряд примеров<sup>4</sup>.

Б. Хмельницкий однако решительно объявил, что он не может нарушить казацкие обычаи, тем более, что выдача Акун-

<sup>1</sup> Воссоединение Украины с Россией, т. II, док. 181, стр. 416.

<sup>2</sup> Там же, стр. 417.

<sup>3</sup> Там же.

<sup>4</sup> Там же, стр. 418.

динова повлечет за собой недовольство со стороны народа: «ведаю то я,— заявил он послу,— что мне от войска даром не пробыть; а ведаешь сам: с чернью хто зговорит коли встанут, и от них мне только и речей будет: хто тебе велел отдавать из войска людей вольных в неволю? У нас здесь,— объяснил гетман,— что на Дону: хто откуль ни придет, выдачи нет»<sup>1</sup>. Вместе с тем Хмельницкий обещал, что Акундинов больше не будет выдавать себя за наследника царя Шуйского и что он его пришлет в Москву после вального сейма, который должен состояться в ближайшее время. Зная, вероятно, о неудавшемся покушении на Акундинова, Хмельницкий предупредил послов, что «нелзя ево убить или уморить, чтобы не соротца», а последние поспешили заверить, что они «про то [и] не мыслили ничево»<sup>2</sup>. На этом переговоры о самозванце закончились.

Подобную позицию Б. Хмельницкого в вопросе о выдаче Т. Акундинова можно объяснить, по-видимому, желанием воспользоваться им, как одним из дополнительных факторов для оказания воздействия на русское правительство в целях побуждения его к скорейшему принятию Украины<sup>3</sup>.

Успешное решение вопроса о воссоединении Украины с Россией в ближайшее время приобретало особое значение именно теперь, когда в Польше быстро набирала силу магнатская группировка и опасность для Украины значительно усиливалась. Именно этому главному вопросу и были посвящены все последующие переговоры Б. Хмельницкого с В. Унковским в Чигирине. Гетман с нескрываемым недовольством указал на то, что хотя неоднократно просили царя о воссоединении Украины, тот отказался «Войско Запорожское... принять под... свою руку». И это происходит в то время, когда счастье само дается в руки царю: «безовсякого дурна подаровал было ему, государю, бог такое великое государство [т. е. Украину], множество народу». Б. Хмельницкий повторил при этом уже ранее высказанную им мысль, что принятие Украины сделало бы непобедимой саму Россию. «А только бы де Войско Запорожское было под государевоу высокоу рукоу к Московскому государству, и против бы ево, государя... таких великих ратных людей кто мог стоять?»<sup>4</sup>.

---

<sup>1</sup> Воссоединение Украины с Россией, т. II, док. 181, стр. 419. *Курсив наш.*

<sup>2</sup> Там же, стр. 419, 420.

<sup>3</sup> Следует иметь в виду, что несколько месяцев назад, когда Хмельницкий находился в Молдавии и не представлял себе еще ясно дела Акундинова, он дал универсал приехавшему к нему русскому посланцу П. Протасову на право ареста самозванца: «чтоб его вольно, где сыскав, яко вора, взяти» (там же, док. 144, стр. 350). Только впоследствии гетман стал придавать значение делу Акундинова, оценив ту роль, которую оно могло сыграть, как дополнительный аргумент, в ходе переговоров с Россией о воссоединении Украины.

<sup>4</sup> Воссоединение Украины с Россией, док. 181, стр. 429.

Гетман заявил, что ему известно о подтверждении русским правительством через братьев Пушкиных «вечного докончанья» с Польшей, несмотря на то, что раньше оно хотело, и совершенно правильно, разорвать мир с вероломными польскими панами. «А с лехами, де,— сказал он,— царского величества государству никак и впредь крепкому докончанью состоятца нельзе, не те они люди, а нынешний де мир, я ведаю, на чом поляки з государевыми послы докончали, и никако де тому не быть, солгут. А как де польские послы [имеется в виду посольство Д. Чеклинского] были на Москве... немного с ними миру не разорвали... да не ведаю де зачем не разорвали»<sup>1</sup>. Тут же Б. Хмельницкий пытался убедить Унковского, что воссоединением Украины царь не нарушил бы «докончанья» с Польшей, ибо украинский народ фактически уже сам освободился от власти польских панов: «милосердный ...бог... не допустил их нас всех до конца погубить, и из их проклятых рук учинил свободных»<sup>2</sup>.

Унковский, со своей стороны, стал объяснять, что царю нельзя нарушать мирного договора с Польшей. Вместе с тем русское правительство, заметил он, весьма доброжелательно относится к Украине, чего «и ни к которому гетману и к Войску Запорожскому при прежних государех... не бывало», помогает ей во время войны продовольствием, вывоз которого в Польшу запрещен («великий государь... с хлебом и солью и со всякими товары в их польскую сторону... пропускать не изволили»<sup>3</sup>). Чтобы у гетмана не создалось ложное впечатление, будто Россия не решается нарушить мир из-за отсутствия у нее войска, он тут же поспешил заявить, что «как и зачалось Московское государство, и ни при котором государе, что ныне при государе нашем... такова строенья городам и людем и нарядам [артиллерии] не бывало: от польской и от вашей стороны, от Калуги и по Путивль, во всех городех людей много, дворян и детей боярских, ройтар, и драгунскому и салдатскому строю научены... и с ними немецкие полковники и подполковники, и маюры, и ротмистры... и пушки с Москвы... привезены во все городы многие»<sup>4</sup>.

Затем Унковский, «видя его гетманское в речах многое подательство», осведомился об условиях Зборовского договора, положении польских урядников и шляхты на Украине, об отношениях с Крымом, Молдавией, Валахией, Семиградьем и т. д. Гетман ответил, что хотя по договору урядники и шляхта могут вернуться домой и владеть своими подданными, но это «владенье их со страхом» ввиду нежелания жителей подчиняться им. Что же касается мира с Польшей, то, заметил Б. Хмель-

<sup>1</sup> Воссоединение Украины с Россией, т. II, док. 181, стр. 431.

<sup>2</sup> Там же, стр. 429.

<sup>3</sup> Там же, стр. 430.

<sup>4</sup> Там же, стр. 432.

ницкий, «никоторыми мерами меж нами и меж поляки миру состоятца не мочно потому, что им не стоять на своем праве». С Крымом отношения скреплены договором, с Молдавией заключен мир, которому молдавские бояре «ради, хоть и на век». Султан тоже желает быть с казаками «в вечном миру», для чего и прислал недавно своих послов. Валахия и Семиградье ищут того, чтобы казаки «были с ними в приязни». Венеция прислала своего посла с просьбой «помочь на турецкого царя морем», так как у нее «с турецким царем война великая»<sup>1</sup>.

20 октября В. Унковский был у гетмана на прощальном обеде. Б. Хмельницкий передал свое письмо царю (до нас оно не дошло). В тот же день Унковский и другие члены посольства выехали в Москву.

---

<sup>1</sup> Воссоединение Украины с Россией, т. II, док. 181, стр. 432, 433, 439.

Несколько слов об отношениях между Украиной и Турцией в этот период. Представители буржуазной историографии Н. Костомаров, М. Грушевский и их последователи выдвинули тезис о вассальной зависимости Украины от Турции. Этого в корне неверного взгляда, как не странно, придерживался и Н. Петровский (См. М. Петровский, указ. соч., стр. 139). Но особенно настаивал на этом ложном тезисе М. Грушевский, пытавшийся опереться на два документа: на письмо Фердинанда III австрийскому резиденту в Константинополе барону Шмидту от 1651 г. и на ответ последнего от марта того же года. Фердинанд поручил Шмидту немедленно узнать, «находится ли Хмельницкий в вассалитете... от Порты» и тот, собирая сведения из сомнительных источников, ответил, что гетман «поддался Порте и что казаки хотели... быть вассалами Порты». Но тут же Шмидт сделал оговорку, опровергающую его же утверждение: Хмельницкий, писал он, «не обязан Порте никакой данью» (er ganz kein Tribut geben dürfte) [Жерела, т. XII, Л., 1911, стр. 158—164]. В самом деле, тщательный анализ грамот, которыми обменивались Хмельницкий и султан, показывает, что в них не было и речи о вассальной или другой зависимости Украины от Турции. Занятая долготейшей обременительной войной с Венецией и переживавшая глубокий внутренний упадок, Турция, которая к тому же боялась войны с Австрией и Польшей, считала значительным достижением для себя заключение соглашения с украинскими казаками о ненападении на ее владения (см. выше).

# Глава IX



БИТВА ПОД БЕРЕСТЕЧКОМ.  
БЕЛОЦЕРКОВСКИЙ МИР  
1651 г.





Во второй половине 1650 г. над Украиной снова нависла угроза войны. Как мы уже говорили, восточнoукраинские магнаты — Н. Потоцкий, А. Конецпольский, И. Вишневецкий и другие, влияние которых в Польше значительно возросло, стягивали к границам казацкой территории большие по своей численности наемные войска и шляхетские отряды. Еще летом 1650 г., когда русские посланцы П. Протасов и Г. Богданов ехали из Варшавы в Москву через Львов и Киев, им встретились «в дороге польские воинские люди многие», которые рассказали, «что они идут... к гетману к Миколаю Потоцкому в обоз [военный лагерь.— В. Г.] под Сотанов и под Каменец-Подольской. И велено де им всем, воинским людям коруны Польские, быти з гетманом в обозе наготове». Другие жолнеры прямо заявили посланцам, «что они идут в обоз для того, что им, собрався з гетманом с Миколаем Потоцким, итти воевать казаков», т. к. гетман Н. Потоцкий «хочет... прежние свои упадки, что ево казаки воевали, ныне на них, казаках, отомстить»<sup>1</sup>. В августе 1650 г. пятницкому священнику Ивану, как об этом доносили русскому правительству путивльские воеводы, «сказывали мещане киевские, которые были в Польше во Львове и в иных городех с торгом, что с Миколаем Потоцким и со князем Еремеем Вишневецким в собрание поляков и иных земель шведских и цысарских и венгерских людей тысяч со ста з двадцать»<sup>2</sup>. В конце декабря 1650 г. киевские бурмистры сообщили посланцу путивльского воеводы Никите Соколову, что «в зборе де поляков и наемных людей немец с Миколаем Потоцким и со князем Еремеем Вишневецким и со князем Домиником Жеславским тысяч с пятьдесят»<sup>3</sup>.

Одновременно собирали силы против украинского народа литовские магнаты. П. Протасов и Г. Богданов доносили своему

<sup>1</sup> Воссоединение Украины с Россией, т. II, док. 189, стр. 455.

<sup>2</sup> Там же, док. 175, стр. 401. Эта цифра, впрочем, увеличена, по меньшей мере, в два раза.

<sup>3</sup> Воссоединение Украины с Россией, т. II, док. 207, стр. 480.



правительству в октябре 1650 г: «ведомо де гетману Богдану Хмельницкому учинилось подлинно, что подканцлер литовской Леон Сапега со многими ратными людьми, пришед, стоит в городке Чернобыли, да с ратными ж людьми пришед пан Обрамович и стал в Горностай поле». Б. Хмельницкий отправил Н. Потоцкому письмо с протестом против его действий. Как замечает П. Протасов в своем донесении, гетман обвинял Потоцкого в том, что тот «собрал войско большое и стал обозом блиско их казатцкие границы и знатное дело, что хочет на них казаков, приходить войною и хочет их побить обманом». Потоцкий в своем ответном письме просил Б. Хмельницкого и казаков, чтобы они «от его... обозу никакова опасенья не держали, заверяя, что он «на Войско Запорожское войною приходить не будет и... на чем король с Войском Запорожским помирился, того договору нарушати не будет». Тут же он добавил, что войско его собрано и стоит «по королевскому росказанью и по их прежнему звычайу, а не для Запорожского Войска»<sup>1</sup>.

Однако на Украине мало полагались на эти заверения Н. Потоцкого, так как тут, по выражению П. Протасова, все знали, «что поляки на них копятца и воевать их хотят». К тому же, заверения коронного гетмана опровергались бесконечными провокациями магнатов. Шляхетские отряды врывались на казачью территорию и жестоко расправлялись с населением. В феврале 1650 г., например, путивльский воевода С. Прозоровский на основании показаний украинских беженцев сообщил в Москву, что «князь Еремей Вишневецкой с поляки нынешние зимы приходил в Подляшье с черкаской стороны под город Хмельник войною»<sup>2</sup>. 13 октября 1650 г. казацкий сотник м. Сенчи Григорий Омельянов рассказал гонцу П. Протасову, что «поляки им, казаком, чинят многие неправды в пограничных местех, казаков побивают до смерти, а иным руки многим поотсекли»<sup>3</sup>.

К осени 1650 г. военные приготовления польских магнатов значительно усилились. Папский нунций Торрес, как и многие другие, настаивал на резком увеличении численности польского войска, а также на том, чтобы начать войну против Украины еще зимой, когда казаки, в большей своей части пехотинцы, лишены возможности окапываться и тем самым отбивать атаки шляхетской конницы. 22 октября нунций донес Ватикану, что в Польше предполагают увеличить коронное войско с 20 до 47 тысяч человек, а также созвать посполитое рушение шляхты всех земель. Тем самым польская армия достигла бы огромной цифры в 150—200 тысяч человек (если учесть и панских оруженосцев — пахолков). Приблизительно в то же время король Ян

<sup>1</sup> Воссоединение Украины с Россией, т. II, док. 189, стр. 457, 463—464.

<sup>2</sup> Там же, док. 141, стр. 333.

<sup>3</sup> Там же, док. 189 стр. 463.

Казимир ознакомил Торреса с планом одновременного наступления на Украину со стороны Польши, Литвы и Молдавии<sup>1</sup>

Большие надежды магнаты возлагали на вальный сейм, назначенный на 5 декабря, который должен был утвердить денежные расходы на войну. 23 ноября по всей стране был разослан королевский универсал, призывавший поветовую шляхту уполномочить своих послов голосовать на сейме за такой проект налогового обложения, который позволит собрать средства для набора большого войска. В универсале говорилось, что польское правительство получило достоверные сведения «о непрерывных кознях зяядлого и заклятого врага Речи Посполитой [имеется в виду Б. Хмельницкий]», который союзом с Молдавией и сношениями с другими державами — Россией, Турцией, Швецией хочет окружить Польшу и покончить с ней. Одновременно сообщалось, что на Украине снова восстало крестьянство против панов и те спасаются бегством. Заклячая универсал замечанием, что теперь «каждому должно быть ясно, какая опасность угрожает Республике [т. е. Польше]», король уговаривал шляхетство не жалеть денег для набора большого наемного войска, ибо участие самих шляхтичей в войне «связано с неудобствами, которые вы сами хорошо понимаете [намек на то, что отъездом панов на войну легко могут воспользоваться их подданные.— В. Г.]»<sup>2</sup>. Накануне сейма, 4 декабря, Яна Казимира посетил нунций Торрес, который от имени Ватикана «поручил ему [королю] охрану интересов католической церкви» на Украине<sup>3</sup>.

Вальный сейм открылся в Варшаве 5 декабря 1650 г. оглашением послания короля, которое по своему содержанию было тождественно вышеупомянутому универсалу. Противоречия на сейме между великопольской шляхтой и восточнукраинскими магнатами и на сей раз выступили довольно отчетливо. Шляхта не желала раскошелиться и голосовать за те громадные налоги, которые предлагали магнаты.

Мнения на сейме разделились. Великопольская шляхта, опасаясь восстания крестьян в самой Польше, настаивала на подтверждении мира с казаками, а восточнукраинские магнаты — на принятии срочных мер к немедленному возобновлению войны во имя возвращения своих украинских имений<sup>4</sup>.

<sup>1</sup> Жерела до історії України-Руси, т. XVI, стр. 93—97.

<sup>2</sup> J. Michałowskiego Księga, док 196, стр. 580—582.

<sup>3</sup> Жерела до історії України-Руси, р. XVI, стр. 98.

<sup>4</sup> Вернувшись с сейма казацкие послы, как рассказал в январе 1651 г. в Посольском приказе гетманский посланец М. Суличич, сообщили ему, что «на том сейме половина панов рад говорили, что они с Войском Запорожским хотят быть в миру и совершить по Збаражскому договору А другая половина панов рад того не хотят, а хотят с ними, черкасы, всчать войну и недружбу свою мстити». При этом послы подчеркнули: «А заводчики де тому Потоцкой, да Вишневецкой да Конецпольской... [и] вся ссора делается от Вишневецкого, да от Потоцкого» (Воссоединение Украины с Россией, т. II, док. 212,

В конце концов магнатская группировка взяла верх. По ее настоянию сейм утвердил огромные налоги в сумме 28 млн. флоринов для набора 54-тысячного наемного войска и предоставил королю право созыва посполитого рушения. Было решено отправить посольства в Россию, Турцию, Крым и Семиградье с тем, «чтобы расстроить их союз и дружбу с восставшими казаками».

Сразу же после сейма подготовка к войне пошла еще более интенсивно. Польское правительство немедленно приступило к взиманию чрезвычайных налогов с населения, пуская при этом в ход самые жестокие репрессии. Игумен Полоцкого монастыря А. Крыжановский 12 апреля 1651 г. сообщил в Посольский приказ, что «поборов... ныне збирали со всеи Польши и с Литвы со всякого дыму по 16 золотых польских, а рускими деньгами по 2 рубли по 20 алтын, а с купецких де людей имали в запрос рублев по 200, и по 300, и больши; а с-ыных и по 1000 рублев, и с шляхты собирают по тому же запросы большие — тысячи по 2 и по 3, а хотят теми деньгами наймовать иных государств [воинских] людей»<sup>1</sup>. Непомерные налоги вызвали глубокое недовольство не только мещанства и крестьянства, но отчасти и шляхты, особенно мелкой. Последняя, по словам шляхтича Коховского, заявляла, что не может больше принуждать своих крестьян платить чрезвычайные налоги, ибо даже «с одной овцы двух шкур не дерут»<sup>2</sup>. Однако магнаты, взявшие в свои руки бразды правления государством, отнюдь не были склонны считаться с жалобами недовольных и налоги продолжали взимать, невзирая ни на что.

Чтобы ввести в заблуждение Б. Хмельницкого относительно своих истинных намерений, польское правительство отправило в начале 1651 г. к нему посланца шляхтича Маховского с сообщением о приезде в ближайшее время в Чигирин комиссаров для ведения переговоров «о мире». Спустя несколько дней, 13 января 1651 г., через воеводу А. Киселя король обратился к Б. Хмельницкому с письмом, в котором заверял его в своем «миролюбии» и вместе с тем довольно категорически требовал порвать связи со всеми государствами, в первую очередь, разумеется, с Россией, и впредь направлять свое оружие против того, на кого будет указано правительством Речи Посполитой<sup>3</sup>.

---

стр. 490). Другой украинский посланец, С. Савич, также рассказал (21 сентября 1651 г.) в Посольском приказе, что после Зборовского мира «мало поотдохнув, поляки, а имянно — Вишневецкой и иные сенаторы, которые имели свои маестности в тех украинских местех .. учали короля, шляхту и всю Речь Посполитую наговаривать, чтоб... пошли черкас воевать. А сам Вишневецкой и иные сенаторы обещалися с своими войска итти наперед» (там же, т. III, док. 61, стр. 132. — *Курсив наш*).

<sup>1</sup> Воссоединение Украины с Россией, т. III, док. 12, стр. 24.

<sup>2</sup> W *Kochowski*, *Annales*, стр. 211.

<sup>3</sup> J. *Michalowskiego Księga*, док. 204, стр. 601.

Одновременно панская Польша предприняла отчаянную попытку вовлечь Россию в войну против Украины или, во всяком случае, лишить украинский народ русской поддержки во время предстоящей ему смертельной схватки с врагом. 14 февраля 1651 г. в Москву были направлены королевские послы С. Витовский и К. Обухович, которые везли с собой для передачи царю 15 копий грамот хана Ислам Гирея Б. Хмельницкому, писем последнего хану или султану и другие дипломатические документы. Эти бумаги должны были «доказать», что Б. Хмельницкий «посылал послов своих и поддавался в подданство к турецкому салтану, и к венгерскому королю, и к волоскому владетелю и им присягал»<sup>1</sup>. Таким путем польские правящие круги пытались дискредитировать Хмельницкого в глазах царя и вместе с тем уверить русское правительство в своей искренности и дружелюбии. За оказанную России «услугу» послы должны были добиться выполнения ею ряда условий, как-то: установления связи с польским командованием для совместных действий против казаков и татар, пропуска в случае надобности через русские земли польского войска, разрешения закупки в России продовольствия и т. д.<sup>2</sup>. После того как объединенное польское и русское войско покончит с казаками, заявлял король, можно будет общими силами взяться и за татар: «И как де царского величества вспоможеньем королевское величество с своими изменники [казаками.— В. Г.] управитца и после того учнет с царским величеством ссылатца... какими способами на Крым итти войною».

Уже будучи в Москве, послы получили грамоту коронного канцлера А. Лещинского, доставленную гонцом, в которой сообщалось, что в Варшаву «лист прислан... из Царягорода от королевского резидента... декабря с 1-го числа... о присылке к... салтану... Хмельницкого послов... И те де послы били челом салтану, имаяся [хватаясь] за его полы, чтоб их принял себе в подданство и писал бы к крымскому хану, чтоб с ним, Хмельницким, был в приязни». Далее сообщалось, что «Хмельницкой к салтану писал, что он истари от отца и от матери веры нехристианские, но бусурманские, и чтоб им турецкой салтан давал помочь на неприятелей. А они что ни учинят, и то будет для его салтановы славы, а они будут вечно в подданных у него». Содержание грамоты А. Лещинского стало известно русскому правительству еще до того, как она официально была предъявлена Обуховичем и Витовским. С ним оно ознакомилось через члена их свиты Юрия Пашкевича. Последний уведомил бояр, что послам «тайное письмо прислал... ксенз Ондрей Лещинский, канцлер великой корунной, написав своею рукою... что гетман... Богдан Хмельницкой от русские веры отступил,

<sup>1</sup> Воссоединение Украины с Россией, т. III, док. 16, стр. 39.

<sup>2</sup> J. Michalowskiego Księga, док. 209, стр. 606.

и обусурманился, и присягал турецкому салтану, что ему быть у него в вечном подданстве. А обещал платить турецкому салтану дани... по 200 000 золотых червонных на год», и далее следовал вывод: «коли уже гетман запорожский присяг турецкому, и то уже не чаяти добра и Московскому государству»<sup>1</sup>. Подобной клеветой польские правители стремились вбить клин между Украиной и Россией.

Русское правительство не дало, однако, ввести себя в обман, понимая истинные цели всех этих инсинуаций. Доставленные польскими послами грамоты хана действительно свидетельствовали о том, что он неоднократно добивался от Б. Хмельницкого совместного похода против русских окраин. Но, с другой стороны, в Москве хорошо знали, что именно Б. Хмельницкий отвел и отводит угрозу нашествия татар на русские пограничные земли. Думные дьяки, руководившие Посольским приказом, дали понять послам, что они склонны верить Б. Хмельницкому, а не Польше, которая все время нарушает «вечное докончанье» и до сих пор не выполнила своего обещания, данного брагьям Пушкиным, — покарать виновных в нарушении царского титула: «по тому договору, — заявили они, — и по ся мест исправленья не было»<sup>2</sup>.

Таким образом, дипломатический демарш польского правительства в Москве, направленный на вовлечение России в войну против украинского народа или, по крайней мере, на лишение Украины русской поддержки, не удался.

Посеять недоверие, ошельмовать Б. Хмельницкого польское правительство стремилось не только за границей, но и на Украине. В своем письме к киевскому митрополиту С. Коссову, являвшемуся тайным приверженцем польских панов<sup>3</sup>, король Ян Казимир поручил ему распространять в народе слух, что Б. Хмельницкий «побусурманился в поганскую веру» и теперь намерен отдать весь украинский народ в турецкую и крымскую неволю: «да самих их ... и их жен и детей татаром отдавать в работу и в неволю»<sup>4</sup>. 26 июня, как раз во время битвы под Берестечком, Коссов разослал свои «листы» по Украине «в казацкие города, протопопом и к попам», в которых повторял измышления короля и призывал население восстать против Б. Хмельницкого<sup>5</sup>.

<sup>1</sup> Воссоединение Украины с Россией, т. III, док. 16, стр. 47.

<sup>2</sup> Там же, стр. 53, 47, 49.

<sup>3</sup> В Варшавском архиве древних актов недавно был обнаружен интересный документ, изобличающий Коссова. 18 февраля 1651 г. константинопольский патриарх Парфений обратился с просьбой помочь установить связь с «желанным сыном нашим», гетманом «богом хранимого великого Войска Запорожского» Б. Хмельницким, «чтобы дошла к нашей милости его помощь и поддержка». Но Коссов вместо этого отправил письмо патриарха королю (Главный архив древних актов в Варшаве, коронный архив, Казацкий отдел, картон 42, разд. XXVII, л. 33).

<sup>4</sup> ЦГАДА СССР, ф. Разрядный приказ, Белгородский стол, 1651, стлб. 323, л. 271.

<sup>5</sup> Там же, л. 208.

Однако эта грубая клевета короля и митрополита не смогла поколебать украинский народ.

Руководители освободительной войны также тщательно скрывали свои военные приготовления. Они исходили при этом из принципа, который в октябре 1650 г. в беседе с русским гонцом П. Протасовым так был сформулирован Б. Хмельницким: «А воинское де дело таково, куда будет мысль итти в войну, чтоб той мысли никто не ведал и недруг бы не остерегался». Гетман продолжал выдавать шляхтичам подтверждающие грамоты на владения. Тот же П. Протасов сообщал, что когда гетман вернулся в сентябре 1650 г. из Молдавии в Брацлав, к нему приходили «поляки многие из розных городов старосты и державцы и просили... универсалов, чтоб их мещане и всякие подданные их слушали», ибо, как объяснял он, «мещане и всякие подданные панские люди панов своих без гетманского расказанья не слушают»<sup>1</sup>. То же самое говорил русский посол В. Унковский, бывший у Хмельницкого в Чигирине в октябре 1650 г. В его присутствии к гетману приехали шляхтичи «пан Шпод с товарищи, слуги князя Вишневецкого да староста лубенской пан Нагорецкий, да Бедлинской, да и многие поляки, слуги Потоцкого и Адама Киселя и Конецпольского... А все бьют челом гетману о листах... чтоб их в городах и в селех слушали мужики; и гетман им велел дать листы, oprичь казаков, велел мужиком слушать»<sup>2</sup>. Более того, как уже сказано выше, известны даже универсалы Б. Хмельницкого, повелевавшие казнить крестьян, выступавших против панов с оружием в руках. Так, когда во время похода на Молдавию в июле 1650 г. на Украине стали вспыхивать отдельные крестьянские восстания, Б. Хмельницкий приказал, «дабы сами панове, веспол [совместно] з полковниками нашими белоцерковским або киевским, сурово их [непокорных крестьян] на горле карали; а тые зась, которые кровь певную пролили и покой нарушили, горлового каранья не уйдут»<sup>3</sup>.

Крестьянские выступления помимо той опасности, которую они представляли для украинских феодалов, могли стать поводом к преждевременному разрыву мира польскими панам. Вот почему 24 мая 1650 г. Б. Хмельницкий с укоризной писал черниговскому полковнику: «Знатно, что еще войсковых дел не знаешь... что в Лубетцком сбералося множество своевольных людей... и с обеих сторон смуту чинят и *мирный покой хотят разорвать*»<sup>4</sup>. 26 мая Б. Хмельницкий известил А. Киселя, что им приняты строгие меры для подавления крестьянских выступлений: «имею прилежный промысл и попечение,— писал гетман,—

<sup>1</sup> Воссоединение Украины с Россией; т. II, док. 189, стр. 461, 463.

<sup>2</sup> Там же, док. 181, стр. 427.

<sup>3</sup> История Украины в документах і материалах, т. III, док. 152, стр. 197.

<sup>4</sup> ЦГАДА СССР, ф. Сношения России с Польшей, 1650, д. 1, лл. 480—481. — *Курсив наш.*

чтоб укротити и смирити посполитого народу людей. Нарочно посылаю грамоты... до полковников... чтоб своевольником крепкое наказание чинили, а иных казнили... смертью, чтобы для них [т. е. из-за них.—В. Г.] мирный договор... не нарушался, [а] наипаче укреплялся»<sup>1</sup>.

Таким образом, Б. Хмельницкий и другие руководители освободительной войны делали все, чтобы сохранить видимость лояльности по отношению к Польше и не дать повода для обвинений в несоблюдении Зборовского мира. Однако как только польские паны, особенно после вального сейма 1650 г., стали открыто готовиться к войне против Украины, необходимость в «мирных жестах»<sup>2</sup> по отношению к ним исчезла.

Учуяв недоброе, польские урядники и шляхта стали вновь спешно выбираться из своих украинских имений. В связи с этим посол Б. Хмельницкого рассказал в конце января 1651 г. дьякам Посольского приказа, что «в которых де городех были панские урядники, и те де изо многих городов, побояся неведомо чего, выбежали в Польшу за Вислу». Даже А. Кисель «ис Киева выехал и живет в ыменье своем в Гоше, и с обе стороны, с польскую и черкасскую, будто радеет о миру»<sup>3</sup>.

Зная о подготовке Польши к новой войне, Б. Хмельницкий принимал действенные меры к тому, чтобы обезопасить Украину от неожиданного нападения польских войск. Граница с Польшей и Литвой усиленно охранялась казаками. В. Унковский, будучи в октябре 1650 г. на Украине, сообщил, что «приказал гетман 2-м полковником быть с великим береженьем от Каменца-Подольского<sup>4</sup> от лехов, да и всем казаком Войска Запорожского.. чтоб у всех были запасы готовы и лошади кормлены»<sup>5</sup>. П. Протасов отметил тогда же, что в связи с концентрацией Л. Сапегой войск в Литве Б. Хмельницкий приказал казакам, живущим «близ пограничных мест... быть наготове». Всем остальным также было приказано находиться в боевой готовности. П. Протасов сообщил русскому правительству в октябре 1650 г., что при нем «в Чигирине вытрубили, чтоб казаки лошади свои кормили и берегли к службе». В ноябре 1650 г. белгородский воевода Б. Репнин донес, что «в литовских городех... черкасы,

<sup>1</sup> ЦГАДА СССР, ф. Сношения России с Польшей, 1650, д. 1, лл. 477—479. Тут же Хмельницкий уверял Киселя, что шляхте нет основания бояться ехать в свои заднепровские имения, ибо «все приказные [должностные лица.—В. Г.] от меня имеют тайной указ, чтоб своевольников, которые учнут смуту всчинять, всех смертью казнить». В действительности же, надо думать, такого тайного распоряжения гетман никогда не давал хотя бы уже из-за боязни крупных крестьянских восстаний.

<sup>2</sup> Именно так, и, надо сказать, довольно удачно, назвал политику Б. Хмельницкого в этот период Н. Н. Петровский (см. *М. Н. Петровский*, *Визвольна війна*, стр. 144—149)

<sup>3</sup> Воссоединение Украины с Россией, т. II, док. 212, стр. 491.

<sup>4</sup> Именно у Каменца сосредоточивались тогда польские войска (см. выше).

<sup>5</sup> Воссоединение Украины с Россией, т. II, док. 181, стр. 440.

по гетманскому повелению, лошади кормят и запасы готовят, и у городов худые места для крепости подчинивают»<sup>1</sup>.

После Варшавского сейма конца 1650 г., санкционировавшего, по существу, поход польского войска против Украины, руководители освободительной войны принялись с удвоенной энергией за подготовку новой военной кампании. 28 января 1651 г. путивльский воевода С. Прозоровский уведомил свое правительство, что «у гетмана де в Чигирине была с полковником и с черкасы рада, а на раде приговорили, что итить им против поляков и литовского гетмана Родивила. И по татар де он, гетман, к крымскому царю послал»<sup>2</sup>. На этой раде с новой силой проявились противоречия в среде казацкой старшины. Группа старшин, стремившаяся к компромиссу с панской Польшей, открыто выступила против войны. По приказанию гетмана её главарь был схвачен и тут же казнен. Но старшины не унимались. По словам шведа Иоганна Майера, они стали угрожать Б. Хмельницкому: «Если ты нашу браттю, шляхту, смеешь казнить так безчестно, то мы и тебя самого отдадим в руки польскому королю!» Однако предатели, оказавшиеся в значительном меньшинстве, получили должный отпор<sup>3</sup>. Все же выступление соглашательской части старшины накануне нового столкновения с панской Польшей было довольно тревожным симптомом.

Между тем война из угрозы превратилась в реальность: В ночь с 9 на 10 февраля 1651 г. польско-шляхетские части во главе с М. Калиновским и С. Лянцкоронским внезапно вторглись через пограничную линию на Брацлавщину и после трехдневной осады заняли м. Красное. Во время ожесточенного сражения пал брацлавский полковник Данило Нечай — один из наиболее талантливых полководцев и соратников Б. Хмельницкого. Смерть Нечая была тяжелой утратой для украинского народа, навсегда сохранившего светлую память о нем. Вслед за Красным враг занял еще ряд брацлавских местечек — Шаргород, Мурахову, Стену и Ямполь. Нунций Торрес, стремясь мобилизовать в пользу Польши мнение католических кругов Европы, возносил до небес «победы» панов. «Успехи польской армии,— писал он,— растут с каждым днем; к покорности короне уже приведено все Брацлавское воеводство (!?)... считают, что в битвах изрублено на куски свыше 40 тысяч казаков»<sup>4</sup>.

28 февраля поляки приступили к осаде Винницы, обороной которой руководил полковник Иван Богун. На помощь к нему спешили высланные Б. Хмельницким полки уманского полковника Осипа Глуха и полтавского Мартина Пушкаря. Вслед за

<sup>1</sup> Воссоединение Украины с Россией, т. II, док. 189, стр. 463, док. 192, стр. 466.

<sup>2</sup> Там же, док. 210, стр. 487.

<sup>3</sup> Архив ЮЗР, т. III, ч. VI, стр. 48—49.

<sup>4</sup> Жерела до історії України-Руси, т. XVI, стр. 111.



ними, через несколько дней, на запад двинулся с казацким войском и сам Б. Хмельницкий.

Еще накануне сейма 1650 г., предвидя неизбежное возобновление войны с Польшей, руководители освободительной войны вновь предприняли попытку ускорить принятие Украины под власть России. 11 ноября 1650 г. через назаретского митрополита Гавриила гетман посылает новое письмо к царю с просьбой о воссоединении Украины и оказании ей военной помощи, а также с извинениями, что приходится так часто обращаться с этой просьбой<sup>1</sup>. В январе 1651 г. в Москву прибыл посол Б. Хмельницкого М. Суличич, которому было поручено сообщить о результатах варшавского сейма, о подготовке Польшей войны и просить о елико возможно скором решении вопроса об Украине<sup>2</sup>. 11 марта 1651 г. из-под Белой Церкви Б. Хмельницкий обратился с письмом к фактическому главе русского правительства боярину Б. И. Морозову и просил его содействовать делу скорейшего воссоединения Украины с Россией.

В это время в переписке Б. Хмельницкого с русским правительством все более отчетливо выступает уже проскользнувшая раньше мысль о том, что Украина желала бы находиться под властью России на положении Донской и других казачьих областей, т. е. пользоваться правом широкого самоуправления и т. д. Еще в октябре 1650 г. в беседе с русским послом В. Унковским гетман подчеркнул, что общественно-политический строй, сложившийся на Украине в ходе войны, ближе всего к донскому. «У нас здесь,— сказал он,— что на Дону»<sup>3</sup>. 6 апреля 1651 г., по поручению Б. Хмельницкого, пребывавший тогда у него коринфский митрополит Иоасаф в письме царю, отправленном 11 марта 1650 г. через русского посла Лариона Лопухина, отметил, что казакам хотелось бы занять в составе Русского государства положение донцов, поскольку они и по устройству своему «ближе пребывают тех казаков, которых имеешь... на Дону». Чтобы привлечь царя большим количеством воинов, которых он может получить и которым не придется платить жалованья, митрополит, по указанию гетмана, подчеркнул, что «божиею благодатью... соберетца тех казаков с 700000... и жалованья от царствия вашего они не просят, только бы быти им работниками [т. е. подданными.— В. Г.] царствию вашему»<sup>4</sup>.

Это же положение митрополит повторил и два месяца спустя в письме царю от 16 мая: «И гетман мне сказал,— сообщал он,— будет де [царь] изволит и... мы будем его имети своим царем... и как ему служат донские казаки, и мы також станем

<sup>1</sup> Воссоединение Украины с Россией, т. II, док. 191, стр. 465; ср.: Акты ЮЗР, т. III, стр. 462.

<sup>2</sup> Воссоединение Украины с Россией, т. II, док. 212, стр. 490—492.

<sup>3</sup> Там же, док. 181, стр. 419. — *Курсив наш.*

<sup>4</sup> Там же, т. III, док. 10, стр. 20. — *Курсив наш.*

служити ему»<sup>1</sup>. Кроме того, Иоасаф просил именитого московского купца, грека Ю. Карапипера, с царем или с кем другим «изустно о всяком деле говорить... *чтобы казаки были раби* (т. е. подвластны.— В. Г.)... *царю, аки и донские*».

Руководители освободительной войны прилагали все усилия, чтобы побудить русское правительство к скорейшему принятию Украины и выступлению против Польши. Еще в беседе с русским гонцом П. Протасовым в ноябре 1650 г. Б. Хмельницкий уверял его, что Польша ни за что не выполнит обязательств, взятых на себя в результате переговоров с братьями Пушкиными, не казнит виновников в нарушении царского титула и поэтому разрыв Россией мира с нею явится вполне законным актом: «в том де король и паны рада,—говорил гетман,— что им на нынешнем Сойме за прописные листы воевод и каштелянов... и державцов карати смертью... его царскому величеству солгут впрямь и николи того не учинят и [даже] худого шляхтича карати смертью ни за какое дело никому не выдадут... [и] против по[со]льского договору исправленья никакова не будет». Поэтому, заключил Б. Хмельницкий, и царю с польским королем «миру держать не для чево»<sup>2</sup>.

Как и раньше, руководители освободительной войны возлагали большие надежды на помощь православной церкви в вопросе воссоединения, имея в виду влияние, которым она пользовалась у правительства. 16 мая 1651 г. коринфский митрополит Иоасаф, находившийся у Б. Хмельницкого, обратился к царю с письмом, которое в действительности было составлено в гетманской канцелярии<sup>3</sup>. Положение Украины и украинского войска изображалось в письме в более чем радужном свете, поляков же — в весьма мрачном. Из всего этого царь должен был заключить, что теперь ему представляется исключительно благоприятная возможность одержать победу над Польшей, выступив против нее совместно с Украиной. Так, например, митрополит, допуская явные преувеличения, сообщал, что в украинском войске теперь «казаков и мужиков в собранье с 600 000»<sup>4</sup>. На соединение с Б. Хмельницким, сообщал он далее, «ныне пришел со всем войском... з бесчисленными людьми сам крымский царь»<sup>5</sup>, а султан прислал посла с уведомлением, что он отправляет казакам в помощь «10 000 ратных людей христианских от мутьянского владетеля от князя Матвея». Положение поляков, в противовес этому, изображалось в письме митрополита весьма плачевным: «Потоцкий и Калиновский заперлися

<sup>1</sup> Воссоединение Украины с Россией, т. III, док. 23, стр. 62, 64.—*Курсив наш*

<sup>2</sup> ЦГАДА СССР, ф. Сношения России с Польшей, 1650, д. 8, лл. 80—83.

<sup>3</sup> Воссоединение Украины с Россией, т. III, док. 34, стр. 81—82.

<sup>4</sup> В действительности же, как известно, у Хмельницкого в это время было не больше 100 000 чел.

<sup>5</sup> На самом деле хан находился еще только в пути.

в Баре з 20 000 человеки», затем поспешно отступили отсюда в Каменец, а теперь «ведомо учинилось гетману, что Потоцкий и Калиновской ис Каменца побежали к королю... а у короля де учинен табор блиско Львова за 5 миль»<sup>1</sup>.

Три дня спустя, 19 мая, как бы независимо от митрополита Иоасафа, его приближенный, монах Павел, отправил новсе письмо царю. В нем также сообщалось о предложении султана прислать ратных людей «от мутьянского князя Матвея 10 000, а от молдавского владетеля от Василья воеводы десять же тысеч, а с ними 3-х пашей», но гетман будто бы отказался от помощи, заявив: «есть де у меня много и своего войска, а на ево салтанове любви бую челом и благодарю». Соотношение сил представлялось Павлом явно не в пользу поляков. «Хотя ляхи и помыслят битися,— писал он,— и их против 100-а человек [казаков] не будет по одному человеку», тем более, что гетман, «ожидает из Венгер своих людей», «а апреля в 26 день вышел от себя и сам крымский царь и идет к ему, гетману, на помочь». В заключение Павел уверял царя, что поляки будут неминуемо разгромлены. «А не начайтесь, великое ваше царствие, что ляхом быть во одоление... потому что бог за их гордость и за согрешение послал на них... наказание, да исчезнут от лица земли». Поэтому, невзирая на то, что у Б. Хмельницкого войска и больше, чем нужно, Павел просил все же царя хотя бы для вида прислать гетману «боярина с небольшою ратью».

«И великое б ваше царствие, — умолял он, — послал [бы] вскоре небольшую помочь ратных людей; и так у него [Хмельницкого] войска много, только б славилось... что он имеет помочь от великого вашего царствия»<sup>2</sup>.

Соответствующим образом были инструктированы в гетманской канцелярии и посланцы митрополита Иоасафа, а также Павла, доставившие письма царю, — грек И. Мануйлов и серб В. Данилов. Приехав в Москву в первых числах июня 1651 г., они подтвердили все сообщаемые митрополитом сведения о значительном превосходстве казаков над поляками. Мануйлов и Данилов показали, например, что казаков с Б. Хмельницким «в собранье будет с 500 000», в то время как у «польских людей никого нет», и даже «языки в распросе гетману сказывали, что чужоземского войска у короля нет, только с ним посполитое рушенье», к тому же оно «х королю в обозе еще не бывало», и вообще во всей Речи Посполитой «польского де войска, опричь королевского обозу, инде нигде в зборе нет»<sup>3</sup>.

Украинское войско, по словам Мануйлова и Данилова, представляло собой внушительную силу не только своей численностью, но и превосходством вооружения: «пушек и пушечных запасов в войске много... у всякого полковника в полку пушек

<sup>1</sup> Воссоединение Украины с Россией, т. III, док. 23, стр. 62.

<sup>2</sup> Там же, док. 25, стр. 65—66.

<sup>3</sup> Там же, док. 34, стр. 78—79.

по 5 и по 6, а всех де ныне полковников в полки 17, oprичь тех трех полковников, которые стоят против литовского войска. А oprичь де тех полковничьих пушек у гетмана есть ещо с 30 пушек, а войска де с полковником со всяким есть тысяч по 30, и по 40, и больши. А з браславским де с одним полковником будет войска тысяч с 50 или 60». Кроме того, подчеркнули они, «ружьем де войско всем исполнено: у иных огненной бой, а у иных лучная стрельба, а с киями де, как бывало преж сего, ныне в войске никого нет». Войско, к тому же, бесперебойно снабжается боеприпасами: «пороху и свинцу в войске много; привозят де купцы в войско селитру, и казаки де из селитры сами порох делают»<sup>1</sup>.

В самом лучшем виде представили Мануйлов и Данилов и отношения Украины с другими государствами. Крымский хан, предвкушая легкую победу над поляками, будто бы просил Хмельницкого, «чтоб он, не дождався его [хана], на короля с войском не ходил». Султан прислал к гетману двух послов с предложением, что «будет ему люди надобно на помочь, и он ему ратных людей даст, сколько ему будет надобно». Аналогичное предложение гетману будто бы сделали также валашский воевода и семиградский князь<sup>2</sup>. Но казаки, намекали Мануйлов и Данилов, не очень-то нуждаются в чужеземной помощи, ибо поляки бегут даже при одном виде казачьего войска. Так; Калиновский после разгрома под Баром «учинил под Каменцом окоп [и]... увидя войско [казачье] большое, из окопу побежал с конными людьми под Сокаль х королевскому обозу», бросив всю пехоту у Каменца. А казаки «пришед, Калиновского пехоту побили и обозы поимали, а иных догоняя в дороге побивали, а было де с Калиновским войска з 20 000»<sup>3</sup>.

Таким образом, сообщая русскому правительству через разных «нейтральных» лиц нарочито преувеличенные сведения о численности украинского войска и его военных успехах, руководители освободительной войны стремились ускорить принятие Украины и выступление России против Польши. В том же духе, вероятно, информировал русских пограничных воевод о положении на Украине и сам Б. Хмельницкий. 30 июня 1651 г., например, Посольский приказ подтвердил получение от путивльского воеводы трех писем, которые посланец воеводы «привез... из обозу от запорожского гетмана от Богдана Хмельницкого»<sup>4</sup>.

Большое внимание уделяли в этот период руководители освободительной войны и укреплению связей с братским белорусским народом, который также стремился к уничтожению чужеземного ига и воссоединению с Россией. Игумен Полоцкого Воскресенского монастыря А. Крыжановский 12 апреля 1651 г. расска-

<sup>1</sup> Воссоединение Украины с Россией, т. III, док. 34, стр. 81.

<sup>2</sup> Там же, стр. 79—81.

<sup>3</sup> Там же, стр. 78—79.

<sup>4</sup> Там же, док. 40, стр. 89.

зывает в Посольском приказе, что хотя поляки «х Киеву их, белорусцов, никого не пропускают для того, чтоб они с Хмельницким не свиделись и ни о чем с ним не мыслили», но все же «тайным обычаем они, белорусцы, с Хмельницким ссылаются и о всяких вестях ведомо чинят»<sup>1</sup>. Игумен заявил также, что его «послали ко государю... все белорусцы... и велели ему бити челом... чтоб он... государь, их, белорусцов, принял в свою государскую оборону». Наконец, и, надо думать, не без ведома Б. Хмельницкого, он просил царя прислать свое войско на помощь, ибо «то де ему подлинно ведомо», что как только появится русское войско, «белорусцы де, сколько их есть, все в те поры востанут на ляхов заодно, а чаят де тех белорусцов зберетца со 100000 человек»<sup>2</sup>.

То обстоятельство, что между руководителями освободительной войны и белорусским народом существовали определенные связи и согласовывались совместные действия против общего врага, не подлежит никакому сомнению. Еще в конце февраля 1651 г. монах Оршанского монастыря Григорий рассказывал в Посольском приказе о том, что «слышел де он от мелкие шляхты и от купецких людей... как де у поляков с черкасы будут бои... и они де Смоленского и Оршанского, и Минского, и Могилевского и иных городов всяких чинов люди подоймутца на поляков... учинят у себя... войска со 100 000 человек и учнут Польшу и Литву воевать»<sup>3</sup>. Летом 1651 г., как говорили об этом брестские мещане русскому гонцу, ездившему в Польшу, власти при помощи предателя арестовали посланца Б. Хмельницкого полковника Думинского. Последний «тайным делом... почал приговаривать к себе посадских и уездных и пашенных людей и всяких гультьев, чтоб они к нему приставали... и панов своих побивали». При аресте «нашли у него от Хмельницкого о бунтовании многие письма»<sup>4</sup>.

Наконец, в момент, когда на Украине стали разворачиваться военные действия, в Белоруссию с шестью тысячами казаков и 500 татарами был направлен полковник Иван Шохов. Б. Хмельницкий добился разрешения русского правительства на следование этого отряда через Брянский уезд, чтобы ударить по литовскому войску с тыла. Он приказал Шохову начать при помощи белорусского народа военные действия еще до того, как на Украине произойдет решающая битва с польским войском, разгромить силы литовских феодалов и тем самым обезопасить украинские земли со стороны Литвы. «А велел им [казакам Шохова],— доносил правительству 4 мая путивльский воевода,— впрямь итти на Родивила и битца вскоре наперед себя»<sup>5</sup>.

<sup>1</sup> Воссоединение Украины с Россней, т. III, док. 12, стр. 22—23.

<sup>2</sup> Там же, стр. 23—24.

<sup>3</sup> Там же, док. 4, стр. 13.

<sup>4</sup> ЦГАДА СССР, ф. Сношения России с Польшей, 1651, д. 7, лл. 102—103.

<sup>5</sup> Воссоединение Украины с Россней, т. III, док. 19, стр. 58.

Появление в Белоруссии отряда Шохова, быстро овладевшего тут такими крепостями, как Рославль, Дорогобуж и др., не на шутку встревожило литовских панов, тем более, что против них сразу поднялись белорусские крестьяне. Недаром шляхтич С. Освенцим писал тогда, что казацкий атаман Шохов, «овладев Дорогобужем, захватив пушки и порох, и взбунтовавши волость, пойдет наверно под Кричев, Мстислав, Могилев, Оршу; окружив эти города и овладев ими, будет штурмовать Смоленск»<sup>1</sup>.

Не меньше внимания обращали руководители освободительной войны на связи с угнетенными массами братского польского народа, тяжело страдавшего под гнетом своих панов. По распоряжению Б. Хмельницкого в глубокий польский тыл были отправлены смелые и отважные люди, которые должны были рассказывать народу правду о событиях на Украине, призвать польских крестьян и горожан к совместной борьбе против угнетателей. В Польше появилось множество универсалов за подписью Б. Хмельницкого, которые ходили по рукам. Универсалы провозглашали свободу от крепостной зависимости и призывали польское крестьянство к соединению с восставшими украинскими крестьянами и казаками<sup>2</sup>.

Народные массы Польши горячо сочувствовали украинскому народу в его борьбе, и паны имели все основания опасаться восстания в своем тылу в случае своего ухода на войну. Уже 16 апреля 1651 г. один польский шляхтич писал из Варшавы своему знакомому: «Всего хуже, что это крестьянская война... Тут уже поговаривают о свободе от панов и шляхты. Необходима крайняя осторожность, ибо всюду крестьяне готовы податься к тем изменникам [т. е. казакам]»<sup>3</sup>. Примерно в то же время русский гонец В. Старово доносил из Польши своему правительству, что тут «в Люблине и иных местех начальные городские люди стоят, чтоб бунтовщики и в тутошних местах не встали и казачины не учинили»<sup>4</sup>. 27 мая 1651 г., в связи со вспыхнувшими в отдельных районах Польши восстаниями, нунций Торрес посылал проклятья по адресу Б. Хмельницкого, десятки людей которого, по его словам, подбивают польское крестьянство к выступлению против панов и «объединению с врагами креста Христова [чит.: казаками.— В. Г.]»<sup>5</sup>. 4 июня польским властям удалось захватить одного из главных «агитаторов» Б. Хмельницкого Петра Гржибовского. На допросе под пытками Гржибовский показал, что им по Великой Польше до Познани и даже далее на запад разослано двести человек

<sup>1</sup> Воссоединение Украины с Россией, т. III, док. 38, стр. 87.

<sup>2</sup> А. *Prybos*, *Materialy do powstania Kostki Napierskiego*, 1651, Wrocław, 1951, стр. 20.

<sup>3</sup> Теки Нарушевича, док. 145, стр. 124.

<sup>4</sup> ЦГАДА СССР, ф. Сношения России с Польшей, 1651, д. 7, л. 107.

<sup>5</sup> Жерела до історії України-Руси, т. XVI, стр. 118—119: «dell'unione si stretta conemici della croce de Christo».

с тем, чтобы поднять на восстание крестьян сразу после того, как шляхетское посполитое рушение двинется в поход на Украину<sup>1</sup>.

К лету 1651 г. в Польше были собраны еще небывалые по своей численности силы, которые во главе с королем незамедлительно отправились на Украину. 18 июня украинское и татарское войска встретились с 100-тысячной польской армией под Берестечком (на Волыни). Во время боя, 20 июня, хан изменил, покинул поле битвы, захватил в плен Б. Хмельницкого и тем самым поставил украинское войско в очень тяжелое положение. Украинский лагерь, окруженный со всех сторон, оказывал героическое сопротивление врагу. Однако истощенные борьбой казаки вынуждены были 30 июня покинуть свой лагерь, понеся тяжелые потери. Как раз в это время с севера начало свое наступление на Украину литовское войско во главе с Радзивиллом, занявшее 25 июля Киев и подвергшее его страшному опустошению.

Положение Украины, казалось, было безвыходным. Польские паны торжествовали победу. Они были уверены, что главные силы украинского войска уничтожены под Берестечком и что для полного покорения Украины достаточно теперь уже и сравнительно небольших сил. Так, в частности, рассуждала великопольская шляхта, обеспокоенная мощным крестьянским восстанием под руководством Костки Наперского в районе Кракова и стремившаяся поскорее вернуться домой, в свои имения.

На этой почве в польском лагере под Берестечком происходили крупные разногласия. Магнаты Потоцкий, Калиновский, Вишневецкий и др. настаивали на том, чтобы двинуться немедленно всем войском далее, вглубь Украины. Но это требование встретило отпор со стороны великопольской шляхты из посполитого рушения. Григорий Грабянка писал по этому поводу: «совещаху [королю] нецїи всем воинством ити на Украину; по посполитое рушенье возропта зело, не хотяху бо далее ити... понеже уже... много погибаше... напрасно»<sup>2</sup>. Ссылаясь на конституцию, согласно которой посполитое рушение созывалось не более чем на двухнедельный срок, шляхта категорически потребовала его роспуска. «В польском войске,— сообщает Н. Емеловский,— наступило замешательство, особенно среди шляхты, которая после выигрыща битвы стала требовать от короля, чтобы он ее отпустил из обоза, так как по закону посполитое рушение можно собирать лишь на две недели. Это происшествие было смертельным несчастьем для Речи Посполитой»<sup>3</sup>.

<sup>1</sup> Dyaryusz S. Oswiecima, стр. 324—325. Гржибовский будто уже успел собрать вокруг себя крестьянский отряд в 2000 человек, который находился в калишских лесах.

<sup>2</sup> Летопись Г. Грабянки, стр. 106.

<sup>3</sup> Pamiętnik M. Yemiolowskiego, стр. 25. В начале июля 1651 г. шляхтич Войша писал своему знакомому из-под Берестечка, что хотя «король... ука-

Когда приспешники магнатов, окружавшие теперь короля, стали упрашивать шляхту остаться в войске хотя бы еще на две недели, она решительно отказалась и даже бросилась на них с саблями<sup>1</sup>. По адресу короля посыпались упреки и угрозы. Розъяренные шляхтичи упрекали его в том, что он тянет их за собой на войну, чтобы погубить в далекой Украине, что он не заботится о безопасности их жен и детей, оставленных в Великой Польше среди «взбунтовавшихся хлопов». Бурные сцены в польском лагере не прекращались. Требования великопольской шляхты поддерживались некоторыми из приближенных короля. Надворный маршал Лука Опалинский, например, заявил, что он не сделает дальше ни одного шага<sup>2</sup>.

Чтобы добиться согласия на немедленный роспуск посполитого рушения, шляхта обещала даже внести, соразмерно с состоянием каждого владельца, деньги на набор наемного войска. Не дождавшись решения по поводу этого предложения, шляхтичи сначала в одиночку, а потом толпами и, наконец, целыми поветами, «землями» стали покидать лагерь и бежать за Стырь<sup>3</sup>. По словам русского подьячего Гр. Богданова, побывавшего на Украине в середине июля, «посполитого де рушенья воинские люди и день в обозе не стояли, все разъехались и без королевского повеления по домам»<sup>4</sup>. «Устремились домой так, что в конце концов все распозлись», — отмечает в своем дневнике А. Радзивилл<sup>5</sup>.

Наконец, вслед за уходом посполитого рушения, под предлогом набора нового войска решил отправиться назад в Польшу и сам король. Однако предводители магнатской группировки И. Вишневецкий и другие, говорит Освенцим, «протестовали весьма грубо против этого решения», требуя, чтобы король продолжал возглавлять войско до конца. Возражая Вишневецкому, Ян Казимир упрекал его в том, что тот в свое время не захотел отправиться в казацкий тыл с пятнадцатитысячным войском, а сам требует от него итти в далекий поход с наполовину меньшим войском<sup>6</sup>.

заявлял шляхте на необходимость двинуться дальше», а Потоцкий и Вишневецкий «уговаривали ее итти с королем», они «ничего не добились» (Государственный воеводский архив в Гданске, шифр 300.29/135, л. 386 об.).

<sup>1</sup> П. А. Кулиш, История воссоединения Руси, т. III, стр. 266.

<sup>2</sup> L. Kubala, Szkice historyczne, т. 1, стр. 308.

<sup>3</sup> Там же, стр. 309.

<sup>4</sup> Акты ЮЗР, т. III, стр. 471.

<sup>5</sup> Pamiętnik A. Radziwiłła, т. II, стр. 450.

<sup>6</sup> Яну Казимиру пришлось выслушать немало горьких упреков от сенаторов и, прежде всего, от канцлера А. Лешинского и по возвращении в Варшаву. Узнав, что король собирается в Пруссию, «канцлер де и иные сенаторы, — доносил В. Старово своему правительству, — королю говорили, — чтоб он .. в Прусскую землю ныне не ездил, для того, что еще не совершилася война с казаками». Но король им возразил, что «война де уже... скончилась, [ибо] его королевское величество парсоною своею на татар и на казаков ходил и войско их побил... и о войне много думать нечево» (ЦГАДА СССР, ф. Сношения России с Польшей, 1651, д. 7, лл. 136—137).



18 июля король в сопровождении своей свиты и отдельных частей коронного войска отправился в Варшаву. К этому времени крестьянское восстание под предводительством К Наперского в Польше было подавлено. Руководителей восстания подвергли жесточайшей казни. Костку Наперского посадили на кол, причем, как говорит М. Голинский, «палач не сумел сразу вбить в него кол и вбивал его более 20 раз, пока он пронзил тело». Двое соратников Наперского были обезглавлены, а головы их прибиты к виселице<sup>1</sup>.

По случаю «полного разгрома» казаков под Берестечком в польской столице были организованы пышные торжества. Русский гонец, прибывший 3 августа 1651 г. в Баршаву, писал: «И ввечеру того ж дни в Варшаве была стрельба из пушек великая мало не во всю ночь... да на Рынку ж у бурмистров во всю ночь пущали вверх заряды огненные... а меж стрельбы на Рынку спевали многими голосами»<sup>2</sup>. Торжества и благодарственные молебны по случаю «триумфа» польского оружия под Берестечком были устроены по приказу Ватикана и в католических церквях Парижа, Рима и Вены. Тут распространялись также медали с изображением Яна Казимира, увенчанного лавровым венком победителя. На медали, выпущенной в Германии, имелась рифмованная надпись: «Великий Казимир показан тут малым, но если ты хочешь представить себе его великим, следи за ударами его меча!»<sup>3</sup>. Все это должно было поднять в глазах Европы упавший престиж шляхетской Польши.

После ухода короля польские региментари (военачальники) — восточнукраинские магнаты Потоцкий, Калиновский и Вишневецкий со своими надворными отрядами и частью коронного войска двинулись вглубь Украины<sup>4</sup>.

Поражение под Берестечком и захват Радзивиллом Киева не сломили воли украинского народа к борьбе с захватчиками. Отступающее украинское войско, а также крестьяне, уходящие в леса при приближении врага, уничтожали после себя все припасы. 4 августа галицкий стольник А. Мясковский жаловался в письме к королю: «ни городов, ни деревень — одно поле и пепел. Не видать никого живого: ни людей, ни зверей, разве только птиц в воздухе»<sup>5</sup>. Другой польский шляхтич писал 18 августа 1651 г. из Фастова киевскому бискупу: «Не осталось ни одного хлопа, все как из городов, так и из сел пошли вместе с казаками, отправив наперед все свое добро и скот и не думая ни о каком мире»<sup>6</sup>. 29 июля подольский судья Л. Мяс-

<sup>1</sup> М. *Golinski*, *Zapiski*, стр. 491—494.

<sup>2</sup> ЦГАДА СССР, ф. Сношения России с Польшей, 1651, д. 7, л. 109.

<sup>3</sup> *L. Kubala*, *Szkice historyczne*, т. 1, стр. 309.

<sup>4</sup> По словам Гр. Богданова, после ухода короля и посполитого рушения под Берестечком «воинских людей осталось только с Потоцким двенадцать тысяч, да с Вишневецким шесть тысяч» (Акты ЮЗР, т. III, стр. 471).

<sup>5</sup> *A. Grabowski*, *Starozytna Polska*, т. 1, стр. 333.

<sup>6</sup> Теки Нерушевича, стр. 263

ковский сообщил канцлеру Лещинскому, что украинские крестьяне, «узнав об уходе посполитого рушения и отлучке Его Королевской Милости ... начали бунтовать... пренебрежительно относятся к нашему войску и региментарям и, всячески надсмехаясь над ними, не думают ни о каком повинении. Универсалы, посланные к ним, они велели посланцам съесть, другие же разорвали; посланцы едва ушли живыми от них»<sup>1</sup>.

Своим упорным сопротивлением украинское войско и население изматывали силы врага. Окруженный повстанческими отрядами, Радзивилл и его войско вынуждены были оставить Киев и с величайшим трудом пробиваться на соединение с войском коронных гетманов. 3 сентября Радзивилл соединился с гетманами под Германовкой.

Б. Хмельницкий тем временем, освободившись из рук татар, прибыл к войску. Опираясь на всенародное движение, руководители освободительной войны немедленно приступили к организации отпора польскому войску. 28 июля пристав В. Овруцкий рассказал В. Старого, что «как де он был у короля и он де слышал у шляхт, которые при короле, что Хмельницкой в Чигирине войско збирает великое и универсалы розсылает во все казацкие города, чтоб казаки шли к нему в войско все»<sup>2</sup>. Предвидя осложнения, которые могли возникнуть в результате того, что казацкое войско вынуждено будет отступить и далее на восток, гетман распорядился начать переправу правобережных жителей на Левобережье. В сентябре 1651 г. Лукьян Климовский, приехав с Украины, рассказывал в Разрядном приказе, что «гетман Богдан Хмельнитцкой приказал черкасом и мещаном, и всяким людем белорусцом из-за Днепра жон своих и детей велел перевозить на рускую сторону»<sup>3</sup>. Казаки занялись укреплением и обороной правого берега Днепра, чтобы не дать врагу возможности переправиться через реку и нанести удар казацкому войску с тыла. «А гетман черкаской Богдан Хмельнитцкой с черкасы,— рассказывал тот же Климовский,— стоит на реке на Росаве, у Маслова Ставу за Днепром, от Киева 85 верст; а с ним черкас, сказывают, много, а сколько их числом, и про то де подлинно никто не ведает». Несколько выше по Днепру, в районе Киева, «на перевозе», стояли «полковники Лобода и Булавка, а с ними черкас... 4000, а стоят для того, чтоб ляхов через Днепр не перепустить на рускую сторону [т. е. на Левобережье.— В. Г.]»<sup>4</sup>.

<sup>1</sup> Библиотека им. Оссолинских, шифр 5656/II, рулон 3, лл. 192—193.

<sup>2</sup> ЦГАДА СССР, ф. Сношения России с Польшей, 1651, д. 7, лл. 108—109. Тут же В. Старого сообщал, что универсалы Хмельницкого посылаются и в Польшу, «только де про то в Люблине и в иных местах начальные городские люди стоят, чтоб бунтовщики в тутошних местах не встали и козачины не учинили» (там же, лл. 106—107).

<sup>3</sup> Воссоединение Украины с Россией, т. III, док. 65, стр. 141.

<sup>4</sup> Там же.

Одновременно Хмельницкий продолжал сношения с Россией с целью ускорить решение вопроса о принятии Украины. 13—14 июля гетман принял в Корсуне назаретского митрополита Гавриила и прибывшего с ним из Москвы подьячего Григория Богданова. Б. Хмельницкий, как узнаем из статейного списка Богданова, снова заявил о желании всего украинского народа воссоединиться с Россией: «а они де все православные христиане под его государскою высокою рукою с великим хотеньем во всей его государскою воле быти хотят, также как у великого государя, у его ц. в., в ево Российском государстве всяких чинов люди в подданстве и во всей его государскою воле пребывают: и в том всюю Малою Русью, духовного чину и светского всяких чинов люди, мещане и казаки дадим на себе договорное письмо за руками с большим утверждением, как великому государю, его цар. вел-ву годно, и на том учиним присягу от велика и до мала»<sup>1</sup>.

Вскоре после этого в Москву были срочно отправлены украинские послы Семен Савич и Лукьян Мозыря, которые должны были настоятельно просить о принятии Украины под власть России: «Богдан Хмельницкий,—говорилось в позднейшем наказе русского правительства послу В. Унковскому от октября 1651 г.,—с посланцы своими с Семеном Савиным с товарищы и речью с ними бити челом наказывал, чтоб великий государь... велел принять под свою... высокую руку»<sup>2</sup>. Одновременно Б. Хмельницкий обратился за помощью к донским казакам. Войт гор. Борисова (Белоруссия) рассказал русскому гонцу, что по слухам (конечно, преувеличенным) на помощь казакам пришло около 10 000 донцов<sup>3</sup>.

Украинский народ в эту тяжелую годину решительно встал на борьбу с врагом. Подьячий Г. Богданов после возвращения из Украины в Москву сообщил, что «встречал козаков многих людей, а едут они в сход под Переяславль; а едут де с большим хотеньем»<sup>4</sup>. Гр. Грабянка в связи с новым массовым показаньем крестьян и мещан и успешным сбором войска Хмельницким замечает: «як бы ни убыло ничего под Берестечком, так их зараз многоплодная зродила против ляхов козацкая матка»<sup>5</sup>. Слухи о том, что Б. Хмельницкий собрал вокруг

<sup>1</sup> Акты ЮЗР, т. III, стр. 463.

<sup>2</sup> Воссоединение Украины с Россией, т. III, док. 68, стр. 147.

<sup>3</sup> ЦГАДА СССР, ф. Сношения России с Польшей, 1651, д. 7, лл. 163—164.

<sup>4</sup> Акты ЮЗР, т. III, стр. 461. В. Бурый рассказывал 28 августа 1651 г. путивльскому воеводе после приезда с Украины: «А гетманом Хмельницким черкасского войска собрано много в четырех обозах» (ЦГАДА СССР, Белгородский стол, д. 349, лл. 12—15). Грек Д. Иванов показал 2 сентября в Польском приказе, что он был у Хмельницкого в лагере «от Маслово стану за 5 верст... а войско де с ним великое... стоит на поле многолюдством около за все стороны верст на 5» и что «ратные люди идут всход к Хмельницкому со многим хотеньем» (ЦГАДА СССР, ф. Греческие дела, 1651, д. 41, лл. 5—6).

<sup>5</sup> Летопись Гр. Грабянки, стр. 106; Летопись Самовидца, стр. 232.

себя значительные силы, проникли и в Белоруссию, причем действительная численность казацкого войска очень часто сильно преувеличивалась. Войт г. Борисова, например, сообщил (август 1651 г.) русскому гонцу, будто у Б. Хмельницкого около 100 000 казаков<sup>1</sup>.

• Как и прежде, первыми против врага поднялись самые обездоленные и угнетенные массы — крестьянская, казачья и городская беднота. После возвращения в Россию в 1651 г. упомянутый выше Л. Климовский передал, что «сам видал, как он стоял в Гоголеве [под Киевом.— В. Г.]... черкасы шли к полковником к Лободе и к Булавке, человек со 100... с палками, а пищали и рогатины ни у одного нет, идут все с палками и безодежны»<sup>2</sup>.

Польское войско во главе с Потоцким, Калиновским и Вишневецким медленно двигалось из-под Берестечка в Поднепровье, к Белой Церкви, встречая на каждом шагу упорное сопротивление со стороны населения и отдельных казацких отрядов. В войске начался голод, ибо привоза не было никакого, а сами поляки, как сообщает В. Старово, «возить запасов боялись [из-за] казаков»<sup>3</sup>. С. Освенцим рассказывает, что жители м. Трилеса в ответ на предложение Н. Потоцкого сдатьсь посылали с городских стен «тысячи проклятий и советовали ляхам не мучить коней, чтобы было на чем удирать в Краков»<sup>4</sup>. Участились случаи бегства к казакам из польского войска жолнеров и пахолков [военных слуг]. «Перед Духовым днем...— писал 16 июля торопецкий воевода Ив. Бутурлин в Посольский приказ,— жолнеры четыре хоругви отъехали к Хмельницкому в обозы и с королевских и з гетманских обозов и от поляков и от Литвы бегут пахолки и пашенные мужики из уездов беспрестани к Хмельницкому... ходят с черкасы и воюют с большими людьми»<sup>5</sup>. В тылу польского войска вспыхивали крестьянские восстания.

20 августа, во время похода, при очень загадочных обстоятельствах умер Иеремия Вишневецкий, заклятый враг украинского народа, душитель многих крестьянских восстаний, один из столпов магнатской группировки в Польше. Внезапная смерть Вишневецкого (он был самым молодым из польских гетманов; умер в возрасте 34 лет) дала повод для разных слухов, которые деморализовали польское войско. Рассказывали, например, будто Вишневецкий был отравлен своими противниками<sup>6</sup> и что Б. Хмельницкий, узнав о смерти палача, воскликнул:

<sup>1</sup> ЦГАДА СССР, ф. Сношения России с Польшей, 1651, д. 7, лл. 163—164

<sup>2</sup> Воссоединение Украины с Россией, т. III, док. 65, стр. 141.

<sup>3</sup> ЦГАДА СССР, ф. Сношения России с Польшей, 1651, д. 7, л. 107.

<sup>4</sup> История Украины в документах і матеріалах, т. III, док. 169, стр. 223.

<sup>5</sup> ЦГАДА СССР, ф. Сношения России с Польшей, 1651, д. 16, л. 179.

<sup>6</sup> А. Grabowski, Starożytna Polska, т. I, стр. 285—286.

«Увы, князе Вишневецкий, ты, тот кто еще недавно стремился господствовать над всей Украиной, теперь довольствуешься всего четырьмя локтями земли!»<sup>1</sup>.

Сложное положение, в котором очутилось польско-шляхетское войско в Поднепровье, побудило его начальников — Потоцкого и Калиновского попытаться достигнуть соглашения с Б. Хмельницким и старшиной. 9 сентября 1651 г. в казачий лагерь был отправлен шляхтич Маховский с мирными предложениями: Польские военачальники предлагали старшинам согласиться на сокращение казачьего реестра с 40 до 15 тысяч человек и закончить его составление не позже, чем через четыре месяца; ограничить казачью территорию пределами одного Киевского воеводства; разрешить частям польского войска разместиться по всей Украине; разорвать союз с татарами (так как при казачьем войске еще оставалось небольшое число татар) и принудить их уйти в Крым. Маховскому поручалось добиться в первую очередь именно выполнения этого требования, вероятно, в надежде вызвать столкновение между казаками и татарами<sup>2</sup>. Пытаясь, как говорит летописец, «склонять Хмельницкого к успокоению»<sup>3</sup>, польское командование рассчитывало на то, что старшина при сложившейся обстановке проявит несомненную готовность заключить перемирие.

Прибыв в ставку Б. Хмельницкого, Маховский установил связь с войсковым писарем Ив. Выговским, тайным сторонником сговора с польскими панами. Впоследствии сам Выговский рассказал С. Грондскому, что он приложил немало усилий для того, чтобы склонить Б. Хмельницкого согласиться с польскими предложениями<sup>4</sup>. Однако гетман и слушать об этом не хотел, несмотря на действительно тяжелое положение казачьего войска и на то, что затянуть кампанию до поздней осени было опасно из-за недостатка оружия, одежды и прочего. Между тем польские паны только этого и ждали: «А как зима станет и татаровя де пойдут в Крым, а зимою с Хмельницким стоять не станут, а черкасы, которые бедные и безодежные, пойдут все розно, а они де гетманы [т. е. Потоцкий и Калиновский.— В. Г.] с ляхами учнут воевать зимою их черкаские городы», — рассказал в сентябре 1651 г. в Посольском приказе упомянутый выше Л. Климовский<sup>5</sup>.

Единственное, на что согласился Б. Хмельницкий в таких условиях, — это переговоры с польскими представителями в Белой Церкви. 16 сентября сюда, в расположение казачьего войска, приехали польские комиссары А. Кисель, Тышкевич,

<sup>1</sup> L. Rudawski, *Historiarum Poloniae*, т. 1, стр. 145.

<sup>2</sup> A. Grabowski, *Starożytna Polska*, т. 1, стр. 295—296.

<sup>3</sup> Летописное повествование А. Рингельмана, стр. 161; (ср.: Летопись Самовидца, стр. 233).

<sup>4</sup> A. Grabowski, *Starożytna Polska*, т. 1, стр. 299.

<sup>5</sup> Воссоединение Украины с Россией, т. III, док. 65, стр. 141.

Глебович и Нагорецкий<sup>1</sup>. Комиссары настаивали на условиях, которые были предъявлены ранее через Маховского, но Хмельницкий вновь отверг их<sup>2</sup>. Переговоры с польскими панамы вызвали бурный протест в казацком войске. Недовольные бросились к Белоцерковскому замку, в котором происходили заседания, разгромили обоз комиссаров, убили Нагорецкого и стали угрожать самому Хмельницкому<sup>3</sup>. Переговоры кончились ничем.

Возвращение комиссаров убедило польских гетманов в невозможности достигнуть соглашения. 23 сентября Потоцкий и Радзивилл двинули свое войско против казаков. Они рассчитывали застигнуть их врасплох и принудить принять любые условия. Под Белой Церковью начались кровопролитные бои, которые продолжались два дня. После того как польское войско понесло серьезные потери, Потоцкий решил возобновить переговоры. «А после де, государь, тех (двухдневных) боев,— показывал очевидец; И. Юденков, в Москве,— присылали поляки к гетману многожды, чтоб гетман Хмельницкий с ними помирился»<sup>4</sup>. Казаки тоже потеряли немало людей: «А был де бой на обе стороны равной,— сообщил далее Юденков,— и побиты де с обеих сторон многие люди»<sup>5</sup>. Тяжелое состояние казацкого войска, приближение зимы и общее сложное положение на Украине, разоряемой польскими жолнерами и татарами, заставили Б. Хмельницкого согласиться на переговоры.

Переговоры возобновились 26 сентября. В польский лагерь прибыли казацкие представители во главе с Романом Калечным. На другой день, 27 сентября, украинские послы предъявили новое требование, согласно которому польские войска не имели права быть расквартированными в Брацлавском и Черниговском воеводствах, не говоря уже о Киевском, до тех пор, пока не будет закончено составление казацкого реестра. Наконец, 28 сентября был подписан так наз. Белоцерковский договор.

Основные пункты Белоцерковского договора сводились к следующему: казачий реестр устанавливался в 20 тыс. человек, а составление его должно было быть завершено к концу декабря 1651 г.; казацкая территория определялась рамками одного Киевского воеводства; паны могли вернуться на Украину, но до окончательного составления реестра не имели права взимать поборы со своих подданных и требовать от них выполнения повинностей; до тех же пор польское войско не должно было переступать границу казацкой территории; Чигиринское староство

<sup>1</sup> ЦГАДА СССР, ф. Сношения России с Польшей, 1651, д. 16, л. 362.

<sup>2</sup> L. Rudawski, *Historiarum Poloniae*, т. I, стр. 151—152.

<sup>3</sup> ЦГАДА СССР, ф. Сношения России с Польшей, 1651, д. 16, л. 362; Воссоединение Украины с Россией, т. III, док. 66, стр. 142.

<sup>4</sup> ЦГАДА СССР, ф. Сношения России с Польшей, 1651, д. 16, л. 362.

<sup>5</sup> Воссоединение Украины с Россией, т. III, док. 66, стр. 143.

оставалось за гетманской булавой; за православной церковью были признаны ее старинные права и т. д.<sup>1</sup>.

Белоцерковский договор получил различную оценку как со стороны современников, так и позднейших историков. Польская и украинская буржуазная историография исходила из того, что Белоцерковский договор, явившийся результатом поражения казацкого войска под Берестечком, полностью соответствовал желаним польской стороны. П. Кулиш, например, писал: «Это был в самом деле почетный для панов и постыдный для казаков мир»<sup>2</sup>.

Однако если сравнить Белоцерковский договор с теми требованиями, которые были предъявлены Потоцким 6 сентября, то придется признать несомненный дипломатический успех украинской стороны, ибо польские паны вынуждены были пойти на серьезные уступки. Эти уступки, хотя и касались только трех пунктов, были, однако, важнейшими в договоре: казацкий реестр был увеличен с 15 до 20 тыс. человек; шляхта не могла взимать никаких поборов со своих подданных до окончательного составления реестра, т. е. до довольно неопределенного времени; до этого же времени казацкая территория оставалась почти в прежних своих границах — Киевского, части Черниговского и Брацлавского воеводств, ибо польскому войску запрещалось появляться на этой территории до тех пор, пока не будет закончено составление реестра.

Как и в прежних соглашениях с Польшей, основным стержнем договора оставался вопрос о казацкой территории и о зоне расположения польских войск. Ограничение ее пределами одного Киевского воеводства отодвигалось, как видим, на довольно неопределенное время. Следовательно, договор, хотя бы и временно, сохранял за руководителями освободительной войны их власть почти во всей Восточной Украине. Полнота их власти на этой территории подкреплялась пунктом об установлении границы, через которую польские войска не имели права переступить. Определение пограничной черты в Белоцерковском договоре м. Животовым на Брацлавщине не вполне ясно. Оно уточняется в некоторой степени С. Грондским, который говорит, что пограничная черта, как и в Зборовском договоре, устанавливалась на западе по р. Горыни<sup>3</sup>.

Таким образом, совершенно очевидно, что панская Польша не смогла навязать Украине намеченные ранее условия. Мир, к которому она пришла в результате тяжелых потерь, не отвечал стремлению польских панов, прежде всего восточнукраинских магнатов. Этот мир в сущности еще больше ослаблял магнатскую группировку. Шляхта Центральной Польши не

<sup>1</sup> Памятники, изд. Киевской комиссией для разбора древних актов, т. II, отд. III, стр. 598—602.

<sup>2</sup> П. А. Кулиш, История воссоединения Руси, т. III, стр. 326.

<sup>3</sup> S. Grondski, Historia, стр. 213.

могла простить магнатам того, что они не сумели воспользоваться предоставленным им войском и покончить с народно-освободительным движением на Украине. Это прекрасно понимал сам коронный гетман Потоцкий. Как бы оправдываясь за Белоцерковский мир, он в письме к канцлеру А. Лещинскому от 1 октября 1651 г. сообщал, что польское войско по сути попало в окружение: «имели врага впереди себя, с боков и в тылу, хлопы разрушали за нами мосты, угрожая: «если захотите отступить, никто из вас живым не уйдет!». Далее Потоцкий писал: «Не знаю, придется ли мир по вкусу Его Королевской милости, однако все, что я делал, делал ради Респубтики, не желая подвергнуть ее еще большим испытаниям». Поэтому, замечал он, «мир был заключен на неплохих, на мой взгляд, условиях»<sup>1</sup>. Конечно, далеко не все в Польше расценивали Белоцерковский мир подобным образом. Освенцим, например, отражавший интересы великопольского шляхетства, с сокрушением писал: «Вообще, после столь счастливого начала войны надеялись заключить мир на лучших и выгодных условиях»<sup>2</sup>. Тем не менее, по словам того же Освенцима, многие великопольские шляхтичи были весьма довольны самим фактом прекращения войны: «договор этот,— говорит Освенцим,— удовлетворил многих, особенно тех, которым надоела война и постоянный сбор налогов на содержание войска и которые... желали чем скорее заключить мир, полезный как для них, так и для отечества»<sup>3</sup>.

Оценивая всякий договор, в том числе и Белоцерковский, нужно исходить не столько из его формального содержания, сколько из реальных условий, которые в конечном итоге всегда определяют выполнение его. Как собирались обе стороны выполнять Белоцерковский договор, могло показать лишь будущее.

Во время переговоров в Белой Церкви сюда прибыл турецкий посол, известный уже нам Осман ага. В августе 1651 г. в Константинополе произошел новый дворцовый переворот. К тому же, молдавский господарь Лупул, чтобы изменить отношение Турции к казакам, послал к султанскому двору своих представителей, которые искусственно раздували «успехи» польских панов под Берестечком и подчеркивали мнимую слабость украинских казаков. Однако ни наговоры Лупула, ни дворцовый переворот в Константинополе не смогли повлиять на политику Турции, которая по-прежнему нуждалась в мире с казаками. Из реляции, полученной Лупулом от своего константинопольского агента, видно, что Порты даже ободряла казаков. В связи с событиями под Берестечком визирь писал Б. Хмельницкому: «Слышали мы, что Вам немного не посчастливилось, но это не важно; собирайте большие силы и старайтесь дать неприятелю отпор».

<sup>1</sup> Ягелонская библиотека в Кракове, рукопись № 5, лл. 917—920; (ср.: Архив ЮЗР, т. IV, ч. III, стр. 523—524).

<sup>2</sup> Dyaryusz S. Oswiecima, стр. 375—376.

<sup>3</sup> Там же.



Одновременно сообщалось, что хану приказано прийти на помощь казакам. По словам русского сына боярского Ивана Юденкова, очевидца событий под Белой Церковью, турецкое правительство предлагало Б. Хмельницкому через Османа агу свою помощь и опеку, требуя взамен от него выступить против Венеции. Однако Хмельницкий отказался от того и другого: «А прислал де,— показывал Юденков,— к нему, гетману, при нем, Иване, и ныне турецкий царь посла своего Османа чуша, а с ним человек с пятьдесят, для того, чтоб он, гетман, имел себе у него на помощь людей, а был под его, турецкого, рукою и сам бы гетман ему дал на немец [венедианцев.— В. Г.] помочь. И он де, гетман, того не хочет, а хочет быть под твоею государевою [русского царя.— В. Г.] высокою рукою»<sup>1</sup>. Это лишний раз доказывает, что ни о какой вассальной зависимости Б. Хмельницкого от Турции не может быть и речи.

\* \* \*

Русское правительство между тем не оставалось равнодушным к событиям на Украине и к той угрозе, которая нависла над ней в связи с победой магнатской группировки в Польше и подготовкой новой войны против Украины после декабрьского сейма 1650 г. Имеются все основания полагать, что Россия в это время даже собиралась объявить войну Польше и принять Украину. В январе 1651 г. к Б. Хмельницкому был отправлен посол Ларион Лопухин с официальным заявлением, что если король Ян Казимир не казнит в ближайшее время виновников нарушения царского титула, то Россия разорвет отношения с Польшей: «А будет с королевские стороны исправление не будет, и государь им больши того терпети не будет»<sup>2</sup>.

Одновременно Лопухин должен был дать понять гетману, что царь воспользуется невыполнением Польшей своих обязательств для принятия Украины или, во всяком случае, окажет ей значительную поддержку: «А к нему, гетману... для подлинного договору [царь.— В. Г.] пришлет думных людей... и к Войску Запорожскому и вперед свое государево жалование держати учнет, и он [гетман] бы на то был надежен»<sup>3</sup>. Наконец, через Лопухина русское правительство сообщило, что для разрыва мира с Польшей ему необходим подходящий предлог. Лопухину поручалось добыть у Б. Хмельницкого оригиналы или копии грамот, которыми Ян Казимир пытался подстрекать крымских татар к нападению на Россию: «Велено [Лопухину], — как значится в его инструкции, — у гетмана и у писаря добиватца и просить грамот, каковы писал польский король х крымскому

<sup>1</sup> ЦГАДА СССР, ф. Сношения России с Польшей, 1651, д. 16, л. 363.

<sup>2</sup> Воссоединение Украины с Россией, т. II, док. 211, стр. 488.

<sup>3</sup> Там же.

с послом своим, да и к нему, гетману, чтоб шли на Московское государство войною»<sup>1</sup>.

В конце января того же 1651 г. правительство созвало Земский собор, надеясь заручиться его поддержкой в вопросе о войне против Польши и воссоединения Украины. На Собор «о литовском [т. е. украинском] диле» приглашались представители высшего и низшего духовенства, дворянства, купечества, а также «всяких чинов людей». Земский Собор открылся 19 февраля. На нем была оглашена царская грамота, в которой перечислялись «литовского короля и панов рад прежние и нынешние неправды». Последние заключались в том, что король подстрекал и подстрекает хана напасть на Россию: «ссылаетца с крымским царем почасту и всякими вымысли умышляют, чтоб им сопча Московское государство воевать и разорить». К своему союзу с Крымом Польша старается привлечь и Швецию и король «через Польшу и Литву пропустил в Свию, к Христине, королеве свейской, крымского посла для ссоры ж». Наконец, в Польше с ведома правительства «про великого государя царя... всеа Руси напечатаны в книгах злые безчестья и укоризны, чего не токмо великим государем, христианским помазаником божиим, [но] и простому человеку слышати и терпети невозможно... также и Московского государства про бояр и про всяких чинов людей напечатаны многия безчестья»<sup>2</sup>. Одним словом, со стороны Польши «многие неправды делаюцца к нарушению вечного dokonчання»<sup>3</sup>.

С другой стороны, гласила грамота, руководители освободительной войны постоянно просят царя о принятии Украины: «А запорожской гетман Богдан Хмельницкой бьет челом государю, чтоб государь пожаловал их... велел его, гетмана, со всем Войском Запорожским принять под свою государеву высокую руку». Чтобы подействовать на присутствующих, царь велел объявить, что если не принять Украины, она вынуждена будет искать покровительства Турции: «А будет де государь милости над ними не покажет, и они [казаки] де поневоле учинятца в подданстве у турского салтана с крымским ханом вместе»<sup>4</sup>. В заключение царь спрашивал мнение Собора, как поступить, если поляки не выполнят своих обязательств: «И будет Ян Казимир... и паны рада по договору исправленья и за государеву честь виноватым казни не учинят, и то дело учнут вперед откладывать, и в проволоку с сойму на сойм попрежнему... как быть?»<sup>5</sup>.

Решение Земского собора до нас не дошло, исключая ответ духовной части его — Освященного собора. Последний реши-

<sup>1</sup> Воссоединение Украины с Россией, т. II, док. 211, стр. 489.

<sup>2</sup> Воссоединение Украины с Россией, т. III, док. 1, стр. 7—10.

<sup>3</sup> Там же.

<sup>4</sup> Там же, стр. 9—10.

<sup>5</sup> Там же, стр. 10—11.

тельно высказался за воссоединение Украины и объявление войны Польше: «святая великая соборная... [церковь] за великие королевские неправды и за нарушение... вечного dokonчания может подати разрешение тебе [царю.— В. Г.]... и запорожского етмана с черкасы мочно принять со утверждением». Даже в том случае, если Польша выполнила бы свои обязательства, Собор благословлял царя действовать, как его «бог известит»<sup>1</sup>.

Земский собор 1651 г., таким образом, несомненно свидетельствует о намерении русского правительства принять в ближайшее время Украину и объявить войну Польше. Поэтому, нам кажется, нельзя разделить мнение А. И. Козаченко, который считает, что «обсуждение вопроса об Украине на Земском соборе 1651 г. было важно для русского правительства в целях подготовки общественного мнения к войне с Польшей за Украину. В этом и состояло значение Собора 1651 года»<sup>2</sup>.

После Собора русское правительство принялось с удвоенной энергией добывать данные, изобличающие Польшу во враждебных действиях против России. Вдогонку Лопухину 1 марта 1651 г. к Б. Хмельницкому был спешно послан подьячий Василий Степанов. Последний должен был ехать «наспех... не мешкая нигде» и во что бы то ни стало добыть через Б. Хмельницкого компрометирующие Польшу документы: «говорити о том гетману всякими мерами накрепко, чтоб он тех королевских грамот, что писаны от короля, промыслом добился, также и королевских и крымского хана подлинных грамот, каковы присланы к нему [Хмельницкому] просить». Это, как гласила инструкция посланцу, требовалось царю для того, чтобы «Яна Казимера короля неправда и вечному dokonчанию нарушение было ведомо подлинно»<sup>3</sup>.

Однако вскоре после Земского собора в Москву стала поступать весьма разноречивая информация о событиях в Польше и на Украине, и это сразу, должно быть, насторожило русское правительство, побудило его воздержаться от решительных действий. С одной стороны, (см. выше) сведения говорили о слабости Польши и весьма значительных силах казаков и татар; с другой же — поступала информация, резко противоречившая этому и коренным образом менявшая картину событий. В отписке севских воевод Т. Щербатова и В. Апраксина от 2 мая 1651 г. на имя Посольского приказа, например, сообщалось об огромных военных силах, собранных Польшей. Воеводы писали: «ведомо де у них в Новегородке Северском подлинно, что поляки стоят на три полки в большом собрании. Гетман корунной Миколай Потоцкой с фортыным войском стоит в Каменце Подольском,

<sup>1</sup> Воссоединение Украины с Россией, т. III, док. 1, стр. 11—12.

<sup>2</sup> А. И. Козаченко, Земский собор 1653 г., ж. «Вопросы истории» № 5, 1957, стр. 152.

<sup>3</sup> Архив ЮЗР, ч. III, т. IV, К., 1914, стр. 567—568; Воссоединение Украины с Россией, т. III, док. 6, стр. 15—16.

а полной гетман Калиновской стоит под Барами с поляки и с молдавскими и с волоскими людьми, а ксенжа Доминик [Заславский], да князь Еремей Вишневецкой своих маестностей и с наемными людьми стоят под Збарышевкою». В заключение говорилось, что «и король де, Ян Козимер, со всем посполитым рушеньем, [стоит] в самом большом собраньи на козаков ж»<sup>1</sup>.

Желая получить более точную и обстоятельную информацию, русское правительство приказало своим пограничным воеводам немедленно организовать сбор сведений на Украине путем отправки туда благонадежных людей из переселенцев-украинцев и собранные ими данные сразу же передавать в Москву. 23 апреля 1651 г., например, путивльскому воеводе С. Прозоровскому было поручено посылать «знающих людей... в литовскую сторону, до которых мест пригоже почасту» и велеть им, «проедывать, что ныне у поляков с черкасы делаетца и где их польские и литовские и черкаские обозы стоят... да и про всякие тамошние вести разведывать и подлинно»<sup>2</sup>. 7 июня 1651 г. аналогичная грамота была отправлена яблоновскому воеводе Б. Репкину. Ему поручалось узнать, «в которых местех... Богдан Хмельницкой и черкаские полковники против польского короля стоят? И много ли с ними в зборе черкас, и крымской царь и царевичи к черкасом на помощь пришли ли» и т. д. Далее правительство интересовалось: «польской король людей к себе на помощь ожидает ис которых государств...»; «А как у польского короля учинитца [с украинцами] бой, и которая сторона на том бою будет сильнее, и они [разведчики.— В. Г.] с подлинными вестьми ехали к вам в Яблоново тотчас, *не мешкав ни часу*. А как они к вам приедут, и вы б тех черкас, дав им подводы, прислали к нам к Москве для подлинного ведома»<sup>3</sup>.

Вести с Украины между тем были малоутешительными. В конце февраля или в начале марта русское правительство получило известие о том, что союз татар с казаками очень непрочен. Посол Еляков 19 февраля передавал из Крыма, что, по слухам, если в предстоящей войне победа будет клониться на сторону Польши, то татары изменят казакам<sup>4</sup>.

Подобного рода информация о крупных силах Польши и о вполне возможном переходе на ее сторону татар также должна была предостеречь русское правительство от поспешных действий. Оставался неясным и вопрос о том, какова будет позиция Швеции и других держав в случае выступления Русского государства против Польши. Вот почему, отправляя вскоре после заключения Белоцерковского мира своих послов А. Прончищева и А. Иванова в Варшаву, русское правительство поручило

<sup>1</sup> ЦГАДА СССР, ф. Сношения России с Польшей, 1651, д. 1а, лл. 350—351.

<sup>2</sup> Там же, л. 250.

<sup>3</sup> Воссоединение Украины с Россней, т. III, док. 35, стр. 82—83. — *Курсив наш.*

<sup>4</sup> ЦГАДА СССР, ф. Крымские дела, 1651, кн. 30, л. 173.

им подробно изучать отношения Польши с другими государствами, в особенности со Швецией. Послам поручалось «провесть в разговоре скрытным делом: турецкие, и крымские и швейские послы или гонцы... в Варшаву присланы ль и будет присланы, и кто имяны и о каких делех; И с швейскими послы у польских послов о миру съезд в Любке был ли... и на что на съезде... учинили»<sup>1</sup>.

Русское правительство еще не считало себя достаточно подготовленным к большой войне. Совсем недавно царские власти с немалыми усилиями подавили народное восстание в Пскове, Новгороде и т. д. При сложившихся обстоятельствах русское правительство решило вновь занять выжидательную позицию. К тому же, 13 июля 1651 г. была поручена отписка каменского воеводы Ф. Арсеньева о поражении казаков и измене хана, о том, что 21 июля у «Хмельницкого был бой... с ляхами... [у] Берестечек и король де с лехами гетмана Богдана Хмельницкого войска ево казаков и татар многих побили и в полон поймали»<sup>2</sup>. В июле же путивльские воеводы С. Прозоровский и И. Чемоданов отправили в Разрядный приказ копию показаний воронежского сына боярского Никиты Анавина Забабурского, участника битвы под Берестечком. Последний рассказал, что «были у черкас с поляки бой июня з 25-го числа... по 27-е... и на тех... боях поляки побили черкас многих людей, а крымской де царь стоял особо, черкасом не помогал и отступил проч, потому что польский король крымского царя скупил». Далее он говорил о пленении ханом Хмельницкого, об опустошении татарами украинских поселений, осаде поляками казацкого лагеря, поражении казаков, которые в замешательстве «пушки и ружье и знамена и запасы покинули и побежали ж через речку Казинку болотом», где, как уверял Забабурский, — «черкас потонуло и поляки побили тысяч з дватцать и больши»<sup>3</sup>.

17 июля была отправлена царская грамота яблоновскому и, вероятно, остальным воеводам. «Ведомо нам учинилось, — говорилось в ней, — что поляки черкас побили, и черкаские табары рушились, и черкасы все пошли розно». В связи с этим воеводам приказано было готовиться к приему переселенцев-украинцев и оберегать их от всяких злоупотреблений: «а которые черкасы, — гласила грамота, — учнут приходить... на царское имя з женами и з детьми... от гонения поляков, а ты [воевода] б тех черкас... велел принимать и велел им итти... на Коротояк, и на Воронеж, и в Козлов и велел с ними до тех мест посылать провожатых

<sup>1</sup> ЦГАДА СССР, ф. Сношения России с Польшей, 1652, д. 2, лл. 507—510.

<sup>2</sup> ЦГАДА СССР, ф. Разрядный приказ, Белгородский стол, стлб. 323, лл. 209—210.

<sup>3</sup> Там же, лл. 182—185. В конце июля или начале августа с официальным извещением Яна Казимира о победе под Берестечком в Москву прибыл польский шляхтич Ст. Галинский (там же, ф. Сношения России с Польшей, 1651, д. 9, лл. 10—27.)

людей добрых, чтоб их... допроводить со всеми их животы бережно». Грамота угрожала тяжкими карами всем тем, кто осмелился бы воспользоваться тяжелым положением украинских переселенцев: «А ково с ними... провожатых учнешь посылать, и ты б им приказал накрепко, чтоб они от тех черкас не корытовались и животов их, едучи дорогою, не розтеряли. А будет кто чем покорыстуетца, и мы на тех людей за один алтын велим доправить по рублю, да сверх того велим тем людем учинить наказание безо всякие пощады»<sup>1</sup>.

Кроме того, надо иметь в виду, что хотя русское правительство и не спешило выполнить рекомендации Освященного собора относительно принятия Украины, оно, тем не менее, во все время кампании 1651 г. продолжало оказывать поддержку украинскому народно-освободительному движению. Как известно, именно в ходе военных действий правительство разрешило частям украинского войска во главе с полковником И. Шоховым перейти русскую границу с тем, чтобы ударить в тыл неприятелю. 11 мая было дано соответствующее распоряжение брянскому воеводе Долгорукову. Тот же приказ был повторен 19 мая. В нем говорилось, что украинским казакам дозволено «итить... с Почепа к Рославлю государевою землею Брянским уездом». Во время перехода казаки получали проводников, пользовались правом строить переправы по пути своего следования, а также закупать провиант, фураж и т. д.<sup>2</sup>.

Вскоре после этого брянский воевода доложил в Москву о том, что полковник Иван Шохов с 4 тыс. казаков и 500 татар перешел 1 июня русскую границу, а брянчане, в соответствии с приказом, «поехали провожать [Шохова] до Рославского рубежа». Результатом перехода казаков Ив. Шохова через русскую территорию было падение городов Рославля и Дорогобужа. Появление в Литве украинских казаков и перебежавших к ним великорусских крестьян оживило борьбу белорусского народа и русского населения захваченной Польшей Смоленской области. В августе 1651 г. в период между битвой под Берестечком и Белоцерковским договором русский гонец В. Старого доносил: «а Дорогобужского де, государь, и Бельского уезду все помещики у крестьян своих пищали и сабли и бердыши и рогатины всякое ружье поотнимали и переграбили, а называют их себе изменниками»<sup>3</sup>. Далее гонец нарисовал картину разгорающейся в Белоруссии освободительной борьбы: «Да уж де, государь, казаки [Шохова] сами мало и воюют, разоряют де и воюют хлопы их шляхецкие и панские, пограбя пана своего животы, бегают к казакам». Характерно, что в этой борьбе принимала участие и часть мелкой польской шляхты, лишившейся

<sup>1</sup> Воссоединение Украины с Россией, т. III, док. 44, стр. 93.

<sup>2</sup> ЦГАДА СССР, ф. Сношения России с Польшей, 1651, д. 7, л. 63.

<sup>3</sup> Там же, л. 72.

своего состояния вследствие своеволия магнатов и преследования со стороны властей. «Также де, государь,— писал В. Старово,— к казакам приставают и ляхи, те, которые по винам своим довелися каранья, а иные наказанья, и у которых маетности за их вины преж того поотнимали»<sup>1</sup>.

Успехи казаков Шохова и усиление борьбы белорусского населения за свое освобождение сыграли немаловажную роль в ходе освободительной войны украинского народа. Они ослабили давление Польши на Украину в тяжелый для последней период.

Не прекращалась также помощь России Украине продовольствием и вооружением. Это обстоятельство не было тайной и для польского правительства. Секретарь Яна Казимира, ксендз Юдицкий, в июне 1651 г. в беседе с русским гонцом В. Старово заметил, что Россия помогает Украине вооружением и продовольствием с самого начала войны». «А как де Богдан Хмельницкой с казаки запорожскими... всчали войну,— говорил Юдицкий Старово,— и царское де величество *безпрестанно к нему, гетману, и ко всему войску Запорожскому посылал с своим ц. в. милостивым словом и з своим государевым многим жалованьем и с пушечными и с хлебными запась*»<sup>2</sup>. Постоянные дипломатические сношения русского правительства с руководителями освободительной войны рассматривались в Польше как подготовка к воссоединению Украины с Россией: «и посылал к ним [казакам],— продолжал секретарь Яна Казимира,— своих ц. в. посланников и гонцов беспрестанно; договаривались с Хмельницким, как бы царскому величеству с его королевским величеством вечное dokonчанье нарушить, а их, казаков, принять под свою государскую руку в подданство и войну против Коруны польские и Вел. Княж. Литовского весть вопче [совместно]»<sup>3</sup>.

В заключение необходимо заметить, что с точки зрения царского правительства руководствовавшегося интересами крепостников, тактика выжидания после Земского собора, оправдала себя в связи с событиями под Берестечком. В результате кампании 1651 г. военные силы Польши были значительно ослаблены. С другой стороны, что имело особенно важное для России значение, были ослаблены и силы Крыма. Под Берестечком поляки нанесли татарам сильный удар. Это можно иллюстрировать следующими данными. Осенью 1651 г. ксендз Тотиевский писал литовскому маршалу: «там [под Берестечком] поченши аж с утра и до вечера бой был страшной и сильной, побито хана с ордою на голову, самого ханского двора 6 тысяч

<sup>1</sup> ЦГАДА СССР, ф. Сношения России с Польшей, 1651, д. 7, л. 67.

<sup>2</sup> Там же, л. 188. — *Курсив наш.*

<sup>3</sup> Там же, лл. 213—214.

убито. А на остаток в полвечера не сдержал хан и срамно убежал, едва с ним сколько на десять тысяч ушло»<sup>1</sup>.

В результате взаимного ослабления поляков и татар, а также спада, как казалось московским политикам, волны антифеодальной борьбы на Украине, несколько упростился тот узел противоречий, который предстояло разубить русскому правительству при решении вопроса о воссоединении Украины с Россией. Между тем последнее становилось все более неотложным.

---

<sup>1</sup> ЦГАДА СССР, ф. Сношения России с Польшей, 1651, д. 16, л. 269; д. 9, л. 19. Под Берестечком были убиты три мурзы и один взят в плен. В плен попал даже покоевый Ислам Гирей, при котором были найдены книги и часы хана. В бою был убит один из крупнейших феодалов Крыма мурза Тугай бей. На глазах у хана пал его брат Амурад. Не остался невредимым и сам Ислам Гирей. «Хана самого, — рассказывал в Москве польский гонец Галинский, — ранили в счюку подле уха из лука». Поляки гнали за бегущими татарами и «побили многих». Рассказывали, что когда под Берестечком Б. Хмельницкий, догнав бегущего хана, обратился к нему со словами: «Что де ты, брат, меня продал!» хан в ярости ответил ему: «какой де ты мне брат, ты де изменник; по тебе де поляки не стреляли, а стреляли все по мне» (ЦГАДА СССР, ф. Греческие дела, 1651, д. 39, лл. 10—11; рассказ македонского митрополита Филимона в Посольском приказе в августе 1651 г.) Польский гонец С. Галинский сообщил в Москве, что «по их... смете... побито крымских татар с 15 000, да живых взято 300 человек» (ЦГАДА СССР, ф. Сношения России с Польшей, 1651, д. 9, л. 25).





# Глава х



УКРАИНСКАЯ ДИПЛОМАТИЯ  
НАКАНУНЕ И ПОСЛЕ БИТВЫ  
ПОД БАТОГОМ





Возвращение шляхты на Украину после заключения Белоцерковского мира, сокращение реестра и восстановление крепостных отношений, при более или менее деятельном содействии гетманской администрации, вызвали бурю негодования среди широких слоев народа.

Еще во время переговоров в Белой Церкви крестьяне и казаки, протестуя против заключения договора с панями, напали на посольство А. Киселя и, как рассказывал в Москве в сентябре 1651 г. путивльский сын боярский И. Юденков, «убили посла пана Нагорецкого, да поляков с 300 человек»<sup>1</sup>.

Во многих местностях Украины стали вспыхивать стихийные восстания, во время которых крестьяне, по словам превосходно осведомленного М. Голинского, «много истребили шляхтичей — панов своих»<sup>2</sup>. Недовольные крестьяне и так назыв. выписчики (лица, исключенные из реестра) выступали не только против польских, но и украинских феодалов. Из письма Б. Хмельницкого А. Киселю от 17 декабря 1651 г., например, узнаем, что восставшими крестьянами и выписчиками был убит белоцерковский полковник Громыка<sup>3</sup>. К недовольным крестьянам и выписчикам присоединилась и часть реестрового казачества, особенно в тех местностях, куда шляхта имела право возвращаться согласно Белоцерковскому договору. На территории Черниговщины организатором отпора панам выступил полковник Ст. Пободайло. Севский воевода Т. Щербатов сообщил в Москву 26 февраля 1652 г., что «в северских ... козачьих городках ... козаки державцов и урядников имают и отводят в Борзну к полковнику Степану Пободайлу, а иных изымав быют и сажают в воду»<sup>4</sup>. Казаки Черниговского полка во главе с Пободайло,

<sup>1</sup> Воссоединение Украины с Россией, т. III, док. 66, стр. 142.

<sup>2</sup> М. Golinski, Zapiski, стр. 537.

<sup>3</sup> Государственный воеводский архив в Кракове, Рукописи Сангушков, № 67, стр. 141—144.

<sup>4</sup> ЦГАДА СССР, ф. Разрядный приказ, Белгородский стол, стлб. 349, л. 51.

которые должны были согласно договору переселяться на Киевщину, решительно отказались от этого. Более того, они стали готовиться к вооруженной борьбе с польским войском, направленным в Черниговщину. 28 января 1652 г. Б. Хмельницкий обратился к Пободайло с предписанием, в котором выговаривал ему за непослушание, требовал воздержаться от каких-либо столкновений с поляками и предлагал немедленно выселиться со всеми казаками в Киевское воеводство. «А ты до тих час,— писал Хмельницкий,— в Борзне у воеводстве Черниговском и в інших местах мешкаеш і подобно [видно.— В. Г.] не хочеш козаковать, зачем [следовательно.— В. Г.] быть тебе з другим своїм товариством панськими подданими». Все, кто осмелится нарушить его приказ, заключал гетман, будут жестоко наказаны: «А если бы якие бунтовщики всциняли бунти, нехай о тим ведають, же без похиби горлом карани будут»<sup>1</sup>.

Как и после Зборовского договора, недовольство низов было направлено также против гетманской администрации во главе с Б. Хмельницким, которого многие считали виновным в заключении мира с панами и даже обвиняли в сговоре с ними. 19 ноября 1651 г. путивльские воеводы сообщили правительству, что «у черкасских полковников... у черниговского, у нежинского, у прилуцкого и их полков у черкас на гетмана Богдана Хмельницкого ставитца ропот». Таких казаков, которые участвовали в войне с поляками в этих трех полках, по словам воевод, насчитывается «тысяч со ста и больше»<sup>2</sup>.

Вскоре после этого, 2 декабря, воеводы со слов купца И. Мосалитинова, вернувшегося в Путивль, вновь донесли, что тот «был ... в Киеве и слышел от черкас ото многих людей, что полковники де и черкасы на гетмана на Богдана Хмельницкого негодуют. А говорят, что он, гетман, помирился с поляки не делом, не по их совету»<sup>3</sup>. Грек Андрей Афанасьев показал в начале 1652 г. в Москве, будто на Брацлавщине против Хмельницкого недовольных возглавил полковник Ив. Богун, а на Левобережье повстанцы собираются вокруг полковника Полтаракожуха<sup>4</sup>.

Имели место даже попытки избрать на место Хмельницкого другого гетмана, который должен был немедленно возобновить войну с поляками. 26 февраля 1652 г. севский воевода Т. Щербатов уведомил царя, что те казаки, которые после составления реестра «выписаны и быть было им в подданстве у поляков попрержнему», восстали, и что «у тех... выпищиков-козаков из Миргородка полковник Матвей Гладкой назвался быть вместо Хмельницкого гетманом и к ним... козаком писал, чтоб... они

<sup>1</sup> ЦГАДА СССР, ф. Сношения России с Польшей, 1652, д. 1, ч. II, л. 232.

<sup>2</sup> Воссоединение Украины с Россией, т. III, док. 69, стр. 151.

<sup>3</sup> Там же, док. 72, стр. 154.

<sup>4</sup> ЦГАДА СССР, ф. Сношения России с Польшей, 1652, д. 81, л. 195.

все были готовы в войну против поляков»<sup>1</sup>. 20 февраля 1652 г. игумен Дисненского монастыря Арон показал в Посольском приказе, что повстанцы выбрали себе гетманом некоего Дедюлю и грозили овладеть Чигирином за то, что Хмельницкий без согласия народа, заключил мир с Польшей<sup>2</sup>.

Проявления недовольства со стороны народных масс жестоко подавлялись гетманскими властями. В апреле 1652 г., ссылаясь на показания торговых людей Б. Гуреева и др., путивльские воеводы донесли, что «Богдан Хмельницкой, сыскав виноватых, которые указу ево на слушают и чинят с поляки задор, велел казнить смертию». Среди расстрелянных были миргородский полковник М. Гладкий, прилуцкий Семен и четверо сотников. Сторонники казненных не сложили, однако, оружия, наоборот, «советуют с новым гетманом» — Вдовиченко, — «а тот же Вдовиченко стоит своим собраньем за Чигирином... а с ним черкас в зборе много, а хотят воеватца с Хмельницким и плотавской де полковник Пушкаренко у того ж у нового гетмана Вдовиченка»<sup>3</sup>. 30 мая, на этот раз уже со слов греков Степана Иванова «с товарищи», приехавших с Украины, путивльские воеводы вновь сообщили, что Хмельницкий действительно «велел ево Матвея [Гладкого], да полковника ж Семена прилуцкого и сотников плотавского и краснянского казнить смертию»<sup>4</sup>.

Вместе с тем в деятельности Б. Хмельницкого в этот период нельзя не заметить и другой черты. Она выражалась в стремлении смягчить острые классовые противоречия на Украине и тем сохранить общенародный фронт борьбы против Польши. Гетман стремился елико возможно увеличить количество казаков, вписываемых в реестр, и даже добивался у польского правительства санкции на формирование дополнительного, неофициального реестра. Казацкие посланцы, присланные в Варшаву в январе 1652 г., рассказали тут русским послам А. Прончищеву и А. Иванову, что им поручено предъявить это требование гетмана сейму и что, кроме того, писал и сам «Богдан Хмельницкой... х королю и к паном раде и ко всей Речи Посполитой: казаки, которые сверх 20 000 не написаны в рейстр, и тем бы поволить... ходить... на Черное море для добычи..., чтоб их тем унять от бунтованья, для того, что тех козаков за

<sup>1</sup> ЦГАДА СССР, ф. Разрядный приказ, Белгородский стол, стлб. 349, т. 49—50.

<sup>2</sup> ЦГАДА СССР, ф. Сношения России с Польшей, 1652, д. 90.

<sup>3</sup> История Украины в документах і матеріалах, т. III, док. 179, стр. 235. В реальности существования Вдовиченко нет основания сомневаться. Грек Кондратьев рассказывал 23 мая 1652 г. путивльским воеводам, что в Красном «учинилась...» от черкас опять смутное время, почели де черкасы збиратца на ляхов, а идут в збор к новому гетману ко Вдовиченку, а хотят де ити х Каменцу Подольскому» (ЦГАДА СССР, ф. Сношения России с Польшей, 1652, д. 1, лл. 443—444).

<sup>4</sup> ЦГАДА СССР, ф. Греческие дела, 1652, д. 41, л. 5.

рейстром многие тысячи, а за пашнею попережнему ходить не хотят, а унять их без больше крови будет не можно»<sup>1</sup>. Вся эта подробная мотивация, разумеется, преследовала одну цель—подготовить почву для произвольного увеличения численности казаков.

Формальным поводом к нарушению Б. Хмельницким пункта Белоцерковского договора о 20-тысячном реестре послужил отказ сейма утвердить этот договор. Поскольку казацкий реестр также считался неутвержденным, старшины имели все основания заявить впоследствии русскому послу П. Протасову, что со времени Зборовского мира (1649 г.) «они войску Запорожскому лестра [реестра] не делали и не переписывали»<sup>2</sup>.

Вместе с тем гетманские власти старались не давать Польше повода к преждевременному разрыву мира и уверяли панов в том, что строго соблюдают условия договора. 17 декабря 1651 г., например, Б. Хмельницкий писал А. Киселю, что шляхтичи, вернувшиеся в свои имения, «пусть ничего не боятся и живут без опаски, ибо недавно мы вновь разослали универсалы, чтоб ... кто был прежде подданным, тот пусть пребывает в обычном послушенстве у своего пана». Письмо заканчивалось заверением: «да покарает бог всякого, кто думает об измене и нарушении священного мира»<sup>3</sup>. 15 февраля 1652 г. гетман сообщил королю, что он опасается, как бы своеволие польских шляхтичей на Украине не привело к новому народному восстанию, и просил «держать в шорах и на поводу этих буйных всадников, ибо... иначе не успокоится Русь... А я хотя бы и покинул чернь, отстранил бы от себя и не допустил своеволия, боюсь, что она может выбрать себе другого гетмана, а потом сговориться с татарами»<sup>4</sup>.

Однако подобные заявления, грозные универсалы, призывавшие подданных к послушенству панам, и крутые меры против недовольных, многие современники правильно расценивали как стремление Хмельницкого во что бы то ни стало сохранить силы для продолжения борьбы. Нунций Торрес, например, в реляции от 30 декабря 1651 г. Ватикану писал, что Хмельницкий, хотя не упускает случая афишировать свою лойяльность по отношению к Польше и даже подавляет восстания, делает это, надобно полагать, не из симпатии к ней, а больше из опасения, что преждевременные выступления могут сорвать все его планы<sup>5</sup>. 20 апреля Торрес сообщил папе: «Хмельницкий громит свое-

<sup>1</sup> Воссоединение Украины с Россией, т. III, док. 82, стр. 179—180.

<sup>2</sup> Акты ЮЗР, т. X, стр. 694. По другим сведениям, реестр был увеличен произвольно до 40 000 чел. (Historia panowania Jana Kazimierza przez nieznanego autora, wyd. E. Raczyński, т. I, Poznań, 1840, стр. 142).

<sup>3</sup> Государственный воеводский архив в Кракове, Рукописи Сангушков, № 67, л. 144.

<sup>4</sup> ЦГИА УССР, ф. 1230, оп. 1, д. 43, лл. 1—2.

<sup>5</sup> Жерела до історії України-Руси, т. XVI, стр. 138.

вольников, вывел несколько полков, чтобы усмирить их, однако [в Польше] опасаются, что под этой маской они [казаки] без большой ссоры объединяют свои силы». Опасность эта, по словам нунция, «тем более страшна, что к этим схизматикам [казакам] могут присоединиться схизматики русские»<sup>1</sup>. Распространялись даже слухи, что Хмельницкий в универсале от 24 марта 1652 г. писал: «без моего позволения пусть никто не отважится подняться [против поляков], чтобы не дать им повода к войне, хотя они и ищут его всякими мерами»<sup>2</sup>, а население Брацлавщины призывал смириться с гнетом панов до весны, когда он освободит его из неволи<sup>3</sup>. Работник грека И. Кондратьева, Иван Федоров, побывавший на Украине, рассказал 23 мая 1652 г. путивльским воеводам, что «слышал от черкас и от мещан, что гетман Богдан Хмельнитцкой конечно хочет с поляки воеватца, а мир де у него с поляки был нарочно на обман»<sup>4</sup>.

Тем временем шляхта, вернувшаяся в свои имения, жестоко мстила народу. Русский купец П. Зеркальников, как он показал в феврале 1652 г. в Посольском приказе, «будучи в Чигирине, слышал, что поляки в корсунских и в иных местех, наехав, черкас уж теснят и обиды им свои мстити начинают»<sup>5</sup>. Убийства, насилия, грабежи, издевательства со стороны панов, пожары и опустошения переполняли чашу терпения народных масс. Спасаясь от нестерпимого гнета, все большее число жителей Правобережной и Левобережной Украины стало покидать родные места и искать убежища в России.

Польские власти и польская шляхта не раз выражали свой протест по поводу покровительства, оказываемого Россией переселенцам, и требовали немедленной выдачи последних. Но русское правительство неизменно отвечало отказом, ссылаясь на то, что в «государском вечном докончанье про перебежчиков... чтоб их ... назад отдавать ничего не написано и чего в докончанье не написано, того вновь вчинати не годитца»<sup>6</sup>.

Благожелательное отношение русского правительства к переселенцам увеличивало стремление к переселению. Польские послы Пенцлавский и Униховский, прибывшие в 1652 г. в Москву, вполне правильно объясняли тягу украинских казаков и крестьян в Россию тем, что они встречают там «милость и обнадеживанье и жалованье»<sup>7</sup>.

Параллельно с переселением украинцев в Россию происходил и обратный процесс — уход русских крестьян, горожан и мел-

<sup>1</sup> Жерела до історії України-Руси, т. XVI, стр. 140.

<sup>2</sup> Oczyste spominki, т. II, стр. 131.

<sup>3</sup> Dyaryusz S. Oswięcima, стр. 379.

<sup>4</sup> ЦГАДА СССР, ф. Сношения России с Польшей, 1652, д. 1, л. 444.

<sup>5</sup> Воссоединение Украины с Россией, т. III, док. 91, стр. 199.

<sup>6</sup> ЦГАДА СССР, ф. Сношения России с Польшей, 1652, д. 1а, л. 331, отпущ.

<sup>7</sup> Там же, д. 3, л. 255.



ких служилых людей на Украину. 15 января 1652 г. глуховский державец Петр Харевский от имени поветовой шляхты жаловался севскому воеводе Т. Щербатову, что «Комарицкие и Крупецкие волости порубежных сел и деревень драгуны, собрався с их литовские стороны с самовольники, приезжают и в порубежных местех их воевали и добро их брали и многие убытки чинят»<sup>1</sup>. В мае 1652 г., как доносил рыльский воевода А. Солнцев в Разрядный приказ, на Украину сбежали крепостные помещика Мелентьева Тимошка и Малашка Летагины, Сенька Квашин и др. 10 июня 1654 г. тот же воевода сообщил царю, что «сын боярской Ромашка Высокопылов бежал с Каменова за рубеж в Литовскую сторону»<sup>2</sup>.

Неуклонно развивались и укреплялись в это время также экономические и политические связи Украины с Россией<sup>3</sup>.

Еще в период белоцерковских событий руководители освободительной войны для ведения переговоров о воссоединении и ускорении решения этого вопроса отправили в Москву посольство во главе с полковниками С. Савичем и Л. Мозырей<sup>4</sup>. Послы должны были просить, чтобы царь велел Украину «принять под свою царского величества высокую руку»<sup>5</sup>. Сразу после заключения Белоцерковского мира, 20 сентября 1651 г., Б. Хмельницкий послал письмо путивльскому воеводе С. Прозоровскому, в котором сообщал, что заключенное «перемирие з гетманами корунными и Речью Посполитою» — ненадежно, ибо они по-прежнему украинскому народу «не желают ничего доброго». Гетман высказывал надежду, что Украина будет вскоре принята в состав России и враги «тогда... не воспримут потехи»<sup>6</sup>.

В ответ на гетманское посольство русское правительство направило в октябре 1651 г. на Украину посла В. Унковского. Так как после неудач в кампании 1651 г. положение Украины становилось все более сложным, правительство, вероятно, сочло необходимым морально поддерживать украинский народ, его надежды на возможно скорое разрешение вопроса о воссоединении. Унковскому поручалось сообщить гетману, что царь отправляет в Варшаву своих великих послов бояр Ю. Долгорукова и Ф. Волконского с ультиматумом: если король не казнит виновников нарушения царского титула, то мир с Польшей будет непременно разорван. «А ныне,— говорилось в нем,— будет с королевские стороны по договору исправленья и виноватым казни не будет, и великий государь... польскому королю и паном раде за их неправды больши того терпети не будет».

<sup>1</sup> ЦГАДА СССР, ф. Разрядный приказ, Белгородский стол, стлб. 349, л. 54.

<sup>2</sup> Там же, стлб. 338, л. 747, 754.

<sup>3</sup> См.: Воссоединение Украины с Россией, т. II и III.

<sup>4</sup> Воссоединение Украины с Россией, III, док. 55, стр. 125—126

<sup>5</sup> Там же, док. 68, стр. 147.

<sup>6</sup> Там же, док. 60, стр. 132.

Одновременно Унковский должен был заверить Б. Хмельницкого в расположении царя к нему и вообще к Запорожскому войску: «А ныне великий государь наш его царское величество держит к тебе, гетману, и ко всему Войску Запорожскому свою царского величества большую милость и жалованье»<sup>1</sup>.

В январе 1652 г. в Москву был отправлен украинский посол полковник И. Искра. Русский купец П. Зеркальников, ехавший вместе с Искрой, рассказал в этой связи, что тот послан к царю «самым тайным делом» и что приняты меры, чтобы о его миссии «до поляков бы не донеслось». Искра должен был уверить русское правительство, что возобновление войны с Польшей неизбежно и что украинцы по-прежнему преисполнены решимости стоять «сколько их мочи ни будет... против неприятелей своих... а отчизны своей... не отстанут»<sup>2</sup>.

Возвращения И. Искры с нетерпением ожидали на Украине. 20 марта Б. Хмельницкий просил путивльского воеводу сообщить сведения об Искре, который послан к царю «в великих ділах» и о котором нет никаких известий: «чи жив, чи не жив»<sup>3</sup>. Между тем, 22 марта Искра был на прощальном приеме у царя. Русское правительство, которое ожидало возвращения своих послов из Варшавы, и на сей раз не дало прямого ответа на вопрос о воссоединении Украины, а лишь изъявило свое согласие и впредь предоставлять убежище всем украинским переселенцам в случае нужды: «И будет им от поляков учнет какое быть утеснение, и гетман бы и черкасы шли в царского величества сторону», ибо «в Московском государстве земли великие и пространные изобильные — поселитца им есть где». Правительство назначило даже территорию под поселение: «А податно им поселитца по рекам: по Дону и по Медведице и прочим угожим и пространым местам»<sup>4</sup>. В начале апреля 1652 г. И. Искра вернулся на Украину.

Правители панской Польши в этот период продолжали предпринимать настойчивые попытки лишить Украину помощи и поддержки России. Во время пребывания Искры в Москве туда приехал посланец киевского митрополита С. Коссова священник Арсений Верный слуга шляхетской Польши, Коссов настойчиво стремился очернить Б. Хмельницкого в глазах русского правительства. Его посланец представил дело так, будто Белоцерковский договор полностью соответствует желаниям гетмана, означает прекращение борьбы на Украине и установление прочного мира с Польшей. «Хмельницкий Калиновскому, — говорил Арсений, — за Днепр итти не заборонял же и знак ему свой дал, чтоб черкасы его во всем слушались». «А мир де у поляков с черкасы ... крепок, потому что гетман

<sup>1</sup> Воссоединение Украины с Россией, т. III, док. 68, стр. 148.

<sup>2</sup> Там же, док. 91, стр. 199.

<sup>3</sup> Там же, док. 98, стр. 205.

<sup>4</sup> Там же, док. 101, стр. 209.

Хмельницкий отнюдь с ними *войну счинять ни за что не хочет*. В заключение Арсений заявил, что Хмельницкий будто бы проявляет полное равнодушие к судьбе крестьянства и не желает слышать о его жалобах: «И они [крестьяне] ныне с панами своими как хотят, а ему, гетману, до того дела нет»<sup>1</sup>. Русское правительство, однако, как и прежде, не реагировало на эти инсинуации польских панов и их приверженцев.

В Польше, между тем, назревали серьезные события. Белоцерковский договор, способствовавший ослаблению магнатов, оживил надежды короля и его сторонников. Шансы последних увеличивались еще и тем, что 20 ноября, т. е. спустя три месяца после смерти Иеремии Вишневецкого, умер другой лидер магнатской группировки — Николай Потоцкий. С этого времени король и его сторонники стремятся возможно скорее мобилизовать все ресурсы Речи Посполитой, чтобы, разгромив народно-освободительное движение, овладеть Украиной теперь уже не в интересах ослабленных магнатов, а в собственных целях.

Средства, необходимые для осуществления этих планов, король надеялся получить у сейма, назначенного на 26 января 1652 г. В соответствии с этим королевская партия развернула лихорадочную предсеймовую агитацию. Дополнительная инструкция, разосланная сеймикам 4 декабря 1651 г., рисовала положение Польши в очень мрачных красках. Сообщалось, например, что, по достоверным данным, казаки готовятся продолжать войну против Польши на этот раз с более значительными силами, что в универсалах к населению Брацлавщины Хмельницкий призывает народ мириться с гнетом панов до весны 1652 г., когда он окончательно освободит его из неволи. Далее сообщалось о том, что Хмельницкий намеренно затягивает составление реестра и продолжает сношения с другими, враждебными Польше государствами, откуда к нему постоянно прибывают послы. В заключение инструкция обращалась к шляхте со следующим призывом: «Позаботьтесь о безопасности отечества и об организации войска, чтобы, упаси бог, Речь Посполитая не дошла до полного разрушения!»<sup>2</sup>.

По стране разъехались уполномоченные короля, которые должны были склонить на поветовых сеймиках шляхту к утверждению новых налогов, необходимых для продолжения войны против украинского народа. Ян Казимир не только не распускал старое войско, а, наоборот, учитывая ослабление магнатов, делал попытки набрать новые полки. Как сообщал 8 августа 1651 г. русский гонец В. Старово, король велел «учинить затонги и собрать войска. Квартяному войску в прибавку 12 тысяч, а поборы велел собрать ратным людем на жалованье со

<sup>1</sup> ЦГАДА СССР, ф. Сношения России с Польшей, 1652, д. 1, л. 194 № 195. — *Курсив наш*.

<sup>2</sup> Dyaryusz S. Oswięcima, стр. 379—380.

всей земли с коруны и с Литвы вновь по 6 злотых польских с во-  
локи... а с... [евреев.— В. Г.] со всех со всякой головы с мала  
и с велика по золотому червоному и... велено те гроши собрать  
вскоре»<sup>1</sup>. К тому же, вопреки традиции, король оставил себе  
булаву коронного гетмана (коронному гетману принадлежало  
право командования всеми коронными войсками), оставшуюся  
вакантной после смерти Н. Потоцкого. Смысл этого шага Яна  
Казимира был разгадан русским послом кн. Репниным: «держит  
де король булаву при себе,— писал Репнин,— и гетманом вели-  
ким корунным учинити никого не хочет... [потому], что ныне  
у него неприятелей много... а только де ему ково гетманом  
великим корунным учинить и булаву дать и ему де уже самому  
против неприятелей ходить не для чего [не с чем.— В. Г.] и рат-  
ные люди все будут в послушании у гетманов (а не у короля—  
В. Г.) и затем де король булавы никому и не отдает»<sup>2</sup>.

Попытки короля и его сторонников подготовить почву для  
взимания новых налогов наткнулись, однако, на решительное  
сопротивление великопольских сеймовых послов. Неоднократно  
упоминавшийся ранее гонец В. Старово писал: «шляхта  
и всякие люди говорят так: как де война с казаки и зачалась,  
и с тех де мест и по сие время государство все от короля разо-  
ряется [налогами.— В. Г.]»<sup>3</sup>. Оппозицию великопольской шлях-  
ты возглавил подканцлер Иероним Радзеевский, занявший этот  
пост в ноябре 1650 г. Политический авантюрист, успевший по-  
бывать во всех группировках, Радзеевский стал во главе шляхты  
еще под Берестечком, когда она отказалась идти вглубь Ук-  
раины. Теперь, пользуясь своим положением, Радзеевский  
разъезжал по Польше и деятельно агитировал против короля.  
Он призывал шляхту к борьбе «против фальшивок и грубых  
инсинуаций» (имеется в виду предсеймовая инструкция короля,  
говорящая об опасности, нависшей над Речью Посполитой)<sup>4</sup>.  
Вслед за тем в Польше стало ходить по рукам анонимное письмо,  
составленное при участии Радзеевского. Авторы письма обви-  
няли короля в том, что он вербует войско без разрешения сейма,  
что его сторонники составляют фальшивые реестры войска и,  
наконец, что король вообще действует вопреки интересам Речи  
Посполитой<sup>5</sup>. Возбужденные этой агитацией, многие шляхетские  
сеймики вынесли враждебные королю решения. Яна Казимира  
обвиняли в неумении обращаться с финансами, в том, что он  
довел страну до разорения, в безответственном пролитии шля-  
хетской крови, в попытках втянуть Польшу в войну с Россией  
и Швецией<sup>6</sup>.

<sup>1</sup> ЦГАДА СССР, ф. Сношения России с Польшей, 1951, д. 7, л. 134.

<sup>2</sup> Там же, 1653, д. 2, лл. 592—593.

<sup>3</sup> Там же, 1651, д. 7, л. 136.

<sup>4</sup> L. Kubala, *Szkice historyczne*, т. II, стр. 25.

<sup>5</sup> Dyaryusz S. Oswięcima, стр. 124.

<sup>6</sup> L. Kubala, *Szkice historyczne*, т. II, стр. 28, 70.

Между тем король и его сторонники тоже не сидели сложа руки. Вопреки конституции, Ян Казимир увеличил свою гвардию до 1 200 чел. и подтянул к Варшаве несколько тысяч войска. Своим приближенным Тизенгаузу и Б. Служке король поручил найти способ немедленно покончить с Радзеевским. 5 января 1652 г. Служка во главе вооруженного отряда пошел на штурм дворца Радзеевского, расположенного в центре Варшавы, вблизи королевской резиденции. Среди белого дня загремели пушки и началась сеча, в которой пало немало людей. Убить Радзеевского, однако, не удалось. Он успел заблаговременно бежать из столицы. Тогда 20 января 1652 г. трибунал, созданный королем, вынес приговор, по которому подканцлер Радзеевский «за оскорбление его величества» присуждался к смертной казни с конфискацией всего имущества. Вместо Радзеевского подканцлером 4 февраля был назначен сторонник короля Коряцинский.

Невзирая на энергичные действия короля, сейм, открывшийся 26 января 1652 г., не последовал за ним. В Посольской избе пустовало около 200 мест. Послы великопольских земель — Сандомирского, Серажского, Мазовецкого, Калишского и Познанского воеводств заняли позицию, открыто враждебную королю. Сейм начался со вступительной речи ксендза Цецишевского, сторонника Яна Казимира. Последний, призывал шляхту не злоупотреблять своими вольностями и слушаться короля. Цецишевский сравнил Польшу со старушкой, которая из-за шляхетских и магнатских вольностей немало претерпела под Корсунем, Пилявцами и др. Правда, заключил ксендз, «старушка» немного оправилась под Зборовом и Берестечком, но рецидив «вольностей» грозит ей верной гибелью<sup>1</sup>.

Ожесточенная борьба на сейме разгорелась и по вопросу о булаве коронного гетмана. Ряд послов предлагал дать королю двухнедельный срок, в течение которого он должен сложить с себя обязанности коронного гетмана. Несмотря на протест короля, сейм рассмотрел также жалобу Радзеевского. Значительная часть послов потребовала полной его реабилитации. Обнажив сабли, они бросились на сторонников короля, в том числе на Служку, руководившего нападением на дворец бывшего подканцлера. Инцидент этот был тем более неприятен королю, что он происходил в присутствии русских и украинских послов, находившихся в это время в Варшаве.

Русские послы А. Прончищев и А. Иванов, по словам Кубали, «будто сговорились» с украинскими, прибыв в Варшаву 26 февраля, т. е. почти одновременно с последними. Действительно, сразу по прибытии в польскую столицу Прончищев попытался установить связь с казаками, но безуспешно, ибо, как доносил он царю, «к тем... запорожским посланцом госу-

<sup>1</sup> L. Kubala, Szkie historyczne, т. II, стр. 79—80, 87.

даревых никаких людей пускать не велено»<sup>1</sup>. Все же через несколько дней подьячему В. Старово удалось проникнуть в дом, в котором жили украинские послы. Впоследствии он рассказал, что украинских послов тут зорко охраняли, «что на их дворе, где они поставлены, в верхних и в нижних светлицах поставлены гетмана Розивилковы люди, а они де забиты будто в тюрьму назади, в нижнюю в самую худую избенку... Да за ними ж де приказано втай смотреть, чтоб ништо к ним не приходил... А о государевых де людях приказано имянно, чтоб от государевых посланников никакова человека до них не допускали». Как только польские власти узнали о посещении В. Старово украинских послов, они тотчас же выслали последних из Варшавы. На второй день, 7 марта, когда Старово вновь отправился к ним, он не нашел уже никого: «а дворник того двора ему сказал, что де тех посланцов [украинских] вчерашняго ж дня после ево Василья, как он от них пошел, часа с полтора помешкав, из Варшавы выслали совсем»<sup>2</sup>.

Твердая позиция, котсрую заняли русские послы, заявившие решительный протест в связи с отказом польского правительства казнить виновных в искажении царского титула, еще более обострила обстановку на сейме. В Посольской избе говорили, что отказ удовлетворить требование России может послужить поводом к войне, тем более, что царь держит наготове войско, ведет переговоры со Швецией и т. п.<sup>3</sup>. Шляхта наотрез отказалась утвердить представленный королем проект о взимании налогов, необходимых для набора войска. Пользуясь тем, что из-за борьбы на сейме король смог поставить вопрос о налогах лишь в последний день его заседаний, 9 марта, шляхта сорвала сейм и разъехалась по домам. Австрийский резидент Говербек 16 марта 1652 г. так информировал свое правительство о срыве сейма: «Раскол между королем и сеймом, — писал он, — произошел из-за нового налога. Сеймовые послы требовали сокращения армии» и т. д.<sup>4</sup>. В Москве об ожесточенной борьбе на сейме и недовольстве шляхты королем узнали еще в феврале 1652 г. Игумен Дисенского монастыря А. Крыжановский, например, рассказал тут, «что кончье паны корунные... короля королем не хотят имети, а хотят на короля рокош поднять»<sup>5</sup>.

С большим вниманием следили за ходом сейма и развитием политических противоречий в Польше руководители освободи-

<sup>1</sup> Воссоединение Украины с Россией, т. III, док. 82, стр. 170.

<sup>2</sup> Там же, стр. 173, 174.

<sup>3</sup> *L. Kubala, Szkice historyczne*, т. II, стр. 102.

<sup>4</sup> *Urkunden und Aktenstücke*, т. VI, стр. 681.

<sup>5</sup> ЦГАДА СССР, ф. Сношения России с Польшей, 1652, д. 1, лл. 153—154. Еще 13 декабря 1651 г. М. Калиновский донес королю: «Сообщаю... по секрету, что пан воевода познанский сеет великую рознь между шляхтой. Он сам писал мне, чтобы я ему помог организовать конфедерацию в войске против Вашей королевской милости. Я отказался от этого» (Государственный воеводский архив в Гданске, шифр 300. 29/135, л. 433).

тельной войны. 23 января А. Кисель сообщил королю: Хмельницкий «распустил среди посольства слухи, что нынешний сейм, кроме скандала для короля и насмешек по адресу Польши, ни к чему не приведет»<sup>1</sup>. События подтвердили вскоре правильность этого предсказания гетмана. Усложнением обстановки в Польше, обострением внутренней борьбы в среде господствующего класса руководители освободительной войны могли воспользоваться для решения некоторых неотложных внешнеполитических проблем, тем более, что весной 1652 г. из Москвы на Украину вернулся посол И. Искра. Большую остроту в это время вновь приобрел молдавский вопрос, так как воевода Лупул после битвы под Берестечком переметнулся на сторону польских панов<sup>2</sup>. Необходимо было покончить с этой неустойчивостью Лупула и тем самым избежать тех осложнений, которые могли возникнуть при возобновлении войны с Польшей.

Весной 1652 г. на Украине была спешно проведена мобилизация войска, которое во главе с Б. Хмельницким двинулось на Молдавию<sup>3</sup>. 17 мая 1652 г. в пути Б. Хмельницкий обратился через путивльского воеводу к русскому правительству с письмом, в котором сообщил, что польские всеначальники стягивают крупные силы к молдавской границе, надеясь сломить казаков, и просил о помощи Украине. «Ляхи, неприятели наші,— писал он,— хрестияном біду великую чинят і на 2 обози войска збирают. Зачим і ми рушилисмося з войском, а просим... жеби его царское величество нас от милостивое ласки своей не откидал і руку помощи нам давал противко неприятелем нашим»<sup>4</sup>.

Польским войском, большая часть которого была сосредоточена на Подолии, командовал польный гетман Калиновский. Король Ян Казимир, который готовился к крупным военным акциям и стремился собрать свои силы, чтобы двинуть их против Украины в наиболее удобный момент, еще в январе 1652 г. приказал Калиновскому отвести войско из Подолии к границам польских земель. 14 января 1652 г. путивльский воевода донес в этой связи в Москву, что король «велел ему [Калиновскому] со всеми людьми, которые с ним в сборе стоят, чтоб он, Калиновский, шел из Животова к нему тотчас»<sup>5</sup>. Но упрямый магнат не подчинился королю. Имея в своем распоряжении 20-тысячное регулярное войско, Калиновский занял позицию у Батога (недалеко от Каменца-Подольского). Правда, настроение в поль-

<sup>1</sup> J. Michalowskiego Księga, док. 245, стр. 654.

<sup>2</sup> См.: письмо В. Лупула А. Конецпольскому от 15 октября 1651 г. (Documente privitoare la istoria Romanilor, Suplem. II, т. III, Bucuresti, 1900, док. 24, стр. 31).

<sup>3</sup> 3 июня 1652 г. путивльский воевода Ф. Хилков со слов лиц, прибывших с Украины, донес: «гетман... писал во все заднепровские города, чтоб... черкасы письменные и неписьменные шли к нему гетману всход» (ЦГАДА СССР, ф. Сношения России с Польшей, 1652, д. 1, л. 435).

<sup>4</sup> Воссоединение Украины с Россией, т. III, док. 109, стр. 216.

<sup>5</sup> ЦГАДА СССР, ф. Сношения России с Польшей, 1652, д. 1, лл. 36—37.

ском войске было далеко не боевое. Жолнёры отказывались сражаться с казаками и татарами. Учитывая это, генерал З. Пишемский, один из наиболее опытных польских военачальников, советовал Калиновскому не терять времени и отступить вглубь Польши. Калиновский, однако, не внимал никаким советам.

22 мая поляки увидели первые отряды казаков и татар. Думать об отступлении было уже поздно. Тем не менее польская кавалерия готовилась самовольно покинуть лагерь под покровом ночи. В польском лагере нашлись даже такие «смельчаки», которые советовали связать Калиновского и выдать его казакам<sup>1</sup>. Узнав об этом, Калиновский приказал немецкой пехоте открыть огонь по кавалерии, «дабы залпами придать ей отваги». 23 мая, когда в польском лагере раздались ружейные залпы, казаки и татары атаквали противника одновременно с двух сторон. И начали тогда казаки, как говорит анонимный украинский летописец, врагов своих «аки стебли пожинати»<sup>2</sup>. Польское войско было разгромлено наголову или, как выразился шляхтич Н. Длужевский, один из немногих уцелевших участников битвы, «буквально стерто с лица земли»<sup>3</sup>. Украинское войско вступило в Молдавию. В. Лупул, не имевший теперь оснований надеяться на польскую помощь, поспешил признать договор 1650 г. и стать союзником и сватом Б. Хмельницкого.

В результате разгрома польского войска под Батогом и нового мощного народно-освободительного движения, развернувшегося после этого на Украине, власть панов была уничтожена в значительной части Поднепровья. Самовидец писал, что после Батого крестьяне и казаки «езде панов, старост, на свои добра понаездивших, знову всех вибили»<sup>4</sup>. Вместе с другими в Польшу сбежал и киевский воевода А. Кисель. Обещание Хмельницкого освободить к весне Брацлавщину от польских панов, о чем Кисель писал в январе королю, было выполнено.

На второй же день после битвы под Батогом Б. Хмельницкий через путивльского воеводу Ф. Хилкова уведомил царя о победе: «Іж господь бог даровал нам обоз лядский разгромит 23-го дня місяца мая, где і Калиновского... і сина его, і товариство все побито», и снова, учитывая опасность со стороны Польши, просил о принятии Украины в состав России: «аби нас ратовал, бо відаем, же на нас знову наступоват схочут»<sup>5</sup>.

Весть о разгроме польского войска под Батогом молниеносно распространилась по всей стране и вызвала неимоверное смя-

<sup>1</sup> L. Kubala. Szkice historyczne, т. II., стр. 146.

<sup>2</sup> Архив Днепропетровского Государственного исторического музея, фонд общий, арх. № 682, лл. 1—2.

<sup>3</sup> Історія України в документах і матеріалах, т. III, док. 180, стр. 236.

<sup>4</sup> Летопись Самовидца, стр. 235 (ср.: А. Ригельман, Летописное повествование, стр. 166—167).

<sup>5</sup> Воссоединение Украины с Россией, т. III, док. 110, стр. 216.



тение среди шляхетства. Современник поэт С. Твардовский писал по этому поводу: «Как только по Польше разошлась весть [о Батогел], с лиц сразу сошла краска... и уже ни о чем другом не хотели думать, как только о Висле и о морских берегах»<sup>1</sup>. Ему вторил М. Голинский, находившийся в это время под Краковом: «Тревога в Польше была большая,— писал он,— так что многие собирались бежать за границу»<sup>2</sup>.

Король и его сторонники решили воспользоваться этой паникой среди шляхетства, чтобы под видом вынужденной обороны от украинских казаков мобилизовать на борьбу с ними все силы и ресурсы Речи Посполитой. С этой целью король немедленно издал виц, в котором подробно и в нарочито преувеличенном виде говорилось об опасности, грозившей якобы Польше. «Оберегая от гибели» страну, он призывал шляхтичей, дабы они «во всякой были готовности там... совокупилися, где второю... грамотою назначено будет»<sup>3</sup>, т. е. собирались в посполитое рушение. Был срочно созван чрезвычайный сейм, открывшийся 23 июля 1652 г. Под влиянием паники сейм поспешил утвердить кредиты (около 7 млн. злотых) на набор и содержание 50-тысячного войска<sup>4</sup>. Польское правительство предприняло шаги, имевшие целью укрепить международные позиции Польши и содействовать ее борьбе против Украины. В июне 1652 г. в Москву было отправлено посольство во главе с Альбрехтом Пенцлавским и Казимиром Униховским, прибывшее туда 12 июля 1652 г. Сообщив о том, что нынешний сейм покарает виновных в искажении царского титула, послы вместе с тем потребовали взаимных уступок со стороны России: запрещения отрядам украинского войска переходить русскую границу (имелись в виду переходы, подобные тому, который совершил отряд Шохова в 1651 г.), отказа в приеме украинских переселенцев и прекращения всяких сношений с Б. Хмельницким<sup>5</sup>.

В ответ на это русские дипломаты заявили, что казаки Шохова самовольно прорвались через Брянский уезд; что же касается переселенцев, то Поляновский договор санкционирует переход из Польши в Россию и наоборот; в сношениях же с Б. Хмельницким русское правительство было вынуждено вступить (для разрешения разных пограничных дел) потому, как иронически заметили бояре, что во время «усобиц урядников в королевских городах не осталось никого» — все убежали от казаков<sup>6</sup>. В заключение, сославшись на то, что виновные в искажении царского титула все еще не наказаны, русские дипломаты так и не дали Пенцлавскому и Униховскому определенного ответа.

<sup>1</sup> S. Twardowski, *Wojna domowa*, Калиш, 1681, стр. 74.

<sup>2</sup> M. Golinski, *Zapiski*, стр. 587.

<sup>3</sup> ЦГАДА СССР, ф. Польские дела, 1652, д. 1а, лл. 9—11.

<sup>4</sup> L. Kubala, *Szkice historyczne*, т. II, стр. 198.

<sup>5</sup> Там же.

<sup>6</sup> Акты ЮЗР. т. III, стр. 485.

Одновременно польское правительство продолжало попытки перетянуть на свою сторону крымского хана. Польский посол в Бахчисарае Корыцкий старался «наговаривати и накупати Крымского хана, чтоб он с ним, польским королем, шел на черкас войною»<sup>1</sup>. Но хан не счел возможным согласиться на это и, чтобы убедить казаков в своей верности, послал Хмельницкому королевские грамоты.

Положение Украины в этот период, несмотря на успехи в войне, было тяжелым. Голод и моровое поветрие унесло в могилу тысячи людей<sup>2</sup>. Украина еще не была окончательно подготовлена к войне, на успешное завершение которой можно было рассчитывать только при помощи России. Вопрос о воссоединении с Россией становился все более острым и за разрешением его на Украине наблюдали с большим напряжением. 31 июля Б. Хмельницкий писал путивльскому воеводе: «ежелі што відомости будет ваша милост міти от его царского величества з Москви, просим ратче нам возвестит скоро»<sup>3</sup>.

Чтобы задержать военные приготовления короля и углубить противоречия в среде господствующего класса Польши, Б. Хмельницкий сделал вид, что он, несмотря на успех под Батогом и уничтожение лучшей части польского войска, готов все же заключить мир на условиях Зборовского договора. Украинские послы, отправленные на сейм, заявили, что казаки желают быть в мире с Польшей, а инцидент под Батогом произошел исключительно по вине Калиновского. Польское правительство, также еще не подготовленное к войне, решило вступить в переговоры с Б. Хмельницким и с этой целью направило на Украину своих послов М. Зацвилюховского и С. Черного, которые прибыли в Чигирин в сентябре. Они, как сообщал об этом Ватикану всесведущий нунций, должны были затянуть переговоры до тех пор, пока в Польше будет собрано необходимое для войны войско<sup>4</sup>. Б. Хмельницкий и его соратники понимали, конечно, истинные цели посольства, которое приехало «на обман-будто о згоде», чтобы «тем их [казаков] оплошить, а в то б время собрати им войско и на них притти безвестно и их розорить»<sup>5</sup>.

Несмотря на это, Б. Хмельницкий выразил полную готовность вести переговоры, однако настоял на том, чтобы они начались не ранее января следующего 1653 г. Предложение гетмана об отсрочке переговоров можно объяснить стремлением узнать предварительно решение русского правительства: «А гетман,— рассказали вскоре в Москве украинские послы,— де для того

<sup>1</sup> Акты ЮЗР, т. III, стр. 485.

<sup>2</sup> Белгородский воевода Е. Бутурлин донес 16 августа 1652 г., что на Украине «мрут люди от голоду, а иные... мрут моровым поветрием» (Воссоединение Украины с Россией, т. III, док. 122, стр. 229).

<sup>3</sup> Там же, док. 120, стр. 228.

<sup>4</sup> Жерела до історії України-Руси, т. XVI, стр. 153.

<sup>5</sup> Воссоединение Украины с Россией, т. III, док. 138, стр. 245.

и Комисию отложил, чтоб ... [его] посланцом к тому сроку приехать назад и государева милость ведать»<sup>1</sup>. Из письма самого Б. Хмельницкого от 31 июля 1652 г. путивльскому воеводе также явствует, что в это время он с большим нетерпением ждал вестей из Москвы и просил немедленно дать о них знать<sup>2</sup>. Как и в прошлые годы, в переговорах с Россией прибегли к содействию столь влиятельной в политических делах православной церкви. Греческому митрополиту Гавриилу, который проездом в Москву побывал у Б. Хмельницкого в Чигирине, было поручено самым убедительным образом говорить в Москве о победах украинского войска под Батогом, о выгодном международном положении Украины и т. д. Действительно, в конце октября 1652 г. принятый по приказу царя дьяками Посольского приказа митрополит Гавриил рассказал, что польские правители просят у Хмельницкого мира «от безсилья своего» и что при нем, митрополите, в Чигирин «пришел большой посол, прося миру и привез грамоту от польского короля». Молдавский воевода В. Лупул выдал свою дочь за сына Хмельницкого «неволею», боясь того, «чтоб не было смуты с казаками». Правда, соседние с Молдавией страны, не желая усиления Украины, протестовали против этого и даже угрожали Лупулу: «А Литва, и мутьяне, и венгры весьма за тое свадьбу... развращение имеют, и послали послов ... естли будет свадьба и соединитца Василей воевода с казаками, и тогда будут воевати»<sup>3</sup>. Свадьба, однако, вопреки всему состоялась. Далее митрополит заявил, что, оттягивая всячески вопрос о принятии Украины, царь ставит ее в тяжелое положение и вынуждает искать союза с крымскими татарами. Когда Гавриил спросил Б. Хмельницкого, «для чего он имеет с собою татар», тот якобы ответил: «я де то делаю по неволе, чтоб мне победити недругов своих, потому что великий государь царь московский и прочие единовверные христиане мне не помогают». А на вопрос митрополита о том, «просил ли он помочи» у царя, Хмельницкий с прискорбнем ответил: «писал де я многажды, а они мне сказывают — ныне да завтра, а николи в совершенное не цриведут», хотя теперь удобнее всего вернуть отнятые Польшей русские земли и принять Украину. «Ныне есть время, только б они похотели взяти Смоленск и иные свои города, и имел бы и меня своим»,—заклучил он. Б. Хмельницкий, видимо, поручил Гавриилу добиться в Москве точного ответа, ибо в записке, поданной митрополитом царю, тот писал: «А как будет ... ехати мне назад в свою область, и, едучи к гетману, что будет приказ вашего царствия, и яз ему о всем буду говорить, и готов есми послужити царствию вашему»<sup>4</sup>.

<sup>1</sup> Акты ЮЗР, т. III, стр. 485.

<sup>2</sup> ЦГАДА СССР, ф. Сношения России с Польшей, 1652, д. 1а, л. 168.

<sup>3</sup> Воссоединение Украины с Россией, т. III, док. 132, стр. 238.

<sup>4</sup> Там же, стр. 238, 239.

Вскоре после отъезда Зацвилюховского и Черного Хмельницкий направил в Москву посольство во главе с генеральным войсковым судьей, т. е. своим ближайшим заместителем С. Богдановичем-Зарудным. Принятые 17 декабря 1652 г. боярином Г. Г. Пушкиным, послы заявили, что имеют одно-единственное поручение — просить русского государя о скорейшем принятии Украины. «И посланники говорили: то де их делу начало и конец... бити челом, чтоб царское величество... над ними умило-сердился, велел их принять под свою государеву высокую руку... и держал их от неприятелей в оборони»<sup>1</sup>. Как и митрополит Гавриил, Богданович-Зарудный и его товарищи просили дать им ответ, чтобы они могли незамедлительно сообщить его гетману: «И велел бы их, посланников, отпустить к гетману вскоре, чтоб им, приехав в войско, государская милость объявить и их тем утешить»<sup>2</sup>. Из всего этого ясно видно, с каким нетерпением ждали на Украине разрешения вопроса о воссоединении и какие меры принимали для его скорейшего осуществления.

В панской Польше тем временем шла усиленная подготовка к войне против Украины. 4 марта 1653 г. в Бресте открылся очередной сейм, на котором, по словам современников, «говорилось только о новом войске и о новых налогах»<sup>3</sup>. Русский посол Б. Репнин также отметил в своем статейном списке, что «Сойм де был... о ратном деле, как стоять против запорожских казаков» и что на нем было решено беспощадно подавить освободительную борьбу украинского народа. «А на Сойме ж приговорили,— продолжает Репнин,— и в Конституцию напечатали, что казаков как мочно всех свести». При этом сеймовые послы исходили также из того соображения, что борьба украинских народных масс находит отклик среди самого польского и литовского крестьянства: «говорят, что поляки казаков побивают для того, что [бы] де в здешних местах мужики не бунтовались и были страшны»<sup>4</sup>.

Сеймовые послы, напуганные опасностью, которая, по утверждению Яна Казимира и его сторонников, грозила Польше с трех сторон — «от Московского государства... от шведов, третья от казаков запорожских»,— согласились на набор нового 60-тысячного войска и на созыв посполитого рушения. Против этого решения выступили литовские послы во главе с гетманом Я. Радзивиллом, которые имели больше других оснований опасаться вмешательства в войну России, так как они первые испытали бы ее удары: «ксенжа Янош Родивил,— сообщает Репнин,— на сойме... говорил... что он на Хмельницкого войною итти и биться с ним не хочет. Да и Литва де ему, гетману

<sup>1</sup> Воссоединение Украины с Россией, т. III, док. 138, стр. 245, 246.

<sup>2</sup> Там же, док. 138, стр. 246.

<sup>3</sup> *Fr. Rawita-Gawronski*, В. Chmielnicki, т. II, стр. 230.

<sup>4</sup> ЦГАДА СССР, ф. Сношения России с Польшей, 1653, д. 84, лл. 39—41, 70—71.

Родивилу, о том говорила ж, чтоб он с козаки не бился и ныне литовское войско в сборе готово ... а на Хмельницкого итти не хотят»<sup>1</sup>. Литовские послы упорно придерживались своей позиции, несмотря на то, что папа, как уверяет Репнин, узнав об этом, грозил им отлучением от церкви.

В оппозиции оказалась и часть шляхетских послов, вероятно, из украинских воеводств, которая была недовольна нерешительными, как ей казалось, действиями правительства по отношению к Украине. 27 июля 1652 г. грек Кондратий Юрьев доносил: «Писал ко мне... некоторый мой верный друг из Львова, что с сойму Речь Посполитая и жолнеры... говорили противно перед королем: от тебя де мы животы свои и честь свою потеряли, и впредь королем и государем своим почитати не хотим. И король, не дожидаячися сойму конца, встал и пошел прочь»<sup>2</sup>.

В целом, однако, на мартовском сейме 1653 г. довольно отчетливо обозначилось то новое перераспределение сил, которое произошло после Берестечка в господствующем классе Польши, в результате чего королевская группировка одержала верх над магнатской. Коронный канцлер А. Лещинский, ставленник магнатов, был смещен, а на его место назначен сторонник короля подканцлер Корыцинский. Пользуясь ослаблением магнатов, король и его сторонники стремились мобилизовать все силы панской Польши для окончательного подавления освободительного движения на Украине и распределения между шляхтой громадных магнатских латифундий. Для Украины это изменение в соотношении сил, необходимо заметить, означало не ослабление, а увеличение опасности со стороны панской Польши.

Видное место в подготовке новой войны против Украины отводилось польской дипломатии. Польский король надеялся в первую очередь получить поддержку Австрии. В своем послании от 19 марта 1653 г. Фердинанду III Ян Казимир сообщал, что Австрии угрожает серьезная опасность со стороны Украины; Хмельницкий, поддерживающий тесные связи с Россией, Турцией, Валахией и Молдавией, вновь собирает огромное войско; Польша вряд ли будет в состоянии выдержать напор казаков, и это грозит серьезными последствиями не только ей, но и другим европейским государствам, прежде всего Габсбургской монархии<sup>3</sup>. Чтобы придать большую убедительность своему сообщению, польское правительство немедленно после брестского

<sup>1</sup> Позицию Радзивилла современники склонны были объяснять сношениями с ним Хмельницкого. «А Хмельницкий де, — говорит Репнин, — нынешнего лета присылал... к Родивилу чернца тайным делом с тем, чтоб он, Родивил, на... Войско Запорожское с Литвою не ходил... и полякам бы помощи никакие не давал. И гетман де Родивил с тем чернцом к Хмельницкому приказал, что он, гетман, с Литвою на него... не пойдет и... он бы от него не опасался» (ЦГАДА СССР, ф. Сношения России с Польшей, 1653, д. 84, лл. 70—71).

<sup>2</sup> ЦГАДА СССР, ф. Малороссийские дела, 1652, д. 8, лл. 1—2.

<sup>3</sup> Жерела до історії України-Руси, т. XII, стр. 192—193.

сейма отправило в Австрию подканцлера А. Тшебицкого. Записка, которую Тшебицкий представил имперскому сейму в Регенсбурге, начиналась следующим тревожным предупреждением: «Война с казаками и татарами подготавливает гибель Польши и в то же время грозит великими бедами владениям его милости императора». Силы Польши, как говорилось в записке, не могут устоять перед 300-тысячным (Sic!) казацко-татарским войском. В Польше нет ни гор, ни твердынь, ни замков, которые могли бы сдерживать неприятеля. Если Польша падет, Австрии угрожает то же самое. Нельзя сомневаться в том, говорилось далее в записке, что после разгрома Польши казаки и татары вступят в австрийские владения: в Моравию, Силезию, Чехию, Закарпатскую Русь и т. д. Таким образом, польский посланец давал понять, что казаки могут соединиться со славянскими народами, находящимися под властью Австрийской империи. Более того, казацкий лозунг «вольность» найдет в самой Австрии множество сторонников, которые готовы будут пойти по следам казаков. В последних словах заключался явный намек на возможность присоединения к казакам подданных императора<sup>1</sup>. Но «мертвое море», как презрительно называл австрийский двор поэт В. Коховский, осталось безучастным к отчаянным призывам своего бывшего союзника.

В начале марта 1653 г., т. е. еще накануне брестского сейма, польское правительство бросило против Украины 15-тысячное войско во главе с полковником Стефаном Чарнецким. 3 марта войско Чарнецкого захватило Коростышев, затем Самгородок, Прилуки, Погребище. Этим наступлением, возможно, польское правительство хотело произвести определенное впечатление на сеймовых послов, чтобы добиться от них утверждения новых ассигнований на войну. Войско Чарнецкого с беспрецедентной жестокостью расправлялось с украинским населением. Как сообщил царю 23 марта Б. Хмельницкий, польские жолнеры «колико на 10 городов выжгли, людей невинных... так мужеского, как и женского полу, великих и малых вырубали»<sup>2</sup>. Вскоре, однако, наступление врага, потерпевшего поражение под Монастырищем от казаков полковника И. Богуна, было приостановлено.

Учитывая нависшую над Украиной опасность, Б. Хмельницкий стал быстро собирать войско.

Однако перед тем как выступить в поход, руководители освободительной войны сделали еще одну попытку воздействовать на русское правительство и побудить его поторопиться с принятием решения о воссоединении Украины. В Москву было отправлено новое посольство во главе с Кондратом Бурлаем и Силуаном Мужилковским. В своем письме от 23 марта 1653 г.,

<sup>1</sup> У. Rudawski, Historia, т. I, стр. 240—243.

<sup>2</sup> Воссоединение Украины с Россией, т. III, док. 147, стр. 256—257.

переданном посланцами, гетман просил царя, чтобы он «не единожды обещанному милостивому жалованью... совету и помощи дати изволил и не попускал веры наши... в поругание»<sup>1</sup>. Тут же, как бы между прочим, гетман сообщил, что шведская королева направила на Украину своих послов, но последние были перехвачены поляками. Это сообщение должно было, вероятно, повлиять на русское правительство, которое могло допустить, что Швеция, как и Турция, стремится навязать Украине свое покровительство. К тому же, гетман, желавший знать о цели шведского посольства, просил царя, если он сочтет возможным, пропустить в Стокгольм Бурлая и Мужиловского. Гетману, естественно, было небезынтересно, как будет реагировать царь на эту просьбу<sup>2</sup>.

Бурлай и Мужиловский, снабженные письмами Хмельницкого к ряду влиятельных политических деятелей из окружения царя — боярам Б. Морозову, И. Милославскому и Г. Пушкину, были приняты в Посольском приказе 22 апреля 1653 г. Послы повторили просьбу гетмана, изложенную в грамоте к царю. «И ныне де они,— говорили послы,— просят, чтобы великий государь их пожаловал... велел гетмана их со всем Войском Запорожским принять... и учинил бы им на неприятелей... помочь думою и своими государевыми ратными людьми». При этом послы не забыли упомянуть, что другие государевы рады были бы взять под свою власть Украину. Так, например, «к ним [казакам.— В. Г.] писали и присылали многожды турецкий солтан и крымский хан, зовучи к себе в подданство», но «они де в том им отказали, что они мимо великого князя Алексея Михайловича всея Руси самодержца к бусурманам в подданство итти не хотят»<sup>3</sup>. По словам послов, с той же целью послала к гетману своих послов и шведская королева, но они были задержаны поляками.

4 мая, перед своим отъездом из Москвы, послы в письменном виде просили царя дать прямой ответ на просьбу гетмана о воссоединении Украины: «И каков будет ответ... Богдану Хмельницкому и... Войску Запорожскому на грамоту его... с нами присланную. Будет ли милость и милосердие вашего царского величества поволити на те 2 статьи, которые суть в грамоте написаны, то нужно с посланником... гетману и всему Войску Запорожскому... как имеют себе поступать с противники и чего имеют держатца»<sup>4</sup>.

Вопрос о принятии Украины, есть основания полагать, был в принципе решен царской думой еще до прибытия украинских послов. С. М. Соловьев, к сожалению, без ссылки на источник, пишет, что «Первая дума об этом у государя с боярами была

<sup>1</sup> Воссоединение Украины с Россией, т. III, док. 147, стр. 2, 257.

<sup>2</sup> Там же, стр. 257.

<sup>3</sup> Там же, док. 153, стр. 263.

<sup>4</sup> Воссоединение Украины с Россией, т. III, док. 157, стр. 277—278.

22 февраля 1653 г.», а «совершился государская мысль в сем деле марта 14»<sup>1</sup>. Обычно принято считать, что извещение об этом решении было направлено Б. Хмельницкому лишь в конце июля через стольника Ф. Ладыженского. Однако в действительности, как это можно заключить на основе отписки севского воеводы А. Бутурлина от 11 июля 1653 г., решение царя было передано Хмельницкому через русских послов — ближнего боярина Артамона Матвеева и подьячего Фомина, которые были отправлены на Украину с возвращавшимся туда же Бурлаем и его товарищами. В вышеназванной отписке царю А. Бутурлин сообщает, что когда черниговскому полковнику и казакам «в Чернигове учинилась весть, что великого государя... посланник Ортамон Матфеев идет к гетману к Богдану Хмельницкому то они де было, все казаки, единодушно обрадовались, что... милость свою подал, праведный государь *изволил велел их, казаков, принять под свою... высокую руку*»<sup>2</sup>. То обстоятельство, что Матвееву на самом деле было поручено уведомить гетмана о решении царя принять Украину, отметил впоследствии он сам: «посылан [был], — писал Матвеев, — к гетману Хмельницкому призывать в подданство»<sup>3</sup>. Имея в виду важность миссии Матвеева, Золотаренко во главе 300 «лутчих» конных казаков поспешил к нему навстречу и немедленно дал знать об этом Б. Хмельницкому<sup>4</sup>.

Хмельницкий в это время, получив сведения о новом обострении положения в Молдавии, двинулся 13 апреля во главе войска к молдавской границе (Бедрихову городку, вблизи Каменца-Подольского). Союз Лупула с казаками значительно усиливал Молдавию. Это вызвало явное недовольство ее соседей — валашского (мултянского) воеводы Матвея Бессараба и семиградского князя Ю. Ракочи. Весной 1653 г. они отправили в Молдавию 15-тысячное войско, которое посадило на трон одного из крупнейших молдавских бояр, ранее организовавшего заговор против Лупула, великого логофета Стефана Георгицу. В своей борьбе против Лупула Валахия и Семиградье искали поддержки у панской Польши. Лупул, вынужденный бежать 31 марта вместе с семьей из Ясс, в свою очередь, обратился за помощью к Богдану Хмельницкому.

Учитывая важность происходящих событий, результатом которых могло быть новое усиление влияния Польши в Молдавском княжестве, Б. Хмельницкий немедленно отправил в помощь Лупулу 12-тысячное казацкое войско во главе со своим

<sup>1</sup> С. М. Соловьев, История России, т. X, стр. 1625.

<sup>2</sup> Воссоединение Украины с Россией, т. III, док. 175, стр. 330. — *Курсив наш.*

<sup>3</sup> История о невинном заключении ближнего боярина А. С. Матвеева, СПб, 1776, стр. 43.

<sup>4</sup> Воссоединение Украины с Россией, т. III, док. 175, стр. 330; док. 172, стр. 325—326.



сыном Тимофеем и такими опытными полковниками, как И. Богун, Т. Носач и др. В своем письме Лупулу гетман отметил, что хотя Украине угрожают враги, он посылает на помощь сына, «а если это подкрепление окажется недостаточным, то хотя бы мне и самому пришлось выступить с своим и татарским войском, я это непременно сделаю»<sup>1</sup>. 20—21 апреля в боях под Яссами войско Тимофея Хмельницкого разбило врагов Лупула и вернуло ему престол. Затем вместе с войском последнего оно вторглось в Валахию и 12 мая нанесло новое поражение Бессарабу и Ракочи под Фокшанами. Однако через несколько дней, 17 мая, из-за измены некоторых молдавских военачальников Тимофей Хмельницкий потерпел поражение под Финтой и отправился на Украину за подкреплениями<sup>2</sup>. Лупул с семьей уехал в Сучаву.

Неудачами в Молдавии сразу же воспользовались некоторые лица из окружения Б. Хмельницкого. Под их влиянием в войске, стоявшем у Бедрихова городка, вспыхнуло недовольство. Хмельницкого обвиняли в корыстных действиях и требовали от него приложить все усилия к решению вопроса о воссоединении с Россией или, в крайнем случае, переселиться туда со всем войском. Очевидцы этих событий, полковник С. Мужилковский и казак О. Долговский, рассказали впоследствии русскому послу А. Матвееву, что «начальные люди, атаманы и есаулы и рядовые казаки», «видя свои упадки», пришли к гетману «с шумом и невежеством большим и говорили: даеш волю сыну своему Тимофею; ходил сын твой тестя своего, волоцкого господаря, оборонять, а повинных наших к смерти привел с пять тысяч... а ты пошел его выручать, нас хочешь и достальных растерять и поморишь голодом... видим мы последнюю свою беду... Идем к христианскому государю... с женами и детьми и со всем скарбом; будет христианский государь, его царское величество, не велит нас принять... лучше нам умереть у христиан, чем умереть у поганцев в неволе»<sup>3</sup>.

Б. Хмельницкому стоило немало усилий успокоить взволнованных казаков. «А говорите вы,— сказал он им,— что нам пойти к великому государю... его царскому величеству, и я вам говорю и вы то ведаете, что беспрестани я посылаю просить у... его царского величества, чтоб нас пожаловал, велел принять под свою, царского величества высокую руку». Только

<sup>1</sup> Государственный архив г. Кракова, Сборник Пиноччи, арх. № 310.

<sup>2</sup> «Волохи (молдаване. — В. Г.), — рассказывал впоследствии гетман русским послам, — Тимофею изменили и венгры сына его побили» (Акты ЮЗР, т. III, стр. 503).

<sup>3</sup> История Украины в документах і матеріалах, т. III, док. 186, стр. 243—244. Другой очевидец, казак Левко, рассказал послам Р. Стрешневу и М. Бредихину: «И к гетману де приходили полковники и говорили ему гетману: непотребно де нам чужой земли оборонять, а свою без остереганья мѣтать; полно де нам того, что за себя стоять и свою землю оборонять» (там же, док. 189, стр. 246).

недавно, добавил гетман, от черниговского полковника получено известие о прибытии царских послов (А. Матвеева и Фомина), которые, возможно, и привезут долгожданный ответ: «А слышу то, что идут от него, великого государя, послы и будет от его царского величества не будет какие милости?» «Не токмо вы хотите к нему, государю,— заключил он,— и я, кроме... его царского величества никуда не мышлю»<sup>1</sup>.

Вскоре после этого гетман возвратился в Чигирин, где встретился с Матвеевым и Фоминым. 4 июля послы были у него на приеме. Через неделю, 10 июля, Б. Хмельницкий получил через стольника М. А. Лодыженского официальную грамоту от 22 июня, повторившую решение царя принять Украину в состав России. «И мы великий государь,— гласила грамота,— изволили вас принять под нашу царского величества высокую руку, яко де не будете врагом креста Христова в притчу и в поношение». Одновременно гетман извещался о подготовке русского войска к выступлению: «А ратные наши люди, по нашему царского величества указу, збираютца и ко ополчению строятца»<sup>2</sup>. Вместе с тем Лодыженский сообщил гетману, что объявление Россией войны Польше откладывается до возвращения от короля великих послов Б. Репнина и Б. Хитрово.

Великие послы выехали из Москвы еще 30 апреля 1653 г., но добрались до Львова, где им была назначена встреча с сенаторами, лишь 29 июля. Польское правительство, знавшее о интенсивных приготовлениях России, особенно с начала 1653 г., к войне, делало все, чтобы оттянуть переговоры. Оно надеялось наскоро собрать намеченное брестским сеймом 60-тысячное войско, с помощью последнего подавить народно-освободительное движение на Украине до начала переговоров с великими послами и тем самым поставить Россию перед совершившимся фактом. Смоленский воевода Петр Вяжевич, вернувшись с брестского сейма, рассказывал вяземскому воеводе Е. И. Хованскому, что «на сейме у короля приговорено... как де государевы великие послы придут... и им де у короля не быть на посольстве до Семена дни [1 сентября]». «А для де того государевых послов и хотят держать в Польше, что король идет на черкас... битца, а пока де мест, что у короля с черкасы учинитца и по тех де мест государевым послом у короля на посольстве не быть»<sup>3</sup>. Вяжевич уверял также, что в Варшаве знают о решении царя принять Украину и намерении объявить войну Польше<sup>4</sup>.

<sup>1</sup> Історія України в документах і матеріалах, т. III, док. 189, стр. 244.

<sup>2</sup> ЦГАДА СССР, ф. Разрядный приказ, Приказный стол, слоб. 2100, л. 8, Ср.: Акты ЮЗР, т. X, стр. 3—4.

<sup>3</sup> ЦГАДА СССР, ф. Сношения России с Польшей, 1653, д. 1, лл. 408—409. Донесение И. Хованского царю от 11 июля 1653 г. (со слов старцев Биякова монастыря Кирилла и Меркурия).

<sup>4</sup> Там же, лл. 409—410.

Отправляя своих великих послов в Польшу, русское правительство, которое сравнительно недавно начало военные приготовления большого масштаба<sup>1</sup>, тоже стремилось оттянуть на время объявление войны и возобновлением переговоров отвлечь внимание польских правящих кругов. Официальная задача великих послов заключалась в том, чтобы попытаться «примирить» Польшу с Украиной на основе Зборовского договора и тем «междоусобную кровь унять», а также урегулировать вопрос о нарушениях царского титула. На самом же деле посольство должно было прикрыть подготовку России к принятию Украины и к войне против Польши. Репнин, как заявил Р. Стрешнев и М. Бредихин Б. Хмельницкому в сентябре 1653 г., был направлен к королю для того, «чтоб великому государю нашему его царскому величеству ныне вскоре [можно было.— В. Г.] велети вас принять под свою царского величества высокую руку и рати свои на помощь к вам послати»<sup>2</sup>. Об отправке Б. Репнина в Польшу и о необходимости выслать туда для ведения переговоров также украинских послов царь сообщил Б. Хмельницкому еще через Бурлая и Матвеева. Б. Хмельницкий отправил к королю киевского полковника А. Ждановича в сопровождении четырех старшин, но тот против всяких правил был арестован польскими властями. Арест Ждановича значительно усложнил миссию Репнина, так как инструкция предписывала ему координировать с ним свои действия.

Переговоры начались 2 августа 1653 г. Русские послы, ссылаясь на желание царя «о успокоении междоусобные брани» между Польшей и Украиной, предложили сенаторам заключить мир с казаками на условиях Зборовского договора. Как и предполагали в Москве, польские правители и слышать не хотели о восстановлении Зборовского пакта и мира с казаками. В ответ на предложение Репнина «паны рада говорили гораздо сердито: Зборовского де договору и на свете нет, и с Хмельницким у королевского величества договору (Яна Казимира) никакова не бывало. А был де договор... с крымским ханом... а с холопом королевскому величеству какому было быть договору?». Более того, даже если бы такой договор когда-либо существовал, то теперь он «за неправды Хмельницкого снесен саблюю», и поэтому о нем «и слышать не хотят». Сенаторы похвально, что в ближайшее время с казаками будет навсегда покончено, ибо король «идет на того Хмельницкого сам со многими войски и, прося у бога милости, того Хмельницкого и с товарищи ево учнет добывать, чтоб больши того государ-

<sup>1</sup> Еще в ноябре 1653 г. царь просил датского короля Фредерика III, купцам которого было разрешено вывезти беспошлинно из России 100 000 четвертей хлеба, «о доставке в Новгород по казенной цене 20-ти тысяч мушкетов добрых» (Датский архив, ЧОИДР, кн. 1, М., 1893, док. 881, стр. 237).

<sup>2</sup> Акты ЮЗР, т. X, стр. 26 (см: Наказ Р. Стрешневу от 12 сентября 1653 г.).

ству его королевского величества (sic! — В. Г.) разорения и от тех бунтовщиков опустения не было»<sup>1</sup>.

Сенаторы стремились убедить русских послов в том, что движение на Украине не направлено против национального угнетения, а является исключительно антифеодальным, а потому оно грозит всему классу крепостников. Они утверждали будто Б. Хмельницкий отдает Украину под власть Турции. «А ныне де,— говорили сенаторы,— уже ведомо им учинилось, что он, Хмельницкой, поддаетца турецкому салтану и... принял бусурманскую веру и хочет быть со всею Украиною... под турецково державою, и от турецково салатана для того прислан к нему чауш». Правда, и в Турции есть люди, которые, понимая опасность от казаков, уговаривали султана, что «не надобно тех мужиков тешити», «тем ребелизантом добра... желати», так как «нам самим то может шкодети вельми»<sup>2</sup>.

Русские послы не дали, однако, себя обмануть. Напрасно, говорили они сенаторам, те стараются их убедить, будто украинцам в Польше «никакие изгони и неволи не бывало и ныне нет», ибо всем известно, что хотя и «под турецким салтаном живут многие христиане, а такого им гонения... от бусурманов не бывает, каково... черкасом от поляков»<sup>3</sup>. Что же касается отношений Хмельницкого с Турцией, то из факта пребывания у него турецкого чауша вовсе нельзя заключить, что он поддался Порте и «побусурманился». «То может быть,— заявили послы,— что турецкой [султан] чауша к ему и прислал, чтоб Хмельницкий учинился в подданстве у нево... только он [Хмельницкий.— В. Г.], на то и не помыслил»<sup>4</sup>. Наконец, Репнин и Хитрово сказали, что они не видят никакой пользы для Польши в том, что Ян Казимир стремится силой удержать украинские земли и истребить украинский народ. «И послы говорили: королевское де величество изволил с войски своими на Хмельницкого итти и на все Войско Запорожское и их разорить. И... вам... надобно разсудить: естли вы тех своих подданных побьете, и города и места разорите, и учините пустоту... и впредь те пустые места кем вам будет населить? Всякой государь славен и силен подданными своими. А у пустоты государю бесилие и неслава»<sup>5</sup>.

Обе стороны еще долго увещевали и убеждали друг друга, но переговоры не сдвинулись с мертвой точки. 9 августа, перед отъездом, русским послам была вручена королевская грамота, которая повторяла все положения, изложенные сенаторами в ходе переговоров, и отмечала, будто сами послы признали вину Б. Хмельницкого и казаков. Но Репнин и Хитрово грамоты

<sup>1</sup> Воссоединение Украины с Россией, т. III, док. 179, стр. 336, 337, 347.

<sup>2</sup> Там же, стр. 344.

<sup>3</sup> Там же, стр. 348, 334.

<sup>4</sup> ЦГАДА СССР, ф. Сношения России с Польшей, 1653, д. 84, л. 365 об.

<sup>5</sup> Воссоединение Украины с Россией, т. III, док. 179, стр. 348.

не приняли, так как, по их заявлению, в ней «солгано и записано, чего не бывало», и заставили сенаторов переписать ее<sup>1</sup>.

Ведя переговоры с русскими послами, польское правительство спешило вместе с тем закончить военные приготовления. Численность коронного войска была доведена до 60 тысяч человек<sup>2</sup>. 11 июля король издал третий виц о созыве посполитого рушения, назначенного на 10 августа<sup>3</sup>. Планам короля в отношении Украины благоприятствовали, казалось, события в Молдавии. Войска Ракочи, Бессараба и Георгицы приступили к осаде Сучавы, за стенами которой укрылись остатки армии Лупула. На помощь осажденным во главе 20-тысячного казацкого войска пришел Тимофей Хмельницкий. Георгица и его союзники обратились за помощью к Польше. Ян Казимир, который до этого еще колебался, стоит ли поддержать врагов Лупула, ибо неизвестно было, на чью сторону склонится чаша весов, теперь срочно отправил под Сучаву полковника Кондрацкого<sup>4</sup> с войском.

22 августа, не дождавшись исхода событий в Молдавии и завершения переговоров сенаторов с Репниным, Ян Казимир спешно двинулся с войском на Украину. Он надеялся воспользоваться разьединением сил казаков, разгромить освободительное движение и продиктовать украинскому народу свою волю в Киеве: «А говорил де король с гордостью, с похвалою,— доносил Бутурлин,— что было ему зимовать в Киеве»<sup>5</sup>. Однако по пути Ян Казимир получил известие о том, что Б. Хмельницкий во главе крупного казацкого войска и нескольких тысяч татар направляется к нему навстречу. Тогда он решил не углубляться в Украину, а подождать Б. Хмельницкого неподалеку от молдавского театра войны<sup>6</sup>. Король надеялся при этом, что до подхода казаков с войском Тимоша Хмельницкого под Сучавой будет покончено и Кондрацкий вместе с союзниками — Ракочи, Бессарабом и Георгицею прибудут к нему на помощь; затем объединенными силами они нанесут главному казацкому войску сокрушительный удар.

В такой чрезвычайной сложной обстановке, еще перед тем как выступить в поход, 9 августа, Б. Хмельницкий отправил в Москву посла Герасима Яцковича (Яковлева). Посол вез с собой два письма гетмана: одно на имя царя, другое — патриарха Никона. В первом Хмельницкий благодарил за грамоту с извещением о решении принять Украину, переданную Ф. Ло-

<sup>1</sup> ЦГАДА СССР, ф. Сношения России с Польшей, 1653, д. 84, л. 524.

<sup>2</sup> Там же, лл. 70—71.

<sup>3</sup> *L. Kubala, Szkice historyczne*, т. II, стр. 203.

<sup>4</sup> «И чтобы начатое дело было как можно скорее закончено, — писал король Ракочи, — мы выслали к Сучаве несколько сот... драгун со снаряжением, необходимым для осады и штурма» (Главный архив древних актов в Варшаве, Коронный архив, Отдел венгерский, картон 64, № 10).

<sup>5</sup> Акты ЮЗР, т. X, стр. 169.

<sup>6</sup> *J. Michałowskiego Księga*, док. 269, стр. 684—685.

дыженским, и выражал надежду, «что не оставлены будем ис-под крепкие руки... царского величества». Тут же гетман сообщал об опасности, нависшей над Украиной, о том, что «король польский со всею силою лятцкою идет... погубити хотя... народ православный христианский из Малые всея России», и настоятельно просил царя, чтобы он «скорою и сильною ратию... руку помочи послати изволил»<sup>1</sup>. Во втором письме гетман обращался за содействием к патриарху Никону<sup>2</sup>.

Накануне выступления в поход, 17 августа, Хмельницкий принял в Субботове царского гонца подьячего Ив. Фомина, выехавшего из Москвы 3 августа. Гетман встретил гонца весьма учтиво. «Хмельницкий,— писал гонец,— вышед из светлицы и из сеней на двор, Ивана Фомина встретил». Приняв царскую грамоту и уединившись с послом в отдельной комнате, гетман рассказал ему о том, что польские паны возобновили военные действия и уже начали вторжение на Украину отдельными крупными отрядами. «Ляхи де,— записывал Фомин,— уже... наступают и три приходы от них были от городов Межибожа, от Константинова, от Каменца-Подольского ляхов по четыре и по пяти тысяч и им бог не помог». Хмельницкий подробно изложил также состояние дел в Молдавии. При сложившемся положении, заключил гетман, он и сам послезавтра, 19 августа, выступит в поход. Ссылаясь на решение царя, переданное через Лодыженского, Хмельницкий просил царя ускорить официальное принятие Украины и выслать на помощь войска<sup>3</sup>.

На другой день, 18 августа, Б. Хмельницкий пригласил к себе Фомина на прощальную аудиенцию. Гетман передал сообщение, только что полученное от брацлавского полковника, о том, «что король и паны рада с войском из-подо Львова на них идут к городу Старому Костентинову... а с ним войска посполитое рушенье и наемные люди». После этого гетман в сопровождении Выговского пошел «в канцелярию, где дела делают», и, вернувшись оттуда с двумя письмами брацлавского полковника, вручил их Фомину.

Вечером того же дня к Фомину на квартиру явился субботовский атаман Лаврин Капуста с сообщением, что на помощь

<sup>1</sup> Воссоединение Украины с Россией, т. III, док. 184, стр. 365.

<sup>2</sup> Там же, док. 183, стр. 364. Через три дня, 12 августа, гетман снова послал письмо патриарху, прося его «к великому государю ... ходатай быти, да помощи руку подаст нам на врагов наших скорейшую и прескорейшую ратию своею великою государскою, да не безмощным нам, что зло сотворят, и вознесется рог их [польских панов. — В. Г.] нечестивый» (там же, док. 186, стр. 367). Письмо такого же примерно содержания за подписью И. Выговского было послано в тот же день думному дяку Л. Лопухину. Просьба о скорой присылке войска мотивировалась тут невозможностью положиться на татар, как на ненадежных союзников, которые могут легко перейти на сторону врага: «Татарами уже не верим, потому что только утробу свою насытити ищут и мехи пенезми полнити, а православных пленят и убивают» (там же, док. 185, тр. 366).

<sup>3</sup> Акты ЮЗР, т. III, стр. 496—507.

казакам пришло 20-тысячное войско перекопских татар<sup>1</sup>. Капуста просил гонца не покидать Субботова, так как гетман перед выступлением в поход желает еще раз встретиться с ним. Через некоторое время ко двору Фомина приехал Хмельницкий. «А как он ехал,— писал Фомин,— и перед ним, гетманом, вели две лошади простых под попонами да трубачи [шли—В. Г.] и в трубы трубили, а за ним [гетманом.— В. Г.] ехало со 100 человек козаков и его людей конных. «Фомин встретил Хмельницкого у ворот и пригласил в дом. Хмельницкий сказал, что заехал проститься перед своим отъездом «в войско на службу», что выступает против короля с 70 тыс. казаков и 20 тыс. татар и просил передать царю его просьбу выслать поскорее Украине в помощь хотя бы небольшое число воинов: «для скорости [послал чтобы.— В. Г.] наперед... своих государевых ратных людей ближних украинских городов». При этом Хмельницкий заметил, что решение царя принять Украину уже известно в Турции и произвело там сильное впечатление. Султан, задержавший было гетманского посла Ильяша, узнав об этом, поспешил отпустить его из-за боязни, «чтоб великий государь своих ратных людей с войском Запорожским не послал на ево Турскую землю войною»<sup>2</sup>.

В тот же день, 19 августа, Б. Хмельницкий выступил в поход к молдавской границе навстречу польскому войску. В середине сентября, находясь в походе, Хмельницкий отправил в Москву посла Лаврина Капусту с просьбой, «чтобы государь велел прислать в Киев и в иные города своих государевых воевод, а с ними ратных людей, хотя 3000 человек»<sup>3</sup>.

Русское правительство продолжало внимательно изучать положение на Украине. 6 сентября 1653 г. был подписан царский указ о посылке к Б. Хмельницкому послов — стольника Р. Стрешнева и дьяка М. Бредихина. Правительство придерживалось мнения, и старалось убедить в этом и гетмана, что войну против Польши не следует начинать теперь, осенью. Послам в этой связи было поручено предложить гетману, чтобы он воздержался от всяких военных действий до наступления весны и возвращения Репнина со Львова: «И он бы, гетман, и все Войско Запорожское на тое царского величества милость были надежны безо всякого розмышления и во всем в правде своей стояли крепко и неподвижно ... А ныне [зачеркнуто: царскому величеству принять вас и помочи своими государевыми ратными людьми учинити вскоре нельзе, потому что ныне] время осеннее, и наставают грязи и заморозы, и он бы, гетман, подождал до весны, потому что ныне в зборе ратные люди те, которые в ближних городех, а в дальные города для ратных людей послано и им ныне вско-

<sup>1</sup> Акты ЮЗР, т. III, стр. 500—505.

<sup>2</sup> Там же, стр. 506.

<sup>3</sup> Акты ЮЗР, т. X, стр. 15.

ре притти не успеть. А на весне царского величества все ратные люди будут к ним готовы»<sup>1</sup>.

Стрешневу и Бредихину следовало ехать к гетману, «не мешкая нигде», и даже в том случае, если «им отнюдь к гетману проехать и пройти будет не мочно [из-за военных действий.— В. Г.], и им стать от гетмана в ближнем городе и с ним как-нибудь обслатца... а не видесь з гетманом, назад им не ездить, а промышляти о том накрепко, чтоб к гетману проехать или пройти как мочно». Послы должны были также договориться с Б. Хмельницким о путях следования русского войска, которое будет направлено после воссоединения против поляков, а также о мерах предосторожности против татар, которые теперь легко могут перейти на сторону Польши: «как царского величества ратные люди к ним [казакам.— В. Г.] на помочь будут, и в то время им ратным людем, где запасы и конские кормы иметь, и которыми городами итти... И только поляки и татаровя войною приходить учнут, и в то время как от них оборону держать?»<sup>2</sup>.

Послы приехали в Чигирин 13 октября, в то время как Б. Хмельницкий находился в походе, и потребовали известить его о своем приезде, «чтоб гетман... велел с собою где для государевых дел видетца вскоре»<sup>3</sup>. В Чигирине послы получили царский указ, извещавший о возвращении Репнина в Москву и повелевавший передать гетману, что царская грамота «о примание» будет послана в ближайшее время с украинским послом Л. Капустою.

К этому времени, видимо, русское правительство, узнавшее о возобновлении военных действий на Украине, в связи с наступлением польского войска, решило не откладывать вопроса о воссоединении Украины и объявлении войны Польше до весны, как оно намеревалось ранее, а осуществить его в ближайшее время. Стрешневу и Бредихину поручалось, в случае, если военные действия уже начались, официально объявить «гетману и всему Войску Запорожскому... что... царское величество пожаловали его, гетмана Богдана Хмельницкого и все Войско Запорожское, велели принять под... царского величества высокую руку»<sup>4</sup>.

---

<sup>1</sup> Воссоединение Украины с Россией, т. III, док. 194, стр. 378, 379.

<sup>2</sup> Там же, стр. 379.

<sup>3</sup> Там же, док. 195, стр. 385.

<sup>4</sup> Там же, док. 196, стр. 406.





# Глава XI



ПЕРЕЯСЛАВСКАЯ РАДА  
1654 г.  
И ВОССОЕДИНЕНИЕ  
УКРАИНЫ С РОССИЕЙ





В конце сентября 1653 г. украинское войско под предводительством Б. Хмельницкого и польское во главе с королем встретились у Жванца (под Каменцем-Подольским). Положение Украины, изнуренной шестилетней войной, было чрезвычайно сложным. 30 сентября, после двухнедельной осады, войскам Георгицы, Ракочи, Бессараба и Кондрацкого удалось взять Сучаву. Потери казаков под Сучавой были значительными<sup>1</sup>. Во время обстрела крепости был смертельно ранен Тимофей Хмельницкий. Развязав себе руки под Сучавой и захватив с собой молдавскую казну, Кондрацкий направился к Жванцу на помощь королю.

Планы польского правительства, мобилизовавшего на борьбу с украинским народом все силы Речи Посполитой, сводились теперь к тому, чтобы нанести казакам двусторонний удар — под Жванцем и со стороны Литвы. Литовскому войску было поэтому приказано вторгнуться на Украину с севера и овладеть Киевом. Затем одной части литовского войска следовало спешно двинуться на соединение с королем, другой — стеречь границу со стороны России<sup>2</sup>. Русский гонец Иван Вонифатьев, побывавший в октябре 1653 г. в польском лагере, сообщил в Москву, что «с королем войска стоит в обозе под городом Жванцом промеж рек Нестра и Жванки конных и пеших людей двадцать пять тысяч, а... через реку Нестер зделан мост по соцавской дороге для воинских людей, которым итти ис под Соцавы в обоз. А литовского войска стоят в Речице... в Бобруйску... пятнадцать тысяч... а на леже будет лежати литовское войско от Московские границы»<sup>3</sup>

<sup>1</sup> Польские жолнеры, участвовавшие в осаде Сучавы, рассказывали русскому гонцу И. Вонифатьеву в октябре 1653 г., что из 15-тысячного отряда Тимофея Хмельницкого убито («посечено») 12 тысяч и взято в плен три тысячи. Но эти цифры следует считать несколько преувеличенными (ЦГАДА СССР, ф. Сношения России с Польшей, 1653, д. 7, лл. 61—62).

<sup>2</sup> F. Rawita Gawronski, В. Chmielnicki, т. II, стр. 260.

<sup>3</sup> ЦГАДА СССР, ф. Сношения России с Польшей, 1653, д. 7, лл. 74—75.

Таким образом, к осени 1653 г. над Украиной нависла серьезная угроза. В результате шестилетней войны украинские земли, особенно правобережные, были страшно разорены. Всюду царили голод и разруха. Еще в конце июля 1651 г. люблинский торговец Абрамко рассказывал гонцу В. Старово, что там, «где преж бывали добрые и жилые места... люди все побиты, а места позжены и разорены до основанья... да впредь де уже тем местам не мочно никак и наполнитца... некем». В заключение он сказал, «что такова разоренья нигде не бывало и не слыхано, а что де еще впредь будет, про то и не ведомо»<sup>1</sup>.

В это тяжелое для судеб украинского народно-освободительного движения время, 1 октября 1653 г., на Земском Соборе в Москве было вынесено решение огромной исторической важности — о воссоединении Украины и объявлении войны Польше.

Решение Собора явилось выражением воли и желания всего русского народа помочь украинскому народу в его тяжелой борьбе против иноземных поработителей. На Соборе были названы представители России, направляемые царем к гетману Б. Хмельницкому с почетной обязанностью закрепить великий акт воссоединения Украины с Россией присягой украинского народа. Этими представителями были ближний боярин и наместник тверской Василий Васильевич Бутурлин, окольный и наместник муромский Иван Васильевич Альферьев и думный дьяк Ларион Лопухин.

2 октября послан Р. Стрешневу и М. Бредихину была послана в Чигирин грамота с извещением о принятии Украины и об отправке туда посольства В. Бутурлина. Через три недели, 23 октября, в торжественной обстановке в Успенском соборе «всяким чином людем» было официально объявлено о войне с Польшей, о решении царя «итти на недруга своего польскова и литовскова короля Яна Казимера за свои многие неправды»<sup>2</sup>. Русское войско и артиллерия были двинуты на Украину еще до этого. Украинский посол Лаврин Капуста, вернувшийся 23 октября из Москвы в Чигирин, сообщил, что царь «указал послать ратных своих людей и те ратные люди уже пришли в Севск и в Путивль и наряд [артиллерию.—В. Г.] де он, Капуста, что от государя послан к гетману, объехал [обогнал.—В. Г.] на дороге» и что «ратные... государевы люди многие к ним [казакам] посланы, велено де им итить прямо к Киеву... и пушки де отпущены с ними многие... да из Яблонова де указал... государь... послать ратных людей сорок тысяч, да и под Смоленск де указал... послать ратных многих людей и пушки»<sup>3</sup>.

<sup>1</sup> Там же, лл. 105—107. Правда, Абрамко тут же отметил, что Левобережная Украина меньше пострадала: «еще де те места лутчи жили и пашни на них и ныне есть, которые за казаками», т. е. на казацкой территории

<sup>2</sup> ЦГАДА СССР, Портфели Миллера, № 155, ч. XVI, лл. 26—4. Копия XVIII в.

<sup>3</sup> Акты ЮЗР, т. X, стр. 59—60, 76.

9 октября на Украину выехали В. Бутурлин и остальные члены посольства, которым поручалось «гетмана Богдана Хмельницкова... и Запорожского Войска казаков принять под... государеву высокую руку и привести к вере... что им быть под ево государевою высокою рукою навеки неотступно». Перед своим отъездом послы были на торжественном отпуске у царя в Успенской церкви<sup>1</sup>.

Царскому правительству, исходившему прежде всего из интересов русских крепостников, потребовалось, как мы видели, целых пять лет, прежде чем оно вынесло решение о воссоединении Украины с Россией. Решением Земского Собора 1 октября 1653 г. русское правительство сказало, наконец, свое слово. Теперь, когда Россия была уже достаточно подготовлена к войне, ее не остановили ни известия об осаде войска Тимофея Хмельницкого в Сучаве, полученные в Москве 15 октября от Р. Стрешнева<sup>2</sup>, ни тревожные сообщения того же посла о крупных воинских силах, выставленных против казаков Польшей<sup>3</sup>, ни неблагоприятная международная обстановка. Между тем война против Польши могла вызвать для России значительные внешнеполитические осложнения прежде всего с Францией, которая поддерживала Яна Казимира<sup>4</sup>, а также с Швецией, ожидавшей лишь удобного случая, чтобы захватить польские земли в Прибалтике<sup>5</sup>. Но даже угроза нового усиления Швеции за счет Польши, что надолго задержало бы выход России к Балтийскому морю, не могла удержать русское правительство от намеченного шага.

Известие о решении Земского Собора было получено руководителями освободительной войны в лагере под Жванцем через Л. Капусту. В этой связи 23 октября Стрешнев и Бредихин сообщили правительству, что «сего де числа приехал в Чи-

<sup>1</sup> Воссоединение Украины с Россией, т. III, док. 203, стр. 422.

<sup>2</sup> Р. Стрешнев сообщил, что «Тимофей в Сочаве сидит в осаде от венгери и от ляхов». На обороте его отписки отметка: «октября в 15 день... государю чтено» (Акты ЮЗР, т. X, стр. 38).

<sup>3</sup> 24 октября была получена новая отписка Р. Стрешнева, в которой тот сообщал, что «войска де с королем польского с пятьдесят тысяч наемных людей швед с пятнадцать тысяч» (Акты ЮЗР, т. X, стр. 46—47).

<sup>4</sup> 13 июля 1653 г. кардинал Мазарини писал Яну Казимиру: «Если, государь, мои желания исполнятся, Ваше Величество скоро увидит закончившуюся полной победой войну, которую ведете против мятежных подданных, а войну, которую Вы могли бы иметь со своими соседями [имеются, вероятно, в виду Россия и Швеция. — В. Г.], претотвращенной честным и прочным миром. Этому Франция всегда будет способствовать своим влиянием и своими услугами, как это она уже и начала делать» (Библиотека им. Оссолинских, Теки С. Лукаша, т. III, Выписка из Архива Министерства иностранных дел Франции (1650—1657), шифр 2976, лл. 17—17а).

<sup>5</sup> Государственный совет Швеции, говорит Б. Ф. Поршневу, начиная с мая 1653 г., пристально изучал перспективы предстоящей русско-польской войны, чтобы вмешаться в нее при первом же удобном случае (Б. Ф. Поршнев, К характеристике международной обстановки, стр. 47).

гирин от... государя с Москвы посланец их Лаврин Капуста, и того же де часа из Чигирина поехал к гетману наскоро»<sup>1</sup>.

Получение этого чрезвычайно важного и столь долго ожидаемого известия именно в лагере под Жванцем, надо сказать, значительно усложнило обстановку. В украинском лагере находилось татарское войско во главе с ханом Ислам Гиреем, которое намного превышало по своей численности казачье. Кальницкий полковник И. Федоренко рассказывал 5 декабря В. Бутурлину, что «з гетманом... войска 40 000, а с крымским ханом орды 60 000»<sup>2</sup>. Огласить немедленно царский указ о принятии Украины значило бы толкнуть хана на союз с королем и тем самым значительно изменить не в свою пользу соотношение сил. Поэтому Б. Хмельницкий не только решил на время воздержаться от объявления этого известия казакам, но даже запретил русским послам Стрешневу и Бредихину приезжать к нему под Жванец. Гетман приказал чигиринскому полковнику В. Томиленко объяснить послам, что пропустить их теперь к нему «через его гетманский приказ ни которыми делы нельзя потому: гетман хочет поддатца под государеву высокую руку тайно, чтоб крымский царь и никто про то не ведал»<sup>3</sup>.

В своем письме В. Бутурлину от 8 ноября Б. Хмельницкий так объяснил это свое решение: «Мы ради бысьмо зараз и тут с милостыми вашими видетися и присягу ... выконати, але же тут... хан крымской... который тому соединению с православием нашему неприятелю есть, трудно зараз того чинити, потому скоро бы татары тое [приезд русских послов с извещением о воссоединении Украины.— В. Г.] увидели, тотчас бы нас тут же отступили и, змовившись с королем, яко неприятели со всех сторон на нас бы воевали»<sup>4</sup>. В таких условиях нужно было, разумеется, соблюдая крайнюю осторожность, стараться столкнуться между собой татарское и польско-шляхетское войско с таким расчетом, чтобы казаки оставались по возможности в стороне. Если «в том тихо поступати», уверял гетман В. Бутурлина, то «скоро тут с королем разделаемся».

Этот смелый план, надо сказать, почти удался Б. Хмельницкому. Татары со всех сторон окружили польский лагерь, полностью изолировав его от внешнего мира, и тем самым поставили в исключительно тяжелое положение королевское войско. Изнуренное непрерывными столкновениями с казаками и татарами и терпевшее жестокий голод, оно слабело с каждым днем<sup>5</sup>.

<sup>1</sup> Акты ЮЗР, т. X, стр. 59.

<sup>2</sup> Воссоединение Украины с Россией, т. III, док. 205, стр. 437.

<sup>3</sup> Акты ЮЗР, т. X, стр. 46.

<sup>4</sup> Там же, стр. 167; Воссоединение Украины с Россией, т. III, док. 210, стр. 498.

<sup>5</sup> 8 ноября Б. Хмельницкий писал Бутурлину, что, как показывают польские пленные, у них «таборе великий голод и нужда, много немцев [наемных иностранцев.— В. Г.] умирает» (Акты ЮЗР, т. X, стр. 167).

Усилилось бегство из польского лагеря: «А польские де люди которые были с королем в обозе, многие, покиня короля, поили в свои места», — сообщали очевидцы В. Бутурлину<sup>1</sup>. Жолнеры, давно уже не получавшие жалованья, роптали. Участились и случаи открытых выступлений. Вместе с слугами обоза жолнеры стали захватывать добро шляхтичей. По приказу Калиновского, несколько из них было казнено.

В довершение всего казаки отбили казну, посланную из Варшавы для уплаты жалованья наемному войску. «К литовскому королю, — рассказывали об этом В. Бутурлину, — везли на шти [шести. — В. Г.] возах казну, а во всяком де возу впряжено было по шти лошадей, а ехали за тою казною, для береженья, провожатых восемь тысяч человек польских и наемных людей, а давати де было королю тое казну наемным людем; и тое де казну козаки, не допустя до короля, отбили»<sup>2</sup>. Литовский гетман Радзивилл, имевший в своем распоряжении тридцатитысячное войско, отказался выполнить приказ короля о вторжении на Украину с севера под тем предлогом, что Россия уже двинула свои войска к литовской границе<sup>3</sup>.

Приближалась неминуемая для королевского войска развязка. Хан уже готовился нанести ему решающий удар. Но тут возникло обстоятельство, которое разрушило план Б. Хмельницкого. Ян Казимир узнал о решении Земского Собора относительно принятия Украины и тотчас отправил к хану посольство во главе с коронным канцлером Коряцинским, который, как уверяет анонимный летописец, «начат хана молити и мзду обещавати, токмо да престанет от брани»<sup>4</sup>. Польский шляхтич Н. Емеловский сообщает, что послы «прежде всего уведомили его [хана. — В. Г.] о принятии казаков Россией... а потом просили, чтобы татары заключили с ними мир и союз против обоих [казаков и России. — В. Г.]»<sup>5</sup>.

Ислам Гирей был взбешен. Хан, пишет Бутурлин, тотчас кинулся к Б. Хмельницкому и в испуге стал кричать, «что он за него, гетмана, и за все Войско Запорожское кровь свою проливает, а гетман мимо его хочет поддаться под... государеву высокую руку»<sup>6</sup>. Обстановка теперь резко изменилась.

<sup>1</sup> Акты ЮЗР, т. X, стр. 173.

<sup>2</sup> Воссоединение Украины с Россией, т. III, док. 205, стр. 439; Акты ЮЗР, т. X, стр. 173.

<sup>3</sup> Еще 16 июня 1653 г. гонец Гр. Богданов сообщил из Дорогобужа в Москву, что, по слухам, царь будет «своими государевыми людьми войною на Литву вскоре» (ЦГАДА СССР, ф. Сношения России с Польшей, 1653, д. 83, лл. 327—328). «У Родивила де [по данным В. Бутурлина. — В. Г.] было собрано его маенности войска тысяч с тридцать... а к королю в помощь итти не похотел» (Акты ЮЗР, т. X, стр. 175).

<sup>4</sup> Архив Днепропетровского государственного исторического музея, ф. общий, арх. № 682, л. 5. Из анонимного украинского летописца XII в.

<sup>5</sup> Pamiętnik M. Jemiołowskiego, стр. 43.

<sup>6</sup> Акты ЮЗР, т. X, стр. 83. Бумаги В. Бутурлина.



Король и хан поспешили договориться между собой и 5 декабря 1653 г. заключили мир: «уже до войны [между татарами и поляками.— В. Г.] пришло было,— сообщал 7 декабря в Москву по приказанию Хмельницкого И. Выговский,— только послышавши король, что мы под крепкую руку его царского величества поддаемся, тотчас с татары помирился»<sup>1</sup>.

Король обязался уплатить татарам 140 000 польских золотых и предоставил им право брать в полон на Украине «позадь Львова и в Полесье». Небезынтересно, что еще в ходе переговоров хан добивался у короля, чтобы тот признал и восстановил условия Зборовского договора с казаками. Это была слабая и безнадёжная попытка хана удержать Украину от воссоединения с Россией<sup>2</sup>.

Со своей стороны польское правительство предприняло отчаянную попытку удержать Россию от принятия Украины. С этой целью из-под Жванца в Москву был срочно направлен ошмянский подстолий Млоцкий<sup>3</sup>. Но эта попытка, разумеется, осталась без последствий.

Жванецкий договор означал новое крупное поражение панской Польши. Современники, подтрунивая над самоуверенностью и недалёковидностью Яна Казимира, иронически заключали: «А говорил де король, з гордостью, с похвалой, что... ему зимовать в Киеве, и всемогущий де бог не допустил его и до Бару»<sup>4</sup>.

К середине декабря войска противников покинули свои позиции под Жванцем. Б. Хмельницкий теперь официально оповестил казаков о воссоединении Украины, объявлении Россией войны Польше и приезде русских великих послов для принятия присяги украинского народа.

8(18) января 1654 г. состоялась знаменитая Переяславская Рада. Утром этого дня Б. Хмельницкий созвал предварительно старшинскую раду, которая единодушно высказалась за воссоединение Украины с Россией: все присутствовавшие на ней «полконилися»<sup>5</sup>. Около 2 часов дня была созвана генеральная (всеобщая) рада: «бито в барабан с час времени на собрание всего народа слышати совет о деле хотящем совершитися»<sup>6</sup>.

<sup>1</sup> ЦГАДА СССР, ф. Малороссийский приказ, стлб. 5823/12, лл. 38—40.

<sup>2</sup> Жванецкий договор, по некоторым данным, содержал также пункт о совместном походе поляков и татар против России. 24 декабря 1653 г., например, Выговский рассказал Стрешневу и Бредихину, что поляки и татары договорились «на весне всем ити на Московское государство войною». О том же Выговский еще раньше, 7 декабря, сообщил В. Бутурлину (ЦГАДА СССР, ф. Малороссийский приказ, Белгородский стол, стлб. 5823/12, лл. 38—40; Акты ЮЗР, т. X, стр. 113).

<sup>3</sup> J. Michałowskiego Księga, док. 284, стр. 700.

<sup>4</sup> Воссоединение Украины с Россией, т. III, док. 205, стр. 437.

<sup>5</sup> Акты ЮЗР, т. X, стр. 217.

<sup>6</sup> Там же, стр. 217. Бумаги Бутурлина.

Когда на площади, у церкви, собралось «великое множество всяких чинов людей», был образован большой круг. На раде, несмотря на военное время и серьезную угрозу со стороны Польши и Крыма, присутствовали представители всех полков<sup>1</sup>. Сам город Переяслав был официально представлен войтом, бурмистром, 11 мещанами (вероятно, членами ратуши) и 10 писарями. Таким образом, на Переяславской Раде присутствовали представители разных социальных слоев украинского народа, съехавшиеся со всех концов территории Украины, освобожденной от власти панской Польши.

Всередине круга под бунчуком стал гетман, окруженный старшиной. Богдан Хмельницкий обратился к присутствующим с речью, которую по праву можно считать образцом ораторского искусства того времени. Он напомнил о том тяжелом и долгом пути, который был пройден украинским народом, о неисчислимых жертвах, понесенных в борьбе за освобождение своей родины от гнета панской Польши. Украинский народ, сделал гетман вывод, не может сохранить свои завоевания, не воссоединившись с Россией. Чтобы решить этот вопрос, говорил Хмельницкий, «ныне собрали есмь раду явную всему народу». Далее Хмельницкий рассказал, что могло бы ожидать Украину, если бы она очутилась под властью таких соседних с нею государств, как Турция, Крым или Польша. Гетман напомнил о гонениях, которым подвергаются в Турции греки и другие народы, о неисчислимых бедствиях, причиняемых Украине крымскими феодалами, а также о невыносимых страданиях украинского народа под властью панской Польши. Хмельницкий указал, что единственным верным решением вопроса будет воссоединение Украины с Россией, государя которой «мы уже шесть лет безпрестанными молении нашими себе просим» и что только воссоединение со Россией обеспечит Украине возможности для мирного существования («кроме его царския высокоя руки, благишинейшаго пристанища не обрящем»). «А будет кто с нами не согласует [не согласится.— В. Г.],— заключил гетман,— теперь куды хочет — вольная дорога».

Последние слова Хмельницкого были покрыты гулом одобрения: «весь народ возопил: волим под царя восточного, православногo». Затем переяславский полковник, обходя ряды, «на все стороны спрашивал: вси ли тако соизволяете?» Присутствующие ответили на это единодушным согласием: «Рекли весь народ: вси единодушно!». Б. Хмельницкий произнес: «буди тако». «А народ по нем,— читаем в официальном описании Переяславской Рады,— вси единогласно возопили: боже, утверди, боже, укрепи, чтоб есми во веки вси едино были»<sup>2</sup>

<sup>1</sup> Доклады Академии наук СССР, Ленинград, 1929, № 16.

<sup>2</sup> Акты ЮЗР, т. X, стр. 218—219.

Вечером 8 января к Бутурлину прибыл Хмельницкий в сопровождении войсковой старшины — полковников, есаулов, сотников и атаманов. Бутурлин передал Хмельницкому царскую грамоту, которую гетман приказал «вычесть при всех Войска Запорожского начальных и всяких людей вслух». Затем Хмельницкий благодарил за грамоту, заявив, что он «готов со всем Войском Запорожским служить и прямити вседушно». Бутурлин в своей краткой ответной речи изложил историю отношений Запорожского войска с Русским государством и закончил заявлением, что царь решил принять Украину и защищать ее от недругов<sup>1</sup>. После церемонии передачи гетману царской грамоты все присутствующие направились в церковь Успения для принесения присяги. Впереди в одной карете ехали Б. Хмельницкий и В. Бутурлин.

Переяславская Рада, как мы видели, единодушно высказалась за воссоединение Украины с Россией. Теперь, перед тем как принести присягу на верность царю, старшина и шляхта решили попытаться получить от русских послов гарантии, что их сословные привилегии не будут нарушены. Б. Хмельницкий предложил В. В. Бутурлину присягнуть от имени царя на том, что старшина, украинское шляхетство, реестровые казаки и мещане не будут ущемлены в своих правах, что царь «волности не нарушит и кто был шляхтич или козак и мещанин и кто в каком чину наперед сего и какие маетности у себя имел, и тому б всему быть по-прежнему»<sup>2</sup>.

Но Бутурлин решительно отказался присягнуть, объяснив, что в Российской державе государи никогда не присягали своим подданным, а, наоборот, подданные присягали и присягают государю. Вместе с тем Бутурлин заверил старшин, что царь будет «их держать... во оборони и в защищении, и волностей у них не отымет и маетностями их, чем кто владеет... их пожалует, велит им владеть по прежнему»<sup>3</sup>. Однако старшина, не удовлетворившись этим заявлением, удалилась на совещание. Оттуда к Бутурлину явились переяславский полковник Павел Тетеря и миргородский полковник Григорий Сахнович. Они повторили прежнюю просьбу, ссылаясь при этом на то, что «польские короли подданным своим всегда присягают». Бутурлин, однако, отверг этот довод, подчеркнув, что такая аналогия непристойная, ибо «те короли не верны и не самодержцы, а на чем присягают... не стоят». Кроме того, заметил Бутурлин, царь принимает Украину по просьбе самих старшин и всего Запорожского войска и поэтому «им было его государская милость надобно помнить»<sup>4</sup>.

---

<sup>1</sup> Акты ЮЗР, т. X, стр. 219—224.

<sup>2</sup> Там же, стр. 225.

<sup>3</sup> Акты ЮЗР, т. X, стр. 226.

<sup>4</sup> Там же, стр. 227.

После этого старшина более не настаивала на своем. Вернувшись в церковь во главе с Б. Хмельницким, старшины заявили, «что они во всем покладеются на государеву милость... а о своих делах учнут... бить челом великому государю»; потом они принесли присягу, «что быти им с землями и с городами под государевою высокою рукою на веки неотступным». Во время присяги гетмана и старшины, как писал Бутурлин, «было в церкви всенародное множество мужского и женского полу, и от многие радости плакали»<sup>1</sup>. Затем на квартире Бутурлина состоялась церемония вручения Б. Хмельницкому знамени и знаков гетманского достоинства. На следующий день, 9 января, в той же церкви Успенья состоялась присяга остальной старшины, казаков и местного населения<sup>2</sup>. Имя каждого присягающего вносилось в особые присяжные списки.

Из Переяслава Бутурлин направил сопровождавших его лиц, стольников, стряпчих и дворян, во все полки— в города и местечки Украины — для приведения к присяге населения. Народ всюду радостно и торжественно встречал представителей России. Так, например, у Белой Церкви, как писал стольник Леонтий Лопухин,— «не доезжая города версты за полторы, встретили их белоцерковский наказной полковник и сотник и ясаул и козаки, на конех с знамени, человек с триста и болши; а у города встречали их ото всех церквей священицы в ризах со кресты ... и мещаны и всякия люди, со многуо радостью»<sup>3</sup>. Летописец Самовидец, передавая мысли и чувства населения Украины, говорит, что народ охвачен был верой в то, что воссоединение с Россией гарантирует ему условия для мирной жизни и благополучия: «присягу,— пишет он,— учинили гетман, старшина и чернь в Переяславе и по всех городах охотно с надеждою тихомирья и всего добра»<sup>4</sup>.

Перед выездом из Переяслава Бутурлин дважды встретился с Б. Хмельницким. Во время этих встреч обсуждались вопросы, имевшие важное значение. 9 января Бутурлин заявил об отправке царем, в ответ на просьбу гетмана, своих воевод с войском в Киев и о том, что воеводы находятся уже на границе, в Путивле. Хмельницкий просил ускорить прибытие русских войск, проводить которых он пошлет своих представителей. Когда затем был затронут вопрос о приходе весной на Украину русских войск для войны с Польшей, гетман заверил, что они будут снабжены всем необходимым и что чем больше будет прислано войска, тем лучше. Сам он, «где государь велит быть, и он... служить готов».

Вторая встреча состоялась 10 января также на квартире послов. На этот раз гетмана сопровождала вся высшая стар-

<sup>1</sup> Акты ЮЗР, т. X, стр. 227—228.

<sup>2</sup> Там же, стр. 233.

<sup>3</sup> Акты ЮЗР, т. X, стр. 259—260.

<sup>4</sup> Летопись Самовидца, стр. 239.

шина. Хмельницкий изложил Бутурлину те просьбы «Войска», которые он должен был передать царю. Прежде всего он просил, чтобы царь утвердил права отдельных сословий на Украине: «в Запорожском де Войске хто в каком чину был по ся места, и ныне бы государь пожаловал, велел быть по тому, чтоб шляхтич был шляхтичем, а козак козаком, а мещанин мещанином, а казаком бы де судитца у полковников и у сотников... да и вольностей бы их пожаловал государь, отнимать у них не велел». В ответ на это русские послы вновь заверили старшину, что «великий государь... пожалует их, кто в каком чину был, и ныне будет так же».

Вторая просьба гетмана касалась численности реестра. Но до того, как рассмотреть эту просьбу, необходимо сделать некоторые предварительные замечания. В ходе народно-освободительной войны 1648—1654 гг., как мы видели, феодально-крепостнические отношения на Украине были значительно подорваны: земельные владения магнатов и католической церкви были полностью ликвидированы. Свои имения потеряла также значительная часть шляхты (прежде всего та, которая была уничтожена либо бежала в Польшу). Основная масса украинских феодально-зависимых крестьян считала себя принадлежащей к казачеству.

Богдан Хмельницкий хотя и являлся представителем господствующего класса феодалов, однако, как и значительная часть старшин, отдавал себе ясный отчет в том, что немедленное восстановление крепостнических отношений в том виде, как они существовали до освободительной войны, невозможно. Попытка возвращения старых порядков в полном объеме натолкнулась бы на решительное сопротивление со стороны крестьянства, низших слоев казачества и городского населения и до крайности обострила бы классовую борьбу.

Если учесть эти важные обстоятельства, то станет ясным, какие мотивы определили стремление Б. Хмельницкого поставить перед царским правительством вопрос об увеличении реестра. Гетман просил В. Бутурлина передать царю просьбу, чтобы он согласился на установление реестра по крайней мере в 60 тысяч человек. При этом Б. Хмельницкий заметил, что было бы вообще лучше, если бы царь разрешил установить реестр даже свыше 60 тысяч человек: «то де ему, государю, к чести и повышению,— заявил гетман,— что у него, государя, войска будет много. Хотя б де государь пожаловал велел у них войску быть и больши того [60 тысяч.— В. Г.], то де и лутче»<sup>1</sup>. Чтобы сделать свою просьбу более приемлемой для правительства, Б. Хмельницкий заявил, что той части реестровцев, которая будет вписана сверх 60 тысяч, можно и не платить жалованья.

<sup>1</sup> Акты ЮЗР, т. X, стр. 243; Воссоединение Украины с Россией, т. III, док. 205, стр. 473.

Развивая далее ту мысль, что возможно большее увеличение числа казаков не заключает в себе ничего нового или опасного, Хмельницкий сказал: «А как де они были против короля под Зборовом, и в те де поры с ним, гетманом, Запорожского Войска было 360 000»<sup>1</sup>.

Добиваясь санкции русского правительства на установление по крайней мере 60-тысячного реестра, Б. Хмельницкий стремился не допустить еще большего обострения классовых противоречий на Украине, которые в ходе освободительной войны достигли крайнего напряжения. В то же время реестровое войско, старшина и шляхетство рассматривали как орудие для упрочения своего положения в качестве господствующего класса на Украине.

При этом нужно заметить, что если Хмельницкий и некоторые старшины считали необходимым ставить вопрос о расширении реестра, исходя именно из этих соображений, то большая часть старшин и шляхетство заботились об одном — об охране своих владельческих привилегий и немедленном возвращении показавшихся крестьян в прежнее крепостническое ярмо. Они хотели во что бы то ни стало получить от русских послов письменную гарантию, подтверждающую их сословные владельческие права.

12 января к В. Бутурлину явилась довольно многочисленная группа старшин, во главе с войсковым писарем И. Выговским, судьей С. Богдановичем-Зарудным, переяславским полковником П. Тетерей и миргородским — С. Сахновичем. Старшины заявили послам, что раз те отказались 8 января присягать от имени царя, хотя они «от его царского величества присланы с полною мочью», то пусть хотя бы теперь дадут им «письмо за своими [послов.— В. Г.] руками, чтоб вольностям их, правом и маетностям быть по-прежнему». Это, как совершенно недвусмысленно объяснили старшины, необходимо для обеспечения их владельческих прав — «чтобы всякому полковнику было что показать, приехав в свой полк»<sup>2</sup>. Свое требование старшина подкрепила даже угрозой: «А будет они [послы] им [старшинам] такова письма не дадут, и столником де и дворяном в города ехать [принимать присягу от населения.— В. Г.] не для чего, для того, что всем людям в городех будет в сумнение». Однако эта угроза не испугала послов. Они решительно отклонили просьбу старшин, но вместе с тем заверили, что «маетностей ваших отнять государь не велит». Одновременно Бутурлин сделал выговор старшине: «то дело нестаточное,— сказал он,— что нам дати вам письмо ...да и вам о том говорить непристойно»<sup>3</sup>. Старшина была вынуждена уйти ни с чем. Но тем дело не кончилось.

<sup>1</sup> Акты ЮЗР, т. X, стр. 243.

<sup>2</sup> Там же, стр. 246.

<sup>3</sup> Там же, стр. 246—247.

Вслед за старшиной к Бутурлину явились представители украинского шляхетства во главе с Евстафием Выговским, отцом войскового писаря. Шляхта также торопилась закрепить за собой сословные привилегии, владельческие права и места в административно-судебном аппарате власти в крае. Она требовала, «чтоб шляхта была меж казаков знатна и судилась бы по своим правам, и маестностям за ними быть по прежнему». При этом шляхтичи предъявили Бутурлину составленный ими список распределения должностей, в котором «воеводства и уряды себе росписали». Как и старшине, Бутурлин ответил шляхте отказом. Он поставил шляхтичам на вид, «что они то делают непристойным обычаем», и заявил, что доведет до сведения гетмана о их поступке, причем подчеркнул, что даже гетман не обращался к царю с подобными просьбами. Шляхта, не ожидавшая, видимо, такого оборота дела, стала умолять Бутурлина ничего не говорить об этом Хмельницкому. «И шляхта,— читаем в отчете Бутурлина,— била челом, чтобы гетману про то не сказывать: мы де так писали от своей мысли, а не по гетманскому приказу».

13 января Б. Хмельницкий приехал проститься с Бутурлиным и вручить ему письмо на имя царя. Гетман писал, что воссоединением Украины с Россией осуществлены, наконец, вековые чаяния украинского народа: сбылось то, «чего от веку ждали есмо»<sup>1</sup>.

17 января состоялась присяга киевлян. В этот день, как доносил Бутурлин, «город Киев со всеми людьми под государеву высокую руку приняли, и сотников и ясаулов и отаманов и казаков и мещан к вере привели, что им быть под государевую высокую рукою с городами и землями навеки неотступно»<sup>2</sup>. К этому же примерно времени было закончено принятие присяги всего украинского населения и тем самым был завершен великий акт воссоединения Украины с Россией.

Большую роль в подготовке этого акта, как и во всей освободительной войне, сыграла украинская и русская дипломатия.

Успехи украинской дипломатии, руководимой выдающимся государственным деятелем Б. Хмельницким, объясняются прежде всего тем, что освободительная война 1648—1654 гг. была войной справедливой, объединявшей на борьбу с панской Польшей все силы украинского народа.

Крупная роль в освободительной войне принадлежала русской дипломатии, которая оказала поддержку украинскому народу на всех этапах его героической борьбы против панской Польши. Постоянный дипломатический нажим, оказываемый на правительство Речи Посполитой, заставлял его держать наготове значительные военные силы, которые при других условиях

<sup>1</sup> Акты ЮЗР, т. X, стр. 261—262.

<sup>2</sup> Там же, стр. 255.

могли быть брошены против Украины. Многосторонняя помощь, в том числе и дипломатическая, оказанная Русским государством и русским народом украинскому народу, облегчила его борьбу против панской Польши, уменьшила страдания и жертвы, связанные с этой борьбой, способствовала широкому размаху и выдающимся успехам народно-освободительного движения на Украине.

Воссоединение Украины с Россией, несмотря на то, что во главе России стояли тогда царь и помещики, имело огромное прогрессивное значение для дальнейшего политического, экономического и культурного развития украинского и русского народов<sup>1</sup>. Россия середины XVII века была одним из могущественных государств мира, державою централизованной, успешно отражавшей попытки агрессоров превратить ее в зависимую страну. В таких условиях производительные силы Украины получали больший простор для своего развития.

После Переяславской Рады Украина заняла в составе Русского государства положение, получившее юридическое выражение в так называемых «Статьях» Богдана Хмельницкого. 12 марта 1654 г. посланцы гетмана Богдана Хмельницкого, войсковой судья Самуил Богданович-Зарудный и переяславский полковник Павел Тетеря, от имени гетмана и Войска запорожского подали русскому правительству письмо. Последнее содержало ряд пунктов, или статей, которые гетман просил царя утвердить. После рассмотрения боярами и соответствующих коррективов эти статьи были 21 марта того же года утверждены царем. Они известны в литературе под названием «Статей» Богдана Хмельницкого. Через несколько дней, 27 марта, в дополнение к «Статьям» была издана царская жалованная грамота на имя гетмана и Войска запорожского о правах и привилегиях.

Основное содержание этих документов следующее. За Войском Запорожским сохранялось право выбора гетмана (каждый новый гетман должен был принести присягу царю), а также привилегии, полученные от польских королей: сословный суд, право земельной собственности и передачи последней по наследству и т. д.<sup>2</sup>. Численность казачьего войска устанавливалась в 60000 человек. Жалованье, однако, было назначено только высшей старшине, при этом «ис тамошних доходов», а гетман получал «на булаву» Чигиринское староство. Что же касается казаков, то им обещалось назначить жалование после того, как царские чиновники определят примерную сумму налоговых

<sup>1</sup> Тезисы о 300-летию воссоединения Украины с Россией.

<sup>2</sup> Воссоединение Украины с Россией, т. III, док. 245, стр. 562. На просьбу гетмана выдать грамоты — «одну на вольности казатцкие, а другую на вольности шляхетцкие за своими государскими [вислыми] печатями» — последовала резолюция: «Царское величество пожаловал свои государские грамоты на вольности их казатцкие и шляхетцкие за своими государскими печатями, дать им велел». Но затем этот пункт был изъят из «Статей» с указанием на то, что об этом будут специальные грамоты.



поступлений с местного населения в государеву казну. Подати должны были собираться местными властями и передаваться царским сборщикам. За украинскими городами, пользовавшимися самоуправлением, сохранялись их права. Наконец, гетману разрешалось принимать и отпускать послов из всех государств, за исключением Польши и Турции, при условии, что они прибыли «о добрых делех». О содержании посольских дел гетман должен был немедленно извещать царя.

Таким образом, после воссоединения и принесения присяги царь, олицетворявший верховную власть, предоставил Украине политическую автономию. Следует иметь при этом в виду, что правом на самоуправление в Русском государстве пользовались в это время и некоторые другие области, прежде всего казацьи. Предоставляя Украине автономию, царское правительство должно было считаться с конкретной политической обстановкой, со сложившимися тут в ходе освободительной войны порядками. Подобными широкими правами на самоуправление, надо сказать, Украина в составе Речи Посполитой никогда не пользовалась. При этом, однако, нельзя забывать, что основные выгоды от автономии, естественно, получили казацкая старшина и украинское шляхетство, так как она официально закрепляла за ними положение господствующего класса на Украине.

Основным производительным классом украинского общества было закрепощенное крестьянство, являвшееся главной движущей силой освободительной войны. Крестьянство боролось за полное уничтожение феодально-крепостнического гнета. Однако чаяния украинского крестьянства, несмотря на понесенные им неисчислимые жертвы, не были осуществлены и после Переяславской Рады. Русское самодержавное правительство, защищавшее интересы класса феодалов, не собиралось освободить украинское крестьянство от власти помещиков, уничтожить крепостнические порядки на Украине, а, наоборот, стремилось укрепить их. Царское правительство вскорости после Переяславской Рады подтвердило за украинской шляхтой все ее сословные привилегии. Жалованная грамота царя, изданная 27 марта 1654 г., гласила: «шляхте, которые пребывают в нашей царского величества отчизне в Малой Росии, велели ... по прежним их правам и привилеям [быть.— В. Г.], каковы даны им... от королей польских; а волностей их шляхетцких ни в чем нарушати не велим, и старших им себе на уряды судовые... выбирати меж себя самим, и маестностям своими владеть поволили»<sup>1</sup>.

Более того, по просьбе отдельных представителей украинского шляхетства из числа казацкой старшины русское правительство стало выдавать им жалованные грамоты на имения с присвоением владельцу всех феодальных прав.

Однако старшина еще сравнительно долгое время после

<sup>1</sup> Акты ЮЗР, т. X, стр. 495.

воссоединения не могла реализовать прав, зафиксированных в царских грамотах. В этом отношении можно считать весьма характерным следующий случай. В 1657 г. П. Тетеря, вновь посетивший Москву в качестве гетманского посланца, привез с собой целый ворох челобитий от Выговских. И. Выговский просил дать ему, взамен пожалованных на Украине, имения в Белоруссии. Русское правительство, однако, отказало в этой просьбе, заявив, что «государь пожаловал его, писаря, и отца его и братью большими городами и маестностями, и им из того мочно жить без нужды»<sup>1</sup>. Но Тетеря упорствовал. Он жаловался, что лица, получившие от царя грамоты на владение землями и крестьянами не только не могут ими пользоваться, но боятся даже объявить об этом в виду той опасности, которой они подверглись бы со стороны крестьян и казаков. «Хотя,— заявил Тетеря,— царское величество его, писаря, и отца его, и братью и пожаловал, только де они тем ничем не владеют, опасаясь от Войска Запорожского». Более того, узнав о намерении правительства послать на Украину ближнего боярина князя Трубецкого с поручением ввести во владение тех, кому были выданы царские грамоты, Тетеря стал умолять не делать этого, ибо если казаки узнают, что старшина выпрашивает себе у царя грамоты на владение крепостными, то собственникам этих грамот не миновать смерти. «И Павел Тетеря говорил,— читаем в документе,— чтобы де царское величество в войско ни про что про то, чем кто от его царского величества пожалован, *объявляти не велел, потому что про то и гетман Богдан Хмельницкий не ведал; а только де в войске про то сведает, что он, писарь, с товарищи упросил себе у царского величества такие великие маестности, и их де всех тотчас побыют*»<sup>2</sup>. Сам Тетеря, по его собственным словам, опасаясь казаков, вынужден был зарыть жалованную грамоту в землю, где она и сгнила.

Такое несоответствие правовых норм, установленных царскими грамотами, реальному положению вещей можно объяснить, как это отмечалось выше, только тем, что в результате освободительной войны огромная часть украинского крестьянства считала себя казаками, т. е. свободными от феодальной зависимости. Последнее обстоятельство было хорошо известно русскому правительству. Еще 4 февраля 1649 г. в записке, поданной С. Мужилевским царю, в связи с характеристикой положения на Украине, говорилось: «А посольство [крестьянство.— В. Г.] ... в казачество все поворотилось ... и как на сей стороне, так и на той Днестра панов своих... побили»<sup>3</sup>. В 1650 г. посол В. Унковский, сообщая о численности войск Хмельницкого, заметил, что все население считало себя казаками<sup>4</sup>.

<sup>1</sup> Акты ЮЗР, т. XI, стр. 717—720.

<sup>2</sup> Там же, стр. 774—775. — *Курсив наш.*

<sup>3</sup> «Киевская Старина» август 1887, стр. 723.

<sup>4</sup> Акты ЮЗР, т. VIII, стр. 33. Статейный список В. Унковского.

После Переяславской Рады при приведении населения г. Стародуба к присяге ни один из жителей не объявил себя мещанином: все назвали казаками<sup>1</sup>. В начале 1654 г. настоятель Максаковского монастыря (Нежинский полк) жаловался членам посольства Бутурлина, что хотя села Ядутово, Высокое и Холмы принадлежат монастырю, но крестьяне этих сел считают себя казаками и «оброков им не дают и всякие работы монастырю не работают и ни в чем их не слушают. А сколько в тех селах мещан [жителей.— В. Г.] не ведают, потому что теми мещанами не владеют»<sup>2</sup>. Несколько позднее, в июле 1654 г., русское правительство направило на Украину дворянина Петра Протасьева с жалованьем для реестрового войска: Оказалось, однако, что никакого казацкого реестра нет и составить его нельзя, так как все крестьяне считают себя казаками, по первому зову выступают на войну против Польши и ограничение реестра 60-ю тысячами человек вызвало бы бурю негодования с их стороны. В связи с этим Протасьев доносил в Москву: «и прирадили [постановили.— В. Г.] де гетман и полковники так, что такой розписи [реестра.— В. Г.] ныне учинить на шестьдесят тысяч никакими обычаями не умеет, потому: ныне де, государь, они, козаки, собрались против твоего государева неприятеля большим сбором, *кто был и не козак, и той ныне козак, а все де они стаяются в равенстве козаками*»<sup>3</sup>. Протасьев был вынужден отказаться от раздачи жалованья.

В крестьянском вопросе на Украине, надо сказать, русское правительство проявило умение считаться с той реальной обстановкой, которая сложилась тут в ходе освободительной войны. Оно учло своеобразие этой обстановки и поэтому не пошло сразу навстречу желаниям украинских феодалов и не предпринимало, хотя бы на первых порах, реальных мер для восстановления их владельческих прав. Тем самым положение крестьянства Украины было несколько облегчено. Достаточно сказать, что не только при Богдане Хмельницком, но некоторое время и после его смерти на Украине не существовало резкого разграничения между казаками и крестьянами: 60-тысячный реестр так и не был составлен. Стольник Кикин, побывавший на Украине вскорости после смерти Богдана Хмельницкого, в связи с избранием нового гетмана, доносил, что в вопросе о реестре тут существует полная неопределенность. На вопросы Кикина, обращенные к казакам, известно ли им, каков размер реестра и сколько положено казакам царского жалованья, те отвечали, что об этом они «не ведают и по ся мест». Когда же Кикин спросил, сколько казаков вообще на Украине,

<sup>1</sup> Акты ЮЗР, т. X, стр. 298.

<sup>2</sup> Там же, стр. 822—823.

<sup>3</sup> Там же, стр. 694. — *Курсив наш.*

ему ответили: «А нас, козаков, в Войску Запорожском и ныне есть триста тысяч»(!)<sup>1</sup>.

Даже впоследствии, после составления еще небывалого на Украине большого по численности 60-тысячного реестра, от зависимости избавилась значительная часть крестьян. Кроме вписываемых в реестр, от крепостнической неволи освобождались «подпомощники», «подсосудки» и «наймиты», приписываемые к реестровому казаку, а также их семьи. В результате этого еще в конце XVII века число казаков, а в XVIII т. н. «ищущих казачества» было сравнительно велико. Любопытно в этой связи следующее свидетельство современника, запорожского казака Власа Шульги. В 70-х годах XVIII в. запороженский левобережным помещиком, бригадиром П. Д. Апостолом, Шульга убежал от него в Сечь и стал запорожским казаком. В марте 1775 г. он обратился к своему бывшему помещику с письмом, в котором указывал на то, что еще в недавние времена (т. е. после освободительной войны) на Украине было больше казаков, чем крестьян. «Да притом,— писал Шульга Апостолу,— давно уже ваша вельможность в приказной должности состоите, извольте перечитать журналы предков ваших<sup>2</sup> и наших бывших гетманов: коего больше было числа — козачьего и [ли] посполитых?»<sup>3</sup>.

Опасением обострить антифеодальную борьбу на Украине было вызвано и распоряжение правительства, запрещавшее выдавать русским помещикам тех великорусских крестьян, которые до или во время освободительной войны бежали на Украину. «А которые [русские крестьяне.— В. Г.],— значится в инструкции правительства от февраля 1654 г. киевскому воеводе Куракину,— до приймакия [до Переяславской Рады 1654 г.— В. Г.]... перешли в черкасскую сторону, и тех челобитчиком отдавать не велеть»<sup>4</sup>. Тому же Куракину предписывалось принимать беглецов из той части Украины, которая оставалась под польским владычеством, наделять их землями и предоставлять им льготы от податей и повинностей<sup>5</sup>.

Заметно изменилось положение украинских городов, мещанства. Были сняты наложенные феодальной Польшей оковы, которые стесняли их развитие, тормозили рост ремесла и торговли. Включение украинских городов в систему всероссийского рынка способствовало их росту и социальной дифференциации населения.

Переход Украины под власть России положил конец своему волю магнатов, тем разорительным для народа шляхетским

<sup>1</sup> Акты ЮЗР, т. XI, стр. 806.

<sup>2</sup> Отец П. Д. Апостола был гетманом.

<sup>3</sup> ЦГИА УССР, ф. КЗС, д. 272, лл. 196—198.

<sup>4</sup> Акты ЮЗР, т. X, стр. 367.

<sup>5</sup> Там же, стр. 367: «велети тем литовским крестьянам на вечное житье строитца в Киеве и Киевском уезде, где кто похочет... А льготы им во всяких податех давати по рассмотрению, на сколько лет пригоже».

распря, которыми стяжала себе печальную славу Речь Посполитая. В результате всего этого феодально-крепостнический гнет на Украине был на время ослаблен, а это имело большое значение для дальнейшего роста производительных сил страны, ее хозяйственного и политического развития.

Уничтожение власти панской Польши на Украине способствовало постепенному превращению украинской народности в нацию. Воссоединение Украины с Россией содействовало дальнейшему развитию украинской культуры.

Воссоединение Украины с Россией ослабило угрозу хищнических набегов крымских татар и турок, висевшую над украинским народом в течение многих столетий. В то же время оно укрепило обороноспособность Русского государства, увеличило силы двух братских народов для совместной борьбы против польской и турецкой агрессии. Воссоединение подготовило условия для решения в будущем важных исторических задач: освобождения из-под власти Польши и Турции коренных русских, украинских и белорусских земель — берегов Черного и Азовского морей, Правобережной Украины, Белоруссии и т. д.

Вместе с тем, однако, нельзя забывать, что Украина вошла в состав Русского феодального государства, угнетавшего все подвластные ему народы, в том числе и русский народ. Господствующие эксплуататорские классы России — крепостники, а затем буржуазия — беспощадно угнетали трудящиеся массы нашей страны, искусственно разжигали национальную рознь и вражду. В гнусной политике натравливания одного народа на другой русскому царизму помогали украинские помещики и капиталисты и их верные слуги — украинские буржуазные националисты.

Вопреки реакционной политике царизма лучшие сыны русского народа признавали право Украины на национальную независимость и вместе с передовыми деятелями украинского народа боролись против позорной политики натравливания народов России друг на друга.

Со времени своего воссоединения с великим русским народом украинский народ прошел великую школу совместной борьбы против эксплуататоров и поработителей разных мастей. В этой героической борьбе двух братских народов выковывалась и закалялась их кровная нерушимая дружба.

Вот уже больше трехсот лет украинский и русский народы идут рука об руку общим путем исторического развития. Под руководством своего старшего брата великого русского народа украинский народ вместе с другими народами нашей страны совершили Великую Октябрьскую социалистическую революцию. Впервые в истории человечества под предводительством Комму-

нистической партии народы нашей страны уничтожили эксплуатацию человека человеком и построили новое, социалистическое общество.

Великая Октябрьская социалистическая революция открыла путь к возрождению украинского народа, впервые создавшего свое собственное суверенное социалистическое государство. Благодаря мудрой национальной политике Коммунистической партии украинские земли, захваченные иноземными поработителями, были воссоединены в едином Украинском Советском государстве, составной и неотъемлемой части великого Советского Союза.

Нерушимая дружба народов нашей страны является залогом процветания нашего многонационального Советского государства, залогом успеха в борьбе за коммунизм.

## СОДЕРЖАНИЕ

ИСТОРИОГРАФИЧЕСКОЕ ВСТУПЛЕНИЕ . . . . . стр. 3—33

Дипломатическая история освободительной войны в сочинениях украинских старшинских летописцев XVII—XVIII в.— Самовидца, Г. Грабянки, С. Величко, автора «Истории русов» и украинской дворянской историографии первой половины XIX в. (Д. Вантыш-Каменский, Н. Маркевич).

А. Радищев. Русские и украинские революционеры-демократы (А. Герцен, В. Белинский, Н. Чернышевский, Н. Добролюбов, Т. Шевченко, И. Франко, П. Гравовский) об освободительной войне украинского народа.

Критика украинской буржуазно националистической историографии XIX — нач. XX в. (Н. Костомаров, П. Кулиш, В. Антонович, М. Грушевский) Взгляды М. Максимовича. Обзор польской националистической историографии (К. Шайнока, А. Яблоновский, Ф. Равита-Гавронский, Л. Кубалья) и великорусской (С. Соловьев, Г. Карпов, В. Ключевский, И. Каманин).

Разбор современной зарубежной историографии освободительной войны (Д. Доррошенко, А. Яковлев, Ю. Вернадский, К. Меннинг, С. Хэркейв, Д. Одинец, Н. Андреев, В. Аллен, Г. фон Раух).

Советская историография освободительной войны украинского народа 1648—1654 гг.— новый этап в изучении проблемы.

Обзор источников.

### Глава I

ВНУТРЕННЕЕ И МЕЖДУНАРОДНОЕ ПОЛОЖЕНИЕ УКРАИНЫ ПКАК-  
НУНЕ ОСВОБОДИТЕЛЬНОЙ ВОЙНЫ 1648—1654 гг. . . . . стр. 35—97.

Характеристика экономического и политического положения Западной Европы в XV — I-ой пол. XVII вв. Начало разложения феодально-крепостнической системы и зарождение буржуазных отношений. Рост антифеодального, национально освободительного и реформационного движения. Разгул крепостнической реакции и католической контрреформации. Первые буржуазные революции и их историческое значение. Образование двух коалиций держав: габсбургской и антигабсбургской.

Особенности социально-экономического развития стран Восточной Европы. Захват Польшей и Литвой украинских земель. Люблинская и Брестская уния. Политический строй Польского государства. Втягивание феодального хозяйства в рыночные связи. Усиление крепостнического и национального гнета. Положение крестьян. Социальное расслоение крестьянства. Расширение применения наемного труда. Бегство крестьян и колонизация окраин. Возникновение казачества и Запорожской Сечи. Организация Польшей реестрового казачества и его положение. Развитие городов, ремесла, торговли, зачатки мануфактуры. Положение городского населения.

Крестьянско-казачьи восстания на Украине в XVI—XVII вв. Стремление украинского народа к воссоединению с Россией. Первые политические сношения Украины с Россией. Экономическое развитие России. Особенности положения окраинных областей России. Русское казачество. Слабое развитие феодальных отношений на окраинах России. Взаимоотношения правительства с казачеством. Право казачьих областей на самоуправление и невыдачу беглых. Совместная борьба запорожского и донского казачества против социального и национального гнета. Массовое переселение украинцев в Россию. Заселение Слободской Украины и положение слободского населения. Отношение русского правительства к переселенцам. Экономические и культурные связи Украины с Россией.

Польско-шведская интервенция в Россию в начале XVII в. Деулинское перемирие. Захват панской Польшей русских земель. Тридцатилетняя война. Польша на стороне габсбургской коалиции. Поддержка Россией антигабсбургской коалиции. Подготовка России к войне против Польши. Проект русско-шведского союза и требование России о передаче ей белорусских и украинских земель. Смоленская

война и Поляновский мир 1634 г Поддержка Россией освободительного движения на Украине. Стремление передовых кругов Польши к объединению с Россией.

Обострение политического положения в Польше в 40-х годах XVII в. Политика королевской власти по усилению централизации государства. Стремление разгромить магнатскую олигархию и ослабить зависимость страны от Габсбургов и Ватикана. Проект союза с Венецией и использования украинских казаков. Переговоры Владислава IV с казацкими старшинами. Роль Б. Хмельницкого в переговорах. Королевские привилегии на право набора «хочегого» казацкого войска для войны против Турции. Протест магнатов Восточной Украины и Литвы. Сеймовые постановления против короля. Раскол в среде казацкой старшины.

Деятельность Б. Хмельницкого и его сторонников в период подготовки войны против Турции. Использование королевских привилегий для набора казаков. Подготовка восстания против панской Польши. Преследование Б. Хмельницкого местными польскими властями. Наезд га хутор Субботов. Поездка Хмельницкого в Варшаву и возвращение на родину. Приезд канцлера Ю. Оссолинского на Украину. Советские в роде и его значение.

## Глава II

НАЧАЛО ОСВОБОДИТЕЛЬНОЙ ВОЙНЫ УКРАИНСКОГО НАРОДА стр. 99—123

Арест Б. Хмельницкого и его бегство на Запорожье. Подготовка к восстанию на Запорожье. Попытка казаков заключить договор с Крымом. Восстание на Запорожье — начало освободительной войны Универсалы Б. Хмельницкого к украинскому народу. Бегство крестьян, казаков и мещан на Запорожье. Реакция польских властей. Переговоры Б. Хмельницкого в Бахчисарае. Причины, побудившие хана вступить в союз с казаками. Приготовление на Запорожье к походу против Польши. Рада в Сечи 19 апреля 1648 г. Заблуждение Владислава IV относительно истинных целей восстания на Запорожье. Выступление запорожцев в поход 22 апреля. Распоряжения коронного гетмана Н. Потоцкого. Движение коронного войска в направлении Запорожья. Переход реестровых казаков на сторону повстанцев. Разгром польского авангарда при Желтых Водах 6 мая. Поражение главных польских сил 16 мая под Корсунем. Развертывание народно-освободительного движения на Украине. Общепольский характер освободительной войны. Антифеодальные выступления польских крестьян. Тревога в среде польского господствующего класса.

Белоцерковское перемирие в июле 1648 г. Народно-освободительная борьба во время перемирия и отношение к ней Б. Хмельницкого. Крестьянское движение на Правобережье под руководством М. Кривоноса. Противоречия в среде господствующего класса Польши и стремление Б. Хмельницкого углубить их. Постановление июльского сейма 1648 г. Обращение Ю. Оссолинского за помощью к Франции. Попытки Б. Хмельницкого удержать от выступления в союзе с Польшей литовских феодалов.

## Глава III

ОБРАЩЕНИЕ Б. ХМЕЛЬНИЦКОГО К РУССКОМУ ПРАВИТЕЛЬСТВУ С ПРОСЬБОЙ О ВОССОЕДИНИИ УКРАИНЫ С РОССИЕЙ.  
ПЕРЕМИРИЕ ПОД ЗАМОСТЬЕМ . . . . . стр. 125—141

Корсунская рада от мая 1648 г. и ее решение о воссоединении Украины с Россией. Письмо гетмана Б. Хмельницкого царю от 8 июня 1648 г. Провокации польских магнатов на Правобережье. Возобновление военных действий. Разгром панского войска под Пилявцами. Новый подъем освободительного движения на Украине. Осада украинским войском Львова и Замостья. Рост антифеодальной борьбы народных масс в Западной Украине, Белоруссии и Центральной Польше.

Избирательная борьба в Польше. Обострение противоречий в среде польского господствующего класса. Использование этих противоречий Б. Хмельницким и старшиной. Вмешательство в избирательную борьбу иностранных держав — Франции, Швеции, Австрии и др. Позиция России. Расстановка политических сил на сейме. Тактика Б. Хмельницкого. Поражение магнатов, избрание Яна Казимира и его предложения о мире. Условия украинской стороны. Перемирие под Замостьем. Тактика буржуазной историографии в вопросе о тактике Б. Хмельницкого осенью 1648 г.

## Глава IV

УКРАИНСКО-РУССКИЕ ПЕРЕГОВОРЫ В НАЧАЛЕ 1649 г стр. 143—163

Прибытие Б. Хмельницкого в Киев. Отправка послов — полковника С. Мужилевского и патриарха Пансия в Москву. Переговоры в Посольском приказе о воссоединении Украины и оказании ей военно-дипломатической помощи. Внешнеполитическое положение России. Первые известия о восстании на Украине под руководством Б. Хмельницкого. Противоречивый характер сведений, поступивших в Москву. Отношение русского правительства к событиям на Украине. Влияние антифеодального движения на Украине на крестьянство России. Восстание 1 июня 1648 г. в Москве. Смена правительства Б. И. Морозова. Приход к власти боярской оппозиции. Недовольство дворянства. Рост антифеодальной борьбы в стране. Возвращение Б. И. Морозова к власти. Соборное Уложение 1649 г. Усиление диктатуры



крепостников. Отношения России со Швецией. Прием царем Паисия и Мужилковского. Посольство В. Михайлова к Б. Хмельницкому — официальный акт признания Украины Россией.

## Глава V

ДИПЛОМАТИЧЕСКИЕ ОТНОШЕНИЯ С ДРУГИМИ ГОСУДАРСТВАМИ. ДАЛЬНЕЙШЕЕ УКРЕПЛЕНИЕ УКРАИНСКО-РУССКИХ СВЯЗЕЙ . . . . . стр. 165—192.

Переговоры с польскими комиссарами (А. Киселем) в Переяславе в феврале 1649 г. Неудача переговоров. Заговор польского правительства против Хмельницкого. Провал заговора.

Начало складывания украинской государственности. Административно-территориальный аппарат власти. Политика гетмана по отношению к крестьянству. Организация войска, финансов, разведки. Рост международного авторитета Украины и создание дипломатического аппарата. Послание О. Кромвеля Хмельницкому. Переговоры Украины с Семиградьем и Турцией. Тяжелое внутреннее и внешнее положение Турции и заключение украинско-турецкого договора.

Сношения между Украиной и Россией в начале 1649 г. Прибытие посла Г. Унковского на Украину. Переговоры Унковского с Б. Хмельницким. Экономическая помощь России Украине. Стремление украинских народных масс к воссоединению с Россией. Надежды на освобождение от крепостничества. Переход русских крестьян, казаков и горожан на Украину и участие их в освободительной войне. Отношение к этому царского правительства. Военная и дипломатическая помощь России Украине. Политика России в отношении украинских переселенцев. Краткий вывод о значении русской помощи для Украины.

## Глава VI

НОВЫЙ ПОДЪЕМ ОСВОБОДИТЕЛЬНОЙ ВОЙНЫ. ЗБОРОВСКИЙ ТРАКТАТ 1649 г. . . . . стр. 194—211.

Подготовка к возобновлению войны в Польше. Противоречия между магнатами и сторонниками усиления королевской власти. Назначение Фирлея и Лянцкоронского командующими коронным войском. Обращение И. Вишневецкого к шляхте. Подготовка к войне на Украине. Посольство полковника Ф. Вещняка в Москву. Стремление народных масс Украины перейти в случае поражения в Россию. Представление русским правительством права убежища украинцам. Призыв Б. Хмельницким на помощь Ислам Гирея и Темир бей. Возобновление военных действий. Энтузиазм украинского народа. Осада Фирлея и Лянцкоронского в Збараже. Сбор посполитого рушения. Движение главных польских сил. Тактика Яна Казимира по отношению к осажденным в Збараже магнатам. Объявление Хмельницкого низложенным и провозглашение гетманом изменника Забуского. Битва под Зборовом. Смятение в польском войске. Письмо Яна Казимира к Ислам Гирею с предложением мира. Измена Ислам Гирея и заключение договора с Яном Казимиром. Угрозы Ислам Гирея Хмельницкому. Переговоры Яна Казимира с Б. Хмельницким. Условия, предъявленные украинской стороной. Зборовский договор и его оценка. Опустошение татарами Украины. Официальные реляции польского правительства о Зборовском мире. Отзыв Гр. Кунакова о поведении польской шляхты под Зборовом. Реакция Ватикана и других западноевропейских держав на Зборовский трактат. Недовольство магнатов Зборовским договором. Углубление противоречий в среде господствующего класса Польши.

## Глава VII

ВНУТРЕННЕЕ И МЕЖДУНАРОДНОЕ ПОЛОЖЕНИЕ УКРАИНЫ ПОСЛЕ ЗАКЛЮЧЕНИЯ ЗБОРОВСКОГО МИРА . . . . . стр. 213—239.

Отражение кампании 1649 г. и Зборовского трактата в сообщениях русских пограничных властей. Прибытие посла Г. Неронова на Украину. Посольство Д. Чеклинского в Москве, отказ русского правительства подтвердить Поляновский мир с Польшей. Посольство Неронова в Чигирин. Проект Б. Хмельницкого о совместной с Россией и Крымом войне против Турции как средство для ускорения решения вопроса о воссоединении Украины. Стремление России получить подробные сведения о Польше — миссия Гр. Кунакова в Варшаве. Кунаков о внутреннем и международном положении Польши. Впечатление в Польше в связи с отказом России подтвердить Поляновский мир. Яварский сейм 1650 г. в Варшаве и вопрос об утверждении Зборовского договора.

Положение на Украине. Изменения в социальных отношениях на Украине в ходе войны: ослабление феодально-крепостнического гнета. Массовое показаченье крестьянства. Отказ крестьян подчиняться панам. Разногласия среди старшины в крестьянском вопросе. Социальная политика Б. Хмельницкого, его отношение к крестьянству. Составление реестра и его действительная численность. Охрана гетманским управлением феодальных прав украинской шляхты и православных монастырей. Недовольство народных масс. Крестьянские восстания на Украине. Подавление восставшей гетманской администрации. Возобновление провокационных действий магнатов у пограничья. Вторжение панских отрядов на Гетманщину и бесчинства панов.

## Глава VIII

УКРАИНСКАЯ ДИПЛОМАТИЯ В ПЕРИОД ПОДГОТОВКИ ПАНСКОЙ ПОЛЬШИ К ВОЗОБНОВЛЕНИЮ ВОЙНЫ ПРОТИВ УКРАИНЫ . . . . . стр. 241—266

Торжество феодально-католической реакции в панской Польше и усиление подготовки к новой войне против Украины. Прибытие русского посольства братьев Пушкиных в Варшаву Дипломатический нажим России на Польшу Усиление антифеодального движения в России в 1650 г и его последствия Появление самозванца Т. Акундинова на Украине Завершение переговоров братьев Пушкиных в Варшаве. Прибытие в Варшаву украинских послов и их сношения с Пушкиными. Прибытие венецианского посланца А. Вимины на Украину, его переговоры с Б. Хмельницким Прибытие на Украину турецкого посла Османа аги и отправка А. Ждановича в Константинополь. Поход украинского войска на Молдавию летом 1650 г.

Попытки польской дипломатии заручиться поддержкой иностранных держав в новой войне против Украины. Переговоры польских дипломатов в Вене, Венеции; Константинополе и Крыму, стремление лишить Украину поддержки России Сношения Украины с Семиградьем и их значение. Прибытие на Украину русского посла В. Унковского Переговоры с Б. Хмельницким о выдаче Т. Акундинова. Б. Хмельницкий о международном положении Украины и перспективе войны против Польши, о значении немедленного воссоединения Украины с Россией для народов обеих стран.

## Глава IX

БИТВА ПОД БЕРЕСТЕЧКОМ. БЕЛОЦЕРКОВСКИЙ МИР 1651 г . . . . . стр. 268—301.

Роль магнатской олигархии и католической церкви в подготовке новой войны против Украины Вальный сейм 1650 г. в Варшаве и противоречия на нем. Утверждение сеймом налога для набора 54-тысячного наемного войска и предоставление королю права созыва посполитого рушения в пределах всей Польши Попытки польского правительства ввести в заблуждение Б. Хмельницкого относительно своих истинных намерений Стремление польских дипломатов вовлечь Россию в войну против Украины и дискредитировать Хмельницкого в глазах России.

Подготовка панской Польши к продолжению войны на Украине. Отправка Б. Хмельницким посольства М Суличича в Москву и просьбы о скорейшем приятии Украины под власть России Желание украинских народных масс занять в составе России положение подобно Донской и другим казачьим областям Исползование Б. Хмельницким деятелей православной церкви в целях побуждения русского правительства к скорейшему решению вопроса о воссоединении. Укрепление связей Украины с народными массами Белоруссии и Польши для совместной борьбы против польских панов

Битва под Берестечком в июне 1651 г. Восстание под руководством Костки Наперского в Польше. Поражение казаков под Берестечком. Захват литовским войском Киева. Организация Б. Хмельницким отпора врагу Отправка украинских послов С. Савича и Л. Мозыри в Москву для ускорения решения вопроса о воссоединении. Обращение к донским казакам. Народный подъем на Украине. Бой под Белой Церковью. Белоцерковский мир от сентября 1651 г. и его оценка.

Позиция русского правительства в конце 1650 начале 1651 г., в период подготовки магнатской олигархией новой войны против Украины. Намерение русского правительства принять Украину и объявить войну Польше Отправка посла Л. Лопухина к Б. Хмельницкому. Земский Собор 19 февраля 1651 г. и его решение о принятии Украины Обстановка в России после Собора. Получение известия о переходе татар на сторону Польши и поражении казаков под Берестечком Распоряжение русского правительства о приеме украинских переселенцев. Экономическая и военная помощь России Украине. Поход И. Шохова через Россию в Белоруссию и его значение для Украины.

## Глава X

УКРАИНСКАЯ ДИПЛОМАТИЯ НАКАНУНЕ И ПОСЛЕ БИТВЫ ПОД БАТОГОМ . . . . . стр. 303—333

Новый подъем освободительного движения на Украине после Белоцерковского мира Внутренняя политика гетмана и его тактика в этот период Переселение украинцев в Россию. Протест польского правительства и ответ России. Уход русских на Украину для участия в освободительной войне. Прибытие русского посла В. Унковского на Украину и казацкого полковника И. Искры в Москву. Просьбы гетмана о скорейшем решении вопроса о воссоединении. Попытки польской дипломатии вбить клин между Россией и Украиной.

Возобладание королевской группировки в Польше. Январский сейм 1652 г. и противоречия на нем Срыв сейма. Пребывание русских послов А. Прончищева, А. Иванова и украинских посланцев в Варшаве и контакты между ними. Рост угрозы для Украины со стороны польских панов. Переход молдавского господаря В. Лупула на сторону Польши. Поход казацкого войска на Молдавию Битва под Батогом и разгром польского коронного войска. Паника в Польше Усиление подготовки к войне против Украины. Королевские универсалы. Чрезвычайный июль-

ский сейм 1652 г. Мобилизация сил Речи Посполитой. Стремление польского правительства перетянуть на свою сторону Россию и Крым.

Разруха, голод и моровое поветрие на Украине. Использование Б. Хмельником деятелей церкви и др. лиц для воздействия на русское правительство в целях немедленного решения вопроса о воссоединении Украины. Миссия митрополита Гавриила Украинский посол С. Богданович-Зарудный в Москве

Мартовский сейм 1653 г. и его решение о войне против Украины. Переговоры Польши с Австрией Вторжение польского войска во главе с С. Чарнецким на Подолью и Брацлавщину. Отправка Б. Хмельником К. Бурляя и С. Мужилковского в Москву и настояния гетмана о незамедлительном решении вопроса о воссоединении.

Решение царской думы о воссоединении Украины и отправка боярина А. Матвеева к Б. Хмельницкому. Поход украинского войска на запад. Обострение положения в Молдавии Получение Б. Хмельником официального извещения царя о решении принять Украину. Затягивание переговоров с русскими послами Б. Репниным и Б. Хитрово в Польше. Поход польского войска во главе с королем на Украину. Отправка украинского посла Г. Яцковича в Москву. Русский гонец И. Фомин у гетмана Выступление в поход Б. Хмельницкого. Прибытие в сентябре 1653 г. русских послов Р. Стрешнева и М. Бредихина на Украину. Предложение царя гетману воздержаться от военных действий до весны 1654 г. Возобновление войны на Украине. Решение русского правительства ускорить воссоединение Украины.

## Глава XI

### ПЕРЕЯСЛАВСКАЯ РАДА 1654 г. И ВОССОЕДИНЕНИЕ УКРАИНЫ С РОССИЕЙ . . . . . стр. 335—355.

Положение Украины осенью 1653 г. Неудачи казаков в Молдавии Наступление польского войска. Земский Собор 1 октября 1653 г., его решение о воссоединении Украины и объявление войны Польше. Бои под Жванцем. План Б. Хмельницкого о разгроме польского войска при помощи татар. Известия о решении Земского Собора. Сговор Яна Казимира с Ислам Гиреем. Попытки короля удержать Украину от воссоединения.

Переяславская Рада 8 (18) января 1654 г. Речь Б. Хмельницкого. Решение рады о воссоединении Украины с Россией. Присяга населения. Попытки казацкой старшины и шляхетства получить гарантии от русского великого посла В. Бутурлина в том, что за ними будут сохранены все их сословные привилегии Позиция Бутурлина. Беседа Б. Хмельницкого с Бутурлиным об утверждении царем прав отдельных сословий и о увеличении численности реестрового казачества до 60 тыс. чел.

Роль украинской и русской дипломатии в освободительной войне. Историческое значение воссоединения Украины с Россией Положение украинского крестьянства, казачества и мещанства в первые десятилетия после воссоединения. Краткие выводы.

Редактор *Л. С. Некрасова*

Художественное оформление *Ю. Я. Пащенко*

Художественный редактор *Ю. С. Яхнис*

Технический редактор *В. Ф. Сергеев*

Корректор *З. А. Захарова*

---

Сдано на производство 30/III 1961 г. Подписано к печати 8/VIII 1961 г. Формат 60×92<sup>1</sup>/<sub>16</sub>. Физ.-печ. л. 22<sup>1</sup>/<sub>2</sub>. Учетно-изд. л. 24,43+2 вклейки. БФ 16775. Зак. № 264. Тираж 3700. Цена в переплете 78 коп.

---

Государственное издательство политической литературы УССР  
Киев, Владимирская, 42.

Отпечатано с матриц Книжно-журнальной фабрики Главполиграфиздата Министерства культуры СССР в Киевской областной типографии, ул. Ленина, 19.



